

К 100-ЛЕТИЮ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

1917

Движущие
силы
истории

Приближение к столетию революции 1917 года вновь поднимает вопросы о ее причинах и следствиях. Казалось бы, что здесь можно сказать нового, история русской революции уже давно и подробно описана многочисленными исследователями, и это действительно так.

Однако, несмотря на изобилие исторического и аналитического материала, понимания событий тех лет нет до сих пор. Одна из причин этого явления заключается в том, что понимание истории требует другого — естественнонаучного и системного подхода к ее изучению.

И именно этот подход использован в настоящем исследовании, объединенном в авторскую серию «К столетию Русской революции». Первая книга серии посвящена непосредственно событиям 1917 года. В. Галин известен читателям как автор научных бестселлеров: «Тенденции», «Запретная политэкономия», «Политэкономия войны», «Тупик либерализма», «Как Америка стала мировым лидером», «Последняя цивилизация. Политэкономия XXI века», «Капитал Российской империи» и др.

Сайт автора: www.Galin.biz

УДК 94(47+57)»1917»
ББК ТЗ(2)711.1
Г 15

Галин В.

Г 15 1917. Движущие силы истории / В. Галин. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 368 с. – (К 100-летию Русской революции)

ISBN 978-5-906861-68-9

Приближение к столетию революции 1917 года вновь поднимает вопросы о ее причинах и следствиях. Казалось бы, что здесь можно сказать нового, история русской революции уже давно и подробно описана многочисленными исследователями, и это действительно так. Однако, несмотря на изобилие исторического и аналитического материала, понимания событий тех лет нет до сих пор. Одна из причин этого явления заключается в том, что понимание истории требует другого — естественнонаучного и системного подхода к ее изучению. И именно этот подход использован в настоящем исследовании, объединенном в авторскую серию «К столетию Русской революции». Первая книга серии посвящена непосредственно событиям 1917 года.

В. Галин известен читателям как автор научно-популярных бестселлеров: «Тенденции», «Запретная политэкономия», «Политэкономия войны», «Тупик либерализма», «Как Америка стала мировым лидером», «Последняя цивилизация. Политэкономия XXI века», «Капитал Российской империи» и др.

**УДК 94(47+57)»1917»
ББК ТЗ(2)711.1**

ISBN 978-5-906861-68-9

© Галин В.Ю., 2016

Сайт автора: Galin.biz

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Пролог	10
За свободу и демократию	10
Война и политическая борьба	32
Февральская буржуазно-демократическая	64
Революционный огонь	96
Армия	96
Власть	136
Движущие силы истории	204
Русский путь	238
Особенная статья	238
Мозг революции	258
Большевистская этика и дух социализма	283
Послесловие	303
Ссылки и библиография	307
Сокращения	307
Ссылки	315

От автора

Первые, наиболее яркие и живые исследования, посвященные истории Русской революции, сделали ее непосредственные участники и наблюдатели, оставившие последующим поколениям огромное количество ценного фактического и аналитического материала. Однако, как признавал видный историк, современник событий ген. Н. Головин, приближение к истине в этих исследованиях было «сильно затруднено близостью произошедших событий»¹. «Для истории революции в строгом смысле слова время настанет нескоро», — отмечал один из ее лидеров, историк П. Милюков².

С тех пор прошло сто лет, сменилось три-четыре активных поколения и даже политический строй. Удаление на такое расстояние дает возможность взглянуть на историю тех лет с более объективной стороны. Правда, теперь исследователи имеют дело не с живой жизнью, а лишь с сухими историческими артефактами, разложенными по пыльным полкам архивов и библиотек, которые каждый толкователь истории трактует в зависимости от своих способностей, предпочтений и интересов. При этом последние зачастую напрямую зависят от доминирующих политических, идеологических или материальных сил. Это создает широкое поле возможностей для различных, зачастую прямо противоположных и непримиримых интерпретаций истории. Но как же свести предвзятость к минимуму?

Проблема осложняется тем, что абсолютной истины не существует — для каждого народа, класса и даже человека она своя. Мало того, истины могут меняться со временем, сегодня правы одни, а завтра другие, в результате видимые факты часто противоречат истине. Как тут быть, как свести эти разрозненные и нередко антагонистические истины к единому знаменателю?

И здесь на помощь приходят объективные законы развития, которые выстраивают все эти субъективные истины в

единый порядок вещей, несмотря на то, правы они или нет. Поэтому для понимания истории основным вопросом является изучение не столько самих фактов, сколько законов, которым они подчиняются. В данном случае, по аналогии с определением Менделеева для химии, можно сформулировать основной постулат для естественнонаучного исторического исследования: ***«Без понимания взаимодействия сил, приводящих ее в движение, история является лишь описательным источником знания»^а.***

Такой подход воскрешает давний спор идеалистов и реалистов истории, наглядным примером которого может являться дискуссия 1898–1902 годов между Г. Беловым и П. Бартом. «Немыслимо приписывать человеческому развитию неизменные законы... — утверждал Белов, — Кто становится под знаком социального идеала и идеала вообще, тот будет протестовать против парализующей идеи о закономерном развитии»³. «Как историки мы можем не останавливаться на вопросе о значении закона причинности», «естественнонаучная точка зрения в истории обуславливает настоящее опошление исторического исследования»⁴.

Против подобного подхода восставал И. Кант, который утверждал, что каждая наука основана на той фундаментальной истинности, что «нет в мире пустоты и нет перерывов, нет необусловленного и случайного». «И раз историческое описание допускает перерывы причинной цепи... — разъяснял П. Барт, — то этот метод одинаков с приемами искусства». Как следствие, «обыкновенное историческое описание вовсе не является наукой в строгом смысле»⁵. «Лучше назвать ту историю, которую имеет в виду Белов и которую дает большая часть исторических произведений, „описательной историей“, — утверждал Барт. Той историей, которая брала свое начало из сказок, мифов и легенд Древней Греции и какой во многом и осталась. В противовес ей Герbart ставил аналитическое и синтетическое, или «естественнонаучное понимание исто-

---

а Перефразируя Менделеева: «Без понятия о массах, действующих друг на друга, химия была бы лишь описательным (источником) знания».

рии»⁶. «Для мышления всегда будет недостаточно истории, как описания... — дополнял Барт, — Кто мыслит, тот хочет усмотреть постоянное... в потоке явлений... нужны не только недолговечные факты, но и общие всегда справедливые положения, с помощью которых из настоящего можно сделать выводы насчет будущего»⁷.

Естественнонаучный подход к изучению истории данного общества требует знания его предыстории, особенностей сил и законов, двигающих его развитием. И именно их исследованию посвящена книга автора *«Капитал Российской империи» — это своеобразная Азбука русской истории, экономики, политики... Без нее понимание событий российской истории XX века невозможно*. Для тех, кто профессионально или достаточно серьезно занимается данными вопросами, большой интерес будет представлять второе издание: «Капитал Российской империи 2», исправленное, но главное — значительно более расширенное и углубленное.

Настоящая серия продолжает тенденции развития России в 1917–1922 годов, но на этот раз она посвящена исследованию внешнего проявления существовавших закономерностей. Она ставит целью не поиск правых и виноватых, а просвещение по наиболее сложным периодам истории. Актуальность этого пути наглядно передавал Б. Чичерин: «В то время как нужно было соединить все силы в интересах русского просвещения, все распалось вследствие нетерпимости одного лица, которое не хотело допускать иных взглядов, кроме своих собственных, притом крайне односторонних и шатких, способных не менее славянофильства напустить туман на малообразованное общество. И это лицо в силу своего таланта и умения, одно осталось торжествующим, беспрепятственно проповедуя сперва пустословный либерализм, а затем самую крайнюю реакцию... Это явление убедило меня, что вообще журналистика имеет смысл и может принести пользу только там, где существует серьезная литература, которая служит ей основанием, пищей и сдержкой. *У нас научная литература совершенно отсутствовала, а потому о политических, исторических и философских вопросах можно было болтать все, что угодно... Теперь в России книг уже никто не*

читает... писать ученые книги в России в настоящее время — труд весьма неблагодарный, требующий значительной доли самоотвержения... привычка довольствоваться легкой журнальной болтовней делает несносным всякое напряжение мыслей, даже всякое умственное внимание. Число серьезных чтецов все более и более уменьшается. **Я давно говорю, что образованный человек в России скоро станет ископаемым животным...**»⁸

Нет, эти строки, как это может показаться, написаны не сегодня, а более века назад. Но, несмотря на то, что с тех пор образование, даже высшее и академическое, получило самое широкое распространение, ситуация почти не изменилась... И дело здесь не только в умственной лени, но и в том историческом вакууме, который возник после падения идеологических истин. В отсутствие строгой научной мысли он быстро заполнился потоком новых различных идеологических, религиозных, национальных и прочих абсолютных истин или попытками «творческого осмысления истории»...

Основная причина этого явления кроется в том, что серьезный научный подход, особенно в России, действительно требует самоотвержения. Причем порой до такой степени, что если бы достаточно многие пошли этим путем, человеческий род, наверное, уже прекратился бы. Человечество спасает только то, что люди живут интересами, используя знания лишь для их удовлетворения, поэтому знания всегда играют к интересам подчиненную роль. Однако не сдерживаемые знаниями интересы ведут к накоплению лжи и радикализованно-го догматизма, заводя общество в смертельный тупик...

* * *

Более развернутую информацию по книге, включая базы данных, указатель имен и т. п., читатель сможет найти на сайте автора: Galin.biz. Там же читатель может задать вопросы автору, ознакомиться с его новыми и прошлыми книгами, оставить свое мнение, принять участие в обсуждении «горячих тем» и в исследованиях автора, а также найти много другой полезной информации.

ПРОЛОГ

ЗА СВОБОДУ И ДЕМОКРАТИЮ

Не помогла тут ни частная телеграмма Витте... с призывом к «патриотизму» общественных деятелей, ни поддержка князя Долгорукова, считавшего, что «надо подать руку помощи Витте». Это был голос... вчерашнего дня. Так далеко большинство съезда (кадетов) идти не могло, не теряя лица.

*П. Милюков*⁹

Первая русская революция, по словам последнего дворцового коменданта В. Воейкова, началась с 6 ноября 1904 года, с даты, которую «можно считать штурмовым сигналом для активной работы общественных деятелей по захвату государственной власти, так как съехавшиеся в Москву представители земств в этот день приняли первую объединенную резолюцию с требованием политической свободы и народно-го представительства»¹⁰. Во главе движения, отмечал премьер-министр С. Витте, встала аристократия: «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, но хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним... Кто, если преимущественно не дворянство, участвовал во всех съездах, так называемых земских и городских представителей в 1904 и 1905 годах, требовавших конституцию, систематически подрывавших всякие действия царского правительства и самодержавного государя... К этому движению пристала буржуазия, и в особенности торгово-промышленная. Морозовы и другие питали революцию своими миллионами»¹¹.

В программе торгово-промышленного съезда, представлявшего богатейших промышленников России в июле 1905 года, говорилось: «Русские торговцы и промышленники, не видя в существующем государственном порядке должной га-

рантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни». Главным требованием съезда стало принятие конституционно-монархической системы правления¹². Съезд бизнес-элиты был запрещен правительством, а у его руководителей проведены обыски.

Мелкая буржуазия вместе с либеральной интеллигенцией на своем съезде Союза союзов в те же дни приняла воззвание своего лидера П. Милюкова: «Мы должны действовать, как кто умеет и может по своим политическим убеждениям... Все средства теперь законны против страшной угрозы (катастрофы), заключающейся в самом факте дальнейшего существования настоящего правительства... мы говорим: всеми силами, всеми мерами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ее место Учредительное собрание...»¹³

Радикализм общественных настроений раздувался пресой до такой степени, что, по словам Милюкова, «Витте решил, что пресса сошла с ума»¹⁴: премьер-министр «поразился необузданности прессы при существовании самого реакционного цензурного устава. Пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мере наших поражений на востоке пресса все смелела и смелела. В последние же месяцы, еще до 17 октября, она совсем разнуздалась, и не только либеральная, но и консервативная. Вся пресса обратилась в революционную, в том или другом направлении, но с тождественным мотивом «долгой подлой и бездарной правительством, или бюрократией, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»¹⁵.

«Рекорд глупой тенденциозности, — дополнял картину вл. князь Александр Михайлович, — побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или

писателе, артисте или музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно сослаться на печальный личный опыт философа В. В. Розанова, публициста М. О. Меньшикова и романиста Н. С. Лескова»¹⁶.

Революция 1905 года наглядно показала отношение общества к власти: **«Можно без всякого преувеличения сказать, — констатировал Витте, — что вся Россия пришла в смуту и что общий лозунг заключался в крике души „так дальше жить нельзя!“** — другими словами, с существующим режимом нужно покончить»¹⁷.

17 октября под давлением Витте Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В основу манифеста легли два положения: дарование законодательных прав Государственной Думе и дарование свободы слова, собраний, совести и неприкосновенности личности. Манифест обещал «принятие мер к скорейшему прекращению опасной смуты... действительное участие (Думы) в надзоре» за властями и даже привлечение к выборам в Думу классов населения, «совсем лишенных избирательных прав», а в перспективе — «дальнейшее развитие общего избирательного права вновь установленным законодательным порядком»!¹⁸

Одновременно был опубликован доклад Витте «О мерах к укреплению единства деятельности министров и главных управлений», которым, в сущности, создавался Кабинет министров. В этом докладе (с высочайшей надписью «Принять к руководству»), в частности, говорилось: «Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или только как результат организованных крайних партий... Корни того волнения залегают глубже. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. **Россия переросла форму**

существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы...»¹⁹

*«Кто создал Российскую империю так, как она была еще десять лет тому назад? Конечно, неограниченное самодержавие, — комментировал свои слова Витте. — Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской великой империи. Я знаю, что найдутся люди, которые скажут: „Может быть, но населению жилось бы лучше“. Я на это отвечаю: „Может быть, но только может быть“. Но несомненно то, что Российская империя не создалась бы при конституции, данной, например, Петром I или даже Александром I»*²⁰.

Однако, продолжал премьер, *«в конце XIX и в начале XX века нельзя вести политику Средних веков; когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства на счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу... Вся наша революция (1905 года) произошла от того, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп»*²¹.

«Если бы Государь... — заключал Витте, — сам, по собственной инициативе сделал широкую крестьянскую реформу в духе Александра II, сам, по собственной инициативе дал известные вольности, давно уже назревшие, как, например, освободил от всяких стеснений старообрядцев, смело стал на принцип веротерпимости, устранил явно несправедливые стеснения инородцев и пр., то не потребовалось бы 17 октября. Общий закон таков, что народ требует экономических и социальных реформ.

Когда правительство систематически в этом отказывает, то он приходит к убеждению, что его желания не могут быть удовлетворены данным режимом; тогда в народе экономические и социальные требования откладываются, и назревают политические требования как средство для получения экономических и социальных преобразований. Если затем правительство мудро не реагирует на это течение, а тем более если начинает творить безумие (японская война), то разражается революция. Если революцию тушат (что мной и моими сотрудниками было сделано — созыв Думы), но затем продолжают играть направо и налево, то водворяется анархия»²².

Выборы в I Государственную Думу 1906 года^а были ограничены сословно-имущественным цензом — один голос помещика^б приравнялся к трем голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 рабочих^с. Выборы были еще и сословно-многоуровневыми; например, для 26 крупнейших городов двух-, а для крестьян — четырехуровневыми. Милюков замечал по этому поводу: «Выборы двухстепенные или многостепенные теснее связывают представителя с его деревней; но это будет не представитель, а ходатай, доступный влиянию и подкупу». В. Ключевский в свою очередь предостерегал, что ***сословность выборов «может быть истолкована в смысле защиты интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий»***²³. Выборы бойко-

---

а С опубликованием акта о Думе автоматически прекращалась единственная «свобода», допущенная указом 18 февраля, — свобода публичного обсуждения преобразований старого строя.

б Имущественный ценз 100–500 десятин, в зависимости от региона, или владение недвижимостью на сумму свыше 15 тыс. руб.

с От предприятий с 1000 человек работающих избирался один уполномоченный, свыше 1000 — один на каждую тысячу занятых. Права голоса не имели женщины, военные, полицейские, представители высшей губернской администрации, кочевники, учащиеся, осужденные или находящиеся под следствием, лишенные сана или исключенные из общины и дворянских собраний.

тировали большевики, эсеры, многие крестьянские и национальные партии.

Отличительной особенностью состава I-й Государственной Думы была очень большая доля крестьян ~ 30 % (121 человек) и рабочих ~ 4 % (17 человек)²⁴. «Намного больше, чем в парламентах других европейских стран. Например, в английской Палате общин в то время было четыре рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте — шесть, во французской палате депутатов — пять, в германском рейхстаге — 17»²⁵. Причиной такого явления была не только крайне малая доля высших и средних сословий в России, но и ставка власти на крестьянство, которое она считала опорой монархии.

Абсолютным победителем на выборах в I Думу стала кадетская партия, являвшаяся крупнейшей: в январе 1906 года она насчитывала почти 100 000 зарегистрированных членов²⁶. Член ЦК партии С. Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были кадетами. Таким образом, несмотря на социальный ценз, I Дума получилась полностью либеральной. Вполне закономерно, что лидер партии П. Милюков настаивал на формировании чисто кадетского правительства. Столкнувшись с требованием либералов, монархия встал перед выбором: смена правительства или роспуск Думы.

Лидер праволиберальной партии октябристов А. Гучков, анализируя оба варианта, приходил к пессимистическим выводам: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь: да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?»²⁷

Неоднократные переговоры С. Витте с кадетами закончились безрезультатно. Кадеты стояли на своем. «Первая Государственная дума... — утверждал в этой связи видный политэкономист и общественный деятель С. Булгаков, — обнаружила полное отсутствие государственного разума и

особенно воли и достоинства перед революцией, и меньше всего этого достоинства было в руководящей и ответственной кадетской партии... и это неудивительно, потому что духовно кадетизм был поражен тем же духом нигилизма и беспочвенности...»²⁸

Именно отказ кадетов от сотрудничества с властью, по словам В. Коковцева, в то время министра финансов, стал основной причиной провала I Думы. Такого же мнения был и один из лидеров кадетов В. Маклаков, который позже посвятил целую книгу вопросу кадетской и «милюковской» ответственности за пропущенный шанс мирной политической эволюции. Витте в частных беседах также не скрывал, что, «по его убеждению, ввиду результатов выборов, первую Думу правительству придется распустить, так как работать с нею никакое правительство не будет в состоянии: кадеты не захотят помочь правительству умиротворить и устроить Россию, так как, говорил он, единственная их цель — управлять самим, а не служить Царю и стране»²⁹.

Боевой настрой кадетов наглядно демонстрировала их попытка объявить правительству экономическую войну: «господа кадеты, узнав о старании моем (Витте) совершить заем (без которого Россия после русско-японской войны становилась банкротом), действовали в Париже, дабы французское правительство не соглашалось на заем ранее созыва Государственной Думы...»³⁰ Кадетов поддержала европейская прогрессивная общественность, возмущенная подавлением российской революции. В Англии царя величали «обыкновенным убийцей», а Россию провозглашали «страной кнута, погромов и казненных революционеров». Во Франции газеты вопрошали «Давать ли деньги на поддержку абсолютизма?», а парламент предлагал заем дать, но не правительству, а Думе — пусть она диктует царю свои требования.

Как раз в это время на горизонте появился П. Столыпин. За день до открытия I Думы, зарекомендовавший себя в по-

давлении крестьянских волнений в бытность саратовским губернатором, он был назначен Николаем II министром внутренних дел. По мнению Столыпина: «Для разрешения создавшегося кризиса возможны (были) только два выхода... сформирование кадетского министерства или роспуск Думы в расчете, что новые выборы дадут более благоприятный состав. Если привести к власти министерство от партии к.-д., то оно неминуемо принуждено будет немедленно проводить в жизнь и осуществлять всю свою партийную программу полностью... Тогда левые партии неминуемо захлестнут кадет, выбросят их за борт и захватят власть в свои руки»³¹.

Камнем преткновения стал аграрный вопрос, за которым стояла стихийная сила крестьянства, представлявшая более 80 % населения России. Его настроения в I Государственной Думе, передавал С. Витте: «Когда правительство уже Горемыкина явилось в Думу и сказало: „Земли ни в каком случае, частная собственность священна“, — то тогда крестьянство пошло не за царским правительством, а за теми, которые сказали: „Первым делом мы вам дадим землю, да в придаток и свободу“, то есть за кадетами (Милюков, Гессен) и трудовиками»³². Кадеты призвали к конфискации казенных, монастырских и частично помещичьих земель. I-я Дума была обвинена в разжигании смуты и распущена на 72-й день своего существования. В этот же день Столыпин был назначен председателем Совета министров.

«Когда Родичев (член ЦК партии кадетов) сравнивал этот редкий орган (Думу) с иконой, разбить которую у власти не поднимется рука, он жестоко ошибался; — откликнулся на разгон Думы П. Милюков, — его разбила рука подлинных „дикарей“ сверху. „Революционная волна“ как будто отхлынула перед грубым насилием. Но это была только отсрочка, данная власти, и уже последняя. И тот же В. Ключевский — даже вопреки своим настроениям — сделал из случившегося пророческий вывод: „Династия прекратится; Алексей царствовать не будет“»³³.

Первая Дума наглядно показала непримиримый характер и позиции противостоящих сторон: монархия до конца держалась за свои феодальные привилегии; кадеты стремились немедленно провести буржуазно-либеральные реформы по западному образцу. По словам Витте: «Интеллигентная часть общества впала в своего рода революционное опьянение не от голода, холода, нищеты и всего того, что сопровождает жизнь стомиллионного непривилегированного русского народа или, точнее говоря, голодных подданных русского царя и русской державы, а в значительной степени от умственной чесотки и либерального ожирения... в то опьянение, которое страшно испугало имущих и по непреложному закону вызвало страшную реакцию, когда явились все эти обстоятельства, которые вызвали в глубине души сожаление, для чего я подписал 17 октября, то явилась попытка если не аннулировать напрямую, то, по крайней мере, косвенными путями (не мытьем, так катаньем) стереть или протереть 17 октября»³⁴.

«Дворянство увидело, что ему придется делить пирог с буржуазией — с этим оно мирилось, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем последний для этих близоруких деятелей вдруг только в сентябре 1905 года появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности, и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы. Вот когда дворянство и буржуазия увидели сего зверя, то они начали пятиться, то есть начал производиться процесс поправления... Одним словом, — продолжал Витте, — дворянство сто лет добивалось конституции, но только для себя, и вся та часть дворянства, которая носит в себе только проглоченную пищу, а не идеи, когда она увидела, что конституция не может быть дворянской, явно или стыдливо тайно начала исповедовать идеи таких каторжников, а просто сволочи, как Дубровин, Пуришкевич и др.»³⁵.

С. Витте приводил пример того, чего ожидали и к чему пришли торгово-промышленные круги в результате революции: «В 1906 году во время страшного государственного финансового кризиса вследствие войны... Крестовников просил меня его принять... от имени московского торгово-промышленного мира. (Он) жаловался на то, что Государственный банк держит весьма высокие учетные проценты, и просил приказать их понизить... я ему объяснил, что ныне понизить проценты невозможно... После такого моего ответа Крестовников схватил себя за голову и, выходя из кабинета, кричал: „Дайте нам скорее Думу, скорее соберите Думу!“ — и как шальной вышел из кабинета. Вот до какой степени представители общественного мнения не понимали тогда положения дел... представитель исключительного капитала воображал, что коль скоро явится первая Дума, то она сейчас же займется удовлетворением карманных интересов капиталистов. Все умеренные элементы, и в том числе колоссальный общественный флюгер — „Новое время“, твердили: „Скорее давайте выборы, давайте нам Думу“. Когда же Дума собралась и увидела, что Россия думает... то тогда эти умеренные элементы с умеренным пониманием вещей ахнули — и давай играть в попятную, чем занимаются и поныне»³⁶.

«Буржуазный попутчик революции, — подтверждал М. Покровский, — быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного „восполнения“, арендуя на льготных условиях казенные пулеметы для защиты своих имений»³⁷.

«Игра в попятную» отчетливо проявила себя при выборах во II Государственную Думу, где для формирования нужного ему состава Столыпин прибег к откровенному политическому террору против лидеров даже пробуржуазных партий. Так, от участия в выборах было отстранено 120 из 169 возможных кандидатов в Думу от кадетов. Зато появились «союзы» Михаила Архангела, «русского народа» и т. д. Гучков нашел лозунг, объединивший представителей помещиков с «черной

сотней», — «пламенный патриотизм»³⁸. Эта партия «черносо-тенцев» «представляет собой дикий, нигилистический патри-отизм, питаемый ложью и обманом; она есть партия дикого и трусливого отчаяния, но не содержит в себе мужественного и прозорливого созидания. Она, — утверждал Витте, — состоит из темной, дикой массы, вожаков — политических негодяев, тайных соучастников из придворных и различных, преимуще-ственно титулованных, дворян, все благополучие у которых связано с бесправием и лозунг которых „не мы для народа, а народ для нашего чрева“. К чести дворян, эти тайные черно-сотеники составляют ничтожное меньшинство благородного русского дворянства. Это дегенераты дворянства, взлелеян-ные подачками (хотя и миллионными) от царских столов. И бедный государь мечтает, опираясь на эту партию, восстано-вить величие России»³⁹.

Однако Вторая Дума, несмотря на все усилия правитель-ства, оказалась гораздо левее Первой. Правительство полу-чило всего пятую часть состава Думы. Кадеты, чей представи-тель Головин был выбран ее председателем, стали еще более радикальны. Впечатление, которое произвела новая Дума на власть, передавал вл. князь Александр Михайлович: «Ники и его министры рассказывают мне о серьезности политическо-го положения. Вторая Дума состоит из открытых бунтовщиков, которые призывают страну к восстанию»⁴⁰. «Дума ничего бо-лее, как сборище жадных искателей своего личного благопо-лучия. Все зиждется на достижении эгоистических в разных смыслах целей. О бескорыстном стремлении к осуществлению высших идеалов, — восклицал министр юстиции И. Щеглови-тов, — нет речи»⁴¹. «Делового обсуждения законодательных предположений с правительством нет, — констатировал чи-новник Министерства финансов В. Лопухин, — Дума представ-ляет собою революционный митинг. Думская трибуна обслужи-вает исключительно революционную пропаганду»⁴².

По мнению П. Столыпина, в данной ситуации перед Го-сударем были «три дороги — реакции, передачи власти ка-детам и образования коалиционного министерства с участием общественных деятелей... Путь реакции нежелателен, кадеты

скомпрометировали себя Выборгским воззванием^а... остается третий путь, имеющий особенное значение ввиду предстоящих выборов. Задача правительства проявить авторитет и силу и вместе с тем идти по либеральному пути, удерживая Государя от впадения в реакцию и подготавливая временными мерами основы тех законов, которые должны быть внесены в будущую Думу»⁴³.

Николай II поддержал начинание премьера и даже начал подыскивать подходящих кандидатов, но потерпел неудачу: «Вчера я принимал Львова и Гучкова, Столыпин им предлагал места министерские, но оба отказались. Также и Самарин, которого я видел два раза, — он тоже не желает принять место обер-прокурора! У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться»⁴⁴. Причина отказа кадетов от сотрудничества, подтверждал член ЦК кадетской партии В. Маклаков, заключалась в том, что общественность «не хотела себя компрометировать *соглашением* с ним... Она хотела все делать *сама и одна*; пользы от соглашения с прежнею властью она не понимала»⁴⁵.

Кроме этого, либеральная оппозиция не верила в реформаторские намерения Николая II, о чем говорит воспоминание А. Гучкова, о его аудиенции у монарха: «Я ясно видел, что, несмотря на... вероятно, искреннее желание ввести нас в состав правительства, он настолько был убежден в том, что революционная волна окончательно схлынула... что находил совершенно излишним какое-либо обновление внутренней политики»⁴⁶. Предложения Столыпина об организации коалиционного министерства были отклонены представителями оппозиционных партий⁴⁷.

В свою очередь и общественные деятели разочаровали и царя: «Принял Львова и Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, то есть государственного управления, в особенности Львов...»⁴⁸ По мнению Столыпина: «Львов

а Выборгское воззвание (10.7.1906) группы депутатов-кадетов к гражданам России с призывом не платить налоги и не служить в армии в знак протеста против роспуска I Думы. Организаторы (167 человек) приговорены к трехмесячному тюремному заключению.

чрезвычайный фантазер и отвлеченный теоретик»⁴⁹. Видный юрист, член Госсовета А. Кони «был крайне неприятно поражен той легковесностью, с которою» А. Гучков и Н. Львов «говорили о важнейших вопросах... и довольно небрежно относясь к необходимости считаться с желаниями коренного русского народа... За словами моих собеседников я, к прискорбию, видел не государственных людей... а *политиканствующих хороших людей, привыкших действовать не на ум, а на чувства слушателей не теоремами, а аксиомами*»⁵⁰. По словам ближайшего помощника Столыпина — С. Крыжановского, действительная причина отказа от сотрудничества заключалась «в убеждении как Государя, так и правительственных кругов в совершенном отсутствии общественных элементов, сколько-нибудь подготовленных к делу управления и способных отправлять обязанности власти. И последующие события показали, что они были правы»⁵¹.

Олицетворением либеральной оппозиции того времени являлся ее лидер, о котором В. Лопухин отзывался следующим образом: «*Книжник, теоретик был Милюков, оторванный от жизни. Человек мысли... человек свободно жившегося слова, человек пера. Но не дела! Не государственный человек!*»⁵². «Едва ли не самым большим его (П. Милюкова) недостатком, мешавшим ему стать государственным деятелем, было то, что верность партийной программе заслоняла от него текущие государственные нужды, потребности сегодняшнего дня, — вспоминала член ЦК кадетской партии А. Тыркова-Вильямс. — У него не было перспективы, он не понимал значения постепенного осуществления определенной политической идеологии. В этом умеренном, сдержанном, рассудочном русском радикале сидел максимализм, сыгравший так много злых шуток с русской интеллигенцией»⁵³.

Кадеты, отмечала А. Тыркова-Вильямс, «не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной Думе... Как две воюющие армии, стояли мы друг перед другом»⁵⁴. Показательный факт, характеризовавший накал этого противостояния, приводил ген. В. Гурко: в связи с открытием Государственной Думы Московская городская управа внесла предложение послать ей приветствие. «Против

этого предложения гласные кадеты... решительно восстали, причем их лидер, профессор А. Мануйлов, не постеснялся в частной беседе объяснить городскому голове Н. Гучкову: „Вы ей желаете плодотворной работы. Нам нужно свалить правительство“»⁵⁵.

Наглядным в этой связи был также ответ лидера кадетов на обращение Столыпина к Думе с требованием высказать «глубокое порицание и негодование всем революционным убийствам и насилиям... Тогда вы снимете с Государственной Думы обвинение в том, что она покровительствует революционному террору, поощряет бомбометателей и старается им предоставить возможно большую безнаказанность»^a. Столыпин упрашивал Милюкова: «Напишите статью, осуждающую убийства; я удовлетворюсь этим...» Милюков, лидер крупнейшей партии Думы, долго отказывался от осуждения революционных убийств, но в конце «уступил»: «Личная жертва, не противоречащая собственному убеждению, и взамен — прекращение преследований против партии, может быть, спасение Думы! **Я поставил одно условие: чтобы статья была без моей подписи**»⁵⁶. Партия кадетов не приняла «жертвы» своего лидера и отказала в публикации статьи...^b

---

а О размахе политического терроризма говорят следующие факты: в 1901 году были убиты министр народного просвещения и министр внутренних дел, в 1903-м — уфимский губернатор. 2.04.1902 и 15.07.1904 — убиты два министра внутренних дел. 4.02.1905 — убит московский генерал-губернатор, в 1906 — петербургский градоначальник. На Столыпина было совершено десять покушений, при одном из них погибли 29 человек и 32 были ранены. С февраля 1905 по май 1906 года при террористических покушениях погибли и были ранены 1273 человека, в том числе 13 генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников и их замов, более 800 полицейских всех уровней, около 20 генералов и офицеров, более 80 фабрикантов, банкиров и крупных торговцев и др., не считая жертв крестьянских восстаний и революции 1905–1907 годов (Статистические данные о лицах, пострадавших при террористических актах с февраля 1905 по май 1906. (Рыбас С... с. 382)).

б Пройдет всего десять лет, и сам Милюков окажется в аналогичной ситуации. Он как член Временного правительства будет упрашивать лидеров Совета «написать воззвание, чтобы не делали насилий над офицерами...» (Шульгин В. В... с. 226.).

Обострение политического противостояния верхов катализировало еще одну проблему, на которую указывал В. Джунковский, тогда московский губернатор: «Адрес Думы показал, что она не желает работать в рамках, предоставленных ей законом, а посягает на прерогативы Верховной власти... Все это действовало возбуждающе, особенно в провинции. Со всех концов России приходили вести о беспорядках, погромах, убийствах административных и должностных лиц. Казалось бы, с открытием Думы должно было бы наступить успокоение, между тем произошло как раз обратное...»⁵⁷ По словам пензенского губернатора И. Кошко: «Правительство фигурировало даже не в роли обвиняемого, а прямо тяжкого заранее осужденного уголовного преступника. Это бесповоротно роняло престиж власти...»⁵⁸ Из Тамбовской губернии писали: «продолжение деятельности Думы опаснее ее распускания. Опасность заключается в распространении мнения о слабости правительства»⁵⁹.

О II Государственной Думе С. Булгаков отзывался еще более категорично, чем о первой: «Это уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных... внушите им, что они спасители России... и вы получите II Государственную Думу. И какими знающими, государственными, дельными представлялись на этом фоне деловые работники ведомств — „бюрократы“...»⁶⁰ Правые требовали закрытия Думы: политика Столыпина, восклицал в этой связи экс обер-прокурор Святейшего синода К. Победоносцев, «это продолжение системы, заведенной роковым человеком — Витте — в декабре 1904 года. Он говорил тогда, что цель его — обратить к правительству благоразумную часть общества! Но это была лишь уступка улице и разнузданной толпе»⁶¹. Царь спрашивал: «Что же нужно делать, чтобы положить предел тому, что творится в Думе, и направить ее работу на мирный путь?». «Готовиться к роспуску Думы и к неизбежному пересмотру избирательного закона», — отвечал министр финансов В. Коковцев⁶².

Последней каплей, по словам П. Столыпина, снова стал земельный вопрос: «Самым же серьезным является отношение большинства Думы к земельному вопросу, в котором не видно ни малейшего желания пойти навстречу серьезным предположениям и работе правительства. Вообще вся Думская работа последнего времени начинает приводить к убеждению, что большинство Думы желает разрушения, а не укрепления Государства»⁶³. Усилия Столыпина, направленные на достижение компромисса между левыми и правыми потерпели поражение. Не случайно, по словам В. Маклакова, роспуск II Думы был не торжеством П. Столыпина, а победой над ним⁶⁴.

В этой ситуации, по словам В. Коковцева, «министры... смотрели так, что нужно спасти самую идею Государственной Думы»⁶⁵. «Свести к банкротству наше молодое народное представительство, — отмечал один из видных октябристов Н. Шубинский, — было очень легко: стоило только третье избрание народных представителей предоставить прежнему порядку, чтобы со спокойной совестью начать речь о неудавшемся опыте и незрелости страны для представительного строя в ней»⁶⁶. «Государственная власть, — утверждал товарищ министра внутренних дел В. Гурко, — стояла тогда перед дилеммой либо совершенно упразднить народное представительство, либо путем изменения выборного закона получить такое представительство, которое действительно было бы полезным фактором государственной жизни»⁶⁷.

В этих условиях созыв очередной Думы уже сам по себе становился фактом утверждения в России парламентского строя, и главную роль в этом, по мнению современников, сыграл Столыпин: «Что касается избирательного закона, то, — свидетельствовал В. Коковцев, — П. Столыпин решился на его изменение «исключительно во имя сохранения идеи народного представительства, хотя бы ценою... явного отступления от закона»⁶⁸. По мнению биографа Столыпина А. Бородин: «В тех условиях другого способа спасти Государственную Думу не было»⁶⁹. При этом «П. Столыпин, подчиняясь требованию Государя о роспуске Думы, сумел, — отмечал член II и III Государственных

Дум адвокат В. Маклаков, — сохранить конституцию: переворот в манифесте оправдывается государственной необходимостью и невозможностью легальным путем выйти из положения, а не законным *правом* Монарха»⁷⁰.

Этим, по словам П. Милюкова, закончилась Первая русская революция — государственным переворотом 3 июня 1907 года: разгоном II Думы и изданием нового избирательного «закона»⁷¹. «Переворот этот, по существу, заключался в том, что новый выборный закон исключил из Думы народный голос, то есть голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам. Таким образом, Государственная Дума перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху, — отмечал Витте, — закон этот был актом государственного переворота, но мне представляется, что этот закон искусственный, что он не даст успокоения, как основанный не на каких-либо твердых принципах, а на крайне шатких подсчетах и построениях. В законе этом выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130 000, то есть для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает „выборных“ членов Думы, он дает „подобранных“... *Теперь решая Государственная Дума есть Дума не „выборная“, а „подобранная“*»⁷². В день роспуска II Думы были арестованы все социал-демократические депутаты, их осудили на каторжные работы сроком на пять лет с последующей пожизненной ссылкой (20 человек) или просто к пожизненной ссылке (11 человек).

При выборах в III Государственную Думу по новому избирательному закону один голос помещика приравнивался к четырем голосам крупной буржуазии, 68 — средней и

мелкой буржуазии, 260 — крестьян и 543 — рабочих^а. Это была чисто «аристократическая» Дума. Дворяне заняли в ней 43 % мест, крестьяне — 15 %, промышленники и торговцы — 5 %, религиозные деятели — 10 %, представители либеральных профессий — 19,5 %. На финансирование выборов правительство направило три с лишним миллиона рублей, которые пошли в основном на субсидии правым партиям: «Курская быль», «Русское знамя», «Земщина», «Собрание националистов»... кадеты и октябристы не получили ничего. Правые обещали Коковцеву «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он не покупится дать им... миллион. Получив отказ, Марков Второй пригрозил: «Вы получите не такую Думу, которую бы мы вам дали за такую незначительную сумму»⁷³. В то же время один из лидеров черносотенцев В. Пуришкевич, по словам В. Воейкова, получал дополнительные пособия для правых через дворцовую канцелярию и департамент полиции⁷⁴.

Кроме этого, «все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и сами названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выбора уполномоченных первой стадии прошел втемную. Мелкие землевладельцы почти поголовно отсутствовали; зато по наряду от духовного начальства были мобилизованы священники, которые и явились господами положения. В 49 губерниях на 8764 уполномоченных было 7142 священника, и лишь для избежания скандала было запрещено послать в Думу более 150 духовных лиц; зато они должны были голосовать повсюду за правительственных

а По одному выборщику приходилось на 230 земельных собственников, — на 1000 представителей торгово-промышленного класса, — на 15 000 средней буржуазии, — на 60 000 крестьян и на 125 000 рабочих.

кандидатов»⁷⁵. «Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, — подтверждал С. Булгаков, — причем оно было заранее пристегнуто властью к „правому“ блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея...»⁷⁶

Подобными методами при выборах в III Думу, по мнению С. Крыжановского, Столыпину отчасти удалось решить проблему создания уравновешенной и государственной Думы, чуждой крайностей, как в сторону красного, так и в сторону черного радикализма⁷⁷. Дума была спасена, утверждал видный славянофил А. Киреев, «*теперь* без Думы управлять уже нельзя. Не будет *этой* Думы, будет четвертая, пятая, шестая... Третья Дума не ругается, не плюется, не беснуется, как две первые, — но она *гораздо* тверже, самоувереннее, нежели первая и вторая»⁷⁸. В «III Думе, — отмечал в свою очередь Милюков, — наступающей стороной была власть; общественность, слабо организованная, только оборонялась, едва удерживая занятые позиции и идя на компромисс с властью»⁷⁹.

Атакующей стороной на этот раз стали правые, обвинившие Столыпина уже не в *методах и результатах выборов*, а в самом их проведении. Скоро III Дума стала восприниматься в среде «правых», как еще более опасная, нежели две первые. «Думская работа наладилась, — отмечал И. Тхоржевский. — Этого-то правые круги никогда Столыпину и не простили!»⁸⁰ По словам Н. Муратова, столпы консервативного лагеря находили «политику Столыпина в отношении третьей Думы слишком левой»⁸¹. Лелеяли надежду на ее разгон. «Хорошо бы вместе с нею сменить и Столыпина, а не то он созвет и четвертую Думу на прежнем основании»⁸².

Известный правый экономист С. Шарапов восклицал: «Заглянем в глубину наших душ, спросим нашу совесть: разве вот это наше собрание обладает необходимой мудростью, верой и нравственной силой, чтобы спасти и переустроить Россию?»⁸³. Биограф Столыпина — А. Бородин приводит многочисленные примеры подобных заявлений и отмечает, что «недовольство и ругань по адресу П. Столыпина за то, что

терпит Думу, не разгоняет ее, — общее место всех правых газет апреля-мая 1907 года»⁸⁴. Не случайно ближайший помощник премьера С. Крыжановский констатировал: «влиятельные круги в то время решительно настаивали на том, чтобы Дума была прикрыта»⁸⁵.

«Победа премьера и способ пользования ею, — находила причину подобной реакции правых одна немецкая газета, — причинила острую боль весьма широким и весьма влиятельным кругам. Они оказались так плотно прижатыми к стене, что с трудом могут перевести дух. Этого здесь Столыпину никогда не простят. Они будут жить мечтой о реванше»⁸⁶. Примером могли стать попытки Столыпина «затронуть особое положение дворянства в местном управлении... — которые, по словам Крыжановского, — подняли против него и такие слои, которые имели большое влияние у Престола»⁸⁷.

И правую, и левую оппозицию объединяла теперь одна слепая ненависть к Столыпину. «Одно появление Столыпина на трибуне (Думы), — вспоминала А. Тыркова-Вильямс, — сразу вызывало кипение враждебных чувств, отметало всякую возможность соглашения. Его решительность, уверенность в правоте правительственной политики бесили оппозицию, которая привыкла считать себя всегда правой, а правительство всегда виноватым»⁸⁸. «Слева Столыпина считали реакционером, справа — опасным революционером», — отмечал А. Деникин. Сам Столыпин говорил: «Меня травят справа даже более, чем слева»⁸⁹.

В глазах политической общественности Столыпин превратился в диктатора⁹⁰. Правые обвиняли П. Столыпина в узурпации прав Верховной власти, опасались, что «вместо Самодержавного Государя Императора будет самодержавный министр»⁹¹: Видный монархист Л. Тихомиров заявлял: «Это — полное подчинение Столыпину самого монарха... Конечно, наряду с рабским страхом перед проскрипциями, кипит жгучая ненависть...»⁹²

Против Столыпина и его реформ выступали все: националисты и монархисты, либералы и социалисты, крестьяне и церковь, бюрократия и аристократы. Витте, уже со стороны наблюдавший за развитием ситуации, описывал ее следующим образом: «17 октября 1905 года законодательным учреждениям был дан достаточный контроль над действиями администрации. Тем не менее ныне, через семь лет, в России не только нет гражданской свободы, но даже эта свобода, которая существовала до 1905 года, умалена административным произволом, который в последнее пятидесятилетие никогда так беззастенчиво не проявлялся. Причиной такому положению вещей следующие обстоятельства: 1) полнейшая политическая бестактность и близорукость не только крайних революционных партий, но и почти всех либеральных партий того времени; они точно сорвались с цепи и, вместо того чтобы считаться с действительностью, обалдели; 2) так как новый строй, конечно, был не по шерсти верхам, то начала образовываться реакция, находившая себе покровительство наверху, — реакция, в своих правых флангах явившаяся столь же безумной и нахальной, как левые фланги революционно-либеральных партий; 3) правительство Столыпина, „для которого решительно все равно, будет ли конституция или неограниченный абсолютизм, лишь бы составить карьеру“, которое на словах „мы за свободу“, а на деле, благо это возможно и выгодно, „за полнейший полицейский произвол“»⁹³.

При этом у «правых» оставался еще один рубеж обороны — Государственный совет. Милюков по этому поводу замечал, что деятельность даже «подобранной» III Думы была ограничена «пробкой» Государственного совета, превратившегося в «кладбище думского законодательства». С лидером кадетов в данном случае был согласен и Столыпин: «Что толку в том, — говорил он М. Родзянко, — что успешно проведешь хороший закон через Государственную Думу, зная наперед, что в Государственном совете его ожидает неминуемая пробка»⁹⁴.

Составы Государственных Дум⁹⁵

	I	II	III	IV
<i>Правые партии</i>				
Крайне правые	38	63	52	65
Умеренно правые (октябристы, центристы)	38	34	226	208
Беспартийные (большей частью скрытые реакционеры — по Милюкову)	112	22	16	7
<i>Левые партии</i>				
Прогрессисты ^a			39	48
Кадеты	184	123	53	59
Национальные депутаты	32	39	26	21
Трудовики и вообще «левее к.-д.»	85	97	14	9
Социалисты	26	83	14	15

Именно атака на премьера справа привела к роспуску III Думы. Николай II по предложению Столыпина 14 марта 1911 года распустил Думу и Государственный совет. Суть произошедших в IV Думе перемен, по словам Милюкова, заключалась в том, что «компромисс оказался невозможным и потерял всякое значение... Два противоположных лагеря стояли теперь открыто друг против друга...»⁹⁶ Ситуация обострялась начавшимся взрывным ростом рабочего движения: в 1911 году бастовало 105 тыс., в 1912 году — более 1 млн, в первом полугодии 1914 года — 1337 тыс. рабочих. Уже 18 октября 1913 года в письме министру внутренних дел Н. Маклакову Николай II требовал подготовить «ропуск Думы и объявление Питера и Москвы на положении чрезвычайной охраны...»⁹⁷

В том же году Гучков на съезде октябристов предложил «перейти в резкую оппозицию и борьбу» — и притом не с бессильным правительством, а со стоящими за ним безответ-

---

^a Партия, основанная крупнейшими промышленниками Рябушинским и Коноваловым.

ственными «темными» силами. Он грозил иначе «неизбежной тяжелой катастрофой», погружением России в «длительный хаос»... Когда началась война, он сразу заявил, что она «кончится неудачей»⁹⁸. Идея войны как инструмента, способного разрубить гордиев узел накопившихся проблем, уже витала в воздухе. «Дело было в Третьей Думе... — вспоминал Шульгин. — Выскакивает В. Маклаков (один из кадетских лидеров) и ко мне: „Кабак!“ — сказал громко, а потом, понизив голос, добавил: „Вот что нам нужно: война с Германией и твердая власть“»⁹⁹. «Войны боится и центр, и крайне правые, — отмечал другой кадетский лидер А. Шингарев, — потому что боятся революции»¹⁰⁰.

ВОЙНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Если вовремя не давать разумные свободы, то они сами себе прощупывают пути. Россия представляет страну, в которой все реформы по установлению разумной свободы и гражданственности запоздали и все болезненные явления происходят от этой коренной причины. Покуда не было несчастной войны, прежний режим держался, хотя в последние годы перед войной он уже претерпевал потрясения; несчастная война пошатнула главное основание того режима — силу и особенно престиж силы, сознание силы. Теперь нет выхода без крупных преобразований, могущих привлечь на сторону власти большинство общественных сил.

*C. Bumme*¹⁰¹

Начало Первой мировой войны вызвало в кругах либеральной оппозиции вспышку патриотических чувств. В воззвании ЦК партии, опубликованном в газете кадетов «Речь», говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой и защищать ее положение мировой державы, оспариваемое врагом. Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия и будем твер-

до помнить, что в данный момент первая и единственная наша задача — поддержать наших солдат, внушая им веру в наше правое дело, спокойное мужество и надежду на победу нашего оружия...» «Священное единение, — отмечал П. Милюков, — продолжалось, однако же, недолго. И не по вине Думы оно было нарушено. Заседание 26 июля было единственным, и мы ничего против этого не имели ввиду серьезности момента... Но уже накануне мы узнали, что по проекту Н. Маклакова Дума не будет собрана до осени 1915 года, то есть больше года. Тут проявилось не только оскорбительное отношение к Думе, но и прямое нарушение основных законов»¹⁰².

В результате, продолжал лидер кадетов, «борьба с правительством, очевидно, была безнадежна и теряла интерес. На очередь выдвигалась апелляция Думы непосредственно к верховной власти. И сессия открылась рядом заявлений о том, что с данным правительством сговориться невозможно — и не стоит сговариваться»¹⁰³. Выступление Милюкова в июле 1915 года на партийной конференции кадетов уже звучало как прямой ультиматум: **«Требование Государственной думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту их необходимо революционное выступление... Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной Думе?». Они «играют с огнем... (достаточно) неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Это была бы... вакханалия черни...»**¹⁰⁴ Аналогичный ультиматум звучал в августе 1916 года и в письме лидера октябристов А. Гучкова начальнику Штаба Ставки ген. М. Алексееву: «Наше оружие обоюдоостро; массы (особенно рабочие) так возбуждены, что достаточно искры для взрыва, размеры и место которого невозможно ни определить, ни предугадать»¹⁰⁵.

Деятельность оппозиции активизировалась после поражений 1915 года, когда из-за недостатка снарядов, винтовок, патронов, продовольствия началось великое отступление. «Я был на фронте и видел все... — вспоминал видный политиче-

ский деятель, монархист В. Шульгин, — Неравную борьбу безоружных русских против ураганного огня немцев... И когда снова была созвана Государственная Дума, я принес с собой, как и многие другие, горечь бесконечных дорог отступления и закипающее негодование армии против тыла... Я чувствовал себя представителем армии, которая умирала так безропотно, так задаром, и в ушах у меня звучало: пришлите нам снарядов! ...Неудачи сделали свое дело... В особенности повлияла причина отступления... И против власти... неумелой... не поднявшейся на высоту задачи... сильнейшее раздражение...»¹⁰⁶

Наглядные примеры внутреннего развала страны приводил министр продовольствия А. Наумов: «С первых же шагов моей деятельности... я встретил прежде всего во всех областях и условиях создавшейся продовольственной обстановки именно ту разрозненность действий, учреждений и лиц, которая подрывала в корне текущую работу и ослабляла энергию...» «Отсутствие связи тыла с фронтом сказывалось на каждом шагу продовольственной жизни в столь резкой форме, что всякое промедление с принятием мер в целях упорядочения этих взаимоотношений грозило катастрофой делу снабжения, как армии, так и страны»¹⁰⁷. «Казалось, что междоведомственная рознь, — дополнял военный министр В. Сухомлинов, — еще более обострилась сравнительно с тем, как это было до войны... Во всем давал себя чувствовать ужасно тонкий наш культурный слой, при недостатке образованного персонала»¹⁰⁸.

Для консолидации общества, мобилизации военной и гражданской власти, тыла и фронта 20 июня 1915 года Николай II согласился организовать Особое совещание по обороне^а, в состав которого вошли члены Думы, Госсовета, крупнейшие промышленники, финансисты, государственные деятели. Уже за первый месяц работы Особого Совещания выпуск снарядов в России увеличился вдвое — только лишь за счет организации и повышения дисциплины поставок.

а Всего их было четыре: по государственной обороне, транспорту, топливу, продовольствию, под председательством соответствующих министров.

Однако поражения 1915 года уже вершили свое дело. Они привели к тому, что одни стали искать виновных, другие впадали в панику. По словам очередного военного министра и одновременно председателя Особого совещания по обороне ген. А. Поливанова: «Печальнее всего, что правда не доходит до его величества... на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ожидать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Ставка окончательно потеряла голову»¹⁰⁹. Управляющий делами Совета министров А. Яхонтов передавал состояние членов правительства: «Всех охватило какое-то возбуждение... Неужели все пропало?.. За все время войны не было такого тяжелого заседания. Настроение было больше чем подавленное»¹¹⁰. Далеко не либеральный кн. В. Шаховской заявлял: «Нельзя не считаться с тем фактом, что поражения на фронте создали революционно повышенное настроение в стране»¹¹¹. Начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. Н. Янушкевич откровенно паниковал, прося из Ставки царя: пообещать каждому солдату-крестьянину шестнадцать акров земли за верную службу¹¹²...

«Получилось полное впечатление краха. Армия... не отступала, а бежала, бросая по дороге материальную часть и огромные склады продовольствия и фуража, взрывая форты сильнейших крепостей и оставляя без одного выстрела прекрасно укрепленные позиции... — вспоминал один из очевидцев „великого отступления“ 1915 года. — Нужно было какое-то крупное решение. И вот в этот момент государь принял на себя всю ответственность за дальнейшую судьбу Отечества»¹¹³. Николай II хотел встать во главе армии еще в августе 1914 года, «но решительно все министры высказались против этого желания, доказывая императору, что все возможные неудачи, которые могут быть всегда, свалятся на него как на главного виновника»¹¹⁴.

Однако 4 августа 1915 года, когда армия оказалась на грани поражения, а страна — революции, Николай II принял командование армией на себя. Решение Николая II передал председатель Совета министров И. Горемыкин: «когда на

фронте почти катастрофа, его величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть...»¹¹⁵ «Никто, кроме самого государя, — вторил вл. князь Александр Михайлович, — не мог бы лучше вдохновить нашу армию на новые подвиги и очистить Ставку от облепивших ее бездарных генералов и политиков»¹¹⁶.

Этот шаг был вроде бы поддержан, даже либеральной общественностью. Так, военно-морская комиссия Думы, еще до решения Николая II, подала ему доклад, подписанный ее председателем кадетом А. Шингаревым и восемью другими членами Думы. Доклад содержал обвинения правительства и Главнокомандующего и был пронизан мыслью, что «общественность должна взять в свои руки обеспечение войны». В конце доклада говорилось, что «только непрерываемой царской властью можно установить согласие между ставкой великого князя, Верховного командования и правительством». Из этого, по мнению ген. Н. Головина, «Николай II имел полное право сделать логический вывод о том, что русские общественные круги желают, чтобы монарх в своем лице совместил управление страной и Верховное Главнокомандование»¹¹⁷.

В решении Николая II встать во главе армии, по мнению современников, имелась и некая скрытая от общественности составляющая, которая заключалась в резко возросшей политической активности и популярности Верховного главнокомандующего¹¹⁸. Общие подозрения отражали слова В. Воейкова: «Я вполне разделял мнение И. Л. Горемыкина, считавшего, что *агитация вокруг имени великого князя Николая Николаевича являлась для левых партий одним из средств дискредитирования государя...* Его величество... считает нежелательным откладывать свое вступление в командование, с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений великого князя на фронте, а с другой — из-за участвовавших случаев его вмешательства в дела внутреннего управления»¹¹⁹.

Эти подозрения подкрепляли действия Николая II, который, встав на пост Верховного Главнокомандующего, первым делом сменил все руководство Ставки¹²⁰. По словам ген. А. Носкова, «это была смена системы, так как все ближайшие помощники великого князя были удалены одновременно вместе с ним. Важные изменения были произведены также в командовании фронтами и в командовании армиями»¹²¹. Начальник генерального штаба Н. Янушкевич был отправлен в отставку, на его место был назначен ген. М. Алексеев. Причем сначала был смещен штаб, и только после этого великий князь¹²². По словам ген. А. Спиридовича: «После отъезда великого князя стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл свершившегося, крестились. *Был предупрежден государственный переворот*, предотвращена государственная катастрофа...»¹²³

Правительство откликнулось на решение его величества коллективным письмом восьми министров, в котором они, угрожая отставкой, требовали от Николая II, дабы предотвратить «тяжелые последствия», отказаться от своего намерения возглавить армию, ибо «в таких условиях они теряют веру в возможность с сознанием пользы служить царю и родине»¹²⁴. Некоторые из современников усмотрели в этом «бунте министров» страх «за провал заговора (в пользу Николая Николаевича), в котором... они играли видную роль»¹²⁵.

Действительно, в составе революционного «правительства общественного доверия» П. Рябушинского, кроме Милюкова, Гучкова, Коновалова, числились двое министров — военный Поливанов и земледелия Кривошеин¹²⁶. «За Поливановым, — по словам управляющего делами Совета министров А. Яхонтова, — всегда чувствовалась тень Гучкова... Не понимаю, чего добивается Поливанов. Он всех науськивает и против великого князя, и против принятия командования государем... Уж не своего ли друга любезного г. Гучкова он ладит в спасители Отечества?»¹²⁷ В. Сухомлинов: «А. Гучков и А. Поливанов работают дружно, признавая существующий

строй и порядок не соответствующими требованиям времени... Если вовремя это не прекратить — быть большой беде...»¹²⁸

«Кривошеин орудует всем и собирает такой кабинет министров, который был бы послушным орудием у него в руках. Направление, взятое им, определяется народом как желание умалить власть государя», — утверждал вл. князь Андрей Владимирович¹²⁹. Кривошеин, еще недавно говоривший, что «Ставка ведет Россию в бездну, к катастрофе, к революции... если Верховным был бы сам Император, тогда никаких недо-разумений не возникало... вся исполнительная власть была бы в одних руках», теперь заявлял: «Ставятся ребром судьбы России и всего мира. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, — словом, использовать все доступные нам способы, чтобы удержать его величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России»¹³⁰.

Подобное мнение высказывал и председатель Госдумы Родзянко в письме к Николаю II: «Неужели, государь, вам не ясно, что вы добровольно отдадите вашу неприкосновенную особу на суд народа, а это и есть гибель России?». В свою очередь английский посол «сказал, что его величеству придется нести ответственность за новые неудачи, могущие постигнуть русскую армию, и что вообще совмещать обязанности самодержца великой империи и верховного главнокомандующего — задача непосильная для одного человека»¹³¹.

Сотрудничество министров с оппозицией не являлось тайной, но, очевидно, оно было вызвано не столько их «приверженностью либеральным принципам», сколько безнадежной слабостью верховной власти, которая не оставляла министрам выбора в поиске точки опоры власти на стороне. **Отъезд Николая II в Ставку окончательно деморализовал министров.** Наглядно эти настроения передавал, активный сторонник «правительства общественного доверия», министр

иностранных дел С. Сазонов, по словам которого, «люди, болеющие душой за родину, ищут сплочения наиболее деятельных нереволюционных сил страны, а их объявляют незаконным сборищем и игнорируют... **Правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну только полицию**»... Александра Федоровна сообщала Николаю II в сентябре 1915 года: «Сазонов больше всех кричит, волнует всех... не ходит на заседание Совета министров — это ведь неслыханная вещь! Я это называю забастовкой министров»¹³².

Демократическая общественность активно поддерживала мятежных министров. Примером в данном случае могла быть ее реакция на увольнение С. Сазонова, которую в письме Николаю II передавал вл. князь Николай Михайлович: «Не знаю, по каким мотивам ты уволил С. Д. Сазонова, но вот что случилось. Почти вся пресса (кроме „Нового времени“ и „Земщины“) сделала из Сазончика великого человека и своего рода сверхпатриота; все земства, общественные учреждения, союзы городов, промышленные комитеты и т. д. послали ему соболезнования по случаю его ухода и создали для него особую популярность, которую вряд ли он мог ожидать, продолжая быть министром иностранных дел. Это я считаю весьма опасным симптомом...»¹³³ В защиту Сазонова перед Николаем II выступил даже английский посол...

Настроения в оппозиционных кругах того времени передают воспоминания В. Шульгина:

«Интеллигенция кричит устами Думы: вы нас губите... Вы проигрываете войну... Ваши министры — или бездарности, или изменники... Страна вам не верит... Армия вам не верит... пустите нас... Мы попробуем... Допустим, что все это неправда, за исключением одного: немцы нас бьют — этого ведь нельзя отрицать... А если так, то этого совершенно достаточно, чтобы дать России вразумительный ответ... Нельзя же, в самом деле, требовать от страны бесконечных жертв и

в то же время ни на грош с ней не считаться... Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят... Но побеждаемых судят, и судят не только строго, а в высшей степени несправедливо... За поражения надо платить. Чем?.. Той валютой, которая принимается в уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной...

Можно поступить разнo:

1. Позвать Прогрессивный блок, то есть, другими словами, кадетов, и предоставить им составить кабинет: пробуйте, управляйте. Что из этого вышло бы — бог его знает. Разумеется, кадеты чуда бы не сделали, но, вероятно, они все же выиграли бы время. Пока разобрались бы в том, что кадеты не чудотворцы, прошло бы несколько месяцев, — а там весна и наступление, которое все равно решит дело: при удаче выплывем, при неудаче все равно потонем.

2. Если же не уступать власти, то надо найти Столыпина-второго... Надо найти человека, который блеснул бы перед страной умом и волей... Надо сказать второе „не запугаете“, эффектно разогнать Думу и править самим — не на словах, а на самом деле — самодержавно...^а

3. Если кадетов не призывать, Столыпина-второго не находить, остается одно: кончать войну.

Вне этих трех комбинаций нет пути, то есть разумного пути. Что же делают вместо этого? Кадетов не зовут, Думы не гонят, Столыпина не ищут. Мира не заключают, а делают — что?.. Назначают „заместо Столыпина“ — Штюрмера, о котором Петербург выражается так: абсолютно беспринципный человек и полное ничтожество...»¹³⁴

а Аналогичное предложение в ноябре 1916 года Николай II получил от черносотенной группы Римского-Корсакова, предлагавшей: «Назначить на высшие посты министров, начальников округов, военных генерал-губернаторов лиц, преданных царю и способных на решительную борьбу с надвигающимся мятежом. Они должны быть твердо убеждены, что никакая примирительная политика невозможна. Заведомо должны быть готовы пасть в борьбе и заранее назначить заместителей, а от царя получить полноту власти. Думу распустить без указания нового срока созыва. *В столицах ввести военное положение, а если понадобится, то и осадное...*»

Чем же мотивировались решения Николая II?

С одной стороны, Николай II не обладал теми волевыми и умственными качествами, которых требовало время. Возглавив армию и уехав в Ставку, Николай II не столько стремился к командованию войсками, сколько бежал от управления государством, сталкивающегося с все возрастающими проблемами: «Мой мозг отдыхает здесь — нет министров, нет беспокоящих вопросов, требующих осмысления. Я полагаю, что это хорошо для меня»¹³⁵. Начальник Генерального штаба М. Алексеев, со своей стороны, фактически дезавуировал деятельность Николая II как главы армии, идя на поводу желаний последнего. Мнение на этот счет большинства командного состава армии передавал адмирал А. Колчак: «Я смотрел на назначение государя... только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии... но фактически всем управлял Алексеев. Я считал Алексеева в этом случае вышестоящим и более полезным, чем Николай Николаевич»¹³⁶.

Реальным представителем верховной власти в столице оказалась одна императрица Александра Федоровна, о характере которой говорит, например, ее реакция на ультиматум министров: «Я не терплю министров, которые пытаются отговорить его (Николая II) от исполнения своего долга. Положение требует твердости. Царь, к сожалению, слаб, но я сильна и буду такой и впредь»¹³⁷. Целый ряд высших лиц государства обращались к Николаю II с предостережением об опасности ее вмешательства в управление государством... в их числе нач. Генерального штаба Алексеев, ген. Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич, Родзянко, вл. князя Николай и Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица. «Но никакие представления не действовали»¹³⁸.

В свою очередь дворцовый комендант В. Воейков, несомненно осведомленный в делах царской семьи, был не согласен с такими оценками: «Если судить по результатам, число лиц, кандидатуру которых поддерживала императрица, было прямо ничтожно... по сравнению с количе-

ством лиц, получивших за этот период назначения... Что же касается вмешательства ее величества в управление государственными делами, я лично могу констатировать, что его не было. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог эту клевету подтвердить документальными данными»¹³⁹.

Фактически страной управляли престарелые премьеры И. Горемыкин и Б. Штюрмер, которые, как по мнению участников событий, так и союзников России, на роль Столыпина-второго не годились¹⁴⁰, но зато были преданными сторонниками сохранения незыблемости самодержавия. Английского посла Бьюкенена в этой связи больше всего беспокоило, что, «как реакционер... Штюрмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию»¹⁴¹. Но одной только преданности престолу было уже не достаточно не только для спасения власти, но и даже для сохранения страны. «До тех пор, однако, пока Государь жил в Петербурге, он еще являлся тем фокусом, в котором государственная власть как-то централизовалась», — отмечал современник событий Р. Раупах, но когда он «уехал в Ставку... тогда государственная власть расплылась и стала походить на сошедший с рельс и нелепо метавшийся из стороны в сторону железнодорожный вагон»¹⁴².

«В целом ситуация создавала ощущение, — вспоминал вл. князь Кирилл Владимирович, — будто балансируешь на краю пропасти или стоишь среди трясины. Страна напоминала тонущий корабль с мятежным экипажем. Государь отдавал приказы, а гражданские власти выполняли их несвоевременно или не давали им хода, а иногда и вовсе игнорировали их. Самое печальное, что пока наши солдаты воевали, не жалея себя, люди в чиновничьих креслах, казалось, не пытались прекратить растущий беспорядок и предотвратить крах; между тем агенты революции использовали все средства для разжигания недовольства»¹⁴³.

«Они — революционеры — не были готовы, но она — революция — была готова. Ибо революция только наполови-

ну создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти состоит в ощущении властью своего собственного бессилия. У нас, у многих, — вспоминал В. Шульгин, — это ощущение было вполне. Ибо все в России делалось „по приказу его императорского величества“. Это был электрический ток, приводящий в жизнь все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием. На почве этого последнего выросли три грозных болезни: Распутин, Штюрмер и Милюков»¹⁴⁴.

Наглядным свидетельством все углубляющегося кризиса власти стала смена за 1915–1916 годы четырех премьер-министров, шести министров внутренних дел, четырех — военных, юстиции, земледелия; трех — иностранных дел, обер-прокуроров Синода... За 1916 год не было ни одного несмененного министра. «Наступил новый, 1917 год, он опять принес изменения в правительстве, — отмечал вл. князь Александр Михайлович. — Мрак усиливался. Князь Голицын, назначенный премьером, просто олицетворял собой то, что по-французски называется „*gamolli*“, а по-русски — старческое слабоумие. Он ничего не понимал, ничего не знал, и только Ники или Аликс могли бы объяснить, чем их прельстил этот придворный старец без всякого административного опыта»¹⁴⁵.

«Русский ковчег не годился для плавания, — приходил к выводу британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж. — Этот ковчег был построен из гниющего дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана изображала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке...»¹⁴⁶ Современники событий, даже ярые приверженцы монархии, практически были единодушны в своих оценках Николая II. Он был скорее символом монархии — прилежный семьянин, добрый отец, но не самодержавный государь. Страна же во время войны фактически оставалась без верховной власти.

С другой стороны, отношение Николая II к «демократизации» власти во время войны трудно назвать легкомысленным. Он, очевидно, помнил урок 1905 года, когда провозглашение Манифеста привело только к эскалации революции. Пример Февральской революции лишь подтвердил, что Николай II, может, и не вполне осознано, но все же был недалек от истины: уже после отречения Воейков «обратился к его величеству с вопросом, отчего он так упорно не соглашался на некоторые уступки, которые, быть может, несколько месяцев тому назад могли бы устранить события этих дней. Государь ответил, что, во-первых, всякая ломка существующего строя во время такой напряженной борьбы с врагом привела бы только к внутренним катастрофам, а во-вторых, уступки, которые он делал за время своего царствования по настоянию так называемых общественных кругов, приносили только вред отечеству, каждый раз устраняя часть препятствий работе зловредных элементов, сознательно ведущих Россию к гибели»¹⁴⁷.

Подтверждением слов Николая II может служить пример таких развитых демократических стран, как Англия и Франция. Во время войны в них «все выборы — в сенат, в палату депутатов, окружные и коммунальные — были отсрочены до прекращения военных действий»¹⁴⁸. Хотя и там война обострила противоречия между парламентом и правительством, о чем говорит, например, сообщение президенту Франции Р. Пуанкаре: «Главкомандующий Жоффри жалуется на участвовавшие случаи вмешательства парламентских деятелей и требует от правительства защиты, *требуется от него также „эффективного руководства общественным мнением“*...»¹⁴⁹ Премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж 3 июня 1915 года отвечал на подобные запросы общественности следующим образом: *«Во время войны вы не можете ждать, пока всякий человек станет разумным, пока всякий несговорчивый субъект станет сговорчивым... Элементарный долг каждого гражданина — отдавать все свои силы и средства в распоряжение отечества в переживаемое им критиче-*

ское время. Ни одно государство не может существовать, если не признается без оговорок эта обязанность его граждан»¹⁵⁰.

И во Франции, и в Англии парламент в итоге был практически отстранен от власти, в Англии был образован «Военный кабинет», в составе 11 человек, являвшийся по сути директорией. *«Во время войны в Англии, — отмечал У. Черчилль, — этот небольшой Военный кабинет фактически управлял страной, а Кабинет министров в полном составе не имел большого значения»¹⁵¹.* Во Франции в ноябре 1917 года к власти был приведен премьер-министр Ж. Клемансо, который, выступая от имени своего правительства, заявил: *«Мы представляем себя вам (депутатам) с единственной мыслью — о тотальной войне. Вся страна становится военной зоной. Все виновные будут немедленно преданы суду военного трибунала... Более никаких пацифистских кампаний...»* Цель одна: «Нет измене, нет полуизмене... Страна будет знать, что ее защищают»¹⁵². Французский дипломат в России Л. Робиен в своем отклике на это решение отметил: «Осуществление планов объединения командования на нашем (западном) фронте сможет многое изменить. К сожалению, потребовалось четыре года поражений и столько смертей, чтобы понять, что анархия недопустима на войне и что должен быть командующий, чьи решения выполнялись бы всеми беспрекословно... Какой урок для демократов!»¹⁵³.

У. Черчилль полностью разделял опасения Николая II: «Он видел так же ясно, как и другие, возрастающую опасность. Он не знал способа ее избежать. По его убеждению, только самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям. Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом свое строение. Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей самодержавной власти — в глазах царя это означало вызвать немедленный развал. Досужим критикам, не

стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чем-то легком и простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю...»

Тем временем в 1916 году, несмотря на тяжелые потери, русская армия одержала ряд крупных побед. Казалось, еще год — и война закончится победой. Но «победоносная война» означала для России победу царизма, победу реакции. ***Ничто так не укрепляет власть, как победоносные войны, лишь поражения ведут к реформам.*** Победа России в войне 1812 года привела к усилению крепостного права и почти на полвека задержала его отмену, в то же время поражение в Крымской войне в 1856 году дало толчок к «великому освобождению» и началу либеральных реформ 1861 года. В связи с чем российское общественное мнение того времени приходило к выводу, что «поражение России сноснее и даже полезнее того положения, в котором она находилась последнее время»¹⁵⁴. Победа в русско-турецкой войне 1878 года привела к «реставрации крепостничества», в то время как поражение в русско-японской войне 1905 года, наоборот, вынудило монархию пойти на окончательную отмену крепостничества и продолжение либеральных реформ.

Существующие закономерности отлично понимали представители всех оппозиционных сил. Например, лидер большевиков В. Ленин уже в 1914 году отмечал, что «с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России не может подлежать ни малейшему... сомнению, что наименьшим злом было бы... поражение царизма в войне»¹⁵⁵. Руководители легальных социалистических партий на съезде в конце 1915 года, под председательством А. Керенского, пришли к аналогичному выводу: если будет заключен мир то, он «будет реакционный и монархический», следовательно: «Когда наступит последний час войны, мы должны будем свергнуть царизм, взять власть в свои руки и установить социалистическую диктатуру».

Позицию кадетов отражали слова их лидера П. Милюкова: **«твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны;»** знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»¹⁵⁶. Не случайно либеральная демократия и буржуазия избрали тактикой борьбы с царизмом свой лозунг русско-японской войны: «Чем хуже, тем лучше». Предупреждая «превратное» толкование подобных настроений, Милюков еще во времена русско-японской войны пояснял: «Следует помнить, что по необходимости наша любовь к родине принимает иногда неожиданные формы и что ее кажущееся отсутствие на самом деле является у нас наивысшим проявлением подлинно патриотического чувства»¹⁵⁷. О формах, которое приобретало это чувство, писал кадет И. Гессен: русская печать вела «партизанскую войну» с властью «с возрастающим ожесточением до самой революции»¹⁵⁸.

Можно было бы поразиться подобному «цинизму» радикальной оппозиции, ведь тем самым она превращалась в «пятую колонну» ведущую войну против собственной страны. Объяснение данному явлению крылось в том, что любые (как левые, так и правые) революционеры не следуют нормам традиционной морали³. Независимо от того, признавали они его или нет, тем не менее радикалы всегда в той или иной мере исповедовали нечаевский «Катехизис революционера», снимавший с революционера

а На причину этого указывал один из виднейших деятелей Великой французской революции О. Мирабо, по своим политическим взглядам близкий к тем же идеалам, что и П. Милюков, который еще в конце XVIII века заявлял: «Человеку для того, чтобы разорвать свои цепи, дозволены все средства без исключения».

любые моральные ограничения по отношению к власти⁹. Представление о «катехизисе» дает хотя бы такое его положение: «Товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны наконец вывести народ из терпения и принудить его к поголовному восстанию».

«Возможен был двоякий переворот: путь дворцовый и революционный. Первый выход, — по словам ген. И. Данилова, — казался менее болезненным и менее кровавым»¹⁵⁹. От революционного либералов предупреждал и французский посол Палеолог, который приводил слова «монархической оппозиции» времен революции 1848 года: «Если бы мы знали, насколько тонки стены вулкана, мы бы не стремились вызвать извержение»¹⁶⁰. Лидеры либеральной оппозиции отлично осознавали эту опасность: «Дело оказалось бы чрезвычайно легким, — отмечал в этой связи председатель Центрального военно-промышленного комитета А. Гучков, — если бы вопрос шел о том, чтобы поднять военное восстание... но мы не желали касаться солдатских масс»¹⁶¹. «Мы не хотели этой революции. Мы особенно не хотели, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы она не случилась»¹⁶², — утверждал Милюков, — «мы надеялись предупредить стихийную революцию дворцовым переворотом с низложением царской четы»¹⁶³. Наибольшей популярностью пользовались два основных варианта:

– отстранение от власти Николая II с последующей передачей власти наследнику Алексею с регентством великого князя Михаила Александровича. Этот вариант английский министр иностранных дел Бальфур рекомендовал своему послу в России: следует убедить Николая, что «национальным несчастьем» явился бы отказ от предоставления Алексею права на-

---

а С. Нечаев — организатор тайного общества и автор «Катехизиса революционера» 1869 года. Дело Нечаева легло в основу романа Ф. Достоевского «Бесы». Несмотря на то, что «катехизис» был отвергнут практически всеми политическими силами, он, как замечал Б. Козьмин, предвосхитил «ту постановку революционного дела, какую оно получило в последующие десятилетия».

следования трона¹⁶⁴. Подобные планы предлагала и думская оппозиция: «при перевороте так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство — до его совершеннолетия — великого князя Михаила Александровича. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю... Говорилось в частном порядке, что судьба императора и императрицы остается при этом нерешенной — вплоть до вмешательства лейб-гвардейцев, как это было в XVIII веке; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице, и т. д.»¹⁶⁵.

– деловой мир не был склонен возлагать надежды на особенности характера того или иного из великих князей. Буржуазия рассчитывала вынудить Николая II сразу принять конституционно-монархическую форму правления. Именно эту идею председатель Московского военно-промышленного комитета П. Рябушинский озвучил в период отступления русской армии 25 августа 1915 года: «Путем давления на центральную власть добиться участия общественных сил в управлении страной... нам нечего бояться, нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо наши армии бегут перед неприятелем»¹⁶⁶. В руках буржуазии находились деньги, заводы, фабрики, газеты, политики... и именно от нее в далеко не последнюю очередь зависели военные успехи и неудачи самодержавия... Промышленно-торговые круги готовы были пойти еще дальше конституционной монархии: на совещании промышленников в августе того же года Рябушинский утверждал, что необходимо «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти»¹⁶⁷. Его статьи призывали для сохранения «великой России» к «замене существующего режима правления конституционным», что обеспечит «мощную поддержку буржуазии либеральному правительству». Одна из его газет «Утро России» 26.08 опубликовала список Комитета обороны, который предвосхищал практически полный состав будущего Временного правительства февраля 1917 года.

Проблема была лишь в том, что успех заговора зависел не столько от устранения Николая II, сколько от легитимизации переворота в глазах масс. Единственным средством для этого являлась окончательная и полная дискредитация существующей власти. Не случайно «для партий Государственной думы на первом плане стояли вопросы внутренней политики; для большинства октябристов под эгидой Гучкова и вплоть до крайних левых, — отмечал военный министр В. Сухомлинов, — казалось, что наступила минута низвержения царской России. *Они должны были напасть на тот пункт, где они думали найти доказательства того, что старый режим прогнил*»¹⁶⁸.

Другим шагом на пути подготовки переворота стала мобилизация оппозиционных политических сил. В августе 1915 года по инициативе кадетов влиятельными промышленниками А. Коноваловым и И. Ефимовым был создан антиправительственный Прогрессивный блок, фактическим руководителем которого стал П. Милюков. Программа блока состояла из радикальных либеральных лозунгов, главным требованием, которых, как и прежде, оставалось создание «правительства народного доверия». В блок вошли 236 из 422 депутатов Государственной Думы. Цели «блока» ни для кого не были секретом. Например, министр внутренних дел Н. Маклаков в своем докладе Николаю II отмечал: «Дума прокладывает путь к свободе революции». «Я борюсь против неудержимо растущего у всех стремления, забыв царя, в одном общественном мнении видеть начало и конец всего»; «Родзянко — только исполнитель, напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львов и другие, систематически идущие к своей цели»¹⁶⁹. Эффективность легальной работы Прогрессивного блока была подорвана очередным роспуском Думы.

Но еще в августе 1914 года либералами были использованы другие массовые политические инструменты, которые оправдали свою эффективность еще во время революции 1905 года, — «союзы». По аналогии с «Союзом земств» времен японской войны был учрежден «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам» под предводительством одного

из кадетских лидеров кн. Г. Львова. После поражений 1915 года этот союз слился с «Союзом городов» П. Милюкова, образовав «Земгор». По словам военного министра В. Сухомлинова, органы самоуправления дворянства, земства и городов были «значительно деятельнее бюрократии», «но все их добрые начинания привели к совершенно обратным результатам благодаря политическим тенденциям, внесенным в работу по оказанию помощи действующей армии антимоноархическими партиями или такими честолюбивыми карьеристами, как Гучков и Родзянко»¹⁷⁰.

И эти политические тенденции носили совершенно осознанный и целенаправленный характер. Об этом говорило, например, выступление Гучкова на съезде Земгора в сентябре 1915 года, в котором он так разъяснял цели организации: она «нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще больше с врагом внутренним, той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства»¹⁷¹. «Надо всю Россию покрыть всероссийскими союзами», — призывал в 1915 году видный кадет Н. Некрасов. В 1916 году последний премьер царского правительства князь Н. Голицын утверждал, что «у союзов готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам»¹⁷². На информации департамента полиции о съездах Земгора в 1916 году начальник штаба Ставки ген. М. Алексеев наложил резолюцию: «В различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели»¹⁷³.

Эти общественные организации, отмечал В. Воейков, действительно вели свою деятельность почти исключительно за счет государственных средств: «Так как городскому и земскому союзам не удалось привлечь сколько-нибудь крупных общественных и частных средств, они... вынуждали правительство увеличивать выдаваемые им суммы... Это вынужденное восполнение Земгору... выразилось к концу 1914 года в цифре 43 млн рублей и, возрастая ежегодно, достигло ассигнования на первое полугодие 1917 года одному только Всероссийско-

му союзу городов цифры 65 млн... рублей^а. Большую часть работников в этих союзах составляли лица, уклонявшиеся от службы в действующей армии... Занимались работники земского и городского союза... антиправительственной пропагандой среди солдат и офицеров фронта... Пропагандисты раздували каждый промах военного управления, приписывая его высшему начальству... Немало потрудились они и над расшатыванием престола, подчеркивая немецкое происхождение императрицы и распространяя небылицы об ее отношении к Распутину»¹⁷⁴.

Торгово-промышленные круги тем временем создали свою организацию. В мае 1915 года на 9-м съезде представителей промышленности и торговли П. Рябушинский выступил за мобилизацию промышленности, а в июне по его настоянию были созданы военно-промышленные комитеты (ВПК), во главе которых встал А. Гучков^б. «Сформированные Военно-промышленные комитеты, в большом числе и повсеместно, получают много денег, — полагал военный министр ген. В. Сухомлинов, — но едва ли для настоящей войны окажут существенную пользу. Следовало бы направить их деятельность к тому, чтобы впредь обрабатывающая промышленность водворилась и развилась у нас так, чтобы бывшая до сих пор зависимость и заграничная кабала исчезли»¹⁷⁵.

Действительно, по словам начальника Главного артиллерийского управления ген. А. Маниковского, мобилизационная деятельность комитетов себя не оправдала. В середине ноября 1915 года в письме в «Новое время» он отмечал, что «от военно-промышленных комитетов не получено ни одного снаряда. Эти комитеты „мобилизовали“ около 1300 предприятий средней и мелкой промышленности, которые выполнили за войну примерно половину полученных заказов, что составило 2–3 %

а Всего Земгор получил от государства около 600 млн казенных рублей, на вложенный, собранный по подписке частный капитал 0,6 млн рублей.

б Прообразом военно-промышленных комитетов послужили аналогичные комитеты в Германии.

от общей стоимости заказов военного ведомства»¹⁷⁶. Зачем же они тогда создавались?

По мнению В. Воейкова: «Первою заботою созданных под руководством А. И. Гучкова военно-промышленных комитетов... было обеспечение себе 1 % стоимости всех проходивших через комитеты поставок. Вследствие этого комитеты оказались, во-первых, коммерчески заинтересованы в возможно более высокой расценке поставок, а во-вторых, создалось такое ненормальное положение, при котором, например, состоялась уплата... военно-промышленному комитету процентного отчисления со стоимости переданного Главным артиллерийским управлением *казенному* Балтийскому заводу заказа... Помимо денежной щепетильности, представители деловой России не обнаружили и большого патриотизма: забывая о своих собственных русских заводах, они стремились производить заготовления на заграничных рынках, чему, наконец, воспрепятствовал Совет министров. Прекрасной иллюстрацией деятельности военно-промышленных комитетов может служить... ведомость состояния главнейших заказов центрального военно-промышленного комитета на 1 января 1916 года... Так, например, снарядов к бомбометам заказано 3 245 000, а сдано 96 135; мин заказано 663 400, а сдано 119 штук и т. д. А куда уходили деньги военно-промышленного комитета, осталось — и не для меня одного — тайной»¹⁷⁷.

Помимо своей основной деятельности, «военно-промышленный комитет сразу же выделил „рабочую секцию“, занявшуюся рассмотрением рабочего законодательства, а также обсуждением вопросов внутренней политики, к делу снабжения армии ни малейшего отношения не имевших, — отмечал Воейков, — Революционная деятельность рабочей секции, иногда приглашавшей на свои заседания и не членов военно-промышленного комитета, не составляла секрета для министра внутренних дел, который принимал к ее обузданию лишь полумеры»¹⁷⁸. Организаторы «рабочих секций», как докладывал начальник Московского охранного отделения, «думали, что таким способом будет достигнуто приобретение симпатий рабочих масс и возможность тесного контакта с ними как бое-

вого орудия в случае необходимости реального воздействия на правительство». Министр внутренних дел Протопопов все время говорил «о том, что земский и городской союзы, а также военно-промышленные комитеты суть организации революционные...»¹⁷⁹

Общественное мнение тем временем все более превращалось в бессмысленную аморфную массу, направленную против царя и царицы. О настроениях, царивших в Петербурге в то время, писал вл. князь Александр Михайлович: «Политиканы мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск... город был полон слухов... „Правда ли, что царь запил?“, „А вы слышали, что государя пользуется какой-то бурят, и он прописал ему... лекарство, которое разрушает мозг?“, „Известно ли вам, что Штюмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в Стокгольме?“, „А вам рассказали о последней выходке Распутина?“ И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины»¹⁸⁰.

Ген. Ю. Ломоносов отмечал, что «это недовольство было направлено почти исключительно против царя и особенно царицы. В штабах и в Ставке царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но даже о низложении Николая. Говорили об этом даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода, наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»¹⁸¹. «В высших кругах Петербурга члены миссии лорда Милнера часто слышали откровенные разговоры о возможном убийстве царя и царицы. Нынешний британский посол в Париже сэра Джордж Клерк писал: «Каждому из нас приходилось слышать о неизбежности чрезвычайно серьезных событий. Вопрос заключался лишь в том, кого устранят: императора, императрицу, Протопопова или всех троих сразу»¹⁸².

Причину, по которой эти планы еще не были реализованы, видный кадет В. Маклаков образно объяснял сравнением России с автомобилем, ведомым безумным шофером по узкой

дороге над пропастью, когда всякая попытка овладеть этим рулем закончится общей гибелью. Поэтому сведение счетов с шофером (Николаем II) откладывается «до того вожделенного времени, когда минует опасность»¹⁸³.

Николай II, по-видимому, не понимал всей серьезности складывающейся ситуации. В. Мамонтов приводил в воспоминаниях свой разговор с царем, в котором он высказал озабоченность внутривполитической обстановкой: «Государь внимательно, с недоверчивой улыбкой и возрастающим изумлением слушавший меня не прерывая, при заключительных словах моих воскликнул: «Да вы с ума сошли, вам все это приснилось, и приснилось когда же? Чуть не накануне нашей победы?! И чего вы боитесь? Сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы? Можете быть спокойны; если бы и могли произойти какие-нибудь неожиданности, то соответственные меры против них приняты, и повторяю: победа теперь уже не за горами»¹⁸⁴.

Обеспокоенность британского посла внутренней ситуацией в России была столь велика, что он обратился с «предложением» о смене премьер-министра и государственного строя прямо к русскому царю: «Указав на растущее чувство недовольства, открыто выражаемого всеми классами населения, я (Бьюкенен) сказал ему, что офицеры и даже генералы, возвращающиеся с фронта, заявляют, что пора убрать с дороги всех тех, кто виноват в страданиях армии. Принесенные народом жертвы, говорил я, заслуживают некоторой награды. И я советовал его величеству даровать в качестве акта милости за оказанные услуги то, что было бы унижительно отдать под давлением революционного движения»¹⁸⁵. В донесении в министерство иностранных дел от 18 августа Бьюкенен говорил: «Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция, боюсь, является неизбежной»¹⁸⁶.

Великие князья забрасывали Николая II своими тревожными письмами: Вл. князь Георгий Михайлович в ноябре 1916 года: «Ненависть к Штюмеру чрезвычайная... какие же меры могли бы излечить это состояние? На это могу ответить, что общий голос — удаление Штюмера и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров. Эта мера считается единственной, которая может предотвратить общую катастрофу. Если бы я это слышал от левых и разных либералов, то я не обратил бы на это никакого внимания. Но это мне говорили и здесь говорят люди, глубоко преданные тебе и желающие от всей души блага только тебе и России... Признаюсь, что я не ожидал, что я услышу здесь, в армии, то же, что я слышал всюду в тылу. Значит, это желание всеобщее — глас народа — глас Божий, и я уверен, что Господь тебе поможет пойти навстречу всеобщему желанию и предупредить надвигающуюся грозу из нутра России»¹⁸⁷. «Если в течение двух недель не будет созвано новое правительство, ответственное в своих действиях перед Государственной Думой, мы все погибнем»¹⁸⁸.

Вл. князь Николай Михайлович в ноябре 1916 года: «Ты неоднократно выражал твою волю „довести войну до победоносного конца“. Уверен ли ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении не только внутри империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан, Кавказ)? Говорят ли тебе правду или многое скрывают? Где кроется корень зла?..»¹⁸⁹ Вл. князь Михаил Михайлович: «Агенты Интеллидженс Сервис... предсказывают в ближайшем будущем в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно»¹⁹⁰.

Вл. князь Александр Михайлович 25 декабря 1916 года: «Как это ни странно, но... само правительство поощряет революцию. Никто ее не хочет... Мы ведем войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Все это сознают, кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение... грядущая революция 1917 года явится

прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа»¹⁹¹. Вл. князь Павел Александрович к 1 марта 1917 года уже составил манифест о введении конституции после войны¹⁹².

Если даже у великих князей были такие настроения то, что уж говорить о либералах. Накануне переворота 9.02.1917 экс-министр внутренних дел Н. Маклаков отмечал: «Дума и союзы, несомненно, толкнул часть населения на временные осложнения... Власть должна... быть уверенной в победе над **внутренним врагом**, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего». Председатель кадетской комиссии^а на это отвечал: «**Вы, в сущности, объявляете всю Россию внутренним врагом**»¹⁹³. Термин «внутренний враг» набирал популярность и во все в большей мере определял взаимоотношения между противостоящими сторонами:

«Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, — отмечал А. Деникин, — что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. **Врагом народа** его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты»¹⁹⁴. «**У нас был свой собственный внутренний враг**. В первую очередь военному министру пришлось бороться с ним, и притом с негодными средствами. Именно этим объясняется многое из того, что потом случилось: самый совершенный цензурный аппарат не может помочь, если во время войны правительственная политика не будет основана на единодушной народной воле. **Мне вскоре стало ясно, что на стороне царя не народная воля, а лишь тонкий слой чиновничества, офицерства и промышленников**, в то время

---

^а Комиссия Временного правительства по расследованию деятельности царской администрации.

как политические партии готовили свою похлебку на костре военного времени»¹⁹⁵.

Императрица определяла состояние общества, как «**внутреннюю войну**». 14 декабря она писала мужу: «Я бы спокойно и с чистой совестью перед всей Россией отправила бы Львова... Милюкова, Гучкова и Поливанова также — в Сибирь. Идет война, и в такое время **внутренняя война** есть государственная измена... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом... Раздави их всех под собой!». И эта «внутренняя война» приобретала вполне конкретные очертания: в феврале 1917 года Петроградский округ был выведен из состава Северного фронта в связи с нарастанием напряженности в столице. Командующим округом стал ставленник министра внутренних дел А. Протопопова ген. С. Хабалов.

Однако Николай II уже не знал, на кого опереться. По словам Воейкова: «положение царя становилось все более и более тяжелым; верные слуги таяли, а число людей, оппозиционно настроенных, увеличивалось. Главную роль в обществе стали играть члены Государственной Думы, мнения которых принимались за непреложные истины...»¹⁹⁶ 5 января 1917 года «Русские ведомости» внешне скорбно, но внутренне торжествуя, сообщили: «Бюрократия теряет то единственное, чем она гордилась и чем старалась найти искупление своим грехам, — внешний порядок и формальную работоспособность»¹⁹⁷. «Я так же хорошо мог бы озаглавить этот предреволюционный год словами „паралич власти“», — вспоминал Милюков. «Власти нет», — вторил князь Львов. «Правительства нет», — подтверждал Протопопов¹⁹⁸.

Гражданская власть действительно таяла на глазах, но оставалась еще армия, относительно которой Деникин замечал: «Является совершенно бесспорным одно положение: исход революции во многом зависел от армии»¹⁹⁹. Далеко не случайно Гучков, учитывая опыт первой русской революции, когда именно армия сказала решающее слово, еще до войны возглавил думский комитет по военным делам. При нем он организовал нечто вроде «военной ложи», в которую вошли

военный министр Поливанов, генералы Алексеев, Брусилов, Гурко, Крымов, Ломоносов, Маниковский, Рузский и т. д.²⁰⁰

В самой армии с первых дней войны нарастало глухое недовольство тылом, не способным обеспечить потребности армии, что неоднократно приводило к прямым конфликтам между Ставкой и правительством. Однако к началу 1917 года ситуация со снабжением фронта изменилась. По словам главы британской военной миссии в России ген. А. Нокса: «Перспективы были более многообещающими, чем виды на кампанию 1916 года в марте того года... Русская пехота устала, но меньше чем год назад... почти всех видов вооружений, боеприпасов и снаряжения было больше, чем когда-либо — при мобилизации, весной 1915-го или весной 1916 года. Качество командования улучшалось с каждым днем... Нет никакого сомнения в том, что если бы тыл не раздирался противоречиями... русская армия увенчала бы себя новыми лаврами... и, вне сомнений, нанесла бы такой удар, который сделал бы возможным победу союзников к исходу этого года»²⁰¹.

Именно ситуация в тылу стала объектом новой атаки либеральных сил. «Общественные деятели, — по словам вл. князя Александра Михайловича, — регулярно посещали фронт якобы для его объезда и выяснения нужд армии. На самом же деле они ездили, чтобы завоевать симпатии командующих армиями. Члены Думы, обещавшие в начале войны поддерживать правительство, теперь трудились не покладая рук над разложением армии. Они уверяли, что настроены оппозиционно из-за „германских симпатий“ молодой императрицы, и их речи в Думе, не пропущенные военной цензурой для опубликования в газетах, раздавались солдатам и офицерам в окопах в размноженном на ротаторе виде»²⁰². Успеху либеральной пропаганды способствовало запрещение деятельности в армии министерства внутренних дел.

Об одном из подобных посещений рассказывал полк. Н. Балабин: «Объезжая в 1916 году войсковые части в качестве главноуполномоченного Красного Креста, Гучков в интимной беседе со мной в штабе дивизии высказывал мне

серьезные опасения за исход войны. Мы единодушно приходили к выводу, что неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие командные должности бездарных царедворцев, наконец, двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, может закончиться военной катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству. Мы считали, что выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола». Учитывая дальнейшую судьбу Балабина — летом 1917 года при Временном правительстве он был начальником штаба Петроградского военного округа, — это признание существенно, — отмечал Н. Яковлев²⁰³.

«Телеграммы и письма, получаемые Гучковым все это время, — отмечал М. Лемке, — показывают, как популярен он в армии.., кто его только не приветствует»²⁰⁴. Уже в ноябре 1915 года М. Лемке приходил к выводу: «Очевидно, что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о целях появления которых ничего не удастся узнать... Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее с генералом Крымовым именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности». «По некоторым обмолвкам Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер ставки) видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор...»²⁰⁵

Настроения, которые отражал ген. Крымов, наглядно передавала его беседа с председателем Госдумы М. Родзянко и одним из кадетских лидеров А. Шингаревым: «Чувства военных так сильны, — заявлял он, — что каждый с радостью приветствовал бы новость о дворцовом перевороте... Если вы решитесь на крайнюю меру, мы поддержим вас»²⁰⁶. О популярности данных настроений в армии говорит и отношение к ним адмирала Колчака: «Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть

какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну»²⁰⁷.

Наибольшую известность получило открытое письмо А. Гучкова начальнику штаба Верховного главнокомандующего М. Алексею от 28 августа 1916 года: «в тылу идет полный развал... власть гибнет на корню... как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью... А если вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических отношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем — а, следовательно, и вся наша будущность, — то вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения»²⁰⁸. Современники расценили это письмо как прямую провокацию. Например, вл. князь Александр Михайлович полагал, что «А. Гучков, лидер консерваторов, делал все, что было в его власти, чтобы возбудить бунт в русской армии»²⁰⁹.

Последней каплей переполнившей чашу терпения, по словам ген. А. Деникина, стало выступление лидера кадетов на открытии сессии Думы 1 ноября 1916 года, которое П. Милюков, начав с критики правительства, закончил вопросом «Что это — глупость или измена?»^а. И тут же процитировал *немецкую газету* «Нойе фрайе цайтунг», где упоминались императрица и окружавшая ее камарилья — Распутин, Питирим, Штюрмер. Милюков сослался и на то, что «из уст *британского посла сэра Джорджа Бьюкенена* я выслушал тяжеловесное обвинение против известного круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру». Милюков выразил твердую уверенность в том, что курс на сепаратный мир взят»²¹⁰.

а Основание для этого афоризма дал Милюкову военный министр Д. Шуваев, который во время приступа шпиономании оправдывался: «Я, может быть, дурак, но не изменник».

Слово «измена» с молниеносной быстротой разнеслось по стране... «Впечатление получилось, — писал впоследствии Милюков, — как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения»²¹¹. «Наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово „измена“, — подтверждал Деникин. — Оно относилось к императрице... *Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в ее отношении и к династии, и к революции...*»²¹² «Общественное мнение, — по словам Милюкова, — единодушно признало 1 ноября 1916 года началом русской революции»²¹³.

Эти слухи падали в благодатную почву, подготовленную тяготами мировой войны. Индикатором настроений, царивших в армии к началу 1917 года, стали запасные батальоны. О том, что они собой представляли, передавал французскому послу М. Палеологу начальник канцелярии премьера Мануйлов: «В тылу полное разложение. Тыловые части ровно ничего не делают или, во всяком случае, недостаточно заняты... в этом году это обучение проходило в особенно сокращенном и упрощенном виде из-за недостатка ружей, пулеметов, орудий, а главное — из-за недостатка в офицерах. Кроме того, солдаты очень скверно помещены в казармах. Их набивают как сельдей в бочку. В Преображенских казармах, рассчитанных на 1200 человек, помещены 4000 человек. Представьте себе их жизнь в душных и темных помещениях! Они проводят целые ночи в разговорах. Не забывайте, что среди них есть представители всех народностей империи, всех религий и сект, есть даже евреи. Это прекрасный бульон для культуры революционных бактерий. И наши анархисты, конечно, прекрасно это понимают»²¹⁴.

Основной причиной такой ситуации ген. А. Игнатьев считал: «Несоразмерно большие потери в офицерском составе в первые месяцы войны и запоздалые меры по подготовке прапорщиков [которые] создали подлинную

угрозу боевой способности русской пехоты. Казармы лопались от запасных батальонов, а обучить и вести в бой этих солдат было некому»²¹⁵.

Свое видение причин дал и В. Шульгин: «Вы не смотрите на то, что на каждой площади и улице они „печатают“ на снегу... Вы знаете, что это за публика? Это маменькины сынки!.. Это — все те, кто бесконечно уклонялся под всякими предложениями и всякими средствами... Им все равно, лишь бы не идти на войну... Поэтому вести среди них революционную пропаганду — одно удовольствие... Они готовы к восприятию всякой идеи, если за ней стоит мир. А, кроме того, и объективные причины есть для неудовольствия. Люди страшно скучены... А ведь все они имеют удобные квартиры здесь. И вот беснуются. Пойдет к себе домой и приходит совершенно красный. Для чего их тут держат? Это самый опасный элемент. Чуть что — они взбунтуются. Вот помяните мое слово. Гнать их надо отсюда как можно скорей... И вспомнилось мне, как еще в 1915 году жаловались мне на одну дивизию, набранную в Петрограде. Ее иначе не называли, как „С.-Петербургское беговое общество“. Куда ни пошлют ее в бой, она непременно убежит»²¹⁶.

«Серьезно призадуматься над „беспорядками“ в столице заставили промелькнувшие намеки на участие в них солдат Волынского полка. Варшавская гвардия! Как могла она попасть в Петербург? Это может быть, наверное, только запасный батальон этого полка, решил я, — вспоминал ген. А. Игнатьев, — надо же быть Беляевыми и Хабаловыми, чтобы додуматься для обеспечения порядка в столице набить ее запасными войсками, поддающимися легче всего разложению! Французские правители поступали хитрее, отводя на отдых в окрестности Парижа только самые надежные и наиболее дисциплинированные части — кавалерию. Они настоятельно доказывали, что армия остается „вне политики“, но, по существу, считали ее, конечно, опорой республиканского режима. Они правда, не жалели денег на хорошую полицию, не упоминали в своих воинских уставах, в противоположность нашим, о

„врагах внутренних“, но все же рассчитывали на армию как на последний полицейский резерв»²¹⁷.

В России «местные власти и правительство в Петербурге» также делали попытку дать «приказ некоторым гвардейским полкам прислать по роте или по две в Петербург под предлогом отдыха. Должны были быть приведены люди с фронта. Им было указано, для какой цели это делается». Но боевые офицеры отказались выполнять приказ, поскольку, по словам А. Гучкова, «они так были проникнуты отрицательной оценкой строя, считали, что для революционного движения есть основание»²¹⁸.

Между тем запасные батальоны угрожали уже не только столице: Деникин вспоминал про «буйную солдатскую чернь, наводнявшую области в качестве армейских запасных батальонов и тыловых армейских частей. Этот бич населения положительно терроризировал страну, создавая анархию в городах и станицах, производя разгромы, захват земель и предприятий, попирая всякое право, всякую власть и создавая невыносимые условия жизни»²¹⁹. Но ведь тем же закончилась и русско-японская война, и разогрелась Первая русская революция — в конце декабря 1905 года ген. М. Алексеев сообщал: «400 тысяч запасных из солдат превратились в истеричных баб — дряблых, безвольных, помешанных на одной мысли — ехать домой»²²⁰.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ...

На другой день после мира у нас начнется кровопролитная внутренняя война. И весь ужас этой войны будет в том, что она будет протекать стихийно, без плана, без какого бы то ни было центрального руководства. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв истердавашихся масс.

*А. Коновалов, сентябрь 1916 года*²²¹

По свидетельству лидеров всех политических партий того времени, Февральская революция произошла совершенно неожиданно и стихийно. Или, говоря словами журналиста

крупнейшей газеты — суворинского «Нового Времени» И. Солоневича: «революция была как гром среди ясного неба». Л. Троцкий: «Февральское восстание именуют стихийным... в феврале никто заранее не намечал путей переворота; никто не голосовал по заводам и казармам вопроса о революции; никто сверху не призывал к восстанию. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу, в значительной мере неожиданно для самой массы»²²². А. Керенский: «Все давно было готово к последнему удару, но как почти всегда случается, никто в точности не ожидал произошедшего...»²²³ П. Милюков: «случилось что-то... чего не ожидал никто: нечто неопределенное и бесформенное, что, однако, в итоге двусторонней рекламы получило немедленно название начала великой русской революции»²²⁴. По словам одного из лидеров меньшевиков В. Станкевича: «Масса двинулась сама, повинаясь какому-то безотчетному внутреннему порыву... Ни одна партия при всем желании присвоить себе эту честь не могла... стихийное движение, сразу испепелившее старую власть без остатка»²²⁵.

Современники событий восприняли революцию как неизбежное и давно ожидаемое событие: «К 1917 году в атмосфере неудачной войны все созрело для революции, — отмечал Н. Бердяев. — *Старый режим сгнил и не имел приличных защитников*. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция»²²⁶. «*Революция была неизбежна*, — вторил А. Деникин, — Ее называют *всенародной*. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения...»²²⁷ Уже «в декабре, — подтверждал Керенский, — вся Россия инстинктивно боролась с правительством революционными методами»²²⁸.

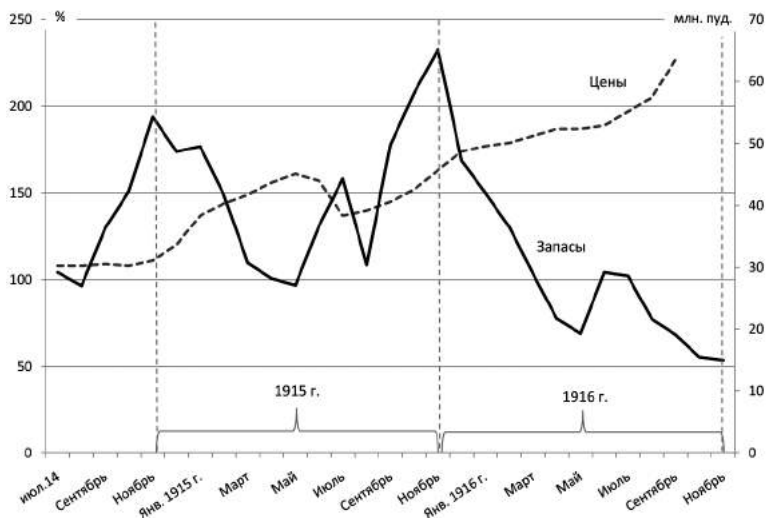
Все «это и верно и неверно, — отмечал один из лидеров этой революции П. Милюков, — Верно как общая характеристика движения 27 февраля. Неверно как отрицание всякой руководящей руки в перевороте. Руководящая рука, несомненно была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий!»²²⁹

Подготовка к революции началась «летом и осенью 1916 года, — когда А. Гучков, по его словам, — **стал ощущать эту нарастающую опасность в настроениях городского населения и рабочих...**»²³⁰ Сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 года гласила: **«постепенно назревавшее расстройство тыла... носившего хронический и все прогрессирующий характер, достигло к настоящему моменту того максимального и чудовищного размера, которое... обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической стихийной анархии...** Необходимо считать в значительной мере правильной точку зрения кадетских лидеров, определенно утверждающих со слов Шингарева, что „весьма близки события первостепенной важности, кои нисколько не предвидятся правительством, кои печальны, ужасны, но в то же время неизбежны...“»²³¹

Развал тыла выразился прежде всего в стремительном росте цен и обострении продовольственной проблемы. Правда, с первого взгляда, повода для этого не было, отмечал тщательно, на обширных статистических данных, исследовавший проблему видный экономист Н. Кондратьев: «баланс ежегодного производства — потребления сводится с огромными избытками в первые два года войны, особенно в урожайный 1915 год, и со значительными недостатками в последующие годы... Но, тем не менее... легко видеть, что, если брать баланс не по каждому году отдельно, а вообще за время войны и по всем хлебам, **говорить о недостатке хлебов в России за рассматриваемое время не приходится и нельзя: их более чем достаточно**»²³².

Однако вместе с тем Н. Кондратьев приводил данные, согласно которым хлебные запасы в 1916 году стремительно исчезают, что наглядно демонстрирует приводимый график. Накопление хлебных запасов происходило циклично (в соответствии с сельскохозяйственным циклом), достигая максимума в ноябре. Так было в первые два года войны (в 1914 и в 1915 годах), однако в 1916 году уже с августа происходит не накопление, а наоборот быстрое сокращение хлебных запасов.

Видимые запасы главных хлебов, по Н. Кондратьеву, в млн пудов и цены на основные хлеба, в % к 1913 году²³³

Причины этого явления, по словам Н. Кондратьева, заключались в: сокращении уже в 1915 году почти в два раза частновладельческих посевных площадей²³⁴, дававших почти половину всего товарного хлеба России^а; «глубоком расстройстве» железнодорожного транспорта, приведшем «к разрыву производительских и потребительских рынков»²³⁵; падении хлеботоргового кредита Госбанка в 1916 году, по сравнению с 1914 годом почти в четыре раза, а по сравнению с 1913 годом

а Причина этого, по словам Кондратьева, состояла главным образом в «уменьшении количества рабочей силы в деревне, связанном с призывами в армию». (Кондратьев Н. Д., гл. 2.1.) По подсчетам министерства земледелия «О мероприятиях в связи с войной» в России насчитывалось 18 млн мужской полноразмерной рабочей силы в деревне (без Польши, Финляндии, Закавказья, шести Сибирских губерний); в общем итоге от мобилизаций деревня до конца 1916 года потеряла 11 млн человек (Шестаков А. В., с. 38).

почти в пять раз. Подобную динамику демонстрировали частные банки и товарищества мелкого кредита²³⁶.

Перечень причин дополняли данные Совета съезда фабрикантов земледельческих машин, констатирующие падение производства их продукции в 1916 году почти в пять раз по сравнению с 1914 годом²³⁷. Виновником этого падения стало резкое повышение цен на промышленную продукцию относительно сельскохозяйственной. Так, стоимость плуга с 1913 до 1916 года выросла в четыре раза, молотилки — в 4,5²³⁸. В то же время цены на ржаную и пшеничную муку в центральных земледельческих губерниях к июлю 1916 года по сравнению с июлем 1914 года выросли всего в 1,8 раза²³⁹. Образувавшаяся вилка цен привела к падению спроса деревни на продукцию городов и, как следствие, к снижению поставок зерна. Еще одной причиной стало резкое, почти в 3,5 раза, снижение объемов вносимых удобрений: в 1913 году Россия потребляла 46 млн пудов минеральных удобрений, из них 33 млн ввозилось из Германии и лишь 13 млн готовилось в России²⁴⁰.

Пензенская газета «Чернозем» уже 26 января 1916 года сообщала: «Несмотря на деятельность недавно созданной городской продовольственной комиссии, цены на товары повседневного спроса выросли в три раза и не хватает муки, крупы, соли, мяса, сахара и прочих продуктов. Нет даже мало-мальски съедобного хлеба»²⁴¹.

Последней каплей стало изменение политики твердых цен, начавшееся с сентября, на урожай 1916 года, когда ранее более или менее соответствовавшие рыночным ценам твердые цены на рожь были резко понижены — до уровня в среднем почти на 50 % ниже рыночных²⁴². Именно в твердых ценах помещики находили главные причины хлебного кризиса. Так, на общем собрании Всероссийской с.-х. палаты 30/XI-1/XII 1916 года один из помещиков цитировал Э. Золя «La crise des subsistances sous la révolution», в которой шла речь о влиянии твердых цен на революционную ситуацию: «твердые

цены вызывают сокращение посевов, останавливают работы... и ведут к банкротству, анархии и голодовке»²⁴³.

Среднемесячное потребление муки в 1916 году в Петрограде составляло 1276 тыс. пудов. Перебои с поставкой начались в ноябре, когда в столицу было доставлено 1171 тыс. пудов; в декабре поставка упала — до 606 тыс., в январе — 731 тыс. пудов²⁴⁴. В Москве суточная норма потребления белой и ржаной муки была равна 86 вагонам. Средний же суточный подвоз за декабрь давал всего 47 вагонов, а за январь — 39,5 вагонов²⁴⁵. В начале 1917 года московский городской голова М. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая, что нехватка продовольствия «угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы».

Исполнение нарядов для других городов передфронтной и северной полосы в ноябре-декабре было еще более плачевным, отмечал А. Шляпников²⁴⁶. Из-за отсутствия зерна остановились мельницы в Царицыне, Тамбове, Нижнем и других местах. Из Иваново-Вознесенска сообщали в январе, что запасов муки в торговле у города нет. В других городах района положение было не лучше²⁴⁷. Например, в донесении о продовольственном положении на Мальцевских заводах говорилось: «С ноября 1916 года испытывается острый дефицит продуктов — только ржаная мука, а муки пшеничной, крупы и пшена рабочие давно уже не едят. Выдаваемые рабочим рационы вынуждены постоянно сокращать... Продовольственный вопрос с каждым днем становится серьезнее и все более волнует рабочих»²⁴⁸.

Начальник Воронежского губернского жандармского управления доносил губернатору, что 17 декабря 1916 года рабочие завода Столля во время перерыва «как и всегда, бросились к ближайшим лавкам купить что-либо поесть, но ни в одной из них не было даже черного хлеба. Рабочие в этот день были совершенно голодные»²⁴⁹. В феврале

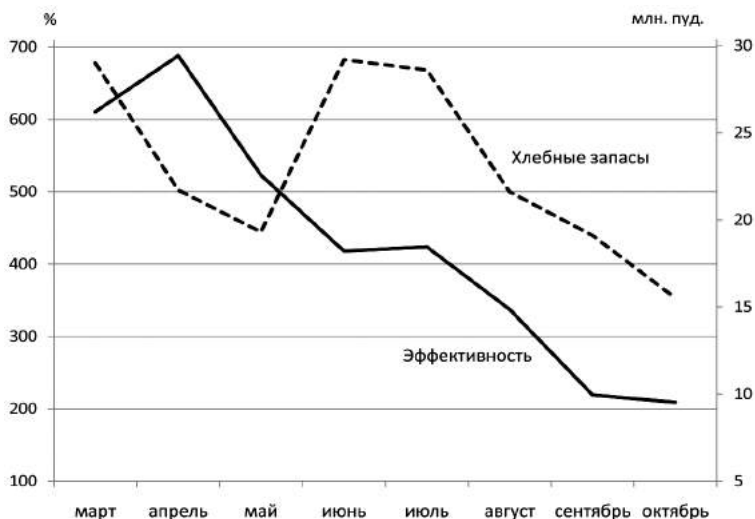

1917 года пензенский губернатор Евреинов телеграммой сообщал «о начавшейся голодовке в городах и больших поселках губернии, о совершенно безвыходном положении населения»²⁵⁰. Подобная ситуация с продовольствием наблюдалась по всем центральным земледельческим губерниям, отмечает С. Касимов. *Угроза голода к февралю 1917 года нависла повсеместно, кое-где, особенно в крупных городах, он уже начался*²⁵¹.

Проблемы с продовольствием дошли даже до армии, о чем свидетельствовала, например, справка главного полевого интенданта 16 декабря 1916 года с предложением снизить ежедневную дачу хлеба с нормативных 3 до 2,5 фунтов²⁵² или решение совещания Ставки верховного главнокомандующего от 16–17 февраля 1917 года: «Довести число постных дней в неделю до трех, а в тыловом районе до четырех-пяти»²⁵³.

Снижением твердых цен правительство ставило собой целью затормозить раскрутку инфляции, которая с конца 1915 года стала переходить из инфляции спроса в инфляцию предложения, то есть рост товарных цен стал опережать рост денежной массы²⁵⁴. Причиной роста денежной массы стал нарастающий дефицит военного бюджета, который все больше покрывался за счет денежной эмиссии. Однако эффективность эмиссионного покрытия военных расходов стремительно падала, что вынуждало правительство еще больше включать печатный станок, что вело к еще большему росту цен. Получался замкнутый круг падения в инфляционную спираль. Попытка остановить инфляцию введением твердых цен на сельхозпродукцию, при том, что цены на промышленную оставались рыночными, привело к образованию все растущей вилки цен между ними и, как следствие, угнетению товарного сельхозпроизводства: крестьянину было выгоднее пустить хлеб на внутреннее потребление своих хозяйств, чем пускать его на рынок. Зависимость между эффективностью денежной эмиссии и хлебными запасами рынка наглядно демонстрирует приводимый график:

Видимые запасы главных хлебов, по Н. Кондратьеву, в млн пудов, и эффективность эмиссионного покрытия военных расходов, в %, в 1916 году²⁵⁵

Рост напряжения между деревней и городом наглядно отражала сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 года: **«деревня сейчас переживает серьезный момент впервые и так ярко вскрывший в русской истории антагонизм города и деревни»**, «в деревнях наблюдается революционное брожение», «чего после начала войны, после 1906 года почти совершенно не наблюдалось». «Таким образом, крестьянство, несомненно, окажется весьма действительным участником нового и неизбежного движения»²⁵⁶.

В то же время в городах уже начались рабочие волнения. Одним из самых крупных была стихийная забастовка 30 тысяч рабочих Выборгского района Петербурга начавшаяся 17 октября. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тысяч солдат 181 полка, и солдаты присоединились к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стре-

лять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано²⁵⁷.

Обеспокоенное ростом рабочих выступлений Министерство внутренних дел в середине октября запросило обстановку на местах. Сводный доклад директор Департамента полиции А. Васильев представил 30 октября: **«во всех без исключения главнейшие причины всех переживаемых настроений, каковыми причинами признается то положение, в каком находится продовольственный вопрос, и неразрывная связанная с ним беспримерная, непонятная населению, чудовищно растущая дороговизна.** Все остальные тяжелые явления нашей действительности текущего периода представляются лишь следствиями этих причин. Наибольшая степень раздражения и озлобления масс под влиянием указанных причин наблюдается в обеих столицах... теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах... (во время революции 1905–1906 годов) **Такое необычайное повышенное настроение населения столиц дает основание... заключить... [что] как в Петрограде, так и в Москве могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера**»... При этом согласно предупреждению начальника кронштадтского жандармского управления, даже «в крепости, находящейся на осадном положении, возможно возникновение рабочих беспорядков, причем на подавление их войсками гарнизона рассчитывать нельзя» ввиду их ненадежности²⁵⁸.

Тесно связанная с тылом через земские и городские Союзы, либеральная общественность отреагировала на рост недовольства еще раньше, чем жандармское управление. Уже в сентябре 1916 года на совещании лидеров либеральной думской оппозиции^а «был поставлен вопрос **о тревожном положении, очень ясно определившейся линии развития**

а Родзянко, Милюков, Шидловский, Шингарев, Годнев, В. Львов, Некрасов, Гучков. Из не членов Думы был только Терещенко.

событий в сторону какого-нибудь большого народного движения, уличного бунта. Затем вопрос был поставлен не о том, нужно ли мешать этому либо содействовать. Предполагалось, что эти события пройдут независимо от воли и желания собравшейся группы, они сами собой разовьются. Вопрос был поставлен: **что нам делать, когда это все наступит... остановить это движение мы не можем, а присоединиться не хотим»**²⁵⁹.

Государство разваливалось прямо на глазах, что вынуждало либеральную оппозицию идти на отчаянные меры. О текущей ситуации наглядно свидетельствовала октябрьская сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления: **«безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразнейших отраслях торговой, промышленной и общественно-политической жизни страны;** бессистемные и взаимно противоречивые распоряжения представителей правительственной местной администрации; недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах; и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неизменно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц и крупных общественных центров... определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен решиться...»²⁶⁰

В том же сентябре 1916 года на совещании промышленников один из крупнейших их представителей А. Коновалов предсказывал неизбежность революционного движения: «Только глубокий патриотизм и сознательность... до поры до времени сдерживают рабочий класс. Что касается крестьянской массы, то здесь налицо все признаки анархии... В России уже сейчас нет никакого правительства. К тому же времени положение еще много ухудшится. При первых революци-

онных взрывах правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы. Вот почему все, кто сознает неизбежность того, что ждет нас... теперь должны подумать о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии. Спасение в одном: в организации себя — с одной стороны, в организации рабочих — с другой. Если мы будем смотреть на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы будем лишь содействовать анархии, содействовать собственной гибели. Объявляя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины. На правительство надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими — и тут, совершенно бесспорно, их сила и наше бессилие...»²⁶¹

Если промышленники искали спасения от грядущей анархии в союзе с рабочими, то либеральная оппозиция все свои надежды возлагала на союз с высшей властью и правительством. «К.-д. страшно боятся роспуска Думы, из страха будут готовы на всякого рода компромиссы, — утверждал начальник московского охранного отделения Мартынов 2.11.1916, — Общее настроение формулировал Милюков, указав, что правительство, распустив Думу и пойдя на новые выборы, не остановится перед крайним „выборным террором“...»²⁶²

Резолюция совещания прогрессивно-промышленных кругов Москвы в конце декабря 1916 года гласила: «В случае роспуска Гос. Думы, объединенное большинство Думы объявит роспуск недействительным, а заседания Гос. Думы продолжатся в Москве, в частном помещении... Собравшаяся в Москве Гос. Дума обратится к стране с воззванием, в котором укажет, что правительство умышленно ведет Россию к поражению, дабы заключить союз с Германией и при ее помощи водворить в стране реакцию и окончательно аннулировать акт 17 октября»²⁶³.

Однако еще больше, чем роспуск Думы, кадетов пугал призрак революции, отмечал Мартынов: «конференция выявила ясно еще одну черту в партийной психике к.-д. — их

непомерный страх перед революцией. *Отмечая грозные факты в провинциальной жизни — предвестники возможной смуты, многие ораторы ярко рисовали неизбежный анархический характер народного движения*»²⁶⁴. «Народная мысль... — указывал в своем выступлении П. Милюков, — имеет опасный уклон в сторону анархизма, отрицания всякой власти...»²⁶⁵

«По мнению многих видных депутатов (Шингарев, Александров и др.), в случае отказа правительства войти в соглашение с „партией народной свободы“ или в случае неприемлемости условий правительства, до *„революции осталось всего лишь несколько месяцев, если только такая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше“*: повсюду настроение достигло такого оппозиционного характера, что *достаточно какого-нибудь пустячного предлога, чтобы вызвать бурные беспорядки ожесточившихся народных масс*; беспорядки, конечно, вызовут кровавые подавления вооруженной силой, а последнее приведет к повсеместным протестам и еще более диким эксцессам»²⁶⁶.

Свои надежды либеральная оппозиция, по словам А. Гучкова, связывала с тем, «что после того, как дикая стихийная анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти... Затем, другая возможность, что правительство, почувствовав свое опасное положение, прибегнет к нашей помощи, осуществлятся 1905–1906 годы... Либо мы будем вынесены революционной волной наверх, либо [последует] призыв самой верховной власти, — в любом случае отмечал Гучков. — Мы, конечно, уклониться не можем, но мы отдаем себе отчет, что умиротворение стихии возможно лишь при одном условии, что тот, кто являлся главным ответственным лицом, то есть государь, он должен уйти... Притом тут были люди республикански настроенные, как кадеты, но вопрос о режиме никем не затрагивался, потому что в душе у каждого было решено, что строй должен остаться монархическим. О возможности замены монархии другим строем речи [и] потом не было, но отречение государя давало возможность укрепить строй»²⁶⁷.

Однако действительность быстро разрушила эти планы. О текущей обстановке в стране говорила сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916: «Отношение народных масс к Государственной Думе в последнее время серьезно изменилось, ибо деятельность Думы в прошлую сессию сильно разочаровала массы: в борьбе с наиболее насущными вопросами (дороговизной, продовольственными затруднениями) Дума ничего не сделала, а то, что сделала (закон о мясопустных днях), лишь еще ухудшило положение. *Такое ослабление веры в народное представительство в широкой народной массе особенно озадачивает кадет, которые собираются в предстоящей сессии продемонстрировать перед народом, что они являются столь же деятельными, как и левые партии*»²⁶⁸.

Одновременно нарастал раскол в самой либеральной оппозиции, на что обращал внимание в своем донесении 2.11.1916 начальник московского охранного отделения полковник Мартынов: «Настроение провинции было явно анти-милюковское, неизмеримо более радикальное... Осторожная тактика Милюкова, чрезмерно заботящегося о легальности партии в глазах правительства, убивает партию в глазах в последнее время стихийно левеющего провинциального общества... Накануне выборов в V государственную Думу такая тактика прямо «самоубийственна»»²⁶⁹.

Падение авторитета Думы и либеральной оппозиции накануне выборов подрывало все надежды кадетов быть «приглашенными» во власть. «В настоящий момент температура Москвы неизмеримо выше, чем была даже в 1905–1906 годы... — предупреждал А. Коновалов. — На ближайших выборах в Государственную Думу, несомненно, к.-д. окажутся для Москвы слишком правыми...»²⁷⁰ Сам Милюков отмечал, что даже «московские старообрядцы... стали говорить языком, который до 1905–1906 годов можно было слышать только в швейцарских эмигрантских кругах»²⁷¹.

Либеральная общественность ощутила угрозу того, что она вообще может оказаться не у власти. Нарастающие опасения звучали в словах лидера октябристов А. Гучкова: «Мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что

какие-то одни силы выполняют революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции... допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, что нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией. Я сказал, что обдумую вопрос о дворцовой революции — это единственное средство»²⁷².

Выбора нет: «Все зависит от нас, все в наших руках; предстоящая сессия Государственной Думы должна быть решительным натиском на власть, последним штурмом бюрократии... — призывал А. Коновалов, — Более благоприятный момент для штурма власти едва ли повторится. Власть страшно растерялась перед продовольственной анархией, и в то же время, военное положение в данный момент весьма мало благоприятно»²⁷³. 16 декабря А. Коновалов заявит: вся Россия уже осознала, что «с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом». Другой крупнейший промышленник П. Рябушинский отметит: «Мы переживаем трагическое время, и декабрь 1916 года в истории России навсегда оставит память противоположности интересов Родины и правительства»²⁷⁴. У либеральной оппозиции не оставалось другого выхода, как перейти к активным действиям.

Данный факт не остался незамеченным департаментом полиции, который в январе 1917 года сообщал: «Опасаясь при неожиданности „переворота“ и „бунтарских вспышек“ оказаться не у дел и явно стремясь при общем крушении и крахе сделаться вождями и руководителями анархически-стихийной революции лица эти (Гучков, Коновалов, кн. Львов) самым беззастенчивым и провокационным образом муссируют настроение представителей руководящих и авторитетных рабочих групп (военно-промышленных комитетов), высказывая перед представителями последних уверенность свою в неизбежности уже „назревшего переворота“»²⁷⁵.

«В это время в Москве происходили собрания, на которых открыто обсуждался дворцовый переворот и говорилось об этом как о событии завтрашнего дня. Приезжали в Москву А. Гучков, В. Маклаков, суетились и другие спасители отечества... — вспоминал С. Булгаков о конце 1916 года. — Особенное недоумение и негодование во мне вызвали в то время дела и речи кн. Г. Львова, будущего премьера... Его я знал... как верного слугу царя, разумного, ответственного, добросовестного русского человека, относившегося с непримиримым отвращением к революционной сивухе, и вдруг его речи на ответственном посту зовут прямо к революции... Это было для меня показательным, потому что о всей *интеллигентской черни* не приходилось и говорить...»²⁷⁶

Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде ген. Глобачев в своем докладе от 26 января 1917 года сообщал о группе, «действующей в стиле заговорщиков», состоящей из А. И. Гучкова, князя Львова, С. Н. Третьякова, Коновалова, М. М. Федорова и некоторых других. «Все надежды эта группа возлагает на дворцовый переворот силами по крайней мере одного-двух сочувствующих полков»²⁷⁷. Согласно материалам следственной комиссии Временного правительства: «Гучков надеялся, что армия за небольшим исключением одобрит дворцовый переворот, сопровождаемый каким-нибудь террористическим актом (совершенным (например) собственными телохранителями царя, как в XVIII веке...). Одновременно с помощью солдат следовало арестовать правительство, а потом объявить о дворцовом перевороте и составе нового правительства»²⁷⁸.

К перевороту готовились и левые партии. По словам Керенского, некоторые проекты дворцового переворота можно было осуществлять уже зимой 1916 года: «наша смешанная группа представителей левых думских фракций... поддерживала отношения со всеми активными радикальными силами страны... удалось выработать единую программу действий

во избежание несогласованности, которая помешала бы государственному перевороту...»²⁷⁹ «В разработке заговоров участвовало огромное множество организаций, даже члены думского «прогрессивного блока». Заговорщики наладили контакты с военными, в их число вошли многие генералы, не говоря уже о младших офицерах»²⁸⁰. «К сожалению, — отмечал Керенский, — ни один серьезный план не осуществился», «все ждали инициативы».

Николай II был в курсе происходивших событий, о чем говорит его письмо к жене 5 ноября 1916 года: «Вчера я принял славного Маниковского, начальника артилл. управления. Он рассказал мне много относительно рабочих, об ужасной пропаганде среди них и огромных денежных суммах, раздаваемых для забастовок — и что, с другой стороны, этому не оказывается никакого сопротивления, полиция ничего не делает, никому дела нет до того, что может случиться! Министры, как всегда, очень слабы — вот и результат»²⁸¹.

«Подготовка к революционной вспышке, — по словам Милюкова, — весьма деятельно велась — особенно с начала 1917 года — в рабочей среде и казармах Петроградского гарнизона. Застрельщиками, должны были выступить рабочие. Внешним поводом для выступления рабочих на улицу был намечен на день предполагавшегося открытия Государственной Думы, 14 февраля. Подойдя процессией к Государственной думе, рабочие должны были выставить определенные требования, в том числе и требования ответственного министерства»²⁸². Подобное выступление напоминало шествие 9 января 1905 года, разгон которого стал сигналом к началу Первой русской революции.

Председатель Думы М. Родзянко в то время успокаивал британского военного атташе: «Мой дорогой Нокс, вы должны успокоиться. Все идет правильно. Россия — большая страна, мы можем вести войну и совершать революцию одновременно»²⁸³. Английский посол Дж. Бьюкенен, в свою очередь, отмечал в воспоминаниях, что еще в январе один его «русский

друг, который был впоследствии членом Временного правительства, известил меня... что перед Пасхой должна произойти революция, но что мне нечего беспокоиться, так как она продлится не больше двух недель»²⁸⁴.

В полном соответствии с этими планами группа крайне правого крыла рабочих, представлявших Центральный военно-промышленный комитет, в преддверии открытия Думы, выпустила воззвание: «Рабочий класс и демократия больше не могут ждать. Каждый день промедления опасен. Решительное искоренение самодержавного режима и полная демократизация страны становятся задачей, требующей немедленного решения, вопросом жизни и смерти для рабочего класса и демократии... К открытию Государственной Думы мы должны подготовить всеобщую демонстрацию... Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса: только создание Временного правительства, опирающегося на народ, организованный для борьбы, может вывести страну из тупика и фатальной разрухи, обеспечить политическую свободу и дать стране мир на условиях, приемлемых для российского пролетариата и пролетариата других стран»²⁸⁵.

Правительство немедленно распустило группу и провело массовые аресты лидеров рабочих, профсоюзных и других организаций. В то же время между заговорщиками — кадетским крылом «прогрессивного блока» и Рабочей группой Центрального военно-промышленного комитета — неожиданно произошел раскол. Его причина заключалась, по словам Милюкова, в том, что рабочее движение начало проявлять самостоятельность и выходить из сферы влияния «прогрессивного блока». Совершенно явно этот раскол прозвучал 10 февраля в письме Милюкова, опубликованном в газете «Речь», в котором лидер кадетов почти дословно повторил слова, сказанные за день до этого командующим войсками Петроградского военного округа С. Хабаловым, предупреждавшим рабочих от выхода на демонстрацию. «Рабочих, — по словам В. Чернова, в письме Милюкова, — особенно возмутило упоминание о „вредном и опасном совете“, который „явно исходит из самого зловещего источника. Следовать этому совету — значит играть на руку врагу“»²⁸⁶.

Массовые аресты и раскол в среде заговорщиков привели к тому, что демонстрация, назначенная на 14 февраля, провалилась. В день открытия Думы бастовало всего несколько десятков тысяч рабочих примерно шестидесяти предприятий²⁸⁷. Два левых депутата — лидер меньшевиков Н. Чхеидзе и лидер трудовиков А. Керенский — выступили с резкой критикой «прогрессивного блока» и кадетов за «отсутствие воли к действию» и страх перед революцией и «пытались доказать, что единственным выходом из положения является революция»²⁸⁸. 14 февраля Керенский заявил с думской трибуны: **«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными мерами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом? С нарушителями закона есть один путь борьбы — физического их устранения»**. В аналогичном духе высказывался и Милюков²⁸⁹.

Однако, как отмечал меморандум петроградской тайной полиции: «Намерение подпольных социалистических организаций превратить мирную народную демонстрацию в стихийную революционную акцию чрезвычайно пугает „претендентов на власть“ и заставляет их уныло спрашивать себя, не слишком ли высоко они занеслись. Этим людям кажется, что они, как библейская ведьма, нечаянно вызвали „фантом революции“, но не смогли с ним справиться. Они хотели всего лишь напугать им упрямое правительство, однако злой дух революции на пути ко всеобщему уничтожению готов свергнуть правительство... и пожрать их самих»²⁹⁰.

Случилось то, чего так опасался В. Шульгин, размышляя о радикализме речей либеральной оппозиции: с одной стороны, благодаря им «раздражение России, вызванное страшным отступлением 1915 года... удалось направить в одушиину, именуемую Государственной Думой. Удалось перевести накипевшую революционную энергию в слова, в пламенные речи и в искусные, звонко звенящие „переходы к очередным делам“. Удалось подменить „революцию“ „резолуцией“, то есть кровь и разрушение словесным выговором правительству». С другой — «в минуту сомнений мне иногда начинает казать-

ся, что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями. Мы слишком красноречивы... мы слишком талантливы в наших словесных упражнениях. Нам слишком верят, что правительство никуда не годно...»²⁹¹

«Речи Милюкова были одним из крупных факторов в революционизировании общественного мнения. Как он сам на это смотрел? — спрашивал интервьюер Гучкова Базили. — Ведь, если он боялся взрыва, то с этим не вяжется характер его речи. *Буржуазные партии в России, главным образом кадеты, расшатали престиж власти...*» Милюков «потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять, — отвечал Гучков. — Он думал, что это, прежде всего, потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть...»²⁹² Спустя год, выступая с трибуны Государственной Думы, Шульгин сформулировал основную движущую идею думской оппозиции: «В нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластия, — эта мысль занимает почетное место... И тем не менее у нас есть только одно средство: бороться с властью до тех пор, пока она не уйдет!.. Мне кажется, что рабочие будут спокойнее и усерднее стоять у своих станков, зная, что Государственная Дума исполняет свой долг...»²⁹³

На это выступление Шульгина ответил видный представитель правых Н. Марков Второй: «Правда Шульгина такая: мы в Думе владеем словом, могучим словом, и словом будем бить по ненавистному правительству, и это патриотизм, это священный долг гражданина. А когда рабочие, фабричные рабочие, поверив вашему слову, забастуют, то это государственная измена. Вот шульгинская правда, и я боюсь, что эту правду рабочие назовут провокацией, и, пожалуй, что это будет действительно правда... *Знайте, что народ и рабочие — люди дела, они не болтуны и словам вашим верят*, и если вы говорите эти слова — будем бороться с государственной властью во время ужасной войны, — понимайте, что это значит... чтобы рабочие бастовали, чтобы рабочие поднимали знамя восстания, и не закрывайтесь, что вы только словами

хотели ограничиться; нет, **знайте, что ваши слова ведут к восстанию, к народному возмущению...** Речи депутатов Миллюкова, Керенского, Чхеидзе и ласковое изречение г. Шульгина разнятся только в тоне, в манере, в технике, но суть их одна, и все они ведут к одному — к революции»²⁹⁴. К аналогичным выводам приходил и Керенский в своем обращении к думскому большинству: «Подобно персонажу Мольера, не знающему, что он говорит прозой, **вы отвергаете революцию, выражаясь и действуя, как настоящие революционеры**»²⁹⁵.

«Но оппозиционные лидеры Думы были верны себе... — отмечал лидер эсеров В. Чернов, — стихийные демонстрации, вспыхнувшие в Петрограде еще через неделю, застали их врасплох. На этот раз „улицу“ никто не пытался урезонить, и это стихийное движение переросло в революцию»²⁹⁶. Петроградское охранное отделение еще в январе 1917 года доносило: «Настроения в столице носит исключительно тревожный характер... Все (думцы) ждут каких-то исключительных событий и выступлений... Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем „дворцового переворота“»²⁹⁷. Вспоминая о тех январских днях, английский посол Д. Бьюкенен отмечал: «Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу...»²⁹⁸

«С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями», — доносило охранное отделение в феврале 1917 года. — «Новый взрыв недовольства» новым повышением цен и исчезновением с рынка предметов первой необходимости охватил «даже консервативные слои чиновничества». «Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в

самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росто не видать»²⁹⁹.

В решающий момент голод дополнила еще одна движущая сила революции, которая 18–23 февраля обратилась в Государственную Думу с вопросом о закрытии Ижорского и Путиловского заводов «и частичного расчета рабочих в связи с недостатком топлива и сырья. **Это обстоятельство при царящей продовольственной разрухе и мизерном заработке подавляющей массы рабочих создало тревожное настроение**». «Мы сегодня говорим о Петербурге, — отмечал А. Керенский в своем выступлении 23 февраля, посвященном обсуждению этого вопроса в Госдуме, — но передо мной выписка из газеты, которая говорит о том, что к 18 февраля в Москве готовится расчет 38 000 рабочих. Сейчас уже там закрыто свыше десяти фабрик и готовятся к закрытию 46 больших фабричных учреждений. Вам уже говорил здесь и депутат Скобелев о том, что делается в других городах»³⁰⁰.

Война и вызванные ею тяготы уже и без того привели к стремительному росту рабочих выступлений: по данным «Хроники», в России в 1915 году было 1946 стачек с 897 тыс. участников, в 1916 году — 2306 стачек с 1784 тыс. и в январе-феврале 1917 года — 751 стачка с 640 тыс. участников³⁰¹. То есть среднемесячное количество участников стачек, до марта 1917 года, практически удваивается с каждым годом: 1915 год — 75 тыс., 1916 год — 148 тыс., 1917 год — 320 тыс. **«Подобного рода стихийные выступления голодных масс, — предупреждало агентурное донесение по Петрограду от 25 января 1917 года, — явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции»**³⁰².

Революция начнется 23 февраля — на следующий после отъезда Николая II из Петрограда в Ставку, в тот день **рабочие вышли на улицы с единственным лозунгом: «Хлеба!»**. Ранее, отмечал Чернов, «ни большевики, ни меньшевики, ни Рабочая группа, ни эсеры, как по отдельности, так и общими усилиями

не смогли вывести на улицу петроградских рабочих. Это сделал некто куда более могущественный: Царь-Голод»³⁰³.

Количество бастующих петроградских рабочих (чел.)

23 февраля 87 000

24 февраля 197 000

25 февраля 240 000

«Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова, и против них вызвали казаков, — сообщала 24 февраля Александра Федоровна своему мужу. — Я надеюсь, что Керенского из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют проявить твердость». 25 февраля: «...Хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам...»³⁰⁴

Министр земледелия А. Риттих объяснял срыв снабжения Петрограда сильными морозами и снежными заносами, утверждалось, что вагоны с хлебом застряли в пути из-за снегопадов³⁰⁵. При этом Риттих 23 февраля с трибуны государственной Думы указывал: «Взгляните на витрины гастрономических магазинов: все там есть, откуда-то подвозится, подвозится постоянно, а тут же рядом черного хлеба нет. Само собою разумеется, это не может не раздражать обывателя. И вот надо бы, господа, прекратить это безобразие, **прекратить это — непростительную в военное время роскошь**, прямо воспретить подвоз новых предметов роскоши, подвоз предметов роскошного продовольствия, но прежде всего надо настаивать, чтобы хлеб был, черный хлеб. Если надо идти на известные жертвы, то надо на них пойти»³⁰⁶.

Но хлеб в столице был. Уже на первом заседании Совета в феврале 1917 года выяснилось, что продовольственное состояние Петрограда «отнюдь не было катастрофическим»³⁰⁷. 23–25 февраля Протопопов и Хабалов докладывали, что «хлеба хватит», «волнения вызваны провокацией», «недостатка хлеба в продаже не должно быть»³⁰⁸. Воейков приводил заверения городского общественного управления от 25 февраля, что в «Петрограде в данный момент имеются достаточные запасы муки; на складах Калашинковской биржи было свыше 450 000 пудов муки, так что опасения о недостатке хлеба являлись совершенно неосновательными»³⁰⁹.

М. Пришвин, служивший в Министерстве земледелия в Отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, вспоминал: «Член Совета министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслуживающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги все поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов»³¹⁰.

Министр внутренних дел А. Протопопов в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства следующим образом объяснял возникновение хлебного кризиса: «Кто должен был этим продовольствием ведать? Должно было ведать правительство, а так как правительство само по себе уничтожалось, то, конечно, на его место стали общественные силы. Министерство оставалось ни при чем, и его можно было уничтожить, и это было бы, может быть, рационально, а то получилось то, что Риттих назвал „бисерной забастовкой“, потому что для революционных действий, идущих против старого строя, нет более удобных путей, как экономическая борьба, то есть путь, чтобы еще более расстроить кровообращение страны, вселяя недовольство и

доводя его до сильнейшего состояния, пока не произойдет взрыв. Это ужас...»³¹¹

В пользу версии заговора говорило ноябрьское 1916 года донесение начальника московского охранного отделения Мартынова об октябрьской конференции кадетов, в котором отмечалось, что подготовка к штурму правительства должна будет начаться с объединения оппозиционных сил под лозунгом: «противодействие общей опасности. Под опасностью к.-д. понимают анархию на почве продовольственного вопроса... *Все признавали, что продовольственный вопрос — лучшая „платформа“ для объединения на политической почве и планомерной организации развивающейся борьбы с правительством*»³¹².

Революция напоминала взрыв разорвавшейся бомбы. Протопопов докладывал Николаю II о том, что «в верности царю общей массы войск не сомневается». На деле если 23 февраля с толпой еще справлялись полиция и жандармы, то уже 24-го пришлось пустить военные части. 25-го, после царского приказа, решено стрелять, и на следующий день войска местами стреляли. Но одна рота запасного батальона Павловского полка уже требовала прекращения стрельбы и сама стреляла в конную полицию³¹³.

26 февраля Родзянко телеграфировал Николаю II: «Положение серьезное. В столице — анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление смерти подобно...»³¹⁴

27 февраля начальник Петроградского военного округа ген. С. Хабалов телеграфировал начальнику штаба Ставки ген. М. Алексею: «Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими из-

менили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск... К вечеру мятежники овладели большею частью столицы...»³¹⁵ «Ваше величество, — телеграфировал командующий войсками Западного фронта ген. А. Эверт, — на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя... Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столице не проникали в армию, дабы обереечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столице нет никаких»³¹⁶.

27 февраля Николай II приостановил деятельность Думы, несмотря на то, что еще 19 февраля ее председатель Родзянко предупреждал Николая II, что в случае роспуска Думы вспыхнет революция, которая «сметет вас, и вы уже не будете царствовать». «Ну, Бог даст», — отвечал самодержец...³¹⁷ Но роспуск Думы, по словам Милюкова, действительно стал сигналом к началу революции³¹⁸.

О том, как это произошло, рассказывал лидер эсеров В. Чернов: «Думе предстояло остаться на мелководье, забытой всеми, неспособной на союз с народом, отвергнутой самодержавием и никому не приносящей пользы. Но тут ей на выручку нечаянно пришло правительство. Когда уличные демонстрации достигли своего пика, правительство издало указ о роспуске Думы. Внезапно петроградские улицы облетела весть: Дума отказалась „распуститься“! Для всех недовольных, которые еще колебались, и всех тех, кто начинал сомневаться в прочности правительства, которое они защищали, это стало последней каплей»³¹⁹. Однако отказ Думы «распуститься» был всего лишь легендой. Да, левые депутаты призывали к такому отказу. Но «отказ подчиниться монарху означал бы, что Дума разворачивает знамя мятежа и возглавляет этот мятеж; со всеми вытекающими отсюда последствиями, — писал Шульгин. — Родзянко и подавляющее большинство думцев, включая кадетов, были абсолютно не способны на такое»³²⁰.

«Дума решила подчиниться царскому указу о роспуске...»³²¹ По словам Милюкова: «Самоубийство Думы совершилось без протеста»³²². Однако «легенда об отказе подчиниться указу о роспуске постепенно привела к беспрецедентной и двойственной ситуации. Прибывали военные отряды, открыто бросившие того самого царя, которому Дума решила подчиняться даже после декрета о собственном роспуске. Они подтвердили свою преданность революции, представленной Думой, которая дрожала от ужаса, сталкиваясь с ней. Толпа приветствовала Родзянко громкими криками»³²³.

«Если Дума не желала идти к революции, — замечал Чернов, — то революция сама пришла к Думе в виде вооруженных людей. Это были организованные представители революции, Советы рабочих депутатов, избранные на фабриках после 21 февраля и сами явившиеся в Таврический дворец. Думе оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре»³²⁴.

«В телеграмме царю членов Государственного совета в ночь на 28 февраля положение определялось следующим образом: «Вследствие полного расстройств транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния... Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозящим положением»³²⁵.

В тот же день Совет министров подал царю просьбу о коллективной отставке и разошелся. «Во время „революции“ в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров», — отмечал Милюков. **«Во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти...»** — дополнял картину Шульгин³²⁶. На следующий день, 28 февраля, многие министры, включая председателя, были арестованы, а к Таврическому дворцу

шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной Думы³²⁷.

Сам Николай II фактически был блокирован в Ставке с 23 февраля, куда прибыл по настойчивой просьбе ген. М. Алексеева. Лейб-медик семьи Николая II Д. Боткин в связи с этим полагал, что «революция началась задолго до того дня, когда Гучков и Шульгин добивались в Пскове отречения... Государь фактически был узником заговорщиков еще до подписания отречения...»³²⁸ Этой же версии придерживался один из лидеров октябристов С. Шидловский: «Временною властью были приняты все меры, чтобы не допустить его в Петроград из опасения личного его появления». Между тем открытое противодействие означало прямой мятеж, который нельзя было бы прикрыть демагогической заботой «о судьбах династии»³²⁹. Правда, у Николая II оставались еще надежды на гвардию...

Но в столице гвардейских полков не было. По словам вл. князя Александра Михайловича: «Каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке в Петербург был отменен»³³⁰. И это вызывало немало подозрений у современников: «Генералы не могли места найти для запасных батальонов на всем пространстве империи. Или места в столице империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев. Это, конечно, можно объяснить и глупостью; это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, — утверждал И. Солоневич, — что все в мире ограничено, даже человеческая глупость...» По воспоминаниям А. Вырубовой, Николай II «выражал желание, чтобы полки гвардии поочередно приходили в Царское Село на отдых, думаю, чтобы в случае нужды предохранить от грозящих беспорядков». Но попытки Николая II вызвать гвардию в Царское Село и Петроград под разными предлогами отклонялись назначенным на время отдыха М. Алексеева на его место ген. В. Гурко³³¹. Мало того генералом С. Хабаловым из Петрограда на фронт было отправлено несколько тысяч городских и нижних чинов полиции.

Кроме этого, для изоляции Николая II и надежных воинских частей были специально приняты предупредительные меры, в чем вполне откровенно признавался Милюков: «В Петербург для усмирения восстания царем были посланы во-

йска. Генерал Иванов назначен диктатором с объявлением военного положения в Петербурге, сам царь выехал 1 марта из Ставки в Царское. Но в то же время наши инженеры Некрасов и (прогрессист) Бубликов вместе с левыми вошли в связь с железнодорожным союзом и оказались хозяевами движения по всей железнодорожной сети»³³².

Но для того, чтобы остановить армию, этого было недостаточно. Не случайно А. Гучков вскоре после переворота добавлял: «Нужно признать, что тому положению, которое создалось теперь, когда власть все-таки в руках благомыслящих людей (Временного правительства), мы обязаны, между прочим, тем, что нашлась группа офицеров Генерального штаба, которая взяла на себя ответственность в трудную минуту и организовала отпор правительственным войскам, надвигавшимся на Питер, — она-то и помогла Государственной Думе овладеть положением»³³³. Отпор правительственным войскам дал высший командный состав русской армии.

Еще в первоначальном варианте Гучкова предложение об отречении должен был передать царю один из великих князей. «Если бы царь ответил отказом, — по словам А. Деникина, — то ожидалось „его физическое устранение“. Генералов Алексеева, Рузского и Брусилова попросили ответить, согласились бы они участвовать в таком заговоре. Решительным „нет“ ответил только первый из них»³³⁴.

Однако с началом революции настроения М. Алексеева полностью переменились, о чем свидетельствуют его письма ген. Юденичу. В одном из них говорилось: «потеря каждой минуты может стать роковой для существования России... между высшими начальниками армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены...»³³⁵ Алексеев просил вл. князя Николая Николаевича и Юденича поддержать его мнение, что спасение отечества возможно лишь в случае отречения Николая II³³⁶.

В своем обращении к Николаю II начштаба Ставки ген. Алексеев от лица высшего командного состава писал: «умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь

внушит Вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее...»³³⁷ «Лидеры Думы во главе с Родзянко, — продолжал Алексеев, — еще могут предотвратить общую катастрофу, но каждый час уменьшает последний шанс на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайне левыми элементами»³³⁸.

В ответ царь телеграфировал Иванову, чтобы тот не предпринимал никаких мер до получения его личного приказа. Николай согласился вернуть части на фронт и разрешил генералу Рузскому начать телеграфные переговоры с Родзянко³³⁹. 2 марта Николай II подписал отречение; первой из причин вынудивших его пойти на этот шаг он поставил «желание избежать в России гражданской войны»³⁴⁰.

Самой большой неожиданностью оказалась быстрая и практически полная измена всей армии своему монарху — от генералитета до солдат, от фронтовых частей до самых привилегированных гвардейцев. «„Верноподданные“, почти все ближайшее окружение с поистине примечательной поспешностью бросили бывшего царя со всей фамилией»³⁴¹. Еще до отречения Николая II в Думу пришла депутация из Петергофа; «во главе колонны шли наиболее обласканные короной войска, шли казаки свиты... За ними следовали... привилегированные части императорской гвардии. Появился полк Его Величества, своего рода священный легион, куда попадали лучшие, отобранные из представителей гвардейских частей, — они специально предназначались для охраны царя и царицы... Шествие замыкала императорская дворцовая полиция — отборные телохранители... Вчера они охраняли царя, а сегодня заявляли о преданности новой власти, даже названия которой они не знали»³⁴². Вл. князь Кирилл Владимирович 14 (1) марта еще до

отречения Николая II надел красный бант и вывел свой батальон Гвардейского Экипажа на присоединение к восставшим войскам и призвал к этому других.

На торжественном заседании Священного Синода 17 (4) марта «первенствующий член Св. Синода, митрополит Владимир выразил от лица всех присутствующих радость освобождению православной церкви... чрезвычайно сильное впечатление на присутствующих произвело то место речи обер-прокурора, когда он предложил вынести из зала заседания Св. Синода Царское кресло, как эмблему цезаро-папизма»³⁴³. «Со всех концов великой России, — сообщала газета „Речь“ 18 (5) марта, — приходят вести об отражениях, которые имела разразившаяся в столице революция на местах... судя по бесчисленным телеграфным известиям, это не революция, а парад... Едва ли не единственное исключение составил тверской губернатор Бюнич, который и был убит»³⁴⁴.

У заговорщиков же отречение Николая II вызвало не столько восторг, сколько страх, о причинах которого говорил один из их лидеров А. Гучков: «В этом хаосе мы должны прежде всего думать о спасении монархии. Видимо, нынешний монарх править больше не должен. Но можем ли мы спокойно ждать, пока этот революционный сброд уничтожит монархию? А это неминуемо случится, если мы выпустим инициативу из своих рук... Поэтому мы должны действовать тайно, быстро, не задавая вопросов и не слушая ничьих советов. Мы должны поставить их перед свершившимся фактом. Мы должны дать России нового монарха... Под этим знаменем мы должны собрать всех, кого можно... Мы должны действовать быстро и решительно!»³⁴⁵.

С началом революции роли переменялись, отмечал в этой связи В. Чернов, крайне левый член «прогрессивного блока» сейчас был более правым, чем его коллеги... «Ради спасения династии он был готов начать гражданскую войну»³⁴⁶. В стремлении спасти династию В. Чернов видел попытку «думских „революционеров поневоле“ подавить революцию»³⁴⁷. Эта попытка состоялась 16 (3) марта на встрече членов Временного правительства и Гос. Думы с вл. князем Михаилом Александровичем. Однако из присутствовавших двенадцати лиц,

из которых все, кроме Керенского, были представителями либеральных и правых группировок, все, за исключением двух, настаивали на том, чтобы вл. князь Михаил Александрович отказался от трона и передал власть Временному правительству. Только лидер российских либерал-демократов Милюков энергично выступил против³⁴⁸.

«Если вы откажетесь, ваше высочество, — убеждал Милюков вл. князя Михаила, — будет гибель. Потому что Россия, Россия теряет свою ось. Монарх — это ось. Единственная ось страны. Масса, русская масса, вокруг чего она соберется? Если вы откажетесь, будет анархия, хаос, кровавое месиво. Монарх — это единственный центр. Единственное, что все знают. Единственное общее. Единственное понятие о власти пока в России. Если вы откажетесь, будет ужас, полная неизвестность, ужасная неизвестность, потому что не будет присяги, а присяга — это ответ, единственный ответ, который может дать народ нам всем на то, что случилось. Это его санкция, его одобрение, его согласие, без которого нельзя ничего, без которого не будет государства, России, ничего не будет»³⁴⁹.

«Милюков ошибается, — отвечал Керенский. — Приняв престол, вы не спасете Россию. Наоборот. Я знаю настроение массы рабочих и солдат. Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии. Именно этот вопрос будет причиной кровавого развала... Пред лицом внешнего врага начнется гражданская, внутренняя война... Умоляю вас во имя России принести эту жертву! Если это жертва. Потому что, с другой стороны, я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол»³⁵⁰.

«Диспут закончился предложением созвать Учредительное собрание с участием обеих сторон; мол, это позволит избежать гражданской войны. Но даже слух о временном сохранении старой династии, — по словам Чернова, — действовал на людей как взрыв бомбы. Тщетно Милюков пытался объяснить представителям демократических Советов, что Романовы не опасны»³⁵¹. «Нам было абсолютно ясно, — вспоминал Родзянко, — что великий князь не процарствует и нескольких часов. В стенах столицы должна была пролиться большая кровь, которой было бы отмечено начало граждан-

ской войны. Нам было ясно, что великого князя немедленно убьют вместе со всеми его сторонниками, потому что в его распоряжении не было надежных войск, а на армейские части рассчитывать не приходилось»³⁵².

Настроения масс далеко опережали текущие события, эту данность уже в середине 1916 года констатировал видный кадет А. Шингарев: «Зашло так далеко, пропущены все сроки, я боюсь, что если наша безумная власть даже пойдет на уступки, если даже будет составлено правительство из этих самых людей доверия, то это не удовлетворит... Настроение уже перемахнуло через нашу голову, оно уже левее Прогрессивного блока... Придется считаться с этим... Мы уже не удовлетворим... Уже не сможем удержать... Страна уже слушает тех, кто левее, а не нас... Поздно...»³⁵³

О характере этих настроений накануне отречения Николая II говорил Родзянко, отвечая на просьбу ген. Н. Рузского «сначала предложить Николаю доверить Родзянко сформировать правительство, которое будет отчитываться только перед самим царем, но постепенно добавив новое требование: правительство будет подчиняться законодательным органам. «Его Величество и вы, — отвечал Родзянко, — видимо, не понимаете, что происходит. *Началась одна из самых страшных революций на свете, и справиться с ней будет очень нелегко... Страсти разгорелись так, что обуздать их нет никакой возможности*»³⁵⁴.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОГОНЬ

АРМИЯ

Армия представляет собою сколок общества, которому служит, с тем отличием, что она придает социальным отношениям концентрированный характер, доводя их положительные и отрицательные черты до предельного выражения.

Л. Троцкий³⁵⁵

Почему армия стоит первой? Потому что именно она, отмечал А. Деникин, сыграла решающую роль в судьбе революции: «Исследуя понятие „власть“ по отношению ко всему дооктябрьскому периоду русской революции, мы, в сущности, говорим лишь о внешних *формах* ее. Ибо в исключительных условиях мировой войны небывалого в истории масштаба, когда 12 % всего мужского населения было под ружьем, вся власть находилась в руках *Армии*»³⁵⁶. И это была крестьянская армия, на 90–92 % состоявшая из выходцев из сельской местности³⁵⁷.

Развал

Постфевральская история армии почти во всех воспоминаниях начинается с Приказа № 1 Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Петроградского Совета, вышедшего 2 марта 1917 года тиражом 9 млн экземпляров!³⁵⁸ С Приказа, имеющего «такую широкую и печальную известность и давш[его], — по словам Деникина, — первый и главный толчок к развалу армии»³⁵⁹. Приказ № 1 требовал «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов... Всякого рода оружие... должно находиться в распоряжении... комитетов и ни в коем случае не выдаваться

офицерам...»³⁶⁰ Солдаты истолковали этот приказ как разрешение выбирать командиров, хотя в приказе об этом не было ни слова, а, наоборот, предписывалось соблюдение «строжайшей воинской дисциплины»³⁶¹. Однако появление Приказа № 1, отмечал ген. М. Алексеев, «спровоцировало серьезные беспорядки в окопах»³⁶².

А. Керенский объяснял появление «Приказа» тем, что в Петрограде «проблемы с наведением порядка в войсках сильно осложнялись фактическим отсутствием... офицеров, способных возглавить массу солдат, имевшихся в нашем распоряжении». Десятки тысяч солдат необходимо было как-то организовать; именно этой цели и служил приказ № 1³⁶³. «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать», — вторил один из меньшевистских лидеров, член Исполкома Петроградского Совета И. Церетели³⁶⁴.

Еще одно объяснение прозвучало на заседании правительства, главнокомандующих и ЦИК из уст представителя Совета Скобелева: «В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим, и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать Приказ № 1. **У нас была скрытая тревога насчет того, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения.** Сегодня мы убедились, что основания для этого были»³⁶⁵. «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость, — вторил член Совета и редактор „Новой жизни“ И. Гольденберг. — Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы „сделали революцию“, **мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию.** Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство»³⁶⁶.

Повод тому, по словам А. Керенского, давали «бесконечно ходившие слухи о контрреволюционных заговорах,

готовившихся офицерами и высшим армейским командованием, [которые] только подогревали страсти»³⁶⁷. Тревожившие революционеров опасения передавал лидер эсеров В. Чернов: «Офицеры, которые требовали, чтобы солдаты отказались от политики, сами от политики не отказывались напротив, они мечтали о „суровой чистке Петрограда“... собираясь использовать в качестве тарана именно те части, которые были равнодушны к политике и беспрекословно подчинялись своим командирам». Приказ № 1 был подписан 1 марта; в тот же день генерал Иванов, которому были даны диктаторские полномочия, начал свое выдвижение в сторону Петрограда. А ведь были еще Алексеев и Корнилов, а в то время, по мнению офицеров, близких к Деникину, «один надежный батальон под командой офицера, знающего, чего он хочет, мог бы изменить ситуацию»³⁶⁸.

«Произведенное военными властями расследование не выявило авторов приказа. Тем не менее через три дня, 5 марта, Совет отдал приказ № 2, подтвержденный официальной властью — Временным правительством, который разъяснял, что Приказ № 1 относится только к Петроградскому военному округу. Однако приказ № 2, как и воззвание о незаконности обоих приказов, не получил никакого распространения в войсках и ни в малейшей степени не повлиял на ход событий, вызванных к жизни Приказом № 1»³⁶⁹.

С Приказа № 1 начались реформы в армии, которые возглавил ставший военным министром лидер октябристов А. Гучков, поставивший перед собой две основные задачи:

– *во-первых*, предотвратить возможность военного контрреволюционного переворота. И Гучков начал свою деятельность «с увольнения огромного числа командующих генералов... В течение нескольких недель были уволены... до *полтора*ста старших начальников, то есть около половины»³⁷⁰. «Среди нашего командного состава было много честных людей, но многие из них были не способны проникнуться новыми формами отношений, — пояснял Гучков, — и

в течение короткого времени в командном составе нашей армии было произведено столько перемен, каких не было, кажется, никогда ни в одной армии»³⁷¹.

– во-вторых, восстановить боеспособность армии. Уже после отставки Гучков будет объяснять Корнилову, что он стремился «удержать армию от полного развала под влиянием того напора, который шел от социалистов и, в частности, из их цитадели — Совета рабочих и солдатских депутатов, выиграть время, дать рассосаться болезненному процессу, помочь окрепнуть здоровым элементам»³⁷². Восстановить дисциплину в армии Гучков попытался путем... многочисленных уступок³⁷³. Выполнение этой задачи было возложено на созданную Гучковым комиссию Поливанова, сыгравшую, по мнению Деникина, решающую роль: «Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии, этого рокового учреждения, печать которого лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничившим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя...»³⁷⁴.

Первым делом был изменен устав внутренней службы — отменялись титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений для солдат, установленных уставом: воспрещение курить на улицах и в других общественных местах, посещать клубы и собрания, играть в карты и т. д. «Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания. — Свобода — и кончено!.. Но если все эти мелкие изменения устава, толкуемые солдатами распространительно, отражались только в большей или меньшей степени на воинской дисциплине, то разрешение военным лицам во время войны и революции „участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью“, представляло уже угрозу самому существованию ар-

мии». Но военный совет, состоявший из старших генералов — хранителей опыта и традиции армии, — на своем заседании 10 марта полностью поддержал инициативы Временного правительства³⁷⁵. В итоге, вспоминал Деникин, «дисциплинарная власть начальников упразднена была во все... вносилась полная анархия во внутреннюю жизнь войсковых частей и законом дискредитировался начальник...»³⁷⁶.

Следующим шагом стало создание комитетов, которые возникли как формы революционной организации, санкционированные Приказом № 1. Появление комитетов не вызвало сопротивления, наоборот, их приветствовали, как «председатель Государственной Думы Родзянко, так и председатель Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе и главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко»³⁷⁷. Комитеты быстро набирали силу. Скоро в «число задач комитетов вошло „принятие законных мер против злоупотреблений и превышений власти должностных лиц своей части“... на комитеты возлагалась обязанность входить в отношения с политическими партиями без всякого ограничения, посылать в части депутатов, ораторов и литературу для разъяснения программ перед выборами в Учредительное собрание...»³⁷⁸

«Понемногу установилось фактическое право [комитетов] смещения и выбора начальников, ибо положение начальника, которому „выразили недоверие“, становилось нестерпимым. Таким путем, например, на Западном фронте, войсками которого я [Деникин] командовал, к июлю ушло до 60 старших начальников — от командира корпуса до полкового командира включительно... в результате и на Юго-Западном фронте, где комитеты пользовались исключительным вниманием главного командования (Брусилов, Гутор), и у меня, на Западном фронте, все они сознались в полном своем бессилии не только двинуть войска вперед, но и остановить их безумное, паническое бегство...»³⁷⁹

«Теоретически становилось все яснее, — говорил один из виднейших комиссаров Станкевич, — что нужно или уничтожить армию, или уничтожить комитеты. Но практически нель-

зя было сделать ни того ни другого. *Комитеты были ярким выражением неизлечимой социологической болезни армии, признаком ее верного умирания, ее паралича.* Но было ли задачей военного министерства ускорить смерть решительной и безнадежной операцией?»³⁸⁰

«Следующая мера демократизации армии — введение института комиссаров. Заимствованная из истории французских революционных войн, эта идея поднималась в разное время в различных кругах, имея своим главным обоснованием *недоверие* к командному составу. Находясь в прямом и исключительном подчинении органам Временного правительства, комиссары лишь согласовывали свои действия с соответствующими военными начальниками... Между тем напор, и довольно сильный, шел с другой стороны. Совещание делегатов фронта в середине апреля обратилось с категорическим требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов о введении в армии комиссаров, мотивируя необходимость его тем, что нет далее возможности сохранить порядок и спокойствие... Совещание предложило совершенно нелепый проект одновременного существования в армиях трех комиссаров от: 1) Временного правительства; 2) Совета; 3) армейских комитетов... Никаких законов, определяющих права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мере, не знали их вовсе — это одно уже давало большую пищу для всех последующих недоразумений и столкновений»³⁸¹.

«Негласной обязанностью комиссаров явилось наблюдение за командным составом и штабами в смысле их политической благонадежности. В этом отношении демократический режим, пожалуй, превзошел самодержавный... — отмечал Деникин. — Состав комиссаров, известных мне, определялся таким образом: офицеры военного времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльные переселенцы, эмигранты, потерявшие связь с русской жизнью, члены боевых организаций и т. п. Ясно, что достаточного знания среды у этих лиц быть не могло... Что касается личных качеств комиссаров, то, за исключением нескольких — типа, близкого к Савинкову, — никто

из них не выделялся ни силой, ни особенной энергией. Люди слова, а не дела»³⁸².

«Итак, — заключал Деникин, — в русской армии вместо одной появились три разнородные, взаимно исключаящие друг друга власти: командира, комитета и комиссара. Три призрачные власти. *А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью власть толпы...*»³⁸³

В довершение всего в конце апреля появился знаменитый «Приказ по армии и флоту», получивший собственное имя — «Декларация прав солдата». Она была подготовлена Советом и согласована с комиссией генерала Поливанова. По словам Деникина, «эта „декларация прав“, давшая *законное признание* тем большим явлениям, которые распространились в армии... окончательно подорвала все устои старой армии. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и *вооруженную* массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу...»³⁸⁴; «Вся военная иерархия была потрясена до основания, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядок сношений: директивы, которые не могли сдвинуть армии с места, приказы, которые не исполнялись, судебные приговоры, над которыми смеялись...»³⁸⁵

Даже Гучков, протестуя против «декларации», сложил с себя полномочия военного министра, «не желая разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины»: «в том угаре, который нас охватил, мы зашли за ту роковую черту, за которой начинается не созидание, не сплочение, не укрепление военной мощи, а постепенное ее разрушение»³⁸⁶. Гучков мотивировал свою отставку сложившимися условиями «которые изменить я не в силах и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, свободе и самому бытию России...»³⁸⁷

«Безысходной грустью и жутью веяло от всех спокойных по форме и волнующих по содержанию речей главнокомандующих, рисовавших крушение русской армии, на объединенном совещании Временного правительства и ЦИК Совета 2–4 мая. *Генерал Брусилов*: «...Есть еще надежда спасти армию и

даже двинуть ее в наступление, если только не будет издана декларация... Но если ее объявят — нет спасения». *Генерал Алексеев*: «...Реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину. Дисциплина же составляет основу существования армии... Свобода на несознательную массу подействовала одуряюще...» *Генерал Драгомиров*: «...Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов России. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода, не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт под тем предлогом, что два года назад уже стояла на позиции под Пасху...»

Генерал Щербачев: «Главнейшая причина этого явления — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он необразован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами министерства внутренних дел... Я не буду приводить вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название Железной и блестяще поддерживавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать... Причина — исчезла дисциплина, нет доверия к начальникам, слово „Родина“ для многих стало пустым звуком... Если вы введете декларацию, то армия рассыплется в песок»³⁸⁸.

С Черноморского флота слышался голос *адмирала Колчака* 25 апреля: «Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы во время мировой войны, когда решается участь и судьба народов оружием и только при его посредстве. Причины такого положения лежат в уничтожении дисциплины и [в] дезорганизации вооруженной силы и последующей возможности управления ею или командования. Если же мы будем продолжать идти по тому пути, на который наша армия и флот вступили, то нас ждет поражение со всеми проистекающими из этого последствиями»³⁸⁹. *Генерал Алексеев*: «Главное сказано, и это правда. Армия на краю гибели.

Еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние два с половиной месяца»³⁹⁰.

7 мая Всероссийский съезд офицерских депутатов, военных врачей и чиновников открылся речью Верховного главнокомандующего *ген. Алексеева*: «...**Это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед — и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть...**»³⁹¹

Должность военного министра вместо А. Гучкова по рекомендации командующих, выраженной генералом М. Алексеевым, занял А. Керенский. Новый министр не мог, не вызывая конфронтации с Советами, отменить декларацию, но внес изменения в еще официально не опубликованный документ: «Во время боевых действий на фронте офицеры вправе прибегать к дисциплинарным мерам, включая использование силы, в случаях нарушения субординации...»; к юрисдикции высшего командования относилось «назначение, перевод и смещение офицеров», вместо статьи Поливанова о праве выбора офицеров армейскими комитетами³⁹². Но даже эти изменения вызвали недовольство большинства в Советах, декларацию называли «новым закрепощением солдата»³⁹³.

Совет в глазах армейского командования стал главным виновником развала: «Нам трудно было понять, — вспоминал ген. А. Деникин, — какими мотивами руководствовалось военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержном оппортунизме лиц, окружавших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной»³⁹⁴. Может быть, и не знали, но, очевидно, догадывались, не случайно уже в то время, по словам ген. Н. Головина, «в примитивно по-

литически мыслящем массовом офицерстве навсегда закрепились убеждение, что всякий социалист, крайний или умеренный, должен быть, в конце концов, „предателем отечества“»³⁹⁵. **Именно с этого времени началось созревание контрреволюционных настроений в армии.**

Однако армия начала разваливаться задолго до того, как в ней появились первые социалисты. **«Настоящая суровая и беспристрастная правда в том, что вся Русь, а не только ее армия, — отмечал М. Горький, — начала разрушаться задолго до того, как социалисты получили в ней право голоса...** О том, что армия неизбежно должна развалиться, говорила еще докладная записка Комитета обороны, поданная в 16-м году на имя царя»³⁹⁶.

Еще до февральской революции из сводок полицейских и жандармских управлений становилось ясно, что в армии не все благополучно, мало того, ситуация в ней стремительно ухудшается. Так, в сводке начальника Петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 года сообщалось: «настроения в армии очень тревожные, отношения между офицерами и солдатами крайне натянутые, почему неоднократно имели и имеют место даже кровавые столкновения; держат себя солдаты крайне вызывающе, публично обвиняя военные власти во взяточничестве, трусости, пьянстве и даже предательстве. Повсюду тысячами встречаются дезертиры, совершающие преступления и насилия в отношении мирного населения, с сожалением говорящего о том, что „напрасно не пришли немцы“, что „немцы навели бы порядок“ и т. д... **Всякий, побывавший вблизи армии, должен вынести полное убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войск. Солдаты указывают на необходимость мира уже давно, но никогда это не делалось так открыто, с такой силой, как сейчас.** Офицеры часто даже отказываются вести команды в бой ввиду опасности быть убитыми своими же людьми»³⁹⁷.

Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916 в отношении армии указывала на «растущее де-

зертничество и массовые сдачи в плен»³⁹⁸. «В конце 1916 года, — вспоминал будущий атаман Г. Семенов, — дезертирство из армии приняло такие размеры, что наша дивизия была снята с фронта и направлена в тыл для ловли дезертиров... Мы ловили на станции Узловая до тысячи человек в сутки. **Солдатский поток с фронта был настолько значителен, что это явление нельзя было рассматривать иначе, как грозным признаком грядущего развала армии**»³⁹⁹.

С началом февральской революции, еще до того, как появились Советы и Временное правительство, полки, свидетельствовал В. Шульгин, один за другим «покидали казармы без офицеров. Солдаты многих арестовали, многих убили. Другие скрылись, бросив части, как только почувствовали враждебное агрессивное настроение людей»⁴⁰⁰. Ген. Н. Головин даже приходил к выводу, что **«мартовские события представляют собой лишь удавшийся солдатский мятеж»**⁴⁰¹. «В армии уже фактически царила анархия, когда 16 марта к власти пришло Временное правительство, — отмечал Керенский. — То же самое происходило по всей стране. **Анархию породило не Временное правительство, ему пришлось только бороться с ее результатами**»⁴⁰².

А чем ответило на взрыв стихии высшее командование? «От наших высших начальников — ген. Алексеева и ген. Рузского — не последовало ни одного энергичного слова, которое вселило бы М. Родзянко убеждение, что с разрушительной стихией нужно бороться с самого начала ее возникновения», — отмечал Н. Головин⁴⁰³. Мало того, **высшее военное командование само, в том числе лично начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Алексеев, поддержало напор этой стихии**, побудив Николая II подписать отречение еще до прибытия к нему представителей Временного правительства. «Не подлежит никакому сомнению, — констатировал в этой связи ген. Н. Головин, — что **решающим моментом в отречении Императора Николая II явились телеграммы Высшего Командования**»⁴⁰⁴.

Деникин оправдывал решение Высшего командования встать на сторону революции двумя обстоятельствами: «первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, „облеченному всей полнотой власти“, выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт...»⁴⁰⁵ М. Алексеев, в свою очередь, обосновывал свое решение надеждой на оздоровление ситуации в армии: *«Казалось, что революция дает нам подъем духа и, следовательно, победу...»*⁴⁰⁶

Однако в армии отречение вызвало прямо противоположный эффект. Его наглядно отразили слова Деникина: *«Родины не стало. Вождя распяли...»*⁴⁰⁷ «Армии, сбитой с толку, развращенной ложными учениями, потерявшей сознание долга и страх перед силой принуждения. А главное — потерявшей „вождя“. Ни правительство, ни Керенский, ни командный состав, ни Совет, ни войсковые комитеты по причинам весьма разнообразным и взаимно исключающим друг друга, не могли претендовать на эту роль»⁴⁰⁸.

Солдаты шли в бой под лозунгом «За веру, царя и Отечество». Параграф первый «Устава 1874 года о всеобщей воинской повинности» гласил: «Защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного...» Отречение царя от престола во время войны для солдат было равносильно освобождению от присяги... А как же — *«Отечество*. Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы, — отмечал Деникин, — проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма»⁴⁰⁹.

Ген. П. Краснов уже в эмиграции вспоминал: «Чем он был для тех, кто умирал за него? Для тех миллионов „неизвестных солдат“, что умерли в боях, для тех простых русских, что и по-сейчас живут в гонимой, истерзанной Родине нашей. Пусть из страшного темени лжи, клеветы и лакейского хихиканья раз-

дастся голос мертвых и скажет нам правду о том, что такое Россия, ее вера православная и ее Богом венчанный царь»⁴¹⁰. Ген. П. Врангель: **«С падением царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающее его обязательства. При этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены»**⁴¹¹.

«Русский солдат сегодняшнего дня не понимает, за что или за кого он воюет, — подтверждал английский посол Дж. Бьюкенен, — Прежде он был готов положить свою жизнь за царя, который в его глазах олицетворяет Россию, но теперь, когда царя нет, Россия для него не означает ничего, кроме его собственной деревни»⁴¹².

«Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь, — отмечал Н. Бердяев, — был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя немыслим народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в грудку мусора»⁴¹³.

Известный публицист монархист Д. Пихно еще в 1905 году, после опубликования Манифеста, вводившего конституцию, предупреждал: «„За веру, царя и отечество“ — умирали, и этим казалась Россия. Но чтобы пошли умирать за Государственную Думу — вздор»⁴¹⁴. Наблюдения С. Витте подтверждали данный прогноз: «Я вынес то глубокое впечатление, что армия после... [Манифеста 1905 года] находилась в весьма революционном настроении, что многие военачальники скисли и спасовали не менее, нежели некоторые военные и гражданские начальники в России, что армия была нравственно совершенно дезорганизована и что шел поразительный дебош во многих частях, возвращавшихся в Россию...»⁴¹⁵

Отречение спровоцировало начало полного развала в армии. Прежде всего, он выразился в обвальном росте дезертирства: если среднемесячное количество учтенных дезертиров с начала войны до февраля 1917 года составляло примерно 6346 человек, то с февраля по август — 31 000⁴¹⁶, к ним нужно добавить незарегистрированных дезертиров, количество которых в этот период насчитывалось почти 200 000 ежемесячно. Уже в мае 1917 года в плен сдавались дивизиями (например, 120-я дивизия). Повальное дезертирство ограничивалось только пропускными возможностями транспорта. К 1 ноября 1917 года, по данным Н. Головина, по стране бродило более 1,5 млн дезертиров, то есть на каждых трех чинов действующей армии приходился один дезертир⁴¹⁷, и это помимо 2,4 млн солдат, сдавшихся в плен⁴¹⁸.

Проверкой «на прочность» «революционной» армии стало наступление немецких армий 3 апреля у реки Стоход. Наступление превзошло ожидания, русские войска были разгромлены, более 25 тыс. солдат и офицеров попало в плен⁴¹⁹. «Революция нанесла страшнейший удар нашей военной силе, ее разложение идет колоссальными шагами, командование бессильно», — отмечал в апреле Набоков⁴²⁰. В то же время командующий немецкими войсками ген. Э. Людендорф облегченно вздыхал: «Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным... наша экономика не отвечала требованиям войны на истощение. Силы на родине были подорваны... *В апреле и мае 1917 года, несмотря на одержанную победу на Эне и в Шампани, только русская революция спасла нас от гибели*»⁴²¹.

Тот разрушительный эффект, который вызвало отречение, не может быть объясним только одним самым его фактом. Для столь масштабных и радикальных изменений должна была быть накоплена огромная потенциальная энергия будущего взрыва, для которого отречение стало лишь поводом, триггером, спустившим лавину. Что же составляло эту энергию? Поиск ответа привлекает внимание, прежде всего, к качеству командного состава: с началом войны потребность в офице-

рах резко выросла. За три с небольшим года мировой войны было произведено в офицеры около 220 тыс. человек, то есть больше, чем за всю предыдущую историю русской армии⁴²². При этом «...едва ли не весь кадровый офицерский состав был из строя уже за первый год войны»⁴²³.

Основным источником пополнения офицерского корпуса должна была стать интеллигенция, но, как отмечал А. Деникин, в размахе дезертирства и уклонения от военной службы, «повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ»⁴²⁴.

Одной из причин этого явления было отношение общественности к армии, которое ген. Е. Мартынов передавал в 1912 году: «Попробуйте задать нашим интеллигентам вопросы: что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Девяносто из ста ответят вам: война — преступление, патриотизм — пережиток старины, армия — главный тормоз прогресса, военная специальность — позорное ремесло, воинская доблесть — проявление глупости и зверства...» Полковник Б. Сергеевский, окончивший в 1901 году в Санкт-Петербурге гимназию с золотой медалью, вспоминал, как отреагировали старшие на его желание поступить в военное училище: «Все преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убеждения отказаться от моего „некультурного“ желания. „Это позор для гимназии“, — говорил мне директор. „Ведь кто идет в офицеры? Только идиоты и неудачники“, — говорили другие. Воинская повинность рассматривалась как что-то дикое, неприемлемое для культурного человека. Это была не почетная обязанность, а тяжелая кара, почти каторга. Так думали либералы, так часто думал простолюдин, и, что всего удивительнее, — соответственно поступало и правительство»⁴²⁵.

С началом войны проявились и другая тенденция, на которую указывал Н. Головин: «Русский народ, в лице своей солдатской массы, показал в 1914, 1915, 1916 года высокую степень жертвенности во имя государства». В то же время в среде нашей интеллигенции «сразу же обнаружилось стремление устраиваться в тылу... Ни в одном из воевавших ев-

ропейских государств не создавалось столь благоприятных условий для уклонения интеллигентного лица от вступления в ряды действующей армии»⁴²⁶.

О результатах того явления, «что интеллигент легко устраивался в тылу или на безопасных местах в армии»⁴²⁷, доносила сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 года: «Тыловые офицеры, оставленные по протекции заведующими обозами, поездами, этапными командами и т. д. поражают, по словам кадетских уполномоченных, своей „необразованностью, наглостью и отсутствием выдержки“; среди них царят „кутежи, карточная игра и разврат“. Солдаты презируют своих офицеров... Даже высший командный состав в тыловых частях и учреждениях состоит из малоопытных людей, окруженных мошенниками и взяточниками... Раненые, с коими приходилось зачастую сталкиваться уполномоченному, определенно говорят, что дух армии был бы великолепен, если бы был хотя несколько выше состав офицеров... *По мнению уполномоченного, все им виденное определенно рисует картину разложения армии...*»⁴²⁸

В приказе по Северо-Западному фронту, изданном еще в сентябре 1915 года, говорилось: «ближайшие фронтовые тылы переполнены здоровыми строевыми офицерами, тогда как части, в которых продолжаются большие потери, имеют в качестве офицерского состава почти одних прапорщиков»⁴²⁹. Ген. А. Эверт в январе 1916 года докладывал: «Большое число офицеров отсутствует с фронта, и местонахождение их неизвестно...»; в то же время на Западном фронте «сапоги в таком виде — 44 % хороших, 32 % годятся на короткое время, а 24 % солдат вовсе без обуви»⁴³⁰.

М. Лемке в своем дневнике отмечал и огромную пропасть, отделявшую строевых офицеров (черную кость) от штабных. В своих наблюдениях над жизнью генерального штаба М. Лемке вообще приходил к радикальным выводам: «*Они враги родины и армии... они в шорах, не знают азбуки... их образование — кастовая задрессирован-*

ность, полное уничтожение в личности всего человеческого, для них нет России, она им чужда...»⁴³¹

Вместо интеллигенции для пополнения офицерского состава пришлось привлекать образованных выходцев из простого народа. Это привело к тому, что по происхождению свой классовый, сословный состав офицерский корпус утратил вовсе. Подавляющее большинство, особенно младших боевых офицеров, было выходцами из простого народа^а. Однако даже этот факт не смог разрешить фундаментальных противоречий разделявших русское общество на две части, на которые указывал Н. Головин: «В русской армии существовало между офицерами и солдатами одно различие, которое не проявлялось столь резко в армиях других государств. Русский офицер, в силу полученного им образования, являлся по отношению к солдату интеллигентом»⁴³².

Не просто интеллигентом — выходец из простого народа, получив первый офицерский чин, автоматически становился дворянином (получал личное дворянство). Что это означало для него? По словам историка С. Волкова, «момент, когда человек получал первый офицерский чин, был важнейшим в его жизни: он переступал грань, очерчивавшую высшее в стране сословие, переход в которое коренным образом менял его положение в обществе (если он не был дворянином)... это был акт особого значения — гораздо большего, чем поступление на военную службу или получение высших чинов, вплоть до генеральских (ибо в социально-правовом плане между пра-

---

а До войны (1912 год) 53,6 % офицеров (в пехоте — 44,3) происходили из дворян, 25,7 — из мещан и крестьян, 13,6 — из почетных граждан, 3,6 — из духовенства и 3,5 — из купцов. Среди выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян никогда не достигает 10 %, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно растет... Свыше 60 % выпускников пехотных училищ 1916–1917 годов происходило из крестьян (Осипов А. К 65-й годовщине начала Белого движения // Ч. № 641, с. 20). Из 1000 прапорщиков в его (Н. Головина) армии (7-й) около 700 происходило из крестьян, 260 из мещан, рабочих и купцов и только 40 из дворян (Головин Н. Н. Российская контрреволюция. Ревель, 1937. Кн. 1, с. 85. (Волков С. В... с. 12)).

порщиком и генерал-фельдмаршалом разницы не было, тогда как между старшим унтер-офицером — фельдфебелем или подпрапорщиком и прапорщиком она была огромной)...»⁴³³

В результате, несмотря на утрату своего социального состава, по происхождению армия в той или иной мере, как и все русское общество, оставалась сословным институтом, носящим полуфеодальный характер. Не случайно А. Керенский отмечал в этой связи, что **«сама организация армии во многих отношениях представляла собой сколок старого русского крепостничества»**⁴³⁴. В этой сословно-феодальной градации низшие сословия, а это почти весь простой русский народ, полноценными людьми не считались, русское крестьянство «продолжало жить в рамках особого низшего сословия», — отмечал Головин⁴³⁵. Говоря словами Витте, крестьяне оставались «полуперсонами», или, на языке высших сословий, просто «чернью».

Факты сохранения в армии феодальных пережитков наиболее контрастно передавали наблюдения и сравнения русского военного агента во Франции А. Игнатьева: в русском корпусе во Франции французов, прежде всего, поразили телесные наказания — порка солдат, введенная секретным приказом Николая Николаевича во время войны⁴³⁶. (Телесные наказания как пережиток крепостничества были отменены в 1904 году.) Во время Первой мировой они опять стали широко применяться. Примером может служить письмо одного из солдат, относящееся к марту 1916 года: «письма просматривает военная цензура и, если найдут два-три слова о чем-либо таком, то сейчас же допытываются: кто писал... и 25 розог всыпят, а то ставят под ружье на окопы, чтобы германец стрелял... у нас без боя выбыло за 40 дней из полка 112 человек. Грязь по колено, холод, снег, болезни... А кормят одной несчастной кашей, иногда с мясом, а чаще всего без того, станешь говорить — голодно, отвечают: не поспевают вам возить хлеба...»⁴³⁷

Другой пример, приводимый А. Игнатьевым, не менее показателен: «Что может быть дороже... для всякого человека на фронте, чем отпуск? Во французской армии порядок

увольнения в отпуск был единым от главнокомандующего до рядового и строго при этом соблюдался. Что же могли думать русские солдаты, запертые в лагере Мальи, глядя чуть ли не на ежедневные поездки в казенных французских машинах своих офицеров в Париж»⁴³⁸. При этом солдаты хронически недополучали жалованья. «Не на эти ли деньги катаются... офицеры в Париж?» — задавался вопросом Игнатьев⁴³⁹. На что тратились деньги, сообщали французы: «в первый: же вечер... этот поп с черной гривой пошел в пляс с офицерами в публичном доме»⁴⁴⁰. Недовольство солдат вылилось в убийство ими в августе 1916 года командира эшелона, «В лагере настоящий бунт. Офицеров нет. Солдаты никого не слушаются»⁴⁴¹. Игнатьев, прибывший для разбора дела, наблюдая реакцию командного состава, заметил: «Неужели офицеры настолько боятся собственных солдат?»⁴⁴².

Солдаты в своей массе представляли собой крестьянство, которое, отмечал М. Вебер, политически «проснулось» в начале XX века⁴⁴³ — когда «рабы осознали свое рабство». Именно они стали основной движущей силой Первой русской революции 1905 года, скинувшей с крестьянства остатки крепостничества. И теперь крестьянство снова столкнулось с наследием феодально-крепостнических отношений, сохранившихся в армии, что вновь привело к его бунту, на этот раз солдатскому. И ***«если русская армия с началом революции не желала сражаться, — отмечал Керенский, — то лишь потому, что солдаты вышли из подчинения, а офицеры не могли командовать. У них не было больше ни власти, ни авторитета»***⁴⁴⁴.

История русской армии могла бы закончиться массовым избиением офицеров, о чем предупреждал, например, генерал-губернатор Кронштадта Р. Вирен Главный морской штаб еще в сентябре 1916 года: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль — через минуту раз-

дастся взрыв... Мы судим, уличенных ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь»⁴⁴⁵.

И это массовое стихийное избиение офицеров началось сразу же после февральской революции. Срочно требовалась организация хоть какой-то власти, и именно эту функцию взяла на себя Совет крестьянских и солдатских депутатов. ***«Достаточно на миг представить себе разгулявшуюся толпу, пока бесформенную расплавленную революционную массу, чтобы понять, какую огромную роль сыграли Советы, энергично устанавливая во всей России и Петрограде революционную дисциплину»***, — замечал в этой связи А. Керенский⁴⁴⁶.

Да при этом Совет был вынужден идти на поводу у полуграмотной солдатской массы, но это стихийное движение отвечало самым насущным народным нуждам. Примером в данном случае мог быть тот самый первый приказ — ***Приказ № 1, который, по словам представителей Совета, по своей сути сводился к предоставлению солдатам гражданских прав***⁴⁴⁷. Да, они понимали эти права по-своему, в упрощенном и наиболее наглядном виде, — как, например, отмену отдачи чести или выборность командиров. Но можно ли ожидать от необразованной и веками забитой солдатско-крестьянской массы какой-то более осознанной реакции? Однако этот приказ решал основную проблему — он ломал феодальную, сословную структуру армии.

Наступление

Уходя в отставку с поста военного министра в мае 1917 года, А. Гучков заявил: «Было бы полным безумием дальше идти тем же путем... Мы дошли до критической точки, за которой видно не возрождение, а разложение армии»⁴⁴⁸. Впечатления от первого посещения фронта новым военным министром А. Керенским в мае подтверждало слова предыдущего: «Армия как будто забыла о существовании противника и целиком обратилась внутрь страны, сосредоточив свое внимание на происходивших событиях... Окопы стояли пустыми... Большинство офицеров пребывало в полной растерянности... миллионы

солдат, предельно уставшие от войны, задавались вопросом: „За что мы умираем? Почему мы должны умереть?“. Вопрос о смысле самопожертвования парализовал их волю»⁴⁴⁹.

Первой своей задачей Керенский видел необходимость поднятия боевого духа солдат. Объезжая фронты, он без конца выступал на многочисленных митингах, обращаясь к чувствам солдат, взывая к патриотизму, защите революции и свободы...⁴⁵⁰ За свои усилия Керенский получил прозвище «главноуговаривающего». *Свою вторую задачу* Керенский находил в «постепенной ликвидации „революционных“ мер генерала Поливанова»⁴⁵¹. Была запрещена всякая агитация против войны и правительства, отменено правило не разоружать и не выводить из Петрограда части, принимавшие участие в вооруженном восстании. В середине июля «единогласным решением Временного правительства был издан приказ о восстановлении на фронте смертной казни и военных трибуналов. Одновременно правительство восстановило военную цензуру, предоставило МВД право с согласия военного министра закрывать газеты, запрещать собрания, проводить аресты без обычного ордера... принимать все необходимые меры для обеспечения обороны и безопасности страны»⁴⁵². При этом, предупреждал Керенский, «мгновенно одним разом восстановить в армии дисциплину» невозможно⁴⁵³. Но даже эти попытки Керенского по восстановлению дисциплины в армии либералы называли «узаконенным правительством беззаконием»⁴⁵⁴.

Третья задача носила явно неординарный характер, по мнению Деникина, «несомненно, Керенский сделал это от отчаяния»⁴⁵⁵. Для возрождения боевого духа премьер-министр предложил... начать наступление: «переход русской армии к активным действиям после трех месяцев полного застоя категорически диктовало развитие событий внутри страны...»⁴⁵⁶ «Приходилось выбирать ту или иную альтернативу, — вспоминал Керенский, — мириться с неизбежными следствиями фактического роспуска русской армии и капитуляции перед Германией или брать на себя ответственность за начало активных боевых действий... Ни одна армия не может бесконечно бездействовать», в противном случае она превращается «в

никчемную, праздную, буйную озлобленную толпу, способную на любые крайности. Поэтому для предотвращения полного разгула анархии внутри страны, угрожавшей перекинуться и на фронт, у правительства оставался единственный выход»⁴⁵⁷.

Деникин в те дни посетил «худшую часть... Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне за деревней. Одетые в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесанные, немытые, они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали — со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне мало-помалу возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется...»⁴⁵⁸

Попытки разрядить обстановку полумерами не только не приводили к успеху, а, наоборот, лишь ухудшали положение. Примером может быть приказ военного министра от 5 апреля «об увольнении из внутренних округов солдат старше 40 лет для направления их на сельскохозяйственные работы до 15 мая (фактически же почти никто не вернулся), а постановлением от 10 апреля вовсе увольнялись лица старше 43 лет. Первый приказ вызвал психологическую необходимость под напором солдатского давления распространить его и на армию, которая не примирилась бы со льготами, данными тылу; второй, — отмечал Деникин, — вносил чрезвычайно опасную тенденцию, являясь фактически *началом демобилизации армии*»⁴⁵⁹.

Идею наступления, по словам Керенского, поддержали все политические силы: «не оставалось ни одной политической группировки, ни одной общественной организации (за един-

ственным исключением большевиков), которые не считали бы восстановление боеспособности армии и переход в наступление первым, важнейшим, настоящим национальным долгом освобожденной России»⁴⁶⁰. Действительно, вспоминал лидер эсеров В. Чернов: «воинственные призывы прессы звучали все громче и громче. Она пела гимны и трубила: наступление, наступление, наступление! Одного трезвого слова, сказанного против этого единодушного хора, было достаточно, чтобы заработать репутацию большевика, предателя, даже германского агента»⁴⁶¹. Состояние армии, казалось, позволяло рассчитывать на решительный успех: еще в марте командующие фронтами единогласно констатировали, что: «1) армии желают и могут наступать; 2) наступление вполне возможно, это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром...»⁴⁶²

Наступление было предусмотрено еще в феврале 1917 года на Петроградском совещании союзников. На нем Россия обязалась начать наступление в соответствии с общим союзническим планом. И, несмотря на революцию, официальный Лондон и Париж требовали выполнения существующих договоренностей. Мало того, «в Россию прибывали делегации социалистов стран-союзников, тесно связанных со своими правительствами и получавших от последних тайное задание уговорить русских предпринять более активные действия на фронте. Особенно сильное впечатление произвела на русских бельгийская делегация... *Она тронула сердца многих рассказом о трагической судьбе бельгийского народа и просьбой спасти его, проведя наступление.* Вся цензовая Россия стояла за это»⁴⁶³.

Временное правительство в своей декларации от 9 апреля (27 марта) подтвердило полное соблюдение «обязательств, принятых в отношении наших союзников», то есть перейти в наступление⁴⁶⁴. Кадеты, чьи настроения отражали слова их лидера и министра иностранных дел П. Милюкова, были полны оптимизма: «Мы ожидали взрыва патриотического энтузиазма со стороны освобожденного населения, который придает мужества в свете предстоящих жертв. Я должен признать, что

память о Великой французской революции — мысли о Вальми, о Дантоне — воодушевляли нас в этой надежде»⁴⁶⁵.

Правда всего десять дней спустя после создания Временного правительства Верховный главнокомандующий М. Алексеев уже сообщал военному министру А. Гучкову, что он не в состоянии исполнить обязательство, принятое перед союзниками на совещаниях в Шантильи в ноябре 1916 года и в Петрограде в феврале 1917 года: «Мы приняли обязательство не позже как через три недели после начала наступления союзников решительно атаковать противника... Теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их...»⁴⁶⁶

16 апреля М. Алексеев снова напишет А. Гучкову: «С большим удивлением читаю отчеты безответственных людей о „прекрасном“ настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя — это роковое самообольщение...» Ген. Лукомский: «Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно. Таким образом, приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо... Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам...»⁴⁶⁷ И Гучков не решился на подготовку наступления. Вопрос вновь поднялся только с приходом Керенского.

В мае правительство и Совет снова обратились к командованию с вопросом о возможности наступления и вновь слышали почти единодушный ответ. Ген. Брусилов: «Наступление или оборона? Успех возможен только при наступлении. При пассивной обороне всегда прорвут фронт»; ген. Щербачев: «Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать»; ген. Гурко: «если противник перейдет в наступление, то мы рассыпаемся, как карточный домик»⁴⁶⁸. Одним из наиболее активных сторонников наступления был ген. А. Деникин. Что им двигало? — ответить на этот вопрос попытался ген. Н. Головин: «Если вновь перечитывать... *обоснования ген. Деникиным наступления русской армии, нельзя не убедиться, что в основе всех его рассужде-*

ний лежат не стратегические данные, а вера в революционный пафос... В нашем командном составе это сказалось в том, что в своих стратегических расчетах оно ставило себе такие задания, которые выходили из пределов русских возможностей. Так было и в рассматриваемом нами вопросе о переходе нашей армии в наступление»⁴⁶⁹.

Против наступления выступил лидер эсеров Чернов, который фактически обвинил Керенского в провокации, поскольку **«военная авантюра» с наступлением неизбежно провалится и приведет к краху армии**⁴⁷⁰. С военной точки зрения, подтверждал ген. Брусилов, «на успех рассчитывать не приходится»⁴⁷¹. Ген. Данилов: «у наступления нет ни малейшего шанса на успех... оно вызвано только политическими причинами»⁴⁷². Против выступил ген. Вирановский, который, «будучи сам противником наступления, заявил дивизионным комитетам, что он ни в каком случае не поведет гвардию на убой...»⁴⁷³ Будущий атаман Семенов, говоря о тех днях, отмечал: «руководители русской революции... наивно верят в возможность двинуть в наступление армию, которую сами же усиленно разлагают. Разговоры о наступлении и подготовка к нему велись полным темпом, но нельзя было сомневаться в том, что из этого ровно ничего хорошего выйти не может. Солдаты воевать не желали, и не существовало силы, которая при существующих условиях могла бы заставить их идти в бой»⁴⁷⁴.

Действительно, «целые полки, дивизии, даже корпуса на активных фронтах, и особенно на Северном и Западном, отказывались от производства подготовительных работ, от выдвижения на первую линию. Накануне наступления приходилось назначать крупные военные экспедиции для вооруженного умирения частей, предательски забывших свой долг»⁴⁷⁵. Мало того, подготовка к наступлению привела к тому, что «стали формироваться особые отборные части...» В них собирались офицеры и лучшие солдаты из разлагавшихся войсковых частей, что «ускоряло процесс их гниения»⁴⁷⁶.

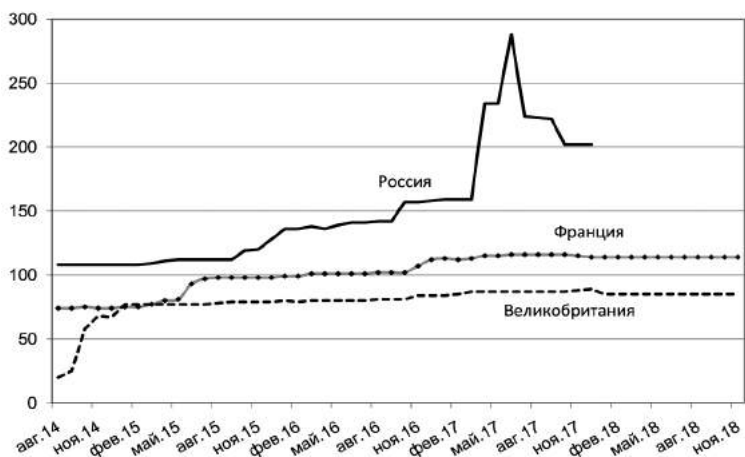
Но дело было не только в настроениях войск, отмечал ген. Н. Головин: несмотря на то, что русская армия «вышла из катастрофы в боевом снабжении, все-таки оказывалась в 1917 году, по сравнению с далеко шагнувшей вперед в военной технике германской армией, более отсталой, нежели в 1914 году. Эта техническая отсталость русской армии не позволяла не только рассчитывать на сокрушающую победу на русском фронте, но и вообще на большой и прочный успех, который, по словам ген. Деникина, оздоровил бы настроение армии...»⁴⁷⁷

«Мы не могли не наступать... — оправдывался Деникин, — наше решение не наступать стало бы, несомненно, известно противнику, который немедленно бы начал бы переброску своих сил на Запад. Это было бы равносильно прямому предательству в отношении союзных народов...»⁴⁷⁸ «Что касается нашего участия в совместном с союзниками наступлении весной 1917 года, — отвечал на это Головин, — то таковое с конца мая утрачивало стратегический смысл. Дело в том, что предпринятое на французском театре так называемое наступление ген. Нивеля окончилось неудачей. 16 мая генерал Нивель был смещен с поста Главнокомандующего французской армией и замещен генералом Петеном. Последний перешел к формам стратегии „изнурения“. ***В этих условиях наше наступление представляло совершенно изолированную операцию и, по существу говоря, — стратегическую авантюру.*** То, что союзники продолжали настаивать на нашем наступлении, являлось лишь следствием их крайне эгоистичного отношения к России...»⁴⁷⁹

Несмотря на все сомнения, вопрос о наступлении все же был решен. Наглядно подготовку к нему отражало организационное реформирование армии — сокращение числа батальонов в дивизии с одновременным увеличением количества последних. Ударная мощь дивизий сохранялась, поскольку у них оставалось прежнее количество артиллерии, а число пулеметов увеличивалось в три раза. Командующий германски-

ми силами ген. Э. Людендорф в этой связи замечал: «Россия приступила к особенно обширному новому формированию. Она оставила в своих дивизиях только 12 батальонов, а в батареях по шесть орудий... Такое переформирование значительно увеличивало ее силы»⁴⁸⁰.

**Количество дивизий (пехоты и спешенной кавалерии)
стран Антанты⁴⁸¹**

Наступление началось 1 июля (18 июня). На отдельных участках «начало атаки выглядело великолепно: части охотно шли вперед под красными флагами». 2-й армии «австрияки, как обычно, сдавались целыми полками»⁴⁸². В материальном отношении к началу июньского наступления русская армия была готова лучше, чем когда-либо: «Никогда еще мне [Деникину] не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких». Однако в морально-психологическом плане армии не существовало.

В результате после трех дней успешного наступления, 11-я армия «обратилась в паническое бегство... и при огромном превосходстве сил и техники уходила безостановочно»⁴⁸³.

«Летнее 1917 года наступление русской армии, когда артиллерия буквально смела с лица земли укрепления противника, велось отборными частями. Остальная пехота следовала неохотно, — вспоминал Н. Головин, — причем были случаи, когда полки, подойдя к бывшим позициям противника, возвращались назад под предлогом, что наша артиллерия так разрушила неприятельские окопы, что ночевать негде. Отборные части были почти полностью выбиты. В результате небольшой нажим немцев привел удачное на первых порах русское наступление к повальному паническому отступлению»⁴⁸⁴.

Артиллерия смела только укрепления противника, но не его самого. Зная заранее, благодаря шумихе, поднятой в прессе, о дате начала наступления, немцы на отдельных участках отвели свои войска с первого рубежа обороны на второй, и русская артиллерия несколько часов бомбила пустые окопы. Дальнейшее наступление на участке 7-й армии было остановлено проволочными заграждениями, не уничтоженными артиллерией, и оказалось беспомощным: «Они не были обучены для преодоления таких препятствий». Потрясенный главный комиссар армии восклицал: «С таким оборудованием атака под сильным огнем немцев не имеет шансов на успех даже в том случае, если боевой дух армии высок как никогда»⁴⁸⁵.

По мнению Чернова, это было следствием того, что наступление было начато «на авось»⁴⁸⁶. Сам Керенский после возвращения с фронта заявлял: «Я не верю в возможность успеха наступления»⁴⁸⁷. Ген. Корнилов потребовал «немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения армии...»⁴⁸⁸

Донесения с фронта гласили: «Дивизии 11-й и частью 7-й армии бежали под давлением в пять раз слабейшего противника, отказываясь прикрывать свою артиллерию, сдаваясь в плен ротами и полками, оказывая полное неповиновение офицерам. Зарегистрированы случаи самосудов над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния...

Озверелые банды дезертиров грабят в тылу деревни и местечки, избивая жителей и насилая женщин»⁴⁸⁹. «С фронта бежали тысячами, грабя и насилая в тылу»⁴⁹⁰. «И все пошло прахом»⁴⁹¹. «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования», — писал генерал Корнилов⁴⁹².

«Начатое германской армией 19 (5) июля наступление приобрело поистине катастрофический размах... — сообщали Временному правительству комитеты и комиссары 11-й армии. — Ни доводы, ни убеждения больше не действуют, вызывая только угрозы, порой даже стрельбу. Некоторые части оставили позиции, даже не дожидаясь приближения противника... Бесчисленные колонны дезертиров, с оружием и без, растянулись на сотни верст, нисколько не думая о своевременном наказании. Порой таким образом дезертируют целые части... Уже сегодня главнокомандующий Юго-Западным фронтом (генерал Корнилов) и командующий 11-й армией отдали с одобрения комиссаров и комитетов приказ открывать огонь по войскам, покидающим свои позиции»⁴⁹³.

Известия Советов 13 июля в статье «Перед лицом неминуемой гибели» констатировали: «Работа безответственных демагогов уже породила свои кровавые плоды на поле сражений. Вражда и замешательство проникли в ряды армии. А силы армии и ее боеспособность развеялись, как призрак... Армия разобщена и надломлена, недосчитывающие бойцов полки бегут от врага... они бегут прочь, обезумевшие от войны... Войска, которые храбро сражались под кнутом царизма, превратились в толпу жалких трусов сейчас, когда знамя свободы развевается над нами...»⁴⁹⁴

Однако, несмотря на полный провал наступления, Керенский назвал главу своих воспоминаний, посвященную этим событиям, «Национальная победа». Керенский объяснял, что он имел в виду: «С поражением русских войск на фронте во всей стране развернулась широчайшее антибольшевистское дви-

жение, которое почти полностью смело большевистские комитеты и печатные агентства... Число большевистских представителей в Исполкоме Совета... сократилось почти до нуля. Параллельно с исчезновением большевистского элемента из всего советского аппарата руководители Советов сами начали признавать, что такие Советы уже нельзя считать властным органом, а только переходным механизмом к новому хорошо организованному демократическому государству»⁴⁹⁵.

Подобное мнение министр иностранных дел М. Терещенко высказывал английскому послу Дж. Бьюкенену: «Удар, полученный нами на Юго-Западном фронте, может пойти на пользу России. Несомненно, враг спас Россию... Он помог правительству восстановить смертную казнь, усилить свои позиции, подчинить себе крайние партии и восстановить единство страны»⁴⁹⁶. После провала наступления, отмечал Н. Головин, «наступило некоторое отрезвление от революционного угара первых месяцев революции... наступление, приведшее к поражению, сыграло своего рода положительную роль, вызвав в солдатских и народных массах проблески инстинкта государственного самосохранения»⁴⁹⁷.

Корнилов

Реакция высшего командного состава армии была прямо противоположной. Она последовала на совещании в Ставке 16 июля, на котором присутствовали все виднейшие ее представители. Совещание было созвано для чисто стратегических военных целей, но, по словам Керенского, оно неожиданно пошло совсем другим курсом: «Все несчастья, катастрофы, позор, ужас первых трех лет войны для них больше не существовали. Первопричину всего этого, в том числе и июльских событий в Петрограде, они склонны были видеть исключительно и единственно в революции и ее влиянии на русского солдата... *здесь в первый раз генерал Деникин обрисовал программу „реванша“ — этой „музыки будущего“ военной реакции*, которая вдохновляла многих и многих сторонников корниловского движения»⁴⁹⁸.

На совещании встал вопрос о замене на посту верховного главнокомандующего ген. Брусилова. Керенский отверг предложенные кандидатуры, поскольку, по его словам, «назначение (на этот пост) приверженца политики Деникина спровоцирует одновременный мятеж среди всех войск»⁴⁹⁹. При выборе главнокомандующего, очевидно, сыграл роль и другой фактор, о котором Керенскому сообщал Савинков: «Сейчас атмосфера в Ставке отчаянная; они совершенно не выносят вас»⁵⁰⁰. Премьер-министру был нужен «надежный» генерал, его порекомендовал Савинков, предложивший генерала Корнилова. При этом, по мнению В. Чернова, Савинков планировал использовать его в своих целях, «генерал, не слишком искушенный в общественных делах», как раз подходил для этого⁵⁰¹.

Однако своя общественная позиция у Корнилова была, и он ее достаточно четко сформулировал в своем ответе Керенскому на его предложение: в нем «звучало презрение к людям, которые «думают, что могут командовать на поле боя, где царят смерть, измена, трусость и эгоизм», «по собственной инициативе заявляю, что отечество гибнет», «либо революционное правительство покончит с этим безобразием, либо история неизбежно выдвинет вперед других людей». У Керенского возникали подозрения относительно намерений Корнилова, но, очевидно, он надеялся, что генерал, не имеющий поддержки даже в собственной среде, станет послушным орудием, и «продвигал его упорно, несмотря на сопротивление высшего командования»⁵⁰² и враждебность левых групп»⁵⁰³.

По всей видимости, Корнилов был нужен Керенскому как некий противовес справа в условиях усилившегося после создания коалиционного правительства влияния левых. Однако в армейской среде настроения к этому времени ушли далеко дальше возможности поиска какого-либо компромисса. Уже «подготовка русской армии к наступлению, — по словам Н. Головина, — не могла не отразиться на формировании контрреволюционных сил... Это обостряло чувства разочарования и недовольства офицерского состава Временным правительством и порождало в нем стремление собственными силами

бороться против разрушительных сил революции. Это настроение выразилось прежде всего в образовании в офицерской среде различных офицерских союзов...»⁵⁰⁴

Именно эти правые петроградские офицерские организации: «Военная лига», «Союз Георгиевских кавалеров», «Союз воинского долга», «Союз чести Родины», «Союз добровольцев народной обороны», «Добровольческая дивизия», «Батальон свободы», «Союз спасения Родины», «Общество 1914 года», «Республиканский центр», «Союз офицеров Армии и Флота» — выступили в поддержку Корнилова 13 августа (31 июля). А кроме петроградских существовали еще организации районные, полковые и т. д.⁵⁰⁵ В это же время, в августе, *«правые уже начинали все громче и тверже поднимать голос за военную диктатуру»*⁵⁰⁶.

Поводом к выступлению Корнилова стало заявление военного министра Савинкова о готовящемся выступлении большевиков⁵⁰⁷. Газета «Русское слово» 19 августа сообщала: «По имеющимся у правительства сведениям, большевики готовятся к вооруженному выступлению между 1 и 5 сентября. В военном министерстве к предстоящему выступлению относятся весьма серьезно...»⁵⁰⁸ 20 августа Керенский по докладу Савинкова согласился на «объявлении Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, то есть для борьбы с большевиками»⁵⁰⁹. 23 августа Савинков прибыл в ставку для личных переговоров с Корниловым, где стороны пришли к заключению, что «если на почве предстоящих событий кроме выступления большевиков выступят и члены Совета, то придется действовать и против них»; при этом *действия должны быть самые решительные и беспощадные»*⁵¹⁰.

Советы и профсоюзы откликнулись на подобные сообщения совместным заявлением: «Мы, представители рабочих и солдатских организаций, заявляем: эти слухи распускают провокаторы и враги революции. Они желают вызвать массы солдат и рабочих на улицу и в море крови

утопить революцию. Мы заявляем: ни одна политическая партия рабочего класса и демократии не призывает ни к каким выступлениям...» Ответ ЦК большевиков последовал в газете «Рабочий» 26 августа: «Темными личностями распускаются слухи о готовящемся выступлении и ведется провокационная агитация якобы от имени нашей партии. ЦК призывает рабочих и солдат не поддаваться на провокационный призыв к выступлению и сохранять полную выдержку и спокойствие»⁵¹¹.

К тому, что данные слухи были откровенной провокацией, приходил и лидер кадетов П. Милюков, который, проанализировав все факты, констатировал: «мы приходим к заключению, что *подозрения крайне левых кругов были правильны*. Агитация на заводах, несомненно входила в число „намеченных задач“, исполнить которые должны были офицерские организации»⁵¹². Однако «выступления большевиков» так и не произошло, поскольку, по словам его организатора... атамана Дутова, возглавлявшего Совет Союза казачьих частей, в решающий момент «за мной никто не пошел»⁵¹³. Другой организатор «выступления»... полковник Винберг, отвечавший за офицерские организации, объяснял причины его провала тем, что суммы, потраченные на его организацию «некоторыми крупными участниками злосчастного дела» были попросту присвоены или прокручены⁵¹⁴.

С началом движения казаков ген. Крымова на Петроград намерения Корнилова уже не оставляли сомнений. По словам Керенского, они сводились к попытке под «предлогом столкновения с большевиками» «захватить правящую власть силой». «*Цель движения — военная диктатура*» (выделено в оригинале)⁵¹⁵. И 27 августа Керенский объявляет Корнилова мятежником. В ответ Корнилов обвинил Временное правительство в том, что оно «действует в полном согласии с планами Германского генерального штаба», — по сути, замечал по этому поводу Н. Головин, «это было обвинением в измене»⁵¹⁶.

Корниловский мятеж был быстро и бескровно подавлен, армия не пошла за своим главнокомандующим. Корнилова, за

исключением Деникина, не поддержали даже свои — представители высшего командного состава. Доминирующее отношение командующих фронтов к бунту Корнилова отражала телеграмма, направленная в Ставку главнокомандующим Кавказским фронтом ген. Пржевальским: «Я остаюсь верным Временному правительству и считаю в данное время всякий раскол в армии и принятие ею участия в гражданской войне гибельными для отечества»⁵¹⁷.

И на этот раз командующие оказались правы: несмотря на успешное подавление, «авантюра Корнилова... — отмечал Керенский, — сыграла роковую роль в судьбе России, поскольку глубоко и болезненно ударила по сознанию народных масс. Большевики, которые до 13 августа были бессильны, 7 сентября стали руководителями Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и завоевали большинство впервые за весь период революции. Этот процесс повсеместно распространялся с быстротой молнии... Никому никогда не удастся поставить под сомнение роковую связь между 27 августа (9 сентября) и 25 октября (7 ноября) 1917 года»⁵¹⁸.

И в этом с Керенским были согласны даже его противники, например, такие как ген. Головин: «„Военная субординация“ могла логично обосновываться только как часть более общего целого — „субординации государственной“. В том же случае, если „цепь“ субординации, связывавшая солдата с самым верхом государственной власти, разрывалась в каком-либо звене, нижняя часть этой цепи падала... выступление ген. Корнилова, обреченное на полную неудачу, ввергало солдатскую массу в окончательную анархию», одновременно «оно подставляло наше офицерство под новые удары»⁵¹⁹.

Однако решающее значение здесь, несомненно, сыграла не «субординация», а угроза установления правой военной диктатуры, которая резко толкнула маятник общественных настроений влево и радикализовала их. Корниловский мятеж привел к правительственному кризису, от которого последнее уже не сумело оправиться, а армия стала рассыпаться на глазах. Офицеры потеряли последнее доверие солдат, превратившись поголовно в reactionеров, что нередко заканчивалось их массовым избиением. Не случайно, бросая взгляд

в прошлое, П. Милюков отмечал, что после корниловского мятежа *«Два последних месяца были уже только агонией»*⁵²⁰. Армии практически уже не существовало. Временное правительство откликнулось на ситуацию на фронте своей последней декларацией от 25 сентября. В ней повторялись лозунги приверженности демократии, призывы к миру без «возмещения всяких издержек», и «только сокровенный смысл фразы „защита общесоюзнического дела“, предназначенный для успокоения союзных стран, — по словам Деникина, — нарушал несколько общий тон „декларации бессилия“, как назвала этот акт печать...»⁵²¹

2 октября тральщики Балтийского флота отказались подчиняться Временному правительству и минировать проходы, что позволило немцам захватить Моонзундский архипелаг (350 км от Петрограда) и взять в плен до 20 тысяч человек... Немцы начали демонстративную подготовку наступления на Петроград, для чего, в частности, высадили десант на материк южнее Гапсала, что вызвало всплеск эмоций у либеральной демократии.

В донесении командующего 12-й армией сообщалось: «Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жадой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще»⁵²². «Осенью на одном из заседаний Петроградского совета прибывший с фронта офицер Дубасов говорил: «Солдаты сейчас не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут»⁵²³. Американский генеральный консул в Москве сообщал: *«Солдаты грабят страну, устремившуюся к анархии и гражданской войне, а армия как боевая сила перестала существовать. Ситуация в глубине страны постоянно ухудшается. Идет разгром поместий, владельцев избивают и убивают»*⁵²⁴.

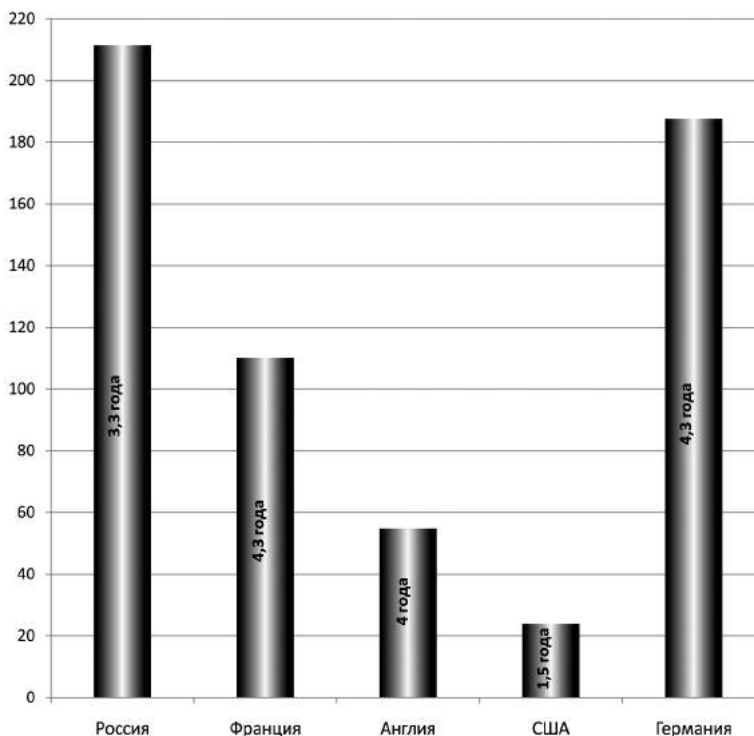
Воевать русская армия больше не хотела и не могла по чисто объективным причинам — из-за истощения ее материальных и продовольственных ресурсов. Уже в середине августа Корнилов отмечал, что в армии «были уже не отдельные случаи, а общее явление голода на фронте»⁵²⁵. В начале октября главный полевой интендант бесстрастно констатировал, что на регулярное пополнение продовольственных запасов, «многие из которых приближаются к истощению, он рассчитывать не может». На вопрос Н. Головина, **«что же будет дальше, главный полевой интендант развел руками и сказал: „Голодные бунты“**. Через десять дней после этого разговора автор участвовал в заседании министров Временного правительства. На этом совещании министр продовольствия г-н Прокопович категорически заявил, что снабжать продовольствием он может только 6 000 000 человек, между тем как на довольствии в то время находилось 12 000 000 человек...»⁵²⁶ Итог подводил 20 октября, на заседании Комиссии по обороне и иностранным делам, военный министр А. Верховский: **«Содержать такую огромную армию... государству в настоящее время не по средствам», «объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем...»**⁵²⁷

Проблемы с продовольствием были только частью общей картины истощения всей экономики страны. «Даже сегодня люди, — отмечал в этой связи А. Керенский уже в эмиграции, — особенно государственные деятели, не совсем понимают, что в действительности означает „война на истощение“»⁵²⁸. Наглядно уровень этого истощения демонстрировал уровень экономической мобилизационной нагрузки, отражающий зависимость между военными расходами и накопленным национальным капиталом (богатством). Бедность России капиталами привела к тому, что менее чем за три года ее участия в Первой мировой уровень ее экономического истощения достиг того предела, за которым наступало разрушение государства.

Именно угроза окончательного самоуничтожения вызвала к жизни революцию, как реакцию инстинкта коллективного самосохранения общества. К концу 1918 года

к тому же пределу подойдет и Германия^а. Правда, последняя при появлении первых признаков революции успеет капитулировать (подписать перемирие) раньше, чем разрушение страны доведет ее до необратимых изменений...

***Экономическая мобилизационная нагрузка,
число мобилизованных, чел./на 1 млн долл. национального
капитала в 1913 году⁵²⁹***

«Буржуазные элементы и печать призывали к борьбе с немцами. Умиравшие исполнительные комитеты также призывали демократию „стойко защищать родную землю“.

а Более подробно экономика войны будет рассмотрена в томе, посвященном Первой мировой, входящем в настоящую серию.

петроградская дума откликнулась многоречивыми заседаниями, образованием „центрального комитета общественной безопасности“ и новых пяти комиссий. Временное правительство постановило эвакуировать Петроград. Но наиболее безотрадную картину распада, — по словам Деникина, — явил собою „Совет Российской республики“. После долгого обсуждения вопроса об обороне государства 18 октября на голосование Совета было поставлено... шесть формул, все шесть были отвергнуты — и вопрос снят с обсуждения. *„Совет Российской республики“ в дни величайшей внешней опасности и накануне большевистского переворота не нашел ни общего языка, ни общего чувства скорби и боли за судьбу Родины.* Поистине, и у людей непредубежденных могла явиться волнующая мысль: одно из двух, или „соборный разум“ — великое историческое заблуждение, или в дни разгула народной стихии прямым и верным отображением его в демократическом фокусе может быть только „соборное безумие“»⁵³⁰.

Это был тупик, выход из которого могли дать только радикальные решения. Последние витали в воздухе с первых дней февральской революции; но «в стране не было ни одной общественной или социальной группы, ни одной политической партии, — отмечал Деникин, — которая могла бы, подобно большевикам и к ним примыкающим, так безоговорочно, с такой обнаженной откровенностью призывать армию „воткнуть штыки в землю“»⁵³¹.

* * *

Но *«когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, — добавлял Деникин, — а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма»*⁵³². У Черчилль прибегнул к той же аналогии: «С победой в руках она (Россия) рухнула на землю, съеденная живо... червями».

Однако *«черви, которые пожирали внутренности старого режима и подрывали его силы, были вызваны*

к жизни разложением самого режима, — отмечал Ллойд Джордж, — Царизм пал потому, что его мощь, его значение и авторитет оказались насквозь прогнившими»⁵³³. «Русская революция была благом, поскольку она в первые дни свои освободила Россию от кошмара разлагавшейся самодержавной власти... — вторил Н. Бердяев и тут же подводил итоги деятельности своей, февральской: — Мы оставим потомкам нашим размотанное и разоренное наследство. Мы получили Россию от старой власти в ужасном виде, больную и истерзанную, и привели ее в еще худшее состояние. После переворота произошло не выздоровление, а развитие болезни, прогрессирующее ухудшение положения России. Не новая жизнь раскрывается и расцветает, а старая жизнь, окончательно распутившаяся, гниет»⁵³⁴.

М. Волошин, тонко чувствовавший сущность времени, в этой связи замечал: «Эпоха Временного правительства психологически была самым тяжелым временем революции. *Февральский переворот фактически был не революцией, а солдатским бунтом, за которым последовало быстрое разложение государства.* Между тем обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию как свершение всех своих исторических чаяний; происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя. *Русское общество, уже много десятилетий жившее ожиданием революции, приняло внешние признаки (падение династии, отречение, провозглашение Республики) за сущность события и радовалось симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления.* Эти месяцы были вопиющим и трагическим противоречием между всеобщим ликованием и реальной действительностью. *Все дифирамбы в честь свободы и демократии, все митинговые речи и газетные статьи того времени были нестерпимой ложью.* Правда — страшная, но зато подлинная, обнаружилась только во время октябрьского переворота. Русская революция выявила свой настоящий лик, также назревавший с первого дня ее, но для всех неожиданный»⁵³⁵.

Большевики довели начатую кадетами и октябристами Русскую революцию до логического конца. В своей борьбе с властью они практически не отличались от своих предшественников: против Временной власти большевики использовали те же методы и средства, которые применяли февдалисты в своей борьбе с самодержавием. Один из наиболее выдающихся деятелей «черносотенства» Б. Никольский в начале 1918 года в этой связи замечал: «Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов?.. Россиею правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах»⁵³⁶.

Однако отличия все же были: если кадеты и октябристы, подтачивая последние опоры агонизирующего самодержавия, дождались, пока оно не рухнуло им на голову, то большевики дожидаться не стали. Разложение власти зашло так далеко, что уже не оставляло никаких шансов для терапевтического лечения, вся надежда была только на срочную хирургическую операцию, пока стремительно распространявшаяся гангрена не уничтожила весь организм. Именно эту операцию совершили большевики, в полном осознании своих действий, которые В. Ленин изложил в своей работе «Государство и революция»: *«Ход событий вынуждает революцию концентрировать все силы разрушения против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а разрушение, уничтожение ее»*⁵³⁷. Что касается армии, то, по словам Троцкого, одним из побудительных мотивов к скорейшему захвату большевиками власти было опасение, что «события на фронте могут произвести в рядах революции чудовищный хаос и ввергнуть в отчаяние рабочие массы»⁵³⁸.

Что же представляла собой эта революционная власть, которая практически не оставила места для выбора?

ВЛАСТЬ

Временное правительство

Мы вот уже полтора года твердим, что правительство никуда не годно. А что, если «станется по слову нашему»? Если с нами, наконец, согласятся и скажут: «Давайте ваших людей». Разве мы готовы? Разве мы можем назвать, не отделяясь общей формулой, «людей, доверием общества обложенных», конкретных, живых людей?..

В. Шульгин⁵³⁹

«Революция, с точки зрения государственного строительства, — отмечал А. Деникин, — есть разрыв непрерывности (переход „порядок — хаос“). В это время утрачивает силу старый способ легитимации власти». Власть царя как помазанника Бога, освященная церковью, прекратилась. Вообще Февральская революция нанесла сильнейший удар по всем основаниям государственности. Как признал тогда А. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть»⁵⁴⁰.

А. Керенский воспринимал революцию как полный крах всей государственной машины: «Разом ликвидировались все государственные и политические институты», полный развал «механизма управления», необходимо было «сберечь хотя бы его обломки, без чего все программы, формулировки, резолюции и т. п. можно выкидывать на помойку»⁵⁴¹. «Нужен центр. Нужен во что бы то ни стало какой-нибудь фокус... — восклицал Шульгин. — Не то все разбредется... Все разлетится... Будет небывалая анархия... И главное — армия, армия. Все пропало, если развал начнется в армии»⁵⁴².

«Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная Дума,

выделив из своей среды Комитет Государственной Думы...»⁵⁴³ И между ними сразу же разгорелась борьба за власть: проект председателя Государственной Думы Родзянко предусматривал, что «Государственная Дума... явилась бы носителем верховной власти и органом, перед которым Временное правительство было бы ответственным». Этому решительно воспротивились главным образом представители кадетской партии. Ее лидер П. Милюков восклицал: «Можно ли было признавать это учреждение фактором сложившегося положения? Дума была тенью своего прошлого. К тому же срок ее избрания наступал в том же году...»⁵⁴⁴

По мнению Милюкова, «Временный комитет существовал независимо от санкции председателя [Думы], и так же независимо он [комитет], а не председатель, наметил состав Временного правительства. Не он, а князь Львов должен был это правительство возглавить, а не „назначить“... П. Милюков, еще несколько дней назад умолявший великого князя Михаила отказаться от отречения, теперь, отрицая всякую преемственность, заявлял: **„Нас выбрала русская революция!“**. «Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, — вспоминал Милюков, — закрыла рот самым радикальным оппонентам. На нее потом и ссылались как на канонический источник нашей власти»⁵⁴⁵.

Отказ от преемственности власти, по мнению Керенского, погубил «все шансы на создание единственного и единого центра революционной власти... Временный комитет начал отдавать приказы и распоряжения. Но по какому праву...? Он имел не больше полномочий, чем Совет, который поспешно взялся за то же самое»⁵⁴⁶. Преемственность не имела никакого значения, отвечал Деникин, «когда царская власть пала, в стране до созыва Учредительного собрания не стало вовсе легальной, имевшей какое-либо юридическое обоснование власти. Это совершенно естественно и вытекает из самой природы революции... Оставим, следовательно, в стороне всенародное и демократическое происхождение временной власти. Пусть она будет самозваной, как это имело место в истории всех революций и всех народов. Но самый факт

широкого признания Временного правительства давал ему огромное преимущество перед всеми другими силами, оспаривавшими его власть»⁵⁴⁷.

Состав Временного правительства был далеко не случайен, его костяк сложился еще 6 апреля 1916 года: «Именно этот тайный кабинет министров составлял „бюро Прогрессивного блока“, который, — по словам Шульгина, — после революции с прибавлением Керенского и Чхеидзе образовал Временное правительство. Это было расширение блока налево...»⁵⁴⁸ Но и «бюро блока» с небольшими изменениями лишь воспроизводило список Комитета обороны Рябушинского, опубликованный в августе 1915 года. Уже тогда планировалось правительство, поголовно состоящее из кадетов и октябристов, что поддерживали меньшевики и эсеры. «С.-р. и с.-д. намечали „буржуазное министерство“!» — изумлялся Милюков⁵⁴⁹.

Что же представляли собой члены революционного Временного правительства?

Накануне Февральской революции Шульгин попал на совещание, где «были все видные деятели Думы, земцы. Мелькали лица Гучкова, Некрасова, князя Львова, но было множество других, собрание никак не носило узкого характера. Чувствовалось что-то необычайное, что-то таинственное и важное... Но можно было догадываться. Может быть, инициаторы хотели говорить о перевороте сверху, чтобы не было переворота снизу... У меня было смутное ощущение, что грозное близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки. **Бессилие людей, меня окружавших, и свое собственное в первый раз заглянуло мне в глаза. И был этот взгляд презрителен и страшен...** Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересестись с депутатских скамей в министерские кресла, при условии, чтобы императорский караул охранял нас... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце»⁵⁵⁰.

Один из лидеров февральского переворота А.Гучков позже оправдывался: **«Это была попытка не самим захватить власть, а очистить другим путь к власти.**

Я всегда относился весьма скептически к возможности создания у нас в России (по крайней мере, в то время) общественного или парламентского кабинета, был не очень высокого мнения... не скажу — об уме, талантах, а о характере в смысле принятия на себя ответственности, того гражданского мужества, которое должно быть в такой момент. Я этого не встречал. Я скорее встречал это у бюрократических элементов. Я осторожно относился к проведению на верхи элементов общественности; так, некоторые элементы ввести — это еще туда-сюда, но избави Бог образовать чисто общественный кабинет — ничего бы не вышло. У всех этих людей такой хвост обещаний, связей личных, что я опасался (особенно у людей, связанных с партиями). Меня очень подбадривала вот такая мысль. Мне казалось, что чувство презрения и гадливости, то чувство злобы, которое все больше нарастало по адресу верховной власти, все это было бы начисто смыто, разрушено тем, что **в качестве носителя верховной власти появится мальчик, по отношению к которому ничего нельзя сказать дурного**⁵⁵¹, — говорил один из лидеров буржуазно-демократической революции!

Характеризуя состав Временного правительства, сразу после его создания, в марте, британский посол Дж. Бьюкенен доносил в Лондон: «Положение очень далеко от нормального, и в надвигающейся борьбе с Советом требовался человек действия, способный воспользоваться первой благоприятной возможностью для подавления этого соперничавшего и незаконно образовавшегося собрания (Советов). В правительстве не было ни одного такого человека»⁵⁵². Британский посол спустя всего две недели после февральской революции приходил к пессимистичным выводам: «Я не держусь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления, и в ближайшие несколько лет мы, вероятно, будем свидетелями ряда революций и контрреволюций, как это было около пяти-сот лет назад в Смутное время»⁵⁵³.

Французский посол был доволен, что наконец создано новое правительство, но также разочарован его составом: «Эти октябристы, кадеты — сторонники конституционной монархии, люди серьезные, честные, благоразумные, бескорыстные». Но ни один из них «не обладает политическим кругозором, ни решительностью, ни бесстрашием и смелостью, которых требует столь ужасное положение». «На одного из них мне указывают как на человека действия — ...Керенского». «Именно в Совете надо искать людей инициативных, энергичных, смелых... заговорщиков, ссыльных, каторжников: Чхеидзе, Церетели, Зиновьева, Аксельрода. Вот настоящие герои начинающейся драмы». Все это записано 4 (17) марта, два дня спустя после появления Временного правительства⁵⁵⁴.

На следующий день, 5 (18) марта, Палеолог телеграфировал своему премьеру: ***«Беспорядок в военной промышленности и на транспорте не прекратился и даже усилился. Способно ли новое правительство осуществить необходимые реформы? Я несколько этому не верю.*** В военной и гражданской администрации царит уже не беспорядок, а дезорганизация и анархия. В любом случае следует предвидеть ослабление национальных усилий, которые и без того анемичны и беспорядочны. И восстановительный кризис рискует быть продолжительным у расы, в такой малой степени обладающей духом методичности и предусмотрительности... Факторы, призванные играть решающую роль в конечном результате революции (например: крестьянские массы, священники, евреи, инородцы, бедность казны, экономическая разруха и пр.), еще даже не пришли в действие. Поэтому невозможно уже теперь установить логический и положительный прогноз о будущем России. До сих пор русский народ нападал исключительно на династию и на чиновничью касту. ***Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят выйти на поверхность. Это — с точки зрения войны — вопросы страшные,*** потому что славянское воображение, далекое от конструктивности (как воображение латинское

или англосаксонское), в высшей степени анархично и разбросано. Их решение не пройдет без глубоких потрясений...»⁵⁵⁵

США были первой страной, признавшей Временное правительство. Эволюцию их взглядов на составивших его представителей либерально-буржуазных партий передавали слова ведущего американского специалиста по России того времени С. Харпера: «Казалось, что они вели дело хорошо в противовес пресловутым неумелым бюрократам. Естественно, они вносили политический элемент в свою работу. [Но] Впоследствии *многие были разочарованы в способности этого класса к практической работе, когда они стали полностью нести ответственность за управление Россией после Февральской революции 1917 года*»⁵⁵⁶.

«На первом приеме, устроенном Временным правительством, западные дипломаты имели возможность впервые воочию рассмотреть правительство, пришедшее на смену царским сановникам...» Даже благоволящий к ним Палеолог сбивался в рассказе об этой встрече на саркастический тон: «какой у них обессиленный вид!.. Задача, которую они взяли на себя, явно превосходит их силы. Как бы они не изнемогли слишком рано! Только один из них, кажется, человек действия: министр юстиции Керенский... Он, по-видимому, самая оригинальная фигура Временного правительства и должен скоро стать его главной пружиной»⁵⁵⁷.

Бессилие Временного правительства стало очевидным с первых дней его существования даже его сторонникам. «В конце концов, что мы смогли сделать? — оправдывался Шульгин. — Трехсотлетняя власть вдруг обвалилась, и в ту же минуту тридцатитысячная толпа обрушилась на голову тех нескольких человек, которые могли бы что-нибудь скомбинировать. Представьте себе, что человека опускают в густую, густую, липкую мешанину. Она обессиливает каждое его движение, не дает возможности даже плыть, она слишком для этого вязкая... Приблизительно в таком мы были положении, и потому все наши усилия были бесполезны — это были дви-

жения человека, погибающего в трясине... По этой трясине, прыгая с кочки на кочку, мог более или менее двигаться только Керенский...»⁵⁵⁸

Британский посол также приходил к выводу, что «Керенский был единственным министром, чья личность, пусть и не во всем симпатичная, останавливала на себе внимание. Как оратор он обладал магнетическим влиянием на аудиторию... Владея этим рычагом воздействия на массы, в отсутствии подлинного квалифицированного соперника, Керенский стал единственным человеком, способным, по нашему мнению, удержать Россию в войне»⁵⁵⁹. О впечатлении, которое производили выступления Керенского на солдат, свидетельствовал один из унтер-офицеров: «Мы слушали Керенского раскрыв рты и искренне верили, что действительно интересы революции требуют завершить войну победой. Глава Временного правительства казался нам в те дни каким-то новым революционным царем. Психологическое воздействие его короткой, но энергичной речи было огромно»⁵⁶⁰.

Советы

Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы Совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования сверг бы Россию в геенну огненную.

П. Столыпин, из выступления
в Государственной Думе, 1910 год⁵⁶¹

За день до создания Временного правительства неожиданно для всех возникла совершенно новая независимая власть. 27 февраля из стен Таврического дворца вышло воззвание: «Граждане! Заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в семь часов вечера в помещении Государственной

Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному из каждой роты. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу...» Так возникли «Советы рабочих и солдатских депутатов»^а.

Идея «Совета...» была выдвинута еще «Союзом освобождения» после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года в период действия правительственной комиссии, назначенной для разбора нужд и требований рабочих. Правда, вскоре по причине того, что «депутатами овладели революционеры», комиссия была распущена. Часть уцелевших депутатов комиссии образовала Совет. В конце 1905 года Витте под впечатлением восстания севастопольских матросов сначала арестовал лидера Совета Хрусталева-Носаря, а потом и весь Совет в составе 267 членов. Руководители Совета ответили вооруженным восстанием в Москве (9–20 декабря), но оно было быстро подавлено правительственными войсками⁵⁶².

У крестьян были свои аналоги «Советов». «Русская деревня с незапамятных времен имела свое самоуправление, называвшееся волостным. Волостной сход составляли все хозяева данной волости. Хозяином почитался каждый, кто владел наделом, то есть участком земли, полученным в 1861 году при освобождении крестьян. Надел переходил по наследству. Волость как старинная форма самоуправления, хорошо знакомая крестьянам, и была положена в основу крестьянских выборов в Государственную Думу. Волостные сходы выбирали делегатов в уездное избирательное собрание. Это последнее выбирало делегатов в губернское... где уже выбирались члены Государственной Думы от губернии»⁵⁶³. Высшей формой самостоятельной крестьянской

а Уже 24 февраля появилось сообщение о том, что на некоторых фабриках прошли выборы Советов. Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов был создан 27 февраля освобожденными из тюрьмы членами Рабочей группы и другими политическими заключенными, вместе с социалистическими депутатами Думы и другими видными членами рабочего движения. (Чернов В... с. 101)

организации стал Всероссийский крестьянский союз, образованный в 1905 году. Организаторы «Союза...» были арестованы в 1906 году.

В основе образования этих революционных союзов лежал глубокий социальный раскол российского общества. Именно на него накануне февральской революции указывал французский посол М. Палеолог: *«Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройства и распада. Один из самых грозных симптомов — это глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Никакой связи между этими двумя группами, их разделяют столетия...»*⁵⁶⁴

Именно эта огромная социальная пропасть, разделявшая российское общество на две непримиримые части, и организационный опыт Первой русской революции привели в феврале 1917 года к стихийному и практически мгновенному появлению новой, доселе неведомой формы государственной власти. Это, пожалуй, уникальный случай в истории человечества, по крайней мере, аналогов не дает ни одна другая революция. «Только природой российского общества, — отмечал в этой связи английский историк Дж. Хоскинг, — можно объяснить тот факт, что после падения самодержавия образовался не один наследственный режим, а целых два»⁵⁶⁵.

«Стихийность движения [при создании Советов], — замечал в свою очередь В. Ленин, — есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустраимости, это несомненно»⁵⁶⁶. В стихийном характере создания Советов была своя сила и бессилие. Поддержка масс давала силу, но в то же время Советы были вынуждены идти на поводу у этих масс и были почти бессильны проводить какую-либо самостоятельную политику. В этот период «революционные партии испытывали такой приток новых членов, — вспоминал лидер эсеров В. Чернов, — что их лидеры смотрели на это с тайным ужасом: что будет, когда старая гвардия растворится в этой политически неопытной сырой массе? Решения такой массы, скорее всего, будут случайными. Партии станут непрочными ассо-

циями, реагирующими на настроения уличной толпы, как флюгер»⁵⁶⁷.

Так и произошло, отмечал член Исполнительного комитета Петроградского Совета В. Станкевич: «Совет — это собрание полуграмотных солдат — оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только ширмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие. Две тысячи тыловых солдат и восемьсот рабочих Петрограда образовали учреждение, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о заседаниях Совета свидетельствовали об удивительном невежестве и бестолочи, которые царили в них. Становилось невыразимо больно и грустно за такое „представительство“ России»⁵⁶⁸. Однако, как подчеркивал Керенский, «несмотря на свои серьезные ошибки и частые глупости, Советы стали первой примитивной общественно-политической формой, куда можно было направить поток революционной лавы»⁵⁶⁹.

Стихийный характер образования Советов подчеркивает тот факт, что его организаторы — социалисты даже не подозревали о приближении революции. Член Государственной думы, лидер социал-демократической партии Н. Чхеидзе накануне февральской революции говорил своему соратнику: «В Петербурге... вы увидите некоторых из наших эсдеков, скажите им, никаких надежд в ближайшее время на какую-нибудь удачную революционную вспышку нет. Я знаю, что полиция пытается инсценировать такие вспышки, вызвать наших людей на улицу для того, чтобы подавить. Скажите там, чтобы остерегались таких провокаций и не допускали»⁵⁷⁰.

«Приблизительно за месяц до Февральской революции, — вспоминал Н. Бердяев, — у нас в доме сидели один меньшевик и один большевик, старые знакомые, и мы беседовали о том, когда возможна в России революция и свержение самодержавной монархии. Большевик сказал, что это возможно, вероятно, не раньше чем через 25 лет, а большевик сказал, что не раньше чем через 50 лет...»⁵⁷¹ Полностью оторванный от России, Ленин из Цюриха говорил в январе: «Мы,

старое поколение, не увидим будущей революции»⁵⁷². Представитель Ленина в Петрограде, руководитель Русского бюро ЦК А. Шляпников: «Все политические группы и организации подполья были против выступления в ближайшие месяцы 1917 года»⁵⁷³. Большевицкие лидеры вообще опоздали к началу революции почти на месяц^а. Подводя итог, историки М. Геллер и А. Некрич констатировали: «Все в стране ждут неминуемых перемен, кроме революционеров»⁵⁷⁴. ***«Социалистические партии держались в стороне от широкого рабочего движения последних дней перед революцией, — подтверждал П. Милюков. — Они были застигнуты врасплох, не успев организовать в стране своих единомышленников»***⁵⁷⁵.

Именно на неготовности Советов Милюков строил свои логические обоснования прав на власть Временного правительства: «Родзянко, который смешивает всех левых в одну кучу, приписывает им заранее обдуманый план. Такого плана не существовало, и именно поэтому правительство было сильно... ораторы на съезде Советов 30 марта откровенно признавали эту „психологическую“ причину своего воздержания от власти. „Нам не было еще на кого опереться. Мы имели перед собой лишь неорганизованную массу“, — говорил Стеклов. „Мы не чувствовали в первые дни революции почвы под ногами для захвата власти“, — вторил Есиповский. Таким образом, „буржуазное“ правительство получило отсрочку и не могло не быть признано именно как власть по праву»⁵⁷⁶.

Действительно, по словам члена меньшевистского ЦИК В. Войтинского, в исполнительном комитете Совета «царила поразительная растерянность. Это было результатом того, что ни у правого, ни у левого крыла комитета, ни у его центров в то время не было ясной, продуманной до конца линии — были лишь осколки программ, разбитых катастрофической быстротой нагрянувших событий». «Отсутствие же ясной политики у руково-

---

а Они появились в России только в апреле (Ленин) и в мае (Троцкий). Тем не менее В. Ленина, который изобразил председателя Петроградского совета меньшевика Н. Чхеидзе чуть ли не предателем, последний от имени Совета приветствовал ночью 3 апреля на Финляндском вокзале под звуки «Марсельезы» с почетным караулом, большой толпой единомышленников и сочувствовавших.

дителей Петроградского Совета зависело не от личных свойств, а от того, что революционная волна подняла их на свой гребень в тот момент, когда сами народные массы еще не осознали своих стремлений, когда ни одна группа населения и, во всяком случае, ни одна группа демократии не могла точно сформулировать свою волю»⁵⁷⁷.

«Советы никогда не имели четкого устава; выборы в них всегда были хаотическими и неорганизованными. Менее всего они напоминали орган государственной власти, действующий на основании определенных правил. Однако в переходный период все это нисколько не мешало Советам быть единственной активной законодательной властью...»⁵⁷⁸ «Совет превратился в гигантский рабоче-солдатский предпарламент... Каждое решение немедленно передавалось в казармы и рабочие кварталы по тысяче каналов. Такой силе не мог противостоять никто. Поэтому неудивительно, что Родзянко не мог получить поезд для поездки к царю без разрешения Совета, а Гучков и Милюков сильно рисковали, пытаясь объявить Михаила царем против воли этого органа народовластия. Если бы Михаил попытался воспользоваться правами, делегированными ему Николаем II, в восставшем Петрограде это действительно стоило бы ему жизни», — отмечал Чернов⁵⁷⁹.

«Только Совет мог остановить всеобщую забастовку и вновь открыть фабрики. Только он мог восстановить уличное движение. Поскольку Совет контролировал профсоюз печатников, только он мог разрешить издание газет... Сразу же после своего создания Временное правительство было вынуждено обратиться к лидерам Совета, чтобы напечатать свое первое воззвание к народу. Когда воинские части Петрограда стали частью организованной советской демократии, Совет превратился в единственный реальный источник власти. На своей первой сессии Совет решил принять немедленные меры по изъятию всех общественных фондов из-под контроля старого правительства. После этого решения вооруженные солдаты заняли и начали

охранять Государственный банк, центральное и местные казначейства, Монетный двор и т. д.»⁵⁸⁰. Об авторитете Совета говорил и тот факт, что 3 марта совещание представителей петроградских банков именно у Совета попросило разрешения «немедленно открыть банки»⁵⁸¹.

«Незаконно образованное», по словам английского посла, собрание — Советы показали свою реальную силу уже в первые дни революции: *только «благодаря усилиям Исполнительного Комитета (Совета) во вторник, 13 марта, положение в городе обнаружило признаки улучшения...*»⁵⁸² Кадеты с первых дней существования Временного правительства отчетливо ощущали эту политическую силу, как и свое бессилие бороться с ней. Они были вынуждены включить руководителей Советов в состав Временного правительства «как представителей левых фракций Думы и очень дорожили их участием», — вспоминал Милюков. Но Чхеидзе, председатель Совета рабочих депутатов, отказался от предложения из-за желания sobлюсти «чистоту риз» социалистов в «буржуазной революции»⁵⁸³.

Причина отказа заключалась в том, что в Совете преобладала «классическая» социал-демократическая «точка зрения, согласно которой русская революция являлась буржуазной и должна была положить начало долгому историческому периоду капиталистической индустриализации России»⁵⁸⁴. «Не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач... — разъяснял политику своей партии член ИК Совета меньшевик И. Церетели. — Мы поняли, что совершается буржуазная революция... И, не имея возможности полностью осуществить светлые идеалы... *не захотели взять на себя ответственность за крушение движения*, если бы в отчаянной попытке решились навязать событиям свою волю в данный момент»⁵⁸⁵.

«Мы сейчас совершаем не социальную, а буржуазную революцию, — дополнял другой член ИК Совета меньшевик Н. Суханов, — а потому во главе ее должны стоять и делать буржуазное дело ее люди из буржуазии»; иначе социалистам

«пришлось бы делать своими социалистическими руками буржуазное дело, это было бы гибелью доверия демократии и социалистических партий к своим вождям»⁵⁸⁶. В состав Временного правительства вошел только Керенский, который, «можно сказать, вынудил согласие Совета».

Лидер эсеров В. Чернов, в свою очередь, объяснял нежелание лидеров Совета организовывать собственное правительство не их идеями, а отсутствием у социалистов практического опыта управления государством, поскольку, с одной стороны, их «долгое „подпольное“ существование и отлучение от легальной политической деятельности... [во] все времена и у всех народов было школой беспредметного теоретизирования и гордой непримиримости»⁵⁸⁷ и «отражало интеллектуальный уровень довоенного социализма, действовавшего во всей Европе как безответственная оппозиция»⁵⁸⁸. **«Нет, нежелание советской демократии создавать правительство было вызвано не теориями и догмами, а ощущением „бремени власти“»,** — утверждал лидер эсеров⁵⁸⁹. Однако такое отступление виделось временным. Ядро первого Совета «думало, что передача власти буржуазии на определенных „условиях“ позволит держать последнюю „на коротком поводке“, чтобы впоследствии расстаться с ней и начать свою „борьбу“»⁵⁹⁰.

И уже 1 марта Совет обратился к Временному комитету с предложением обсудить условия поддержки правительства демократическими организациями, заявив права на некий вид верховной партийной власти⁵⁹¹. 4 апреля руководители Совета уточнили свою позицию: «Организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, быть готовым дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств»⁵⁹². В ответ Шульгин заявил, что представители Совета «ведут подкоп против Комитета Государственной Думы, что этим путем они

подрывают единственную власть, которая имеет авторитет в России и может сдерживать анархию... Одно из двух: или арестуйте всех нас, посадите в Петропавловку и правьте сами, или уходите и дайте править нам»⁵⁹³.

Двоевластие

Разрыв с Советами кончился бы анархией, хаосом и гражданской войной...

А. Гучков⁵⁹⁴

Наглядную картину сложившегося положения передавал А. Деникин: «Местные Советы рабочих и солдатских депутатов усвоили себе навыки худшего абсолютизма — с той только разницей, что худшие представители прежней власти все же чувствовали над собой иногда карающую десницу, тогда как Советы были абсолютно безответственны. Эта коллегиальная безответственность прикрывала ошибки невежд и преступления людей злой воли. При этом Советы распространяли свою компетенцию на все области управления и жизни, даже на церковную». С другой стороны, «правительство было бессильно справиться с анархией и, кроме воззваний, не делало к этому никаких попыток. Местный представитель его — губернский комиссар — был едва ли не наиболее трагикомической фигурой правительственного аппарата. Без какой-либо силы — среди вопиющего бесправия и торжествующего беззакония... Власть терпела и не могла порвать цепей, приковававших ее к Советам»⁵⁹⁵. Как определил ситуацию английский историк Л. Гарт, «умеренное Временное правительство взобралось в седло, но у него не было вожжей»⁵⁹⁶.

Лидеры Советов не были готовы и не хотели, а Временное правительство хотело, но не могло взять реальную власть. **Обе стороны в той или иной мере владели лишь символами власти, а сама власть принадлежала стихии.** Оба лидера и правительства кн. Львов, и Советов В. Чернов определяли сложившуюся ситуацию одинаково: **«Правительство было „властью без силы“, тогда как Совет рабочих депутатов был „силой**

*без власти»*⁵⁹⁷. «Отсюда, — отмечал Деникин, — и лживый пафос бесконечных митинговых речей, и популизм кн. Львова, и Керенского, и Чхеидзе»⁵⁹⁸. Менее чем через два месяца после революции «полное бессилие Временного правительства стало настолько очевидным, что князь Львов с согласия комитета Государственной Думы и кадетской партии обратился к Совету, приглашая его „к непосредственному участию в управлении государством...“»⁵⁹⁹

Сила Советов наглядно проявилась во время апрельского кризиса — после того, как Корнилов в ответ на стихийное антиправительственное вооруженное выступление в Петрограде попытался вызвать войска. Исполнительный комитет Советов предотвратил столкновение распоряжением «не выходить с оружием в руках без вызова Исполнительного комитета в эти тревожные дни». Правоту этого шага косвенно признал даже Милюков, но Совет, по его мнению, «несомненно, вторгся в права правительства», и 26 апреля Временное правительство «разъяснило», что «власть главнокомандующего остается в полной силе и право распоряжения войсками может быть осуществляемо только им»⁶⁰⁰.

Однако тут же революционное правительство признавало свою полную неспособность справиться с ситуацией. Его заявление от 25 апреля звучало уже как политическое завещание: *«трудности только множатся и внушают серьезные опасения за будущее...»* строительство новых социальных устоев, укрепляющих основы нового общественного порядка в стране... далеко отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного режима... положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри и поражению на фронте. *Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии...*⁶⁰¹ В эти дни М. Палеолог сообщал в Париж: *«Вы создаете себе иллюзию, что этот славянский народ оправится. Нет! Он с этого момента осужден на разложение... Никакое усилие не может его спасти: он идет к гибели; он*

*следует своему историческому пути, его подстегивает анархия...»*⁶⁰²

В начале мая кадеты сделали последнюю попытку удержаться у власти, потребовав передачи Временному правительству всей полноты власти, «полного и безусловного доверия к правительству всего революционного народа... права применения силы и распоряжения армией»⁶⁰³. Но требовать доверия бессмысленно, его можно только заслужить. Кадеты же за два месяца нахождения у власти успели растерять даже тот кредит доверия, который случайно достался им во время февральской революции. Доверие к Совету, наоборот, возрастало. Эту данность отмечал в своем донесении в начале мая английский посол Бьюкенен: «Львов, Керенский и Терещенко пришли к убеждению, что так как Совет — слишком могущественный фактор, чтобы его уничтожить или с ним не считаться, то единственное средство положить конец двоевластию — это образовать коалицию»⁶⁰⁴.

Против выступил только П. Милюков: «Я решительно протестовал... против введения социалистов в состав министерства. Я доказывал, что, признавая свои провалы, правительство дискредитирует само себя, а введение социалистов ослабит авторитет власти...»⁶⁰⁵ «Создать ясную и четкую программу такого правительства невозможно, — пояснял Милюков, — коалиция была компромиссом, парализовавшим правительство изнутри, в то время как прежнее правительство было парализовано давлением снаружи»⁶⁰⁶. Милюков остался в меньшинстве и в ответ на создание коалиции вышел из правительства⁶⁰⁷.

В свою очередь, «большинство Совета защищало коалицию с буржуазией неохотно, словно неся на себе тяжелый крест», — отмечал В. Чернов⁶⁰⁸. Тем не менее после некоторого колебания представители Советов все же вошли в состав Временного правительства. Стихия встретила создание коалиции забастовкой в Кронштадте.

Ее причиной, по мнению комиссара Временного правительства меньшевика В. Войтинского, стало то, что «Кронштадт не нюхал пороха. Но в течение многих лет для всех

этих людей крепость, живую силу которой они составляли, была бездушной, мертвящей тюрьмой. Бесправие, свирепая муштровка, издевательства, жестокие наказания за малейшую провинность, — все это оставляло отпечаток в их душах, родило в них обиду, злобу, жажду мести. И теперь пришел их час... В смысле марксистском это была масса, не только лишенная пролетарского классового самосознания, но деградированная, деморализованная каторжными условиями существования при царизме, масса с психологией люмпенов, то есть слой, который скорее должен был представлять угрозу для революции, нежели опору ее»⁶⁰⁹. Волнения удалось погасить, но резолюция Кронштадтского совета однозначно указывала: «Мы признаем центральную власть Временного правительства и будем признавать ее до тех пор, пока вместо существующего правительства не возникнет новое, пока Всероссийский центральный совет не найдет возможным взять в свои руки центральную власть»⁶¹⁰.

29 мая собрание одного из гренадерских полков постановило: «Мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены в бойню капиталистами. Нет сил с легкой душой двинуться вперед... Мы умрем все за Совет... Нам не страшна смерть — страшно сгубить свою свободу. Нужна уверенность перед смертью, что умираем за дело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть была у народа, вся власть у Совета... Итак, если нужно пожар тушить пожаром, если до скорого достижения мира нужна война, нужно наступление, — то, чтобы пойти вперед, необходимо, чтобы Совет взял свою власть в свои руки...»⁶¹¹ По мнению В. Войтинского: «Не апрельские дни и не июньское наступление, а именно середина и вторая половина мая принесли нам (Временному правительству) в Петрограде наиболее тяжелые поражения»⁶¹².

В июне начался первый Всероссийский съезд Советов, собравший 1090 делегатов от 305 Советов, которые представ-

ляли 20,3 млн человек (5,1 млн рабочих, 4,24 млн крестьян и 8,15 млн солдат)^а.

***I Всероссийский съезд представителей
Советов рабочих и солдатских депутатов,
3–24 июня 1917 года***⁶¹³

	делегаты	%
Эсеры	285	26,1
Меньшевики	248	22,7
Большевики	105	9,6
Прочие ^б	137	12,5

Произошедшие примерно в то же время отставки Корнилова и Гучкова привели к тому, что «уже 6 июня обе главные партии большинством 543 против 126... одобрили решение Исполнительного комитета принять участие во власти в коалиции с буржуазией. А 8 июня резолюция съезда признала ответственными перед Советами одних „министров-социалистов“ — на том основании, что „переход всей власти к Советам в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силу, преждевременно оттолкнув от нее элементы, еще способные ей служить, и грозил бы крушением революции...“»⁶¹⁴

«Легко можно представить себе то впечатление, которое производили подобные резолюции на буржуазию и ее „заложников“ в коалиционном министерстве, — отмечал Деникин. — И хотя Совет выражал новому правительству свое полное доверие и призывал демократию „оказать ему деятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти“, эта „власть“ была уже окончательно и безнадежно дискредитирована и потеряна»⁶¹⁵. В то же время, несмотря на согласие принять участие в коалиции, Совет опять ускользал от участия во власти, пытаясь оставить за собой лишь роль ее идеологического контролера. Своим отказом от власти, по мнению Деникина,

---

^а То есть рабочие и солдаты были представлены практически полностью.

^б Заявившие о своей партийности.

«Совет в действительности не прямо разрушал русскую государственность. Он ее расшатывал...»⁶¹⁶

Однако Совет сам был заложником стихии, которая уже перекинулась через его голову. Это стало очевидно в июне, когда запрещение Советами шествий и собраний под страхом объявления «врагами революции» продержалось всего несколько дней. «Министры-социалисты стали такими же буржуями и идут против народа... Если даже большевики отменят демонстрацию, то все равно через несколько дней мы выйдем на улицу и разгромим буржуазию... Так, — по словам Милюкова, — формулировались лозунги подонков революции, пытавшихся организовать уличное выступление 10 июня»⁶¹⁷. 18 июня сотни тысяч солдат и рабочих вышли на улицы с красными знаменами и требованиями: «Долой царскую Думу!», «Долой Государственный совет!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!», «Да здравствует контроль и организация промышленности!», «Пора кончать войну!», «Хлеба, мира, свободы!». «Манифестация 18 июня превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству»⁶¹⁸.

Среди организаторов демонстрации «большевики, конечно, были... — отмечал Милюков, — но только с пропагандистскими целями. О выступлении для себя они еще не могли думать. И настроение [организаторов демонстраций] было не большевистское, а анархистское, направленное против съезда...»⁶¹⁹ *Коренной поворот произошел в июне, когда, выступая на Первом Всероссийском съезде Советов, Ленин в ответ на заявление меньшевика Церетели о том, что в России нет политической партии, которая была бы готова взять власть, заявил о готовности большевиков в любую минуту взять всю государственную власть в свои руки*⁶²⁰. С этого момента, по словам Зиновьева, влияние большевистской партии «росло не по дням, а по часам», даже опережая развитие событий. Поэтому «мы делали все возможное, чтобы сдержать преждевременное выступление петроградских рабочих»⁶²¹.

Однако и большевикам этого сделать не удалось, что наглядно продемонстрировали события 3–4 июля, когда озлобленные недавним разгромом анархисты, воспользовавшись правительственным кризисом и выходом из правительства 2 июля трех кадетских министров, подняли восстание в Петрограде. Большевики сначала отказались принимать в нем участие, мало того, «городская конференция большевиков решила закончить работу и направить делегатов на все промышленные предприятия Петрограда, чтобы остановить рабочих»⁶²². Члены большевистской военной организации, в свою очередь, пытались отговорить восставших солдат⁶²³. Но «все усилия военной организации, — по словам Подвойского, — оказались тщетными»⁶²⁴.

«Июльские дни, — по словам Чернова, — застали большевиков врасплох... Растерянные и неспособные справиться со стихийным движением, большевики устремились вперед сломя голову»⁶²⁵. Для того чтобы не потерять лица и сохранить свой авторитет в массах, большевики были вынуждены принять самое активное участие в восстании. *Для Ленина, замечал в этой связи Чернов, «июльские дни стали нечаянным переходом Рубикона»*⁶²⁶.

О вынужденно-стихийном характере большевистского участия в июльском восстании говорит и их вполне прагматичное отношение к власти: еще 22 апреля резолюция большевистского ЦК гласила: «Лозунг „Долой Временное правительство“ потому и неверен сейчас, что без прочного... большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера. Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев, когда Советы... станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть»⁶²⁷. В октябре В. Ленин опять повторит: «если у революционной партии нет большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть и речи о восстании»⁶²⁸. Тем не менее в июне на съезде Советов, повинувшись настроениям стихии, боль-

шевики призвут передать всю власть Советам, которые брать эту власть категорически не хотели, а большевики имели в них менее 10 % голосов.

Главной причиной стихийных выступлений стал прогрессирующий развал власти, который вел к нарастанию анархических настроений, с одной стороны, и к поиску точки опоры для предотвращения дальнейшего распада, с другой. Наглядным примером последних тенденций стал приход 4 июля на заседание Совета 90 представителей 64 заводов и фабрик Петрограда, потребовавших передачи власти Советам для установления контроля над промышленностью и борьбы с надвигающимся голодом⁶²⁹.

«Военные отряды и народные толпы днем и ночью в течение этих трех дней (3–5 июля) шли к Таврическому дворцу, где заседал Совет, и держали его в непрерывной осаде... Церетели хотели арестовать, но не нашли. Чернова застигли на крыльце, и какой-то рослый рабочий исступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: **„Принимай, сукин сын, власть, коли дают!“**. Кронштадтские матросы потащили его в автомобиль — в заложники, что Советы возьмут „всю власть“ и выручил его только Троцкий»⁶³⁰. 4 июля рабочая секция Петроградского Совета приняла резолюцию: **«Ввиду кризиса власти рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял в свои руки всю власть...»**⁶³¹ «В этих условиях Временное правительство проявило свою фактическую независимость... — отмечал Милюков, — просто уйдя из игры...»⁶³²

Подавлению восстания способствовало обнародование в дни мятежа «сведений о связях большевиков с немцами». Первоначально сообщение появилось, по словам Мельгунова, «в газете, не имеющей никакого общественного авторитета и плохую репутацию — „Живом Слове“»⁶³³. Обвинения «в измене» активно поддержали кадеты, против выступило большинство социалистических лидеров

и организаций. Лидеры меньшевиков: Мартов высказал «глубокое возмущение против клеветнической кампании», Дан призвал привлечь «автора разоблачений к суду за клевету», эсер Суханов назвал публикацию «вздорным обвинением»⁶³⁴. Против выступил и Крыленко, «признанный издавна как бы общественной совестью»⁶³⁵.

ВЦИК Советов, в свою очередь, по просьбе большевической фракции создал специальную комиссию для расследования⁶³⁶. Однако, как отмечал Керенский, прямых доказательств «связи» добыть не удалось. «Решающим для судьбы большевиков» должен был стать арест прибывающего в те дни из Швеции Ганецкого, который, по точным данным властей, вез неопровержимые улики. Но Ганецкий неожиданно повернул назад, и с ним вместе *«уехали назад... и уличающие большевиков документы...»* И *«Мы [Временное правительство], — пишет Керенский, — потеряли навсегда возможность документально установить измену Ленина...»*⁶³⁷

Тем не менее публикация сыграла ту роль, которая ей отводилась: по словам министра юстиции Переверзева и представителей контрразведки, «совершенно сознательно», «в критический для родины и свободы момент», в «интересах государства» «было допущено преждевременное опубликование данных предварительного следствия... опубликование спасло растерявшееся перед событиями правительство, которое к тому же находилось в состоянии очередного „глубокого политического кризиса“»⁶³⁸. На армию, по словам Керенского, эта публикация «произвела сильное впечатление. Колебавшиеся полки немедленно перешли на сторону правительства»⁶³⁹.

«Весьма заметная перемена в общественном мнении, произошедшая после подавления большевистского мятежа, — отмечал Керенский, — укрепила авторитет правительства»⁶⁴⁰. Начались аресты большевиков, в том числе Троцкого, Каменева, Луначарского. Ленин и Зиновьев успели скрыться. Был запрещен ввоз в армию большевистских газет, разогна-

ны штабы большевиков... «Но это продолжалось недолго... Керенский, вернувшись в Петроград... запретил штабу продолжать аресты большевиков, прекратил их обязательное разоружение, заменив его совершенно недействительным добровольным»⁶⁴¹. Министр юстиции был отправлен в отставку. Мало того, «правительство запретило помещать в печати сведения, порочащие доброе имя товарища Ленина, и прибегло к репрессиям... против чинов судебного ведомства»⁶⁴².

Нет, Керенский не отрекся от обвинений в адрес большевиков, наоборот, в своих воспоминаниях он не оставляет сомнений в полной уверенности в связи и прямом координировании действий большевиков с немцами. Мало того, он утверждает, что «вся история России пошла бы иным путем, если бы Терещенко удалось довести до конца... работу избличения Ленина»⁶⁴³. Что же тогда двигало Керенским и Советами в стремлении всеми силами погасить преследование большевиков?

Позиция Керенского и Советов, по словам Деникина, получила «откровенное объяснение в резолюции ЦИК (8 июля), которая, осуждая попытку анархо-большевистских элементов свергнуть правительство, вместе с тем выражала опасение, что *«неизбежные меры, к которым должны были прибегнуть правительство и военные власти, создают почву для демагогической агитации контрреволюционеров, выступающих пока под флагом установления революционного порядка, но **могущих проложить дорогу к военной диктатуре**»*⁶⁴⁴. Действительно, подтверждал Чернов, «предпринять решительные шаги против левых, продолжая поддерживать коалицию с правыми, в тот момент, когда начал свои политические демонстрации генерал Корнилов, означало бы навсегда порвать с демократией и открыто присоединиться к контрреволюции»⁶⁴⁵.

Последующие неизбежные «вооруженные столкновения... — предупреждал меньшевик Дан, — означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но и все социалистические партии...»⁶⁴⁶ Но это будет только началом, отмечал Керенский, поскольку «отказ от принципа власти,

стоящей выше партий, представляющей все классы страны, означал немедленную гражданскую войну...»⁶⁴⁷

Церетели определял положение следующим образом: **«Это не только кризис власти — это кризис революции. В ее истории началась новая эра»**. На своем боевом языке Ленин обозначил ее следующим образом: «4 июля еще возможен был мирный переход власти к Советам... Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»⁶⁴⁸.

Действительно, новая эра революции уже началась. Еще 2 июля кадеты, оставшись в меньшинстве, при голосовании по автономии Украины, вышли из правительства. Но, по словам Керенского, это был только предлог, «настоящий повод заключался... в чрезмерной зависимости правительства от Совета»⁶⁴⁹. Центр власти во Временном правительстве, несмотря на протесты кадетской партии, естественным путем перешел в руки «министров-социалистов», и вторая коалиция была создана уже на их условиях. Фактически к власти пришла партия социал-демократов — меньшевиков.

Программа, которую выдвигали меньшевики после Февраля, была совершенно *социалистической*: «все общественные богатства, все средства производства, все земли, фабрики, заводы, рудники стали бы общественной собственностью, при котором все члены общества, все граждане обязаны были бы трудиться, но зато все в равной степени пользовались бы благами природы и всем, что добыто человечеством. При социалистическом обществе прекратилась бы борьба классов, так как исчезли бы самые классы, прекратились бы войны, которые нужны только правящим классам. Человечество стало бы одной братской семьей»⁶⁵⁰.

Тактика меньшевиков в буржуазной революции базировалась на теоретических разработках их вождей, таких как Аксельрод и Плеханов, которые «доказывали невозможность тактики захвата власти пролетариатом при помощи победоносной революции. Они продолжали утверждать, что только буржуазно-демократическая революция возможна в России

и что с „либералами“ и „капиталистами“ не следует бороться, а надо их поддерживать...»⁶⁵¹ Г. Плеханов пояснял: «Социалистическая политика, основанная на учении Маркса, имеет, конечно, свою логику. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих... и беднейшую часть крестьянства к его низвержению»⁶⁵². В результате во второй коалиции, после выхода из правительства кадетов, либерально-буржуазная революция в России продолжилась, но **теперь правая политика осуществлялась и защищалась левыми руками — социалистами умеренных течений.**

Однако и вторая коалиция просуществовала недолго. Перелом наступил с провалом июльского наступления. Поражение вызвало очередной правительственный кризис. 6 июля князь Львов вышел из Временного правительства, премьер-министром с согласия как буржуазии, так и социалистов, с сохранением портфеля военного министра был назначен А. Керенский.

Кризис второй коалиции означал резкий крен правительства влево; у правых и либералов в этой ситуации оставалось единственное средство сохранить власть — военный переворот и военная диктатура. И если «первый правительственный кризис и замена цензового правительства коалиционным заставила все контрреволюционные силы пробудиться», — отмечал в этой связи Чернов, то после второго «вокруг кандидата в диктаторы начали группироваться реальные силы, впервые давшие себя знать за все время революции и возникшие как из под земли...»⁶⁵³ **«В либеральных кругах июльские события, — подтверждал Головин, — вызывают контрреволюционные настроения и стремление к военной диктатуре»**⁶⁵⁴.

Угроза правого выступления заставила Советы 8 июля обратиться к Керенскому с призывом сгруппироваться вокруг Временного правительства, «спасти страну и... помириться с буржуазией. Никогда! — восклицал Керенский. — Никогда я не видел, не слышал ничего подобного за все время свое-

го пребывания во Временном правительстве. Россия должна была победить обезумевших генералов...»⁶⁵⁵ Декларация ЦИК Советов от 11 июля гласила: «Мы признаем Временное правительство как правительство, спасающее революцию. Мы признаем, что это правительство наделено полной и неограниченной властью. Пусть его приказы станут для всех законом. Любой, кто не подчинится какому-либо боевому приказу Временного правительства, — предатель. Для трусов и предателей пощады не будет»⁶⁵⁶.

Для того чтобы расчистить Керенскому возможность создания нового Временного правительства, 13 июля все министры подали в отставку. Однако при переговорах об организации нового кабинета выяснилось, отмечал Керенский, что *ни одна из партий не осмелилась открыто «нести ответственность за судьбы страны»*, тем не менее каждая из сторон «конфиденциально» предъявила ему свой ультиматум⁶⁵⁷.

В начале августа Керенский сделал последнюю попытку сблизить противоборствующие стороны, проведя Московское государственное совещание. По его итогам Керенский пришел к выводу, что «партии и общественные организации, составляющие левое крыло московского Государственного совещания, представляли собой, вместе взятые, единственную неоспоримую опору власти»⁶⁵⁸. Праволиберальные круги, в свою очередь, видели правительство «слабое, безвольное, рабски покорившее Советам»⁶⁵⁹. Деникин был разочарован тем, что у правительства «программы все нет. Надеялись на Московское государственное совещание, но оно прошло и не внесло никаких перемен в государственную и военную политику»⁶⁶⁰.

О позициях праволиберальных сил наглядно говорила резолюция предшествовавшего московскому совещания представителей несоциалистических общественных групп: «В стране нет власти, ибо органы ее на местах исчезли в первые же дни революции... В стране нет суда и закона... Правильный кругооборот хозяйственной жизни нарушен... В промышленности и земледелии эти стремления приводят к расхищению народного капитала... Этот

разгул частных интересов... торжествует в такое время, когда условия войны требуют высшего самоотречения и самопожертвования... Значительная часть населения оторвана от производительного труда и поедает государственные средства. В итоге при обилии денежных знаков исчезают товары, голод и холод грозят городскому населению, замирает промышленность, останавливаются перевозки. <...> Народности... предъявляют требования, далеко превышающие их действительные нужды, избирая минуты смертельной опасности, грозящие общей родине, чтобы разорвать вековые связи с ней... страна, идущая этим путем, роковым образом приближается к собственной гибели...»⁶⁶¹

«Где причина зла?» Резолюция отвечала: это «подмена великих общенациональных задач революции мечтательными стремлениями партий, принадлежащих к социалистическим...»⁶⁶² Не случайно общий тон выступлений праволиберальных сил на Московском государственном совещании сводился к тому, что «страну от окончательной гибели может спасти только твердая власть», установленная на общенациональной (то есть, в данном случае, праволиберальной — антисоциалистической) основе, во внутренней «борьбе с изменой и предательством»⁶⁶³. «Совещание, — по словам Милюкова, — наглядно обнаружило... что страна делится на два лагеря, между которыми не может быть примирения и соглашения...»⁶⁶⁴

Чернов описывал механизм планировавшегося правого переворота следующим образом: «Бонапартизм всегда был демократичнее легитимизма. Он не отвергает революцию, но считает себя ее наследником... Одним из лучших способов совершения „бескровного путча“ казалось навязывание Временному правительству беспощадной борьбы с большевиками, в которой не было и намека на уступки революционной демократии и которая заставила бы восстать даже небольшевистские и антибольшевистские партии, входившие в Совет. *Логика событий делала борьбу с большевиками борьбой с*

Советами. Это превратило бы Временное правительство в заложника сил, которые обеспечили ему победу, и волей-неволей заставило бы принять их требование об установлении диктатуры»⁶⁶⁵.

Эту «бонапартистскую тактику» и использовал Корнилов, объявляя войну правительству: «Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство находится под давлением большевистского большинства Советов...»⁶⁶⁶ В обоснование своего выступления Корнилов заявлял, «что в конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков»⁶⁶⁷.

«Это явная ложь, — отвечал Керенский, — поскольку перед восстанием Корнилова политическое влияние Советов было *меньше, чем в любое другое время* революции... (выделено в оригинале. — В. Г.) Возбуждение первых месяцев революции спало, а Советы теряли свое исключительное значение в жизни масс. Эта здоровая и нормальная эволюция приветствовалась в прессе наиболее активными членами ЦИК самих Советов»⁶⁶⁸. Керенский в своих воспоминаниях настойчиво повторял, что **«до мятежа Корнилова и во время него не существовало реальной опасности, ни даже симптомов восстания большевиков... до восстания Корниловского мятежа большевистская угроза встречала отпор со стороны громадной демократической силы... которая защищала страну и правительство от хаоса крайних левых... повсюду в то время большевики были в меньшинстве»**⁶⁶⁹. По словам Керенского, разговоры о возможности большевистского восстания были сознательно «спровоцированы организациями правых»⁶⁷⁰. «Слух» о восстании большевиков, подтверждал лидер эсеров Чернов, противоречил истине и «распространялся сознательно, чтобы оправдать готовившийся переворот»⁶⁷¹.

«Именно в этот момент, — утверждал Керенский, — некоторые лидеры правого крыла вместе с действующими... фронтовыми командирами положили конец этой новой коа-

лиции, союзу трудового народа и буржуазии. Они подписали ему смертный приговор, санкционировав бессмысленную попытку жалкой кучки офицеров и политических авантюристов свергнуть Временное правительство, иначе говоря, полностью снести единственную преграду, способную спасти Россию от анархии»⁶⁷². Действительно, отмечал Чернов, «после совещания цели заговора изменились. Теперь он был направлен против Керенского»⁶⁷³.

Ген. Л. Корнилов потребовал официальной передачи ему власти Временным правительством, при этом он обещал Керенскому в своем кабинете должность министра юстиции, а Савинкову — военного министра⁶⁷⁴. Князь Трубецкой предупреждал проправительственные силы: если «они согласятся на сотрудничество и смирятся... то все пройдет безболезненно; но в случае сопротивления им придется принять на себя ответственность за новые неисчислимые бедствия»⁶⁷⁵. Посредник в переговорах сторон В. Львов указывал Керенскому на мощь силы, которая стоит за спиной Корнилова, и на то, что «озлобление против Советов нарастает... оно уже прорывается наружу и закончится бойней»⁶⁷⁶.

Однако переговоры оказались бесплодны и закончились тем, что премьер-министр назвал генерала «изменником». Развязка наступила 26 августа, когда В. Львов прибыл в Петроград и «представил ультиматум премьер-министру от имени Корнилова»⁶⁷⁷. По словам Керенского, «Корнилов был твердо убежден в абсолютном бессилии правительства, он смотрел на правительство... как на некий рудимент, на который не нужно обращать никакого внимания»⁶⁷⁸.

Силы, на которые ссылался Львов, говорят о масштабах и характере выступления Корнилова. По словам ген. М. Алексеева, «дело Корнилова не было делом группы авантюристов, оно поддерживалось сочувствием и помощью больших кругов среди наших интеллектуалов... определенные круги нашего общества не только все знали об этом, не только симпатизировали идее, но помогали Корнилову, насколько могли»⁶⁷⁹. «За спиной Корнилова, — подтверждал Керенский, — стояла весьма определенная группа людей... обладавших большими

финансовыми средствами и положением, позволявшим им забирать суммы денег из банков»⁶⁸⁰.

За спиной заговорщиков стояли Всероссийский союз торговли и промышленности, крупнейшие промышленники России: Третьяков, Сироткин, Рябушинский, Вышеградский, Путилов и т. д.⁶⁸¹ Финансирование осуществлялось через различные фонды и частных лиц, поскольку, по словам Деникина, представителей банков, торговой и промышленной аристократии боялись «быть скомпрометированными в случае неудачи»⁶⁸². В заговоре приняли участие и правые организации, отмечал Деникин, «тесно связанные с дворянством и крупными землевладельцами». Правая рука Корнилова Завойко сам был крупным землевладельцем и уездным предводителем дворянства⁶⁸³. Эти силы, по словам Керенского, финансировали целую серию газет, которые начали нападать на Временное правительство: «Живое слово», «Народная газета», «Новая Русь», «Вечернее время» и др.⁶⁸⁴

Либеральные политические силы выступили вместе с правыми в поддержку военного переворота. Их позицию наглядно передавал министр финансов Временного правительства М. Терещенко: «В течение шести трагических месяцев, прожитых Россией, они (Советы) ничему не научились и ничего не позабыли. Вместо того чтобы стараться спасти Россию, демагоги думали только о своих собственных партийных интересах и о том, чтобы контролировать и чинить препятствия работе правительства... контрреволюция, хотя и не непременно монархическая, представляет единственную надежду на спасение родины»⁶⁸⁵. «Родзянко и другие слишком много говорили о контрреволюции и указывали на то, что военный переворот есть единственное средство, которое может спасти Россию, — подтверждал английский посол Дж. Бьюкенен. — Хотя кадеты говорили более осторожным языком, однако и они решили попытаться свалить правительство и своей тактикой внушали мысль, что они также работают в пользу контрреволюции»⁶⁸⁶.

Один из лидеров кадетской партии Ф. Родичев приветствовал Корнилова словами: «Вы теперь символ наше-

го единства. На вере в вас мы сходимся все...»⁶⁸⁷. П. Миллюков от лица деятелей кадетской партии заявлял, что «они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать Совет раб. и солд. депутатов. Но настроение масс таково, что они никакой помощи оказать не могут. Массы будут против них»⁶⁸⁸.

Кадеты, по словам Керенского, стали основной объединяющей силой: в июле «вокруг кадетов группировались и объединялись политические силы страны, представлявшие интересы собственников, высшего командования, старой бюрократии, даже аристократии»⁶⁸⁹. Для того чтобы «подорвать» правительство, четыре кадетских министра, по плану заговорщиков, должны были подать в отставку накануне путча⁶⁹⁰. Уход кадетов, по словам Керенского, «сделал бы дальнейшее подержание равновесия в стране невозможным». Но кадетские министры именно так и сделали, подав в отставку 25 августа⁶⁹¹.

Кульминацией движения стало решение Конференции общественных деятелей, представителей прогрессивного блока. По ее итогам Родзянко телеграфировал Корнилову: «Конференция общественных деятелей, приветствуя вас, вождь русской армии, заявляет, что они (рабочие) считают все попытки подорвать ваш авторитет в армии и в России преступными и присоединяет свои голоса к голосу офицеров, рыцарей святого Георгия и казаков. В ужасный час тяжелых испытаний вся мыслящая Россия взирает на вас с надеждой и верой»⁶⁹².

Что касается армии, то, по словам кн. Трубецкого, «при трезвой оценке положения следует признать, что весь командующий персонал, подавляющее большинство офицеров и лучшая часть армии на фронте пойдет за генералом Корниловым. В тылу на ее стороне будет стоять все казачество, большинство военных школ, равно как лучшие части войск. К их физической силе нужно добавить превосходство военной организации над слабостью правительственных органов, моральное сочувствие всех несоциалистических элементов населения, постоянно растущее недовольство существующим

порядком среди низших классов и среди большинства народных и городских масс, которые одурманены во всех отношениях, и равнодушие, которое повинуетя лишь удару хлыста. Бесчисленное множество тех, кто был социалистами в марте, без колебаний немедленно перейдут на их сторону. С другой стороны, *последние события на фронте и в тылу, особенно в Казани, продемонстрировали с безошибочной ясностью картину полного банкротства нынешнего порядка вещей и неизбежность катастрофы, если немедленно не разразится кризис*»⁶⁹³.

27 августа Керенский потребовал у членов своего кабинета заявлений об отставке, оправдывая эту «концентрацию власти» тем, что: «„В борьбе с заговором, во главе которого стоит человек с сильной волей, государство должно противопоставить ему власть, обладающую способностью к быстрым и решительным действиям. Такая власть не может быть коллегияльной, а еще менее коалиционной“... Но он был сделан не из того теста, из которого лепят диктаторов»⁶⁹⁴, — отмечал Чернов, — «Вокруг Керенского образовался ужасающий вакуум... — он обладал „всею полнотою власти“, не зная, что с ней делать»⁶⁹⁵.

Над Временным правительством нависла реальная угроза быть свергнутым в ближайшие дни. Этому способствовал тот факт, свидетельствовал дублер Савинкова Филоненко, что «поведение Петроградских частей было ниже всякой критики». В результате, отмечал А. Верховский, «во время корниловского мятежа одна кавалерийская дивизия или полк тяжелой артиллерии могли разогнать весь Петроградский гарнизон»⁶⁹⁶. Те же Петроградские части, высланные Керенским навстречу Корнилову, заняли нейтральную позицию. Корнилов дошел бы до Петрограда ... если бы не Совет.

Совет остался единственной силой и «действовал, как в лучшие дни революции»⁶⁹⁷. Кронштадт прислал матросов, началось массовое создание отрядов Красной гвардии, на улицах и заводах строились баррикады, в первые же дни в рабочую милицию вступило 25 000 человек, десятки агитаторов были направлены навстречу частям Корнилова. Вся власть,

по сути, перешла в руки Совета, он начал массовые аресты среди тайных обществ корниловцев. Общее число арестованных превысило 7000 человек. «Организованное Советом Железнодорожное бюро работало с остервенением, мешая продвижению эшелонов с частями Крымова... Батальон ремонта путей бесследно исчез. Крымов отдал приказ продвигаться дальше пешком, но из этого ничего не вышло, так как не удалось решить вопрос с питанием. Солдат буквально забрасывали прокламациями Временного правительства и Советов... Местные гарнизоны — например, в Луге — угрожали расстрелять эшелоны из пушек...»⁶⁹⁸

«Дикую дивизию должна была встретить большая мусульманская делегация, организованная Советом. Огромное количество прокламаций от мусульманских организаций и Совета было напечатано на основных языках народов Кавказа...». Агитаторы выходили прямо к солдатам, и офицеры ничего не могли сделать. Армейские комитеты по всему фронту начали аресты офицеров. На Юго-Восточном фронте был арестован Деникин вместе с начштаба. На Севере ген. Клембовский передал свой пост революционному генералу Бонч-Бруевичу... «Батальон георгиевских кавалеров заявил, что поддерживает Советы и устраивал постоянные стычки с туркестанцами. В собственном полку Корнилова пришлось арестовать восемь офицеров за неподчинение приказу. В ставку перестали подвозить оружие, продукты питания, фураж. Революционный контроль над почтой и телеграфом практически изолировал ее от остальной России»⁶⁹⁹. Командующие Кавказским и румынским фронтами, а также многие генералы, заявили о своей поддержке правительства⁷⁰⁰.

К Ставке началось массовое выдвижение фронтовых частей, выступивших на стороне Советов и правительства. Ген. Верховский заявлял: пора «покончить с этой насмешкой над здравым смыслом. Корнилов... должен быть немедленно арестован». Этому движению *Корнилов мог противопоставить только свой полк, пять батальонов поляков и туркестанские части кавалерии (русская часть кавалерии заявила о своей лояльности к Временному правительству)*⁷⁰¹.

Судьба мятежа была решена в течение нескольких дней. «Уже 29 августа стало очевидно, что **вся реальная сила страны — против Корнилова...** Корнилов оказался в абсолютной изоляции... мятеж был окончательно и бескровно подавлен. Корнилова не поддержала ни одна сколько-либо значительная политическая организация, он не мог опираться на силу какого-либо класса»⁷⁰². Керенский по этому поводу замечал: «„реалистическая“ политика непримиримого крыла буржуазных интеллектуалов, которые поставили своей целью освободить государство от гнета всей „революционной демократии“, не имея при этом в распоряжении никакой реальной силы, может озадачить кого угодно. Поистине, бог лишает разума тех, кого хочет наказать»⁷⁰³.

В то же время, отмечал Деникин, «тот факт, что защиту его [Временного правительства] в основном пришлось организовывать Петроградскому Совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства»⁷⁰⁴. **«В первой половине сентября правительства в стране не было, —** подтверждал Войтинский. **— Кабинет, самоупразднившийся 26 августа, в начале конфликта со ставкой, с тех пор не был восстановлен... При отсутствии власти в центре, на местах шел процесс распада государственной ткани, развивалась анархия»**⁷⁰⁵.

Одновременно восстание Корнилова привело и еще к одному совершенно неожиданному эффекту, отмечал Керенский: «возбудив в массах психологию полнейшего недоверия к властям, [оно] воскресило в Советах большевизм и его тенденцию узурпировать функции правительства»⁷⁰⁶. «Совершенно объективно можно отметить после Корниловского выступления повсеместное развитие большевических ячеек и постепенный, все больший захват большевиками Советов...» — подтверждал Милюков⁷⁰⁷. Причина этого «воскрешения», по словам Мельгунова, заключалась в том, что **«большевики были призваны к борьбе с Корниловым во имя защиты революции... Можно даже сказать, что они сыграли в эти дни главенствующую роль...»**⁷⁰⁸

А. Керенский в своих воспоминаниях неоднократно, в разных вариациях повторял: «Авантюра Корнилова была прологом к большевистскому перевороту. Если бы не было 9 сентября, не было бы и 7 ноября»; «Я весьма серьезно могу заявить, что большевики должны воздвигнуть на одной из площадей прежней России обелиск Корнилову...»⁷⁰⁹

Керенский в этих условиях попытался перехватить инициативу: с целью противодействия Петросовету он образовал 1 сентября новый орган власти — Директорию («Совет пяти»), которая провозгласила Россию республикой и распустила IV Государственную думу. 3 сентября Временное правительство **единогласно** одобрило меры по переезду к концу ноября правительства в Москву; введению в Петрограде военного положения; срочному отзыву с фронта в распоряжение правительства надежных войсковых частей, способных «отразить нападение справа, единственное, которое нам угрожало в начале сентября»⁷¹⁰. Одновременно правительство было вынуждено пойти, по сути, на официальное признание большевиков, освободив 4 сентября Троцкого, «в те же дни государственная власть широко открывала двери петроградских тюрем и выпускала на волю многих влиятельных большевиков...»⁷¹¹ С другой стороны, страх перед контрреволюцией привел к тому, что после корниловского выступления Временным правительством были арестованы все участники мятежа, составившие позже костяк Белой армии. Через несколько дней была ликвидирована Ставка.

А «революционная демократия в лице Петроградского совета огромным большинством голосов левых эсеров и большевиков [уже] требовала отстранения от власти не только партии народной свободы [кадетов], но и всех цензовых элементов, и передачи ее в руки исключительно „революционного пролетариата и крестьянства“»⁷¹². По данным Штейнберга, из 165 резолюций разных провинциальных организаций не менее 115 высказались за переход всей власти в руки Советов, причем солдатские комитеты оказывались часто

левее рабочих. К этому времени (1–9 сентября) президиум Петроградского Совета незначительным большинством голосов проголосовал против «умеренных» социал-демократов — за большевиков и левых эсеров⁷¹³.

Сентябрьские выборы в московские районные думы показали громадный рост большевизма — вместо 11 % мест большевики получили 51 %. Это возрастание произошло за счет эсеров, процент занимаемых ими мест упал с 58 % до 14 %, и меньшевиков — с 12 до 4 %⁷¹⁴. 7 сентября за большевиков проголосовал Московский Совет. Новый председатель Совета Троцкий, сменивший Чхеидзе, считал, что народные массы уже вполне подготовлены к восприятию советской власти, но «после жестокого урока июльских дней стали только более благоразумными, отказались от собственной инициативы и ожидают призыва свыше»⁷¹⁵. «Авторитет большевиков, — отмечал Головин, — возрос до громадной высоты»⁷¹⁶.

Военный министр А. Верховский видел две возможности избежать перехода власти к большевикам: либо немедленные решительные социальные реформы, либо соглашение с большевиками. Верховский доложил свою программу 8 сентября на ВЦИК Советов. Он сослался на свою деятельность в Московском военном округе, где вторая программа прошла предварительную проверку. «За это время, — заявил он, — я ни разу не вступил в конфликт с большевиками, которые оказывали мне поддержку даже в тех случаях, когда речь шла о подавлении мятежей»⁷¹⁷. Однако договориться с петроградскими большевиками не удалось: после Корниловского мятежа, с одной стороны, они почувствовали свою силу, а с другой, — больше не доверяли ни Временному правительству, ни Советам. И для этого были веские основания, о чем говорил провал первой возможности, предложенной Верховским.

Первая возможность предполагала создание правительства, популярного в массах, не боящегося провести социальные реформы сверху, Верховский обещал быстро выполнить эту программу, если Временное правительство даст необходимые полномочия. «Эту программу... — указывает Чернов, — диктовало само развитие событий, но она была отвергнута

из-за нерешительности умеренных партий Совета». Большинство правительства ответило Верховскому решительным вето. Верховский с грустью отмечал в дневнике, что Керенский и его группа «в данный момент не думают о требованиях ситуации... **Массы сворачивают налево, а интеллигенция направо. Керенский стоит на месте, и под ним образуется пропасть**»⁷¹⁸.

Меньшевики и эсеры, так же как двумя месяцами раньше кадеты и октябристы, стремительно теряли свое влияние в массах. Перед ними вплотную встала дилемма: новая коалиция или советская власть. Попыткой третьей коалиции стал созыв 14–19 сентября Демократического совещания. Теперь уже социалистические партии призывали буржуазию к сотрудничеству. 21 сентября передовая статья газеты «Дело народа», официального органа эсеров, предупреждала: «Если буржуазия не захочет работать с демократией до Учредительного собрания... тогда... **большевики будут обязаны формировать кабинет**...»⁷¹⁹

Демократическое совещание должно было явиться противовесом как московскому Государственному совещанию справа, так и Советам слева. Однако попытка Демократического совещания организовать новую коалицию провалилась: против было подано 813 голосов, за — всего 180. «Пресса напутствовала безвременно угасшее Демократическое совещание однообразной эпитафией: „В потоке слов погибла еще одна русская иллюзия“»⁷²⁰.

Вместе с тем Демократическое совещание окончательно определило расстановку сил в стране: «На совещании присутствовали два разросшихся крайних фланга, в то время как центр исчез. Президиум обсудил ситуацию и пришел к единогласному решению, что **среди организованной демократии не выкристаллизовывалось единства воли**... Демократия трудящихся не могла нанести себе более убийственного удара. Она не только расписалась в своем банкротстве, но и косвенным образом признала, что в данных условиях **единственным выходом из положения является диктатура**. В тот день, — по словам

Чернова, — победителем оказалась самая малочисленная фракция — большевики»⁷²¹.

Свое видение ситуации английский посол изложил в отчете в Лондон: «Первоначальная мысль его (Дем. совещания) инициаторов заключалась в том, чтобы дать демократии возможность выступить объединенным фронтом против несоциалистических партий, но единственным результатом его было расщепление демократии на бесчисленное множество мелких групп и подрыв авторитета ее признанных вождей. *Одни только большевики, составляющие компактное меньшинство, имеют определенную политическую программу. Они более активны и лучше организованы, чем какая бы то ни было иная группа...* Если правительство не будет достаточно сильно, чтобы раздавить большевиков силой, рискуя раздавить вместе с ними и Совет, то *единственной возможностью будет большевистское правительство*»⁷²².

Наглядно ситуацию в стране 20 сентября передавала статья «Разложение» в «Русских Ведомостях»: «По всей России разлилась широкая волна беспорядков... запад и восток, центр и окраины попеременно или одновременно становятся ареной погромов и разного рода беспорядков... Стихийность и бессмысленность погромов ярче всего бросаются в глаза... Толпа в худшем смысле этого слова все более выходит на улицу и начинает чувствовать себя господином положения, не признавая над собой никакой власти. Иногда эта толпа, глубоко невежественная, не признающая ничего, кроме грубых личных интересов, — взбунтовавшиеся рабы. Демократия все больше приближается к полному распаду, из которого она уже не в состоянии будет выбраться собственными силами»⁷²³.

27 сентября министр внутренних дел Никитин на совещании правительства доложил, что, по сообщениям с мест, анархия как в городах, так и в сельской местности продолжает расти. Он также отметил стихийный характер движения, особенно опасный в деревнях. Аграрные беспорядки, по его

словам, принимали в большинстве случаев характер бессмысленного буйства...⁷²⁴

Милюков запоздало, уже в своих воспоминаниях, признает, что одной из основных причин этого растущего разложения были *«партийные споры за преобладание», которые «мешают применению власти, и средство превращается в цель саму по себе»*⁷²⁵. *Чем дольше продолжалась и более обостренный характер носила борьба за власть в центре, тем больше разлагалась и анархизировалась власть на местах.* В этих условиях правительство постепенно теряло рычаги управления и становилось бессильно справиться с ситуацией...

Наглядно настроения, царящие в правительстве, в тот период, передавал эсер Вознесенский, занимавший пост московского градоначальника: он описывал «мертвое равнодушие», с которым Министерство внутренних дел относилось к надвигающейся катастрофе. После окончания Дем. совещания «московские гости» были приглашены на завтрак министром в роскошные палаты, где сохранялся в полной неприкосновенности административный аппарат старого времени — камердинеры в ливреях, лакеи в белых перчатках и т. д. «За стаканом вина, налитым в хрустальные бокалы из хрустальных графинов, выяснилось положение. Товарищи министра перебрасывались веселыми, шуточными замечаниями по поводу текущего момента. Когда же мы задали самому министру вопрос о положении дел, он сходил в кабинет и вернулся с полуулыбкой, держа в протянутой руке пачку телеграмм. Это были донесения отовсюду... От них веяло ужасом. Отовсюду лаконически сообщалось о восстаниях, погромах, пожарах... „Что же вы намерены делать?“ — спросил я и почувствовал, что мой вопрос звучит смешно и наивно. „Ничего! Что же мы можем сделать?“ — услышал я спокойный ответ. И еще несколькими фразами перебросились мы на эту же тему: „Ничего нельзя сделать“»⁷²⁶. В. Войтинский описывал свои ощущения того времени: «Я выехал снова... на фронт, унося с собою из Петрограда гнетущее, тяжелое чувство бессилия и безнадежности. *Начиналась агония Февральской революции*»⁷²⁷.

«Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской... революции... — констатировал Ленин 29 сентября в статье „Кризис назрел“. — Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится. В России переломный момент революции несомненен»⁷²⁸.

В этой обстановке всплыла идея Предпарламента^а, принятая подавляющим большинством голосов. Но и она умерла своей смертью, не успев толком появиться на свет. Правительство сразу «дало понять совершенно ясно, что оно отнюдь не считает себя в какой-либо мере ответственным перед учреждением, которое было задумано как чисто совещательный орган»⁷²⁹. К новоявленному Совету Республики, по словам Мельгунова, «с презрительной небрежностью относились даже его собственные творцы — „ублюдочное“ учреждение, возникшее из неудачного Демократического Совещания. Так охарактеризовал его Дан... Сплочения не произошло, и в результате получился какой-то «коалиционный недоносок»⁷³⁰. Чернов называл его «мертворожденным детищем»⁷³¹. «Рожденный в таких условиях „Совет Российской Республики“ не мог пользоваться авторитетом. Таковым по-прежнему продолжали пользоваться Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, причем авторитет этих революционных организаций возрос теперь до небывалой высоты, — отмечал Головин. — Народные и солдатские массы шли теперь за этими Советами уже без оглядки и беспрекословно»⁷³².

а Официальное название «Временный совет Российской республики», заседал в Мариинском дворце.

7 октября большевики вышли из предпарламента. В Петрограде сложилось следующее положение: «на одной стороне Совет, на другой стороне — раздираемый спорами, сплетенный из взаимоисключающих друг друга элементов, бессильный и беспомощный предпарламент; вокруг Смольного — наэлектризованная толпа и гарнизон, вокруг Мариинского дворца — пустота всеобщего равнодушия и недоверия»⁷³³. При этом, отмечал весьма далекий от симпатии к большевикам непосредственный участник событий С. Ан-ский, «не говоря уже о весьма существенной разнице в политическом содержании, в большевистских „нападах“ не было ничего подобного тому остервенелому вою, которым особенно отличались эсеро-меньшевистские газеты...»⁷³⁴

Непосредственным поводом, подтолкнувшим большевиков к выступлению, послужило обсуждение в Совете Республики и Предпарламенте 7–13 октября возможности переезда правительства в Москву. Ленин в связи с этим заявил: «русская буржуазия и Керенский с К^о» решили «сдать Питер немцам для того, чтобы нанести удар в спину революции» — идет «явное подготовление второй корниловщины»⁷³⁵. Мельгунов категорически отрицает, подобные намерения правых. Между тем британский генконсул в Москве Р. Локкарт докладывал в Лондон, что *прихода немецких частей больше всего ждут в России оппозиционные по отношению к большевикам силы*⁷³⁶.

Например, Родзянко в те дни прямо заявлял в газете «Утро России»: «Петроград находится в опасности... Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (то есть Советы и т. д.)... Очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли... Со взятием Петрограда флот все равно погибнет». Но жалеть об этом не приходится: «Там есть суда совершенно развращенные»... Родзянко совершенно точно объяснял, зачем именно это нужно. «После сдачи Риги, — говорил он, — там водворился такой порядок, какого никогда не видали. Расстреляли десять человек главарей, вернули городских, город в полной безопасности...»⁷³⁷

Настроения, царившие в праволиберальных кругах, несколько месяцев спустя продемонстрирует «сам Милюков, прославленный российской общественности вождь, сверхчеловек народного доверия»⁷³⁸, который сначала обвинял в предательстве и измене Столыпина, назвав его политику «антинациональной и антипатриотической»⁷³⁹; затем царское правительство; потом правительство Керенского и, наконец, большевиков. В начале 1918 года «пламенный патриот», лидер российских либералов П. Милюков вступит в непосредственный контакт с командованием германских войск и будет упрашивать его занять Москву и Петербург⁷⁴⁰. О том, как воспринимала эту «угрозу» либеральная интеллигенция, писал Бунин: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: „Ах, если бы!“... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас...»⁷⁴¹ Зимой 18-го года, продолжал Бунин, те же сотни тысяч «возложили все свои упования на спасение... именно через немцев. Вся Москва бредила их приходом»⁷⁴². Весь патриотизм российской общественности испарился сразу же, как только она потеряла свое привилегированное положение.

Необходимость немедленного выступления вызывала у большевиков, по словам Мельгунова, «неразбериху и сумятицу»⁷⁴³. Сообщения партийных лидеров свидетельствовали: если ничего не делать, то «стихийная волна перескочит через нас», но при этом на широкую поддержку рабочих и солдат большевики рассчитывать не могут. Так, например, Володарский от Совета докладывал: «Общее впечатление, что на улице никто не рвется...»; Шмидт от профессиональных союзов: «Настроение таково, что активных выступлений ожидать не приходится». Шляпников в Союзе металлистов: «Выступление не является популярным — слухи об этом вызвали даже панику»; и т. д. Даже Калинин, соглашавшийся с тем, что большевики

как бы уперлись в восстание, все же предлагал последнее отложить на год⁷⁴⁴.

Твердость сохранял лишь Ленин: «Все доводы, которые здесь приводились, — только отсрочка». «Гарантии победы нет», но «если у нас нет сил, то их позже больше не станет; если мы теперь не удержим власть, то потом будет еще хуже... у нас потом не будет сил и для обороны»⁷⁴⁵. Обосновывая свою позицию, Ленин заявлял: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет. Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое... Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли... А отдаче Питера при армии с Керенским и К° во главе мы помешать не в силах... Ждать „формального“ большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет... История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь. Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации...»⁷⁴⁶

Слухи о подготовке большевистского восстания распространились по всему Петрограду. Однако Временное правительство, несмотря на них, бездействовало. «Просто не верится, — писала „Русская Воля“, — что, в то время как бунтари так открыто бросают преступный вызов, власть ходит вокруг да около, собирает сведения и ждет, приведут ли большевики свои угрозы в исполнение или не приведут»⁷⁴⁷. По мнению Мельгунова, причина этого была в том, что «„левые“ и „правые“ в большинстве приблизительно одинаково в то время оценивали шансы большевиков при выступлении — эта авантюра для правительства сама по себе не страшна. Опасен не

Ленин, а вожди „ошалевшей черни“, как писал Белорусов в „Русских Ведомостях“»⁷⁴⁸. Настроения в правительстве отражали и слова министра иностранных дел Терещенко, сказанные 24 октября американскому послу Д. Фрэнсису: «Я ожидаю большевистское выступление сегодня ночью... Я думаю, что мы сможем его подавить... но я надеюсь, что оно произойдет независимо от того, подавим мы его или нет. Я устал от неуверенности и напряжения»⁷⁴⁹.

Британский посол в те дни убеждал Керенского принять жесткие меры: «большевизм является источником всех зол, от которых страдает Россия, и если бы он только вырвал его с корнем, то он вошел бы в историю не только в качестве вождя революции, но и в качестве спасителя своей страны»⁷⁵⁰. И 21 октября министр внутренних дел Никитин разослал губернским комиссарам «энергичную циркулярную телеграмму с директивой о применении вооруженной силы для подавления беспорядков на местах»⁷⁵¹. А 23 октября Керенский потребовал от Главкома Северного фронта ген. В. Черемисова: прислать надежные войска в Петроград на случай беспорядков.

В ответ Черемисов заявлял: «Они там совершенно рехнулись... Откуда возьму я им «надежные войска?». Правительственный комиссар фронта В. Войтинский подтверждал: **«Организация и отправка отряда под лозунгом защиты Временного правительства невозможна. За этим лозунгом никто не пойдет...»** «В этот решительный момент правительство оказалось столь же бессильно, как и в июльские дни, — на его стороне в Петрограде не было никого и ничего»⁷⁵².

Ответ Черемисова вызывал немало подозрений в его адрес. Мало того, в предоктябрьские дни против Черемисова в своей газете вел ожесточенную кампанию Бурцев, обвиняя его в слишком «дружественном» отношении к большевикам. Однако, по мнению С. Мельгунова, «о таком сочувствии не приходится и говорить — в последующих неоднократных переговорах с представителями фронтовых организаций главнокомандующий Северным фронтом в октябрьские дни... всегда подчеркивал безнадеж-

ность позиции большевиков...»⁷⁵³ Черемисов определял свою позицию словами: «Я всегда решительно стоял за невмешательство армии в политику, так как это может кончиться гибелью для государства. Придут немцы, сметут все партии и водворят свои порядки»⁷⁵⁴. Гражданская война на фронте грозила окончательным развалом армии. А что тогда? «Тогда... — отвечал Черемисов, — немцы сметут Россию с карты Европы»⁷⁵⁵.

В октябре на защиту Временного правительства не вставало даже офицерство. По словам правого историка С. Волкова: «После всего того, что офицерство претерпело по вине Временного правительства, после августовских событий офицерство в массе своей не могло, да и не хотело защищать его»⁷⁵⁶. Ген. Н. Головин, в свою очередь, указывал на то, что: «Во-первых, офицерство само было обезглавлено. Вожди, за которыми оно пошло бы с самоотвержением, были или арестованы или удалены. Лица, подставленные им на замену, не только не пользовались уважением, но часто даже презирались. Во-вторых, офицеры, распыленные в толще армии, были бессильны что-либо сделать после неудачи корниловского выступления: солдатская масса видела в офицерстве своего врага»⁷⁵⁷.

В результате в критический момент в Зимнем дворце будет находиться всего около 1000 человек из окрестных школ прапорщиков, 50–60 случайных офицеров и женский батальон в 200 человек⁷⁵⁸. Но и эти силы в основной массе скоро исчезли⁷⁵⁹. Сам Керенский, бывший в то время во дворце, констатировал: «подходы к Зимнему Дворцу... остались без охраны»⁷⁶⁰. По словам Головина, «Керенский оказался морально столь же изолированным, как и император Николай перед началом революции»⁷⁶¹.

Правые тоже отвернулись от Временного правительства. Керенский даже «подозревал организованный заговор правых — руками большевиков низвергнуть ненавистное Временное правительство», и, по мнению Мельгунова, не напрасно⁷⁶². Например, полковник Муравьев, в то время воз-

главлявший комитет по формированию добровольческих частей, вспоминал: «Когда в кулуарах Предпарламента велись разговоры о грозящем восстании большевиков... то правые (тор.-промышл., к.-д. и особенно казаки), совершенно не стесняясь, признавались, что желают, чтобы большевики выступили возможно скорее... в открытом бою большевики немедленно же будут наголову разбиты... Правые, несомненно, мечтали (и не скрывали этого) о „сильной“ власти в корниловском духе, но добиться этой власти они думали не тем, что свергнут Вр. правительство руками большевиков, а тем, что „спасут“ его силой военщины и уже затем, как победители мятежа, продиктуют ему свою волю и преобразуют в „своем духе“»⁷⁶³.

«Без Керенского, — утверждал лидер кадетов П. Милюков, — можно будет легче и скорее справиться с большевиками»⁷⁶⁴. В Москве, вспоминал С. Прокопович, правые тогда говорили открыто: «Лишь бы большевики свергли власть Временного правительства, а там уж справиться с ними будет легко». «В стане правых и левых, — прибавляет Прокопович, — я видел в эти дни чуть ли не открытое ликование по поводу молодцеватости большевиков»⁷⁶⁵. *Подождем, объяснял Муравьев логику правых, «пока большевики повесят все Временное правительство, а мы с вами (Семеновым) потом будем вешать большевиков»*⁷⁶⁶.

Члены Временного правительства сами не знали, какой приказ отдать: «Защищаться до последнего человека, до последней капли крови? Во имя чего? Если власть не защищали те, кто ее организовывал, нужна ли она?». «Мы не могли отдать приказ биться до последнего человека, потому что, может быть, мы уже защищали только самих себя». Но «мы не могли отдать и другой приказ — сдать, потому что не знали, наступил ли такой момент, когда сдача неизбежна»... «Какой же военный приказ могли мы отдать? Никакого». Таким образом, «мы предоставляли свободному решению наших защитников связать свою судьбу с нашей судьбой»⁷⁶⁷. В итоге «к моменту, когда большевистские части начали наступать в районах... — констатирует Мельгунов, — Временное правительство, в сущ-

ности говоря, осталось почти без защитников»⁷⁶⁸. Один из лидеров правых кадетов А. Изгоев вспоминал о том дне: *«Режим погибал при всеобщем к нему отвращении. Ясно, что никто и пальцем не шевельнет на его защиту»*⁷⁶⁹.

Временное правительство никто не свергал, оно пало само. Октябрьская революция лишь констатировала свершившийся факт де-юре. Легализация новой власти прошла в два этапа: «После „тихого“ восстания столичного гарнизона к середине октября, с того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались выступить из города^а и не вышли, мы, — вспоминал Троцкий, — имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно»⁷⁷⁰.

Действительно, отмечал начальник Охранного отделения Петрограда ген. К. Глобачев: «Октябрьский переворот произошел легче и безболезненней, чем Февральский. Для меня лично в то время, по существу, было все равно, правит Керенский или Ленин. Но если рассматривать этот вопрос с точки зрения обывательской, то должен сказать, что на первых порах новый режим принес обывателю значительное облегчение. Это облегчение заключалось, прежде всего, в том, что возникала некоторая надежда на то, что усиливающийся в течение восьми месяцев правления Временного правительства развал, наконец, так или иначе приостановится...»⁷⁷¹

Большинство обывателей столицы революции даже не заметили. Суeta была только вокруг Зимнего и Мариинского дворцов. При захвате правительственных учреждений никакого сопротивления не оказывалось. Эти первые «военные операции», по выражению члена Совета Н. Суханова, походили скорее на «смену караула»⁷⁷². Ген. Полковников доносил

а 20 октября Временное правительство приказало 150-тысячному гарнизону Петрограда выступить на фронт и закрыть брешь, образовавшуюся в результате массовых братаний на Северо-Западном фронте. Гарнизон по приказу Военно-революционного комитета отказался. Войска, вызванные Керенским для усмирения бунта Петроградского гарнизона, отказались выполнять приказ.

начштаба Верховного главнокомандующего ген. Н. Духонину: «положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный, мирный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили...»⁷⁷³ «В данном случае прав Троцкий... — констатировал С. Мельгунов, — **„никаких расстрелов не было и по настроению обеих сторон в тот период быть не могло“**»⁷⁷⁴. «Это... подтвердила позднее специальная комиссия, избранная Городской Думой... Газеты отметили лишь отдельные случайные самосуды»⁷⁷⁵. По словам Мельгунова, «обыватель, заснувший при Временном правительстве и проснувшийся при советской власти, недоумевал»⁷⁷⁶.

Отсутствие поддержки большевиков массами приводило Керенского к выводу о чисто субъективном характере революции: «Октябрь волею людей, а не силою стихии стал неминуем»⁷⁷⁷. Мельгунов был более категоричен: народ не пошел за большевиками, следовательно, «о стихийности выступления не приходится и говорить»⁷⁷⁸. Действительно, народ шел не за большевиками — он шел против Временного правительства. «Большевизм победил не своей силой, а бессилием России. **Октябрь был не торжеством восстания, а пределом разложения русской государственности**», — отмечал религиозный философ Г. Федотов⁷⁷⁹.

Что представляла собой Россия накануне Октябрьской революции?

«Народ интересовался реальными ценностями, проявлял глубокое безразличие к вопросам государственного устройства и, видя ежечасное ухудшение своего правового и хозяйственного положения, роптал и глухо волновался. Народ хотел хлеба и мира. И не мог поверить, что хлеб и мир немедленно не может дать ему никто — ни Корнилов, ни Керенский, ни Церетели, ни Ленин. Между тем распад всей государственной жизни с каждым днем становился все более угрожающим... — вспоминал А. Де-

никин, — Окончательно самоопределялись окраины. Туркестан пребывал в состоянии постоянной дикой анархии. В Гельсингфорсе открывался явочным порядком финляндский сейм... Украинская Центральная рада приступила к организации суверенного учредительного собрания... формировала „вольное казачество“ (не то опричнину, не то просто разбойные банды), угрожавшее окончательно затопить Юго-Западный край. В стране творилось нечто невообразимое. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщениями с мест под многоговорящими заголовками: „Анархия“, „Беспорядки“, „Погромы“, „Самосуды“ и т. д.»⁷⁸⁰.

Министр продовольствия С. Прокопович накануне Октябрьской революции поведал Совету Российской Республики, «что не только в городах, но и над армией висит зловещий призрак голода, ибо между местами закупок хлеба и фронтом все пространство объято анархией и нет сил преодолеть его. На всех железных дорогах, на всех водных путях идут разбои и грабежи. Так, в караванах с хлебом, шедших по Мариинской системе в Петроград, по пути разграблено крестьянами при сочувствии или непротивлении военной стражи сто тысяч пудов из двухсот. Статистика военного министерства: за одну неделю только в тыловых войсках и только как исключительные события: 24 погрома, 24 „самочинных выступления“ и 16 „усмирений вооруженной силой“»⁷⁸¹.

«На местах в провинции было еще хуже, — отмечал Р. Раупах. — Там общественный элемент растаял совершенно. *На всей территории огромного государства царили анархия и самый дикий разгул темных сил. Армия обратилась в банды вооруженных людей, грабивших собственное население, неприятель вторгался по всему фронту, окраины отпали*»⁷⁸².

«Создавшаяся в России в ноябрьские дни 1917 года социально-психологическая обстановка была иная, чем в мартовские дни того же года, — дополнял Н. Головин. — Революционный процесс захватил уже самую толщу народных масс. Вся страна представляет собою клокочущую

лаву. Повсюду разлилась широкая волна беспорядков и погромов. При этом бросалась в глаза стихийность и бессмысленность этих погромов»⁷⁸³.

Особенно страшно, по словам Деникина, страдала прифронтовая полоса. Начальник Кавказской туземной дивизии в таких черных красках рисовал положение Подольской губернии, где стояли на охране его части: «Теперь нет сил дольше бороться с народом, у которого нет ни совести, ни стыда. Проходящие воинские части сметаю все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичьи, но и крестьянские имения. В каждом селе развито винокурение, с которым нет возможности бороться из-за массы дезертиров. Самая плодородная страна — Подолия — погибает. Скоро останется голая земля»⁷⁸⁴.

Дилемма, стоявшая теперь перед Россией, заключался не в выборе между «буржуазным» или «демократическим» правительством, правым или левым, а между анархией или большевиками. Ни одна другая политическая или военная сила не могла противопоставить растущей анархии ни организующей ее идеи, ни умиряющей ее вооруженной силы.

«Три состава Временного правительства, сменявшие друг друга в период между 2 марта и 25 октября 1917 года, показали полную его неспособность решить проблемы, доставшиеся в наследство от старого режима: экономический кризис, продолжение войны, рабочий и земельный вопросы... Неудача корниловского переворота 25–30 августа 1917 года вызвала окончательный кризис Временного правительства, переставшего контролировать все традиционные рычаги власти», — констатировал Н.Верт в «Черной книге коммунизма»⁷⁸⁵. *«Власть падала из слабых рук Временного правительства и во всей стране, — отмечал Деникин, — не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы»*⁷⁸⁶.

Хронология власти в 1917 году

25–27 февраля	Февральская революция	Образование Советов рабочих и солдатских депутатов.
2 марта	Образование Вр. правительства	11 министерских портфелей из 13 принадлежит кадетам и октябристам.
Апрель — 1 мая	Кризис революц. Вр. правительства	Выход лидера кадетов П. Милюкова из правительства.
2 мая	1-я коалиция	По предложению председателя Временного правительства кн. Г. Львова (9 портфелей у представителей правых и буржуазных партий, 6 — у социалистических) ⁷⁸⁷ .
3 июля	Кризис 1-й коалиции	Расстрел антиправительственной демонстрации 3 июля. Выход из правительства представителей кадетов. 21 (8) июля уход председателя Вр. правительства кн. Львова.
25 июля	2-я коалиция	Большинство министерских портфелей переходит к социал-демократам (7 — у социалистов, 4 — у кадетов, 4 — у прочих).
28 августа	Кризис 2-й коалиции	Контрреволюционный «мятеж» Корнилова. 31 августа в Петроградском Совете, а 5 сентября в Московском большинство мест переходит к большевикам.
25 сентября	3-я коалиция	Попытки организации новой коалиции путем созывов «Государственного совещания», «Демократического совещания», «Предпарламента» (6 кадетов, 6 социалистов, 3 б/п).

Октябрь	Кризис 3-й коалиции	В середине октября за большевиков проголосовали Совет Петроградской губернии и Северный областной съезд Советов. 19 октября в Москве провозглашена советская власть. 21 октября за Советы отдали свои голоса собрание всех ротных и полковых комитетов Петрограда.
25 октября	Октябрьская революция	Власть переходит к Советам.

Один из лидеров февральского переворота промышленник А. Коновалов в декабре 1916 года приходил к выводу, что не революционеры, а сама царская власть виновна в своем крахе: «Десятилетия самой интенсивной революционной пропаганды не могли сделать того, что сделала непрерывная министерская „чехарда“. Власть сама расшатала последние свои устои...»⁷⁸⁸ Исходом агонии царской власти стала победа февралистов. «Но бессилие старой власти... перешло по наследству и к новой власти», — отмечал П. Милюков. — «Стихийный ход русской революции вел ее от переворота к перевороту, причем каждый новый переворот ослаблял революционную власть... становившуюся все более и более номинальной и фиктивной...» Последовательная смена кабинетов отражала «прогрессирующий распад власти», исходом агонии которой стала победа большевиков⁷⁸⁹.

За девять месяцев 1917 года в России были перепробованы все варианты власти — от царской до буржуазной, коалиционной и социалистической, и ни одна из них не смогла больше двух месяцев удержаться у руля страны. Попытка установления военной диктатуры провалилась, не успев начаться. С сентября власть еще билась в судорогах различных совещаний, предпарламента, громких речах и заявлениях, но

это была уже только агония. К концу Октября власти в стране не было...^a

«Верховная государственная власть лежала низвергнутой; — констатировал ген. Н. Головин, — нужно было только, чтобы какие-нибудь руки подобрали ее. Руки большевиков и сделали это. Поэтому *большевики абсолютно правы, утверждая, что в ноябре они Правительственную власть не низвергали, а только подобрали уже брошенную*»⁷⁹⁰.

Учредительное собрание

Бывают времена, когда нельзя нарушать правила и принципы, но бывают и другие времена, когда опасно соблюдать их.

С. Киндлебергер⁷⁹¹

У демократической общественности оставалась последняя надежда — Учредительное собрание. «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания — политического органа, который дал бы всей демократии рус-

---

а Дж. Кейнс обращал внимание на еще один момент в Германии 1919 года: «Надвигается зима. Люди не видят перспектив, и им не на что надеяться. В суровое время года будет мало топлива для обогрева голодающих горожан. Но кто может сказать, сколько это можно терпеть и куда обратят свой взор люди в поиске выхода из своих бед?» (Keynes J... р. 235). Но что такое немецкая зима по сравнению с русской — не более чем оттепель.

Русская социалистическая революция произошла в Октябре. Октябрь был переломным месяцем русской истории. Именно в октябре 1612 года польская армия сама капитулировала в захваченной ею Москве, в октябре 1812 года Москву оставил Наполеон, в октябре 1917 года без боя капитулировало Временное правительство, и именно в октябре 1941 года немецко-фашистская армия была остановлена под Москвой. Чем знаменит **Октябрь**? В этот месяц наступает **русская зима**. Для любой другой страны мира зима, подобная русской, означала бы не что иное, как национальную катастрофу. В России же побеждает то правительство, которое способно обеспечить в этих условиях выживание государства.

ской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян»⁷⁹². Со свержением монархии, по общему мнению, которое отражал Деникин, только Учредительное собрание могло стать единственным органом легитимизации власти: «После 3 марта (отречение царя) и до Учредительного собрания всякая верховная власть носила признаки самозванства...»⁷⁹³

Не случайно конечной целью создания Временного правительства провозглашалось доведение страны до Учредительного собрания. Собрание должно было дать ответы на фундаментальные вопросы политического и социального устройства страны, одним махом разрешить самые острые и жгучие — земельный, национальный и прочие вопросы, поднятые революцией⁷⁹⁴. Идея Учредительного собрания превратилась в некий политический фетиш и рассматривалась правящими партиями как конечная цель революции. Временное правительство назначило выборы в Учредительное собрание на 17 сентября, но из-за организационных трудностей 22 августа перенесло их на 12 (25) ноября.

После Октябрьской революции надежда на Учредительное собрание не погасла, поскольку, отмечал Мельгунов, в том, что победа большевиков «временная, пока почти никто еще не сомневался». Примером тому являлось воззвание, исходившее от «Земского собора»: «Окровавленная родина стоит на краю гибели, и, если есть слабая надежда спасти Россию и великий народ от иноземного ига и окончательного внутреннего распада, — это надежда на Учредительное собрание»⁷⁹⁵. «Даже после реакционного государственного переворота 7 ноября, — вторил Керенский, — большевики имели возможность погасить разгоравшееся в России пламя гражданской войны, предотвратить гибель и развал страны»⁷⁹⁶.

И большевики, захватив власть, провели выборы точно в назначенный срок — через семнадцать дней после переворота. Избирательные права получили все граждане, включая

женщин, начиная с 20 лет, военнослужащие с 18 лет. Исключения составили монархисты, чьи партии были ликвидированы еще в марте 1917 года. Впервые в России выборы проводились на бесцензовой основе, на чем настаивали почти все без исключения не только левые, но и правые партии^а.

Известный английский историк Советской России Э. Карр, изучив ход дела, пришел к выводу, что «выборы... были проведены без какого-либо вмешательства»⁷⁹⁷. Действительно, за две недели при существовавшем уровне коммуникаций и организации провести сколь либо серьезную предвыборную агитацию в масштабах страны было невозможно. Именно этот факт вызвал публикацию Лениным 12 декабря «тезисов об Учредительном собрании». В них Ленин доказывал, что «состав членов, избранных в предстоящее Учредительное собрание, не соответствует теперешней воле избирателей, так как при выборах подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения октябрьской... революции...» Ленин требовал новых выборов, в противном случае, по его словам, кризис мог «быть разрешен только революционным путем»⁷⁹⁸.

На выборах победили эсеры, за которыми стояла подавляющая по численности крестьянская масса. В интерпретации Керенского, победившее «крестьянское большинство... осталось верным принципам демократии и глубоким традициям освободительного движения»⁷⁹⁹. Неизвестно, насколько устремления полуграмотных крестьян отвечали идеализму Керенского, но на практике крестьяне шли за программным тезисом эсеров, выдвинутым ими с момента

а Учитывая опыт выборов в Учредительное собрание, большевики в первой Российской Конституции (июль 1918 года) сохранили сословный ценз, на выборах один голос рабочего приравнивался к пяти головам сельских жителей. Кроме этого, была введена категория лишенцев, которая вообще не имела избирательных прав: «Лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, служители церкви, бывшие сотрудники полиции, члены царской фамилии, а также лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли».

создания партии в 1901 году, — превращения земли во «все-народное достояние».

Большевики получили в Петрограде около 40 % голосов. На многих этот факт произвел «потрясающее впечатление». «Стало ясным, — отмечал Станкевич, — что путь демократизма, большинства голосов формально выраженной воли нации лежит крайне близко около большевиков». «Это самая многочисленная и влиятельная в массах партия. Было явной нелепостью пытаться бороться с ней вооруженным путем»⁸⁰⁰. **Всего все социалистические партии получили почти 84 % голосов!**

Итоги выборов 12 (25) ноября 1917 года⁸⁰¹
в % от общего количества голосов
*(количество избирателей 44,4 млн чел из 80 млн)*⁸⁰²

	по России	по 38 губернным городам	по Петрограду	по Петроградскому гарнизону	по Москве	по Московскому гарнизону
Левые социалистические партии						
Прав. эсеры	40,4	14,5	0,5	0,3	8,5	
Лев. эсеры			6,2	11,2		
Большевики	24	36,5	45,3	79,2	50,1	70,5
Меньшевики	2,6					
Остальные	14,5					
Правые либеральные и буржуазные партии						
Кадеты	4,7	25,9	26,2		34,2 ⁸⁰³	
Остальные	11,7					

Тенденции Учредительного собрания

	Доля городского населения, %	Уровень грамотности, %	Доля голосов отданных за большевиков, %
Латвия	40	79,7	72 ^a
Россия	15	21,1	24
Сибирь	12	12,4	10 ^b

Выборы состоялись, но большевики не торопились созывать Учредительное собрание 28 ноября, как было запланировано. Настаивавших на соблюдении сроков членов Всевыборов арестовали 23 ноября. В тот же день партией правых эсеров был создан «Союз защиты Учредительного собрания». Чиновниками, в свою очередь, был организован центральный стачечный комитет при «Союзе союзов служащих государственных учреждений». Наиболее опасным их мероприятием стал саботаж в учреждениях, ведавших здравоохранением, продовольствием и финансами. 18 ноября созванный заговорщиками Всероссийский продовольственный съезд постановил прекратить поставку продовольствия в революционные центры, а заготовленный хлеб передать в распоряжение Учредительного собрания, когда оно соберется⁸⁰⁴. Во главе заговора наряду с правыми эсерами встали кадеты⁸⁰⁵. Позицию последних отражала инициатива Шульгина: «стравить» эсеров и большевиков, а затем устранить и тех и других⁸⁰⁶.

---

^a Результаты выборов в Учредительное собрание на неоккупированных территориях Латвии. Доля голосов, отданных за большевиков в латышских стрелковых полках, — 96 % (Емельянов Ю... с. 105–106).

^b В Сибири 75 % голосов было отдано за эсеров, кадеты набрали 3 %. (Шиловский М. В. Сибирь и Учредительное собрание // Сибирь: Политика. Экономика. Управление, 1993. № 1. С. 86–87)

Большевики же казалось, не замечали роста напряженности, и 26 ноября Ленин подписывает декрет, устанавливающий кворум наличия членов Учредительного Собрания для его открытия в размере не менее 400 человек. Правые сразу же обвинили большевиков в очередной попытке отсрочки созыва Учредительного Собрания, поскольку «такое количество депутатов удастся собрать в Петрограде не скоро»^а.

Причина отсрочки заключалась в том, что даже выборы в Учредительное собрание еще не успели толком закончиться. Они продолжались в отдаленных местностях до декабря 1917-го и даже января 1918 года. Самим большевикам, получившим 180 мест, отсрочка была невыгодна, при ее отсутствии они могли получить большинство голосов на открытии Учредительного собрания. Их депутаты были в основном из городов и армии и могли быстрее добраться до Петрограда, чем эсеровские — из деревень, разбросанных на огромных пространствах. Тем не менее большевики тянули, давая возможность большому количеству избранных прибыть к открытию^б.

Кадеты, предвидя свое поражение, еще до выборов в Учредительное собрание начали подготовку к гражданской войне. Терять им было нечего. Они стали политическими банкротами уже летом 1917 года. Сам Милюков отмечал, что *название «кадет» стало тогда в народе бранным словом*⁸⁰⁷. И кадеты на своем съезде еще в период Временного правительства, 15 октября, заняли крайне радикальную позицию. Общий тон съезда: «Соглашения

а Одновременно, с другой стороны, правые обвинили большевиков, в том, что отсрочка была слишком короткой и не позволила собрать кворума, а также избраться почти сотне депутатов от казачьих округов и западно-Сибирского крестьянства, которые, по мнению Н. Головина, «увеличили бы число депутатов-несоциалистов» (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т.1, с. 314).

б Отсрочка была невыгодна кадетам по той же причине, что и большевикам. Депутаты кадетов представляли городское население среднего класса, которое могло добраться до столицы еще быстрее большевиков. В результате получив всего 2 % мандатов, при открытии Собрания они могли составить конкуренцию даже победителям выборов.

могут делать другие группы с нами, а не мы с ними»... Мнение, под «оглушительные овации» поддержанное всем съездом: **«Наша задача — не в политике соглашения, а в обострении наших требований»**⁸⁰⁸.

Вся надежда кадетов теперь была только на силу, не случайно именно они стали идейными вдохновителями и участниками создания Добровольческой армии. На этот факт в своих показаниях Войсковому правительству Донской области указывал ген. М. Алексеев: «В октябре месяце в Москве был организован Союз спасения Родины; организаторами этого союза являлись главным образом представители кадетской партии. Этот союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения Родины всеми мерами и средствами, для каковой цели я и приехал на Дон... куда стали стекаться беженцы, офицеры и юнкера, из которых мною и была образована Добровольческая армия»⁸⁰⁹. День прибытия ген. Алексеева на Дон, 2 ноября, считался днем рождения Добровольческой армии⁸¹⁰.

В конце ноября на Дон прибыл ген. Деникин, к этому времени там уже был Милюков. Лидер партии кадетов вошел в состав Донского гражданского совета, помогавшего в организации Добровольческой армии, и стал автором документа, формирующего цели и принципы Белого движения, опубликованного почти за месяц до «разгона» Учредительного собрания. Документа, фактически ставшего официальным объявлением начала гражданской войны. Этот факт фиксировался в резолюции Совета народных комиссаров от 25 ноября, в которой говорилось: «Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть при помощи Калединых, Корниловых, Дутовых... кадеты злейшие враги народа... надеются... прийти на помощь генералам... чтобы вместе с ними задушить народ»⁸¹¹. К 27 ноября в Петроград были стянуты около 10 тыс. вооруженных матросов. 28 ноября большевики провели аресты членов ЦК партии кадетов, партия объявлена вне закона «ввиду ее бесспорной связи с гражданской войной внутри страны»⁸¹².

В действиях большевиков можно было бы усмотреть некую предвзятость к своим радикальным политическим

противникам, однако, например, такой непримиримый противник большевиков, как ген. Н. Головин, также прямо обвинял в разжигании гражданской войны именно либеральную интеллигенцию: *«Присущая русской интеллигенции оторванность от реальной жизни, вследствие этого, непонимание народных масс мешали ей увидеть ту степень разрушения, до которой дошла Россия. Интеллигенция переоценивала ближайшие возможности восстановления, представляя его себе как акт, хотя и требующий большого напряжения, но акт короткий. Иначе говоря, вся наша либеральная интеллигенция была ярой сторонницей „прямого действия“, выраженного в наиболее решительной и короткой форме. В данном случае это вылилось в убеждение, что победа над большевиками достижима легко одной только вооруженной силой»*⁸¹³.

И 10 декабря Совнарком принял декрет, в котором говорилось: «В полном сознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на советскую власть, за судьбу народа и революции, Совет народных комиссаров объявляет кадетскую партию... *партией врагов народа*»⁸¹⁴. Мандаты кадетской партии, набравшей менее 5 % голосов и принимавшей самое активное, организующее участие в подготовке гражданской войны, были аннулированы.

Учредительное собрание начало свою работу 5 (18) января 1918 года, на нем присутствовало 410 из 715 избранных депутатов (57,2 %). Председателем Учредительного собрания был избран лидер эсеров В. Чернов. Председатель ВЦИК Я. Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил собранию принять ее, то есть признать советскую власть и ее важнейшие декреты: о мире, земле и т. д. Большевики поддержали левые эсеры. Однако Учредительное собрание большинством голосов (237 против 138) Декларацию отвергло. В знак протеста большевики и левые эсеры покинули зал заседаний, оставшиеся насчитывали менее трети от общей численности избранных членов Учредительного собрания, которое, таким образом, потеряло

кворум. Силой Учредительное собрание никто не разгонял, его членов не арестовывали^а.

«Этот незаконный, — по словам авторов „Черной Книги Коммунизма“, — акт не вызвал сколько-нибудь значительно отклика в стране. Малочисленная демонстрация протеста в Петрограде была встречена залпами матросских отрядов. Двадцать тел, оставшихся лежать на мостовых Петрограда, — такова была тяжкая расплата за несколько часов эксперимента с парламентской демократией в России»⁸¹⁵. Для сравнения: в первые же дни буржуазно-демократической Февральской революции общее число убитых и раненых составило 1443, в том числе воинских чинов — 869 (офицеров 60)⁸¹⁶. Позже, 3 июля, Временное правительство расстреляло многочисленные демонстрации рабочих в Петрограде, жертвами стали десятки человек. Царское правительство также расстреливало мирные демонстрации рабочих, вспомнить хотя бы «кровавое воскресенье» 1905 года, когда погибли, по официальным данным, 120 человек, а по оценкам газет того времени — более 4 тысяч. Россия не была исключением: расстрел рабочих демонстраций широко практиковался и в таких великих демократиях, как, например, Англия...

Да и разгон парламента для России не был новостью. Все четыре российских Государственных Думы были разогнаны, что оппозиция, от Витте до Милюкова, считала государственным переворотом^б. С начала войны Дума

а Поздно ночью начальник караула Таврического дворца, матрос Балтфлота, анархист А. Железняк предложил собравшимся покинуть помещение, сославшись на то, что караул устал. У него был мандат, подписанный Лениным, в котором категорически запрещалось применять силу по отношению к собравшимся. В пятом часу утра 6 (19) января 1918 года заседание Учредительного собрания было закрыто.

б Например, трудовики и кадеты считали роспуск Первой Думы неконституционным и незаконным. Основываясь на примере Венгрии, юридический эксперт кадетов Ф. Кокошин находил вполне конституционным построить протест на принципе пассивного сопротивления — отказать платить налоги и давать рекрутов правительству (Милюков П. Н... с. 307, 328.).

практически бездействовала. 3 сентября 1915 года под аплодисменты думцев Родзянко зачитал указ о роспуске Думы. Правда, потом под давлением оппозиции она еще созывалась всего один-два раза в год для утверждения бюджета. С февраля 1917 года, утонув в демагогии, Дума фактически сама отказалась от власти. Заброшенная и забытая всеми, она спокойно «умерла»⁸¹⁷ своей смертью».

В любом случае все серьезные исследователи констатируют, что реального сопротивления окончанию работы Учредительного собрания не было. Видный эсер-депутат Б. Соколов в своих воспоминаниях, проклиная насильников-большевиков и левых эсеров, вместе с тем признавал, что после разгона «нигде не было видно оппозиции... Никто не защищал Учредительное собрание»⁸¹⁸. При роспуске Учредительного собрания, подтверждал Деникин, «ни одна рука не поднялась на защиту его»⁸¹⁹. 5 января правые эсеры готовили массовое выступление солдат и рабочих, однако ни одно предприятие не поддержало мятежников. Полковой комитет Семеновского полка отказался отдать приказ об участии в демонстрации⁸²⁰.

Причина этого, по мнению Мельгунова, заключалась в том, что «может быть, в начале революции идея Учредительного собрания и встречалась в массах, скорее в интеллигенции, „со священным трепетом“, но фетиш потускнел за девятимесячное ожидание. Во имя Учр. собрания поднять массы против Советов едва ли было возможно. Ведь не кто иной, как лидер партии с.-р. Чернов демагогически обмолвился еще 5 мая в Совете кр. депутатов: „Совет — наше социалистическое Учредительное собрание“. „Совет вытеснил из революционной идеологии Учредительное собрание“ — таков вывод составителей февральской „Хроники“»⁸²¹.

Парадоксальным, на первый взгляд, было другое — *если массы встретили «разгон» Учредительного собрания с полным равнодушием, то правые и либералы с единодушным одобрением*. Крупный землевладелец и октябрист С. Шидловский: «Я думаю, что большевики, сами того не подозревая, сослужили России огромную и незабываемую службу, разогнав Учредительное собрание под председательством Чернова.

Ничего хорошего из этой затеи не вышло бы все равно...»⁸²² Н. Устрялов: «Российское Учредительное собрание... было даже большей пощечиной идее демократизма, нежели даже весь большевизм»⁸²³. Ген. Н. Головин: «Учредительное собрание оказывалось слишком тесно связанным с партией социалистов-революционеров. Это наносило существенный ущерб самой идее Учредительного собрания»⁸²⁴. Министр колчаковского правительства кадет Г. Гинс: «Я остаюсь при убеждении... что черновское Учредительное собрание следовало стереть с лица земли...»⁸²⁵. А. Колчак: «Опыт созыва Учредительного собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав, который запел „Интернационал“... Повторение такого опыта недопустимо»⁸²⁶. А. Деникин: «то собрание, рожденное в стихии бунта и насилия, не выражало воли русского народа, а будущее отразит ее более совершенно...»⁸²⁷ Лозунг созыва нового Учредительного собрания, «отражающего действительную волю народа», станет флагом Белого движения.

13 декабря В. Ленин опубликовал свои «Тезисы об Учредительном собрании». В них говорилось, что возможность сосуществования двух типов государственности исчерпана, поскольку крестьянство и армия определенно перешли на сторону советской власти, а буржуазные силы начали с ней вооруженную борьбу (восстание Каледина, действия буржуазных режимов на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и на Кавказе). Поэтому вопрос об отношении к Учредительному собранию не является *юридическим*. Оно может быть включено в государственное строительство лишь при условии признания им советской власти. Являясь вершиной демократии в ходе буржуазной революции, Учредительное собрание «опоздало»⁸²⁸.

Фатальная проблема Учредительного собрания, отмечал Деникин, заключалась в том, что сама идея его созыва ничего не решала, поскольку «ни одна из правивших инстанций (Временное правительство, Совет) не имела за собой надлежащей опоры большинства. Ибо это большин-

ство (80 %) устами своего представителя в Учредительном собрании 1918 года сказало: «У нас, крестьян, нет разницы между партиями; партии борются за власть, а наше мужицкое дело — одна земля». Но если бы даже, предпрешая волю Учредительного собрания, Временное правительство удовлетворило полностью эти желания большинства, оно не могло рассчитывать на немедленное подчинение его общегосударственным интересам и на активную поддержку: занятое черным переделом, сильно отсекавшим и элементы фронта, крестьянство вряд ли дало бы государству добровольно силы и средства к его устройению, то есть много хлеба и много солдат — храбрых, верных и законопослушных. Перед правительством оставались бы и тогда неразрешимые для него вопросы: невоюющая армия, непроизводительная промышленность, разрушаемый транспорт и... партийные междоусобицы»⁸²⁹.

«После 3 марта (отречение царя)... — констатировал Деникин, — *никакая* власть не могла бы удовлетворить все классы населения из-за непримиримости их интересов и неумеренности их вожделений»⁸³⁰. «По мере приближения выборов надежды на Учредительное собрание не только не возрастали, но, наоборот, тускнели, — отмечал В. Войтинский. — Постепенно создалось настроение безнадёжности: и Учредительное собрание ничему не поможет, ничего не изменит...»⁸³¹

Несмотря на разгон Учредительного собрания, большевики откровенно пытались предотвратить гражданскую войну и были готовы идти на серьезные компромиссы. В частности, на основе договоренности с крупнейшей партией эсеров и привлечении ее членов в высшие органы власти. В. Ленин еще 10 октября 1917 года директивно указывал: «Сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который *один* может нам дать *прочную власть* в России»⁸³². Более 20 левых эсеров входило в Военно-революционный комитет, и они имели 40 % мест во Всероссийском исполнительном комитете и столько же портфелей наркомов в советском правительстве. Ленин имел все основания заявить, что «за большевиками, при поддержке их

левыми эсерами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство»⁸³³. Можно отнести подобные выступления на счет большевистской пропаганды, но сам будущий Верховный правитель России Колчак на это отвечал, что большинство членов Учредительного собрания 1917 года «находятся в рядах большевиков»⁸³⁴. Министр иностранных дел Франции Пишон годом позже отмечал: большевистская власть признана двумя третями российского народа и является властью де-факто⁸³⁵.

Во время гражданской войны, при поддержке интервентов, эсеры, победившие на выборах в Учредительное собрание, получили шанс организовать собственные правительства. «23 сентября 1918 года эсеры в Сибири, где во время ноябрьских выборов 1917 года они получили от 54,4 до 87 % голосов, образовали в Уфе Всероссийское правительство, которое 9 октября переместилось в Омск. Правда, как это ни неожиданно, уже в октябре начались крестьянские бунты против вроде бы столь желанного крестьянству эсеровского правительства. И это Всероссийское правительство просуществовало всего лишь 56 дней...»⁸³⁶ Управляющий делами Сибирского правительства кадет Г. Гинс не скрывал своего раздражения: «Это учреждение было убито государствовавшей в нем партией (эсеров), не понявшей, что случайная ее численность не означает во все ее реальной силы»⁸³⁷.

Другое эсеровское правительство было создано в Поволжье — Комитет участников учредительного собрания (КОМУЧ). Пришедшее к власти, по словам Деникина, «на штыках чехословаков»⁸³⁸, оно не просуществовало и четырех месяцев. «Поразительное самообольщение, исключительная самоуверенность, а практика была элементарна и бедна», — отзывался С. Мельгунов о деятелях КОМУЧа⁸³⁹. Самарские «Отечественные Ведомости»: «Самарские эсеры не сумели создать ни власти, ни аппарата управления, ни армии, ни приобрести авторитета в населении»⁸⁴⁰. Эсер Утгоф с откровенностью признавал, что самарская эпопея, прежде всего, показала, что у эсеров не оказалось людей,

способных руководить деятельностью государства в такой сложной и запутанной обстановке⁸⁴¹.

Еще одно эсеровское правительство, Чайковского, было создано интервентами в Архангельске. Оно также просуществовало всего несколько месяцев, на этот раз его поспешили разогнать сами интервенты. Причины неудач «демократических правительств» белый генерал В. Болдырев объяснял тем, что их «наиболее слабым местом» была «оторванность от широких масс». Они были порождением интеллигенции, декларировали общие красивые принципы, оперировали «немыми отвлеченными лозунгами „Родина“, „народ“ и ничем не соприкасалась с живой жизнью»⁸⁴².

На другую сторону проблемы, делавшей попытку передачи власти Учредительному собранию чистой авантюрой, указывал меньшевик А. Мартынов: «Сто раз был прав Маркс, писавший в 1848 году про франкфуртский парламент: „Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет... от наилучшей конституции, если немецкое правительство в это время поставило уже штык в порядок дня?“»⁸⁴³. Даже в таких «развитых демократиях», как Франция или Англия, выборы на время войны были запрещены. Ллойд Джордж 3 июня 1915 года, по сути, цитировал Маркса: «Обычный в демократическом государстве способ подготовки серьезной меры общенационального значения — неприменим во время войны... Под артиллерийским огнем не до споров»⁸⁴⁴.

Колчак откровенно смеялся над идеей созыва Учредительного собрания: «Суждения обитателей, собравшихся в горящем доме, о вопросах порядка следующего дня приходится признать несколько академичными... Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно

это или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо, прежде всего, подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мировых вопросов, но и большинство внутренних реформ до ее окончания... надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самомнении и невежестве»⁸⁴⁵. **«Когда государство находится на волос от гибели, цвет этого волоса утрачивает всякое значение,** — отмечал Р. Раупах, — и „самодержавие“ должно быть по всей линии. Никаких партий, кроме правящей, никакой печати, кроме правительственной, никаких свобод собраний, союзов, стачек и никого, кроме верноподданных. Иначе гибель»⁸⁴⁶.

Именно экономический и политический кризисы, вызванные войной и отсталостью России, довели ее до состояния анархии. Ситуация в России была сходна с положением в революционной Испании двадцать лет спустя, о котором Х. Роблес писал: «Давайте не будем обманывать себя. Страна может жить при монархии или республике, с парламентским или президентским строем, при коммунизме или фашизме! Но она не может жить в анархии»⁸⁴⁷. Деникин видел выход только в диктатуре: «Потребность в сильной власти далеко не исчерпывается периодом до Учредительного собрания. Ведь бывшее собрание 1918 года напрасно зывало к стране уже не о подчинении, а просто об избавлении его от физического насилия буйной матросской вольницы...»

«Я предполагаю, что человечество согласится на жесткую диктатуру ленинского типа, как на зло меньшее, — отмечал историк А. Тойнби, — чем самоуничтожение или постоянная анархия, которая может закончиться только самоуничтожением»⁸⁴⁸. «Создается впечатление, — писал в 1918 году А. Грамши, — что в данный момент максималисты (большевики) были стихийным выражением (действия), биологически необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодно-

го волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга»⁸⁴⁹. «России грозила полная анархия, — подтверждал Н. Бердяев, — анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»⁸⁵⁰.

«Рабоче-крестьянская революция в октябре 1917 года реализовала, таким образом, потребность российского общества в сильной государственной власти, способной радикальными действиями спасти страну от экономической и военной катастрофы. Власть перешла к Советам^а, воплотившим народные представления о демократии. Они соединили в себе законодательную и исполнительную функции власти... Это позволило сконцентрировать власть для усиления ее эффективности...»⁸⁵¹ «Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию, но надо быть беспристрастным и признать, — констатировал В. Ипатьев уже в эмиграции, — что *переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 года, проведенный Лениным и Троцким, обусловил собой спасение страны, избавив ее от анархии, и сохранил в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны*»⁸⁵².

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИИ

Все политические партии, ожесточенно боровшиеся за власть, и даже грозные генералы были всего лишь пеной на гребне волны поднявшейся народной стихии. Все власти — Временное правительство, Советы солдатских и рабочих депутатов — отражали настроения не более 10–12 % населения страны; крестьянство же, составлявшее почти 80 %, практически не было прямо представлено нигде, но давило на них всей своей массой. Именно эта стихия определяла будущее страны, а не прокламации и желания политических вождей. Что же она представляла собой? За что боролась?

---

^а 10 января 1918 г. открылся III Всероссийский съезд Советов, утвердивший победу большевиков. Учредительное собрание, таким образом, лишалось своего легитимного статуса.

Земли!!!

Не подлежит, по моему мнению, сомнению, что на почве землевладения, так тесно связанного с жизнью всего нашего крестьянства, то есть, в сущности, России, ибо Россия есть страна преимущественно крестьянская, и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особливо при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят в последние столыпинские годы дать, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных.

С. Витте⁸⁵³

Это был ответ С. Витте на слова П. Столыпина о том, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных... нельзя ставить преграды для обогащения сильного, для того чтобы слабые разделили с ним его нищету»⁸⁵⁴. Благие намерения Столыпина столкнувшись с российской реальностью, где на одного относительно сильного приходились многие десятки слабых, не только не имевших возможности стать сильными, но даже ни одного шанса вырваться из нищеты, неизбежно толкали русское общество в ад, о котором писал Витте.

Для крестьян основным источником дохода была земля, количество которой на душу населения, благодаря стремительному его росту, неуклонно сокращалось. «Главная масса русского крестьянства, — отмечал Н. Головин, — не только страдала от малоземелья, но буквально испытывала острый земельный голод»⁸⁵⁵. «Огромное большинство русского населения по обеспеченности землей находится в таком же положении, в каком 300–400 лет тому назад находилось большинство стран Западной Европы, — указывал в 1907 году Д. Менделеев. — Это положение вызывало там такие исторические события, как религиозные войны, бунты революции...»⁸⁵⁶ «У нас может возникнуть такое же положение, как в Ирландии, — отмечал в 1905 году А. Мануйлов, — где, не-

смотря на все старания английских лендлордов и правительства разрядить сельскохозяйственное население, требования земли не прекращались и, не находя удовлетворения, вели к аграрному террору...»⁸⁵⁷

Для России проблема земли стояла еще более остро ввиду ее низкой плодородности, что обрекало русское крестьянство на нищенское, полуголодное, беспросветное существование.

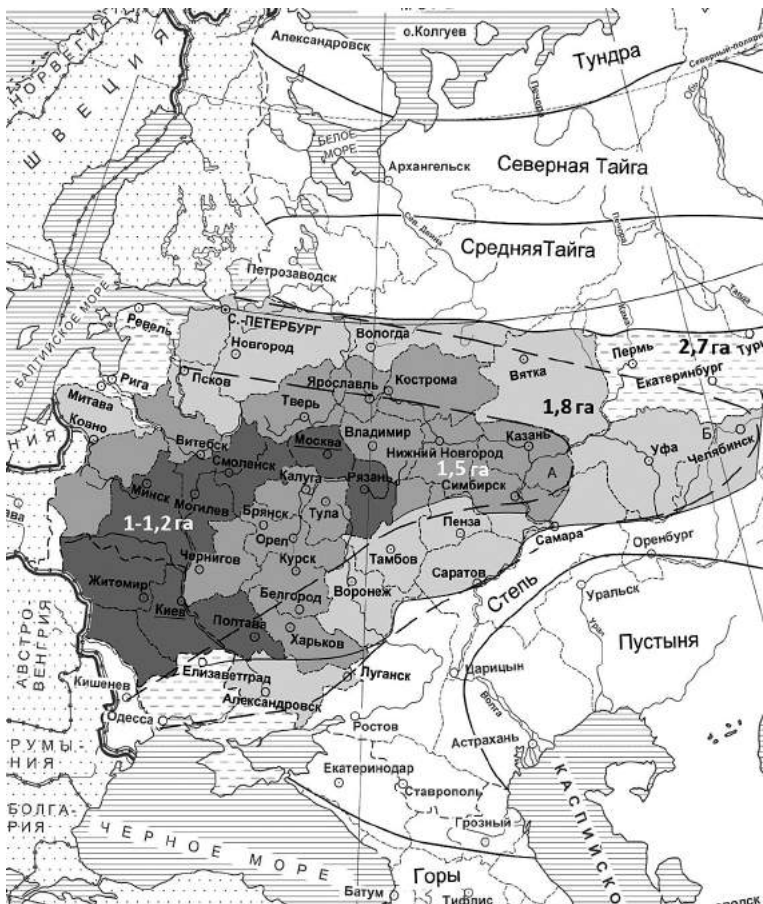
***Обеспеченность крестьян землей, га
на крестьянскую душу***

	Земли на душу кр. населения, га ⁸⁵⁸	Урожайность хлебов 1908–1912 годов пуд./ га ⁸⁵⁹	Производство хлебов пуд./ кр. душу
Англия (1896)	2,82	143	403
Дания (1901)	2,7	158	427
Германия (1907)	1,95	141	275
Франция (1892)	1,83	91	167
Бельгия (1902)	1,3	161	209
(Б) Россия (1917)	2,5	65	163
(А) Россия (1917)	1,25–1	65–90	81–90

Мало того, распределение населения по территории Европейской России, ввиду ее природно-климатических условий и сохранения до 1905 года остатков крепостничества, привязывавших крестьянина к его наделу, было крайне неравномерным. Так, в 1917 году в треугольнике А (Псков — Симбирск — Одесса), согласно подсчетам последнего министра земледелия Временного правительства С. Маслова, проживала примерно половина всего населения страны, а на крестьянскую душу там в среднем приходилось всего 1,25 га земли; в треугольнике Б (Петроград — Челябинск — Ростов) проживало 2/3 населения страны, а на душу крестьянского населения приходилось

2,5 га земли⁸⁶⁰. Наглядное представление об обеспеченности крестьян землей дает приводимая карта.

*Количество гектар земли, приходящихся
на одного сельского жителя, в 1917 году⁸⁶¹*

Устремления крестьян определялись их бедственным экономическим положением, которое мало изменилось с конца XVIII века, когда Екатерина II отмечала: «Хлеб, который они (крестьяне) едят, религия, которая их утешает, —

вот единственные их идеи. Благоденствие государства, потомство, грядущие поколения — для них это слова, которыми их нельзя затронуть. Они связаны с обществом только своими страданиями, и из всего того беспредельного пространства, которое называется будущим, они замечают только завтрашний день. Их жалкое положение лишает их возможности иметь более отдаленные интересы»⁸⁶².

Спустя сто лет, в конце XIX века, описание быта крестьян оставил Желябов (будущий лидер «Народной воли»), который «пошел в деревню, хотел просвещать ее, бросить лучшие семена в крестьянскую душу, а чтобы сблизиться с нею, принялся за тяжелый крестьянский труд. Он работал по 16 часов в поле, а возвращаясь, чувствовал одну потребность растянуться, расправить уставшие руки или спину, и ничего больше; ни одна мысль не шла в его голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомат. И понял, наконец, так называемый консерватизм деревни: что пока приходится крестьянину так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба... до тех пор нечего ждать от него чего-либо другого, кроме зоологических инстинктов и погони за их насыщением... Почти в таком же положении и фабрика. Здесь тоже непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочих в *положении полуголодного волка*»⁸⁶³.

Если крестьянская масса, составляющая 4/5 населения, «хронически недоедает, живет в условиях, недостойных человеческого существования, и не видит никаких шансов для подъема своего благосостояния, то правильное и мирное развитие страны в целом становится невозможным», — констатировал в 1905 году видный экономист, ректор московского университета, член ЦК кадетской партии А. Мануйлов⁸⁶⁴. Мало того, добавлял он, «у нас большинству сельского населения некуда уходить от земли; поэтому, что бы ни предпринимали доктринеры крупного хозяйства, крестьянская масса не покинет деревни, и если ей не дадут земли, в которой она нуждается, она возьмет ее силой»⁸⁶⁵.

Непосредственная борьба крестьян за землю началась с развитием капитализма на деревне и ее политическим пробуж-

дением⁸⁶⁶. Наиболее явно она стала проявляться с 1901 года, когда крестьянские волнения стали вспыхивать по всей стране. Правительство в ответ создало специальное сельскохозяйственное совещание, но на практике не сделало ничего. Результатом стала революция 1905 года, которая по своей сути носила характер крестьянского бунта, главным требованием которого было: «Земли!!!».

О том, какое впечатление Первая русская революция произвела на помещичий класс, говорили слова министра внутренних дел генерала Трепова (ближайшего к царю человека), который «заявлял, что единственная мера, которая может положить конец бесконечным восстаниям крестьян — это немедленное и широкое принудительное отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян: «...все помещики будут очень рады такой мере. — Я сам, — говорил генерал, — помещик и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину», «покуда крестьянство еще не отняло всю землю у помещиков»⁸⁶⁷.

«Генерал адъютант Дубасов... [приехавший] из Черниговской и Курской губерний, куда был назначен с особыми полномочиями вследствие сильно развившихся там крестьянских беспорядков... высказывался в том смысле, что лучше всего было бы теперь же отчудить крестьянам те помещичьи земли, которые они забрали... он высказал мнение, что теперь такой мерой можно успокоить крестьянство, а потом — «посмотрите, крестьяне захватят всю землю, и вы с ними ничего не поделаете»⁸⁶⁸.

М. Покровский в этой связи замечал, что «уступку, на которую не решались кадеты и эсеры летом 1917 года, готовы были сделать помещики поумнее уже осенью 1905-го»⁸⁶⁹. Николай II всерьез давал для обсуждения в Государственном совете предложения о необходимости принудительного *отчуждения земель в пользу крестьянства* как меры, которую необходимо принять *немедленно непосредственной волей и приказом самодержавного государя*⁸⁷⁰. Для решения этого вопроса была создана специальная комиссия Кутлера. Однако уже в январе следующего года поднявший этот вопрос министр земледелия Кутлер был отправлен в отставку.

Свои требования земли русские крестьяне выводили из сохранившихся у них до начала XX века традиционных правовых представлениях об основах земельной собственности. Суть традиционного права, по словам народника К. Качаровского, заключалась в следующем: «Право труда говорит, что владельцы-капиталисты не обрабатывают сами земли, а потому не имеют прав ни на нее, ни на ее продукт, а имеют право те, кто ее обрабатывает. Право на труд заявляет, что капиталистическая земельная собственность нарушает равномерность распределения между людьми **основного, необходимого для их жизни блага** и требует уравнительного его распределения сообразно равному праву всех людей»⁸⁷¹. «У нас если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия, у него нет корней в самой жизни народа... — дополнял народник И. Каблиц. — Право на землю, безусловно, связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право»⁸⁷².

Еще до отмены крепостного права Н. Чернышевский и А. Герцен сформулировали теорию «русского крестьянского социализма», отрицавшую законность права помещиков на владение землей, «считая институт частной собственности на землю чуждым российской жизни и российской истории». Для них освобождение крестьян по определению означало наделение их правом распоряжаться землей, которую те обрабатывали⁸⁷³. И крестьяне упорно считали, что в ходе реформы 1861 года их обманули. Они выражали свое отношение к помещикам и земле наивной фразой: «Мы ваши, но земля наша»⁸⁷⁴.

Как отмечает историк Ю. Латов, помещики сами понимали известную двусмысленность правового статуса своих хозяйств, чему может служить интересное наблюдение помещика А. Энгельгардта, который описывал упадок многих имений в пореформенный период: «Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам — затеснение, себе — никакой пользы. Не лучше ли бы прекратить всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необходимую для них плату? Единственное объяснение, которое можно дать, —

то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение»⁸⁷⁵.

С обоснованием традиционного «права на землю» выступали не только крестьяне, но и профессиональные экономисты-аграрники, такие как народник П. Вихляев, чьи работы были использованы эсерами при разработке их земельной программы. «Право на землю, — утверждал Вихляев, — вот тот принцип, который должен быть положен в основу новой русской государственности. К общей сумме прав гражданина и человека должно быть прибавлено новое право, незнакомое органическим статутам западноевропейских государств — право на землю каждого русского гражданина, право поголовного земельного надела. Провозглашение этого общего права должно подорвать коренным образом исключительное право отдельного лица на землю»⁸⁷⁶.

Народническая интеллигенция находила в этой особенности России ее преимущество перед Западом, потенциал ее мессианского предназначения. Эти взгляды в полной мере отражал Л. Толстой: «Разрешить земельный вопрос упразднением земельной собственности и указать другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни — вне промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства — вот историческое призвание русского народа»⁸⁷⁷.

Сторонники западного права, представителем которого являлся А. Салтыков, в ответ на требования крестьян заявляли, что принудительное отчуждение частновладельческих земель представляет собой «грубейший акт варварского произвола»: «Само понятие права, — писал он, — состоит в непримиримом противоречии с мыслью о принудительном отчуждении. Это отчуждение есть прямое и решительное отрицание права собственности, того права, на котором стоит вся современная жизнь и вся мировая культура»⁸⁷⁸. Такой же позиции — незыблемости права частной собственности — придерживался и Витте.

По словам Латова, подобные убежденные защитники частной земельной собственности рассматривали право собственности в традициях континентального права — как право-«монолит». Но существовали и более умеренные консерваторы, типа министра земледелия А. Ермолова, которые

склонялись к англо-саксонской традиции, согласно которой право собственности есть «пучок» частичных правомочий, которые могут находиться у разных экономических субъектов. По их мнению, принудительное отчуждение не противоречило бы праву частной собственности, поскольку правительство имеет полномочия отчуждать частновладельческое имущество ради государственных и общественных целей⁸⁷⁹.

Баталии, развернувшиеся в России относительно нового права собственности в начале XX века, — далеко не русское изобретение. В период буржуазных революций почти во всех в европейских странах происходило формирование новых — законных, капиталистических прав собственности и осуществлялся переход к ним от дофеодального и феодальных механизмов обеспечения этих прав. Этот переход выглядел следующим образом: от традиционного (по обычаю) права к договорному и к законному. В период буржуазной революции в Англии одновременно существовали все три типа права, которые боролись между собой на протяжении почти 200 лет. Например, лендлорды фиксировали свои права как законные, в то время как их отношения с крестьянами строились на традиционном и договорном праве. В этом случае по закону крестьяне автоматически теряли свои права на землю, что обеспечивало лендлордам полностью законное право сгонять крестьян с земли путем огораживаний.

Впервые изменение формы права было использовано для захвата земли еще в Древнем Риме. Принятый в V веке закон Сервия Туллия привел к тому, что «благородные продолжали отнимать поля у плебеев, хотя последние и обрабатывали их; так как плебеи не могли предъявлять гражданских исков для возмещения»⁸⁸⁰.

После свершения февральской революции Временное правительство в своих программных декларациях от 3 и 6 марта 1917 года обошло аграрный вопрос, затрагивавший кровные интересы почти 80 % населения России, стороной!⁸⁸¹ Только 28 марта под напором начавшихся крестьянских волнений было созвано совещание, посвященное проблеме создания согласительных комиссий для разбора спорных ситуаций при

решении земельного вопроса и отложившее его окончательное решение на волю Учредительного собрания⁸⁸². Известный экономист А. Пешехонов, принадлежавший к крайне правому крылу социалистов, в ответ на это писал: «Никаких комиссий не нужно. Нам нужно быстро и энергично принять решение и выполнить его... **Если эти вопросы не решить немедленно, результатом будет анархия** и совсем не тот порядок, к которому стремились все демократические партии. Но его все равно придется принять. **Учредительное собрание не сможет пересилить революцию**»⁸⁸³.

Оценивая предложения по выкупу земли, проф. Каценеленбаум подсчитал, что «общая сумма компенсации равнялась бы 5 млрд руб.»⁸⁸⁴. То есть примерно 1,5 годовых бюджета Российской империи 1913 года. «Государство находилось на краю банкротства, и Россия, — по словам Чернова, — была обязана либо отказаться от земельной реформы, либо провести ее без выкупа»⁸⁸⁵. Кроме этого, «после завершения выкупа казне пришлось бы выплачивать 300 млн руб. годовых процентов по старым и новым долгам»⁸⁸⁶. Крестьяне платили дворянам около 300 млн руб. в год за аренду. После реформы помещики получали бы те же 300 млн руб. в год, но под другим названием⁸⁸⁷. «Разве для этого мы боролись десятки лет? Разве для этого мы делали революцию?» — заявляли крестьяне⁸⁸⁸.

В первый же месяц после революции число крестьянских выступлений составило 20 % по сравнению со всем 1916 годом. За апрель их число выросло в 7,5 раз. Военные отказались участвовать в усмирении, а милиция даже способствовала выступлениям крестьян. К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России⁸⁸⁹. В попытке снизить их остроту Петроградский Совет 9 апреля признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания земельных комитетов. В свою очередь Временное правительство ответило на рост крестьянских выступлений тем, что 8 апреля Председатель правительства кн. Львов указал губернским комиссарам об их персональной ответственности за подавление крестьянских волнений всеми законными способами, включая использова-

ние воинских частей⁸⁹⁰. 11 апреля Временное правительство принимает закон «Об охране посевов», гарантировавший помещикам «законную охрану» их земель, получение арендной платы и даже возмещение убытков в случае «народных волнений».

Закон о создании земельных комитетов был принят 21 апреля. Его целью ставилась подготовка земельной реформы для Учредительного собрания и разработка неотложных мер, которые следовало принять до решения земельного вопроса в целом⁸⁹¹. Созданный Временным правительством Главный земельный комитет почти на 90 % состоял из кадетов⁸⁹². Вместе с министерством юстиции, также подконтрольным кадетам, этот комитет практически блокировал деятельность лидера эсеров В. Чернова, ставшего в коалиционном правительстве министром земледелия⁸⁹³.

Поворотным пунктом в работе Главного земельного комитета стала его первая сессия, которая 20 мая большинством голосов приняла проект резолюции, гласивший, что «земельная реформа должна основываться на идее передачи всех сельскохозяйственных земель в пользование трудящемуся крестьянству»⁸⁹⁴. Как замечал в этой связи Деникин, *«в основной идее реформы не было разногласия. Вся либеральная демократия и буржуазия, революционная демократия, Временное правительство — все они совершенно определенно говорили о переходе земли в руки трудящихся»*⁸⁹⁵.

«Теперь помещикам оставалось только одно, — отмечал Чернов, — попытаться отсрочить созыв Учредительного собрания, а тем временем выжать из своих имений все что можно. Имения можно было закладывать и перезакладывать; это давало их владельцам намного больше, чем правительственная компенсация... Безудержная спекуляция земельными участками стала обычным делом. Крестьянство тут же почувствовало новую угрозу. „Берегитесь, хозяева, вы больше не обведете нас вокруг пальца. Только попробуйте украсть у нас землю“, — слышалось повсюду. Теперь первым и всеобщим требованием деревни стал запрет на всю продажу, заклад, дарение земли и т. д. до Учредительного собрания»⁸⁹⁶.

Еще 17 мая, накануне первой сессии Главного земельного комитета, министр юстиции эсер Переверзев с подачи Чернова разослал нотариальным конторам официальный приказ

прекратить все сделки с землей. Однако распространился упорный слух, что 25 мая он отменил этот приказ под давлением большинства министров Временного правительства⁸⁹⁷. Опасаясь, что земли они не получают, солдаты хлынули с фронта домой^а.

Настроения крестьян передавал один из их представителей Егоров: «Провожая наших мужиков, уходивших на войну, мы говорили им: во-первых, защитите нашу землю; во-вторых, завоюйте ее для крестьян. Они сделали это, вся революция была сделана для этого. Солдаты, четырежды обманутые обещанием земли, начинают бояться, что так ее и не дождутся». Представитель Союза военных депутатов заявил: «Мы не бросим оружие даже после войны, не бросим до тех пор, пока на знамени страны не появится лозунг „Земля и воля“. Во время Учредительного собрания мы будем держать винтовки наизготовку, но помните, что следующей командой будет „пли!“»⁸⁹⁸.

Двойственная политика Временного правительства давала крестьянам все основания подозревать его в обмане. В «течение лета аграрные беспорядки делались все более и более ожесточенными, что объяснялось и сотнями тысяч дезертиров, хлынувших с фронта в деревню»⁸⁹⁹. М. Пришвин отмечал в своем дневнике 15 июня: «И солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: „Тебя, Иван... мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...“»⁹⁰⁰.

«На второй сессии Главного земельного комитета (которая прошла 1–6 июля) представитель Нижегородской губернии доложил, что *крестьяне говорят только об одном: мы устали ждать, мы ждали триста лет, а теперь, когда мы завоевали власть, больше ждать не хотим*»⁹⁰¹. Аналогично на крестьянском съезде относительно спокойной Тамбовской губернии делегаты с тревогой отмечали резкий рост числа помещичьих погромов. Секретариат съезда сделал вывод, что задержка выполнения декларации правительства делает «такие беспорядки неизбежными: начавшись в одном месте, они вызовут взрыв и распространятся по всей стране.

а Интересна в этой связи реакция ген. Э. Людендорфа, который после захвата немецкими войсками Курляндии оказался в сходной ситуации. Первым делом он «запретил продажу недвижимости, чтобы сохранить в дальнейшем возможность правильной аграрной и колонизационной политики и прекратить спекуляцию землей». (Людендорф Э.... с. 204.)

Если эта декларация не даст результата, деревня скоро прогонит и Советы крестьянских депутатов, и земельные комитеты; до сих пор мы не получили ничего, кроме слов»⁹⁰². Не дождавшись результатов, с последних дней августа крестьяне взялись за разграбление и поджоги помещичьих усадеб, безжалостно изгоняя их владельцев с насиженных мест. На Украине и в России — в Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Саратовской, Орловской, Тульской, Рязанской губерниях — были сожжены тысячи усадеб, убиты сотни их владельцев⁹⁰³. В ответ правительство требовало от губернских комиссаров пресечь аграрные беспорядки любыми мерами, вплоть до применения против крестьян оружия⁹⁰⁴.

Командующий Юго-западным фронтом генерал Корнилов уже 8 июля во всей прифронтовой зоне, под угрозой уголовного преследования, лишения прав собственности и ареста, запретил всякое «произвольное вмешательство» местных органов в земельные отношения... Ободренные этим примером, гражданские суды и государственная прокуратура развернули активную деятельность и за пределами прифронтовой полосы. Они начали арестовывать членов земельных комитетов. Последние потеряли у населения всякий авторитет, и их дальнейшая деятельность стала невозможной⁹⁰⁵.

«Если так будет продолжаться и дальше, — отмечал Чернов, — под суд придется отдать три четверти России»⁹⁰⁶. Председатель Главного земельного комитета умеренный беспартийный проф. Постников предсказывал, что продолжение такой политики приведет к полной анархии и саботажу всей аграрной реформы⁹⁰⁷.

«Дворяне ни за что не хотели „передела по-черновски“. Они предпочли „черный передел“ и получили его, — констатировал Чернов, — О да, они думали, что все выйдет по-другому. Они считали, что дикие крестьянские эксцессы заставят Временное правительство расстаться с нерешительностью и послать на усмирение крестьян военные части. Это было бы настоящим безумием. Нет лучшего способа деморализовать армию, чем послать ее, на 90 % состоящую из крестьян, подавлять движение миллионов своих братьев»⁹⁰⁸.

Наглядный пример давала Тамбовская губерния, где солдат вызвал князь Вяземский. Крестьяне встретили

их криками: «Что вы делаете? Пришли защищать князя и убивать своих отцов?». Командир «приказал солдатам рассеять толпу, но те не сдвинулись с места... Его отряд рассеялся и позволил толпе схватить князя. Они арестовали Вяземского и послали на фронт как „уклоняющегося от призыва“. На ближайшей железнодорожной станции князя линчевал отряд сибирских ударных частей, направлявшийся на фронт»⁹⁰⁹.

В «Волынской губернии отряд из пятидесяти казаков был послан в имение князя Сангушко, чтобы умиротворить крестьян. Неподалеку была расквартирована пехотная часть, вернувшаяся с фронта...» солдаты «присоединились к крестьянам. Сначала они вломились во дворец князя... [и] взяли его на штыки... Затем крестьяне, никого не боясь, начали дерзко делить землю»⁹¹⁰.

Коалиционное Временное правительство в декларации от 8 июля пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики», опять предупредив против земельных захватов. Однако министру земледелия эсеру Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством которых проводилась столыпинская реформа⁹¹¹. Это было вызвано тем, что крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «столыпинских раскольников» — хуторян⁹¹². По мнению Т. Шанина, вообще вся «главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 году, была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на «раскольников», то есть на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора, в годы столыпинской реформы»⁹¹³. Действительно, *как только помещичья земля стала заканчиваться, крестьяне перешли к стихийному «раскулачиванию» хуторян и арендаторов*. Столыпинские хуторяне, вынужденные выбирать между обреченным поместным дворянством и многими миллионами крестьян, обычно долго не медлили⁹¹⁴.

Например, в деревне Свищевка Саратовской губернии «владельцы мелких крестьянских хозяйств и хуторяне объединились и решили поддержать партию социалистов-

революционеров. Чтобы избежать споров из-за земли до созыва Учредительного собрания, они решили оставить каждому землю, которой тот владеет в настоящий момент, но тот, кто не в состоянии обрабатывать свой надел собственными силами, должен передать ее в коммуны с помощью земельного комитета»⁹¹⁵. Жители деревни Анастасино Аткарского уезда постановили: «все владельцы хуторов узнали, что крупные землевладельцы и помещики создали союз для защиты своей частной собственности и для количества хотят привлечь в него нас, хуторян. Возмущенные наглостью части землевладельцев, заявляем, что мы, хуторяне, никогда не предадим наших несчастных безземельных братьев-крестьян и не вступим ни в какой союз с нашим общим врагом. Мы ждем Учредительного собрания, чтобы отдать наши земли членам коммуны, у которых нет своих хуторов. Мы не возражаем и никогда не возражали против превращения наших хуторов в коммуны»⁹¹⁶.

В казачьих областях, в поисках земли, крестьяне приступили к «рассказчиванию». Толчок этому дало Временное правительство: на майском Всероссийском крестьянском съезде министр земледелия Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массированной агитации за *рассказчивание*⁹¹⁷.

«Совет Союза казачьих частей, возглавлявшийся Дутовым, имел собственную аграрную программу с лозунгом „ни пяди казачьей земли крестьянам“. Говоря более конкретно, — пояснял Чернов, — этот лозунг означал, что казачьи старшины, отделив рядовых казаков от остального крестьянства и раздувая вражду между казаками и „иногородними“, собирались не только сохранить в неприкосновенности земельную собственность своих высших офицеров в целом, но и удерживать в своих руках избыточное распоряжение незанятыми „военными землями“, которые они сдавали в аренду»⁹¹⁸.

Земельная казачья собственность начала появляться с середины 1840-х годов, когда «донские казачьи офицеры

вместо денежных пенсий начали получать участки земли, принадлежавшей Войску Донскому, сначала на пятнадцать лет, а затем пожизненно. Старшие офицеры получали по 200 десятин, высшие офицеры — по 400, отставные генералы — по 800, а действующие генералы — по 1600 десятин. „Казачьи старшины“ предложили сделать эти пожизненные владения наследственными, и царское правительство согласилось»⁹¹⁹.

Причина атаки крестьян на земли столыпинских хуторян и казаков заключалась в том, что помещичьей земли на всех просто не хватало. К 1917 году в руках помещиков было всего около 40 млн десятин земли, а количество «свободных крестьянских рук» превышало 15 млн человек. И это не считая десятков миллионов малоземельных, которые тоже искали «свою землю». Но во всей огромной России на всех крестьян земли просто не было... И, как сообщал эсеровский официоз «Дело народа», уже «одно село идет на другое или из-за дежки, или из-за отказа идти громить»⁹²⁰.

Земля в помещичьем владении, млн десятин⁹²¹

«9 августа Временное правительство наконец провело заседание, посвященное аграрному вопросу. Заслушав двухчасовой доклад В. Чернова, правительство не приняло никакого решения»⁹²². В ответ Чернов заявил: «Мы не можем ждать. Ответственность правительства в такой момент слишком велика. Предотвратите пожар и передайте землю под контроль земельных комитетов!». Только в середине октября новый министр земледелия С. Маслов представил урезанный законопроект «о регулировании земельных и аграрных отношений земельными комитетами»⁹²³.

Осенью 1917 года восстания охватили более 20 губерний европейской части России. Здесь только в сентябре было разгромлено свыше 900 помещичьих имений⁹²⁴. Главную причину крестьянского взрыва точно сформулировал комиссар «горячего» Козловского уезда Тамбовской губернии: «Неопределенная земельная политика, породившая опасность, что землю крестьяне не получают»⁹²⁵. Крестьянское движение накладывалась на *«обособленность крестьян в особое социальное, оторванность от интеллигенции...»* что придавало, — по словам Н. Головина, — революционному процессу, происходившему в крестьянской среде, характер как бы обособленной *аграрной революции*»⁹²⁶.

«В крестьянской стране при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, *растет крестьянское восстание...* — отмечал 29 сентября В. Ленин в статье „Кризис назрел“. — Официальные эсеры... *вынуждены* признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране „почти ничего не сделано для уничтожения кабалы крестьян“... Ясно само собою, что *если в крестьянской стране после семи месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции*, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил

к *последней черте*... все симптомы указывают... именно на то, что общенациональный кризис назрел...»⁹²⁷

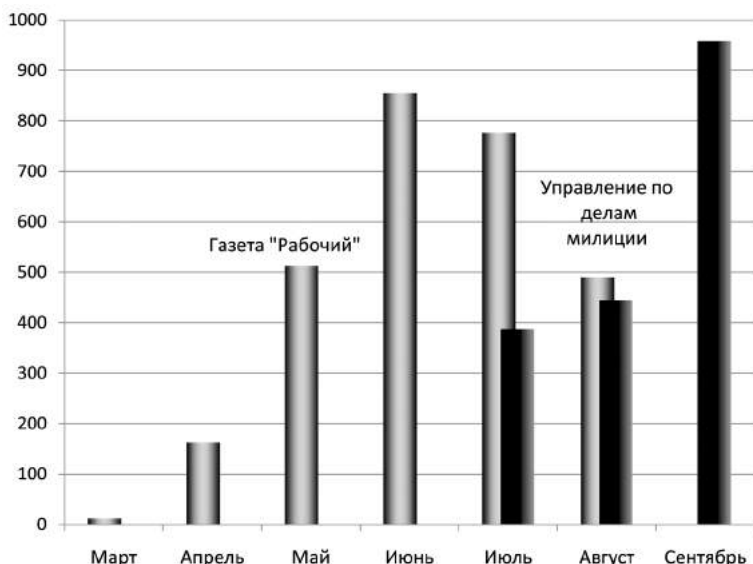
Данные Главного земельного комитета и Главного управления по делам милиции демонстрировали, что **«в октябре крестьянское движение поднимается уже на ступень войны»**⁹²⁸. «Приблизительно подобный вывод делает и большая часть эмигрантской исторической литературы, почти так же оценивает положение подчас и обостренное восприятие современников», — отмечает Мельгунов. Он приводит «непосредственное свидетельство одного из тех, кому пришлось играть роль „миротворца“ в деревне» в то время, — эсера Климушкина. **Канун большевицкого переворота, по характеристике последнего, был периодом «погромного хаоса»**⁹²⁹.

Сам Мельгунов, опираясь на материалы о разгроме имений, по его словам, «единственной более или менее полной статистики аграрных волнений» Управления по делам милиции, опровергает подобные утверждения. По его мнению: «Материалы не дают никаких данных для утверждения, что перед большевизмом выступлением аграрное движение» приобрело массовый характер, хотя «действительность как будто бы подтверждала противоположное...»⁹³⁰

Действительность обрисовывал сам управляющий Министерством внутренних дел Церетели, который в циркуляре губернским комиссарам констатировал явление полной деревенской анархии: «захваты, запашки чужих полей... племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается; культурные хозяйства погибают; чужие леса вырубаются... Одновременно частные хозяйства оставляют поля незасаженными, а посевы и сенокосы необранными». **Министр... приходил к выводу, что создавшиеся условия ведения сельского и лесного хозяйств «грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства»**⁹³¹. А данные того же Управления по делам милиции, прямо отмечали рост статистики, свидетельствовавшей о «расползающейся по стране анархии»⁹³².

**Число крестьянских волнений, по данным
газеты «Рабочий» и Управления по делам милиции⁹³³**

Наступившее (в июле-августе) некоторое успокоение, по словам Н. Головина, объяснялось приостановкой разложения армии после неудачи июльского наступления и «конечно... временем уборки хлебов, когда, как общее правило, крестьянские волнения временно затихают»⁹³⁴. Наибольшее количество крестьянских выступлений, почти половина из всех по двенадцати районам, наблюдалось в двух — Центрально-черноземном и Средневолжском⁹³⁵.

В октябре число имений, охваченных движением, увеличилось на 43 % по сравнению с сентябрем⁹³⁶, «революционный пожар пылал уже вовсю в 22 губерниях, — по словам Головина. — **Это была настоящая крестьянская война**»⁹³⁷. Однако только непосредственная угроза большевистского выступления вынудила предпарламент 24 октября принять решение

о передаче земли в ведение земельных комитетов — впредь до решения вопроса Учредительным собранием. В ночь на 25 октября эту резолюцию отвезли в Зимний дворец на утверждение. Но было уже поздно...

«К октябрю 1917 года в деревнях земля давно была взята и поделена. Догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтому звучали слова правительственной декларации, — отмечал Деникин, — возлагавшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передавшей им земли „в порядке, имеющем быть установленным законом и без нарушения существующих норм землевладения”»⁹³⁸. Большевистский «Декрет о земле, провозгласивший, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», ограничился, по сути дела, узакониванием уже свершившегося факта стихийного захвата земли, который осуществлялся в деревнях с апреля 1917 года»⁹³⁹.

Работы!!!

Желаю, чтобы год укрепил всеобщее убеждение, что народная бедность есть корень всех бед. Революции производятся желудком. И наши события последних лет носили только внешнюю политическую окраску, коренились же они все в той же экономической подоплеке.

А. Гурьев, экономист, 1910 год⁹⁴⁰

Другая движущая сила революции уже сказала свое решающее слово в феврале 1917 года. Не случайно «верное заявленному лозунгу „социального мира”, вынужденное считаться с силой революционного пролетариата, правительство прибегло к уступкам, широковещательным обещаниям либеральных реформ рабочего законодательства»⁹⁴¹. Уже 20 марта министр торговли и промышленности Коновалов, миллионер, владе-

лец крупных подмосковных фабрик, поставил во главу своей программы... [создание] особого Министерства труда»⁹⁴².

24 марта, по требованию Советов, Коновалов ввел (по соглашению рабочих с предпринимателями⁹⁴³) на петроградских заводах и фабриках восьмичасовой рабочий день, предоставил автономию рабочим комитетам, начал вместе с представителями хозяев устраивать специальные арбитражные суды для разрешения производственных споров⁹⁴⁴. Против восьмичасового рабочего дня выступила не только буржуазия, но и солдаты, мотивировавшие тем, что они исполняют свой долг на фронте круглосуточно⁹⁴⁵. Совет был вынужден разрешить работодателям с согласия фабричных комитетов увеличивать продолжительность рабочего дня с оплатой сверхурочных⁹⁴⁶.

Однако уже совсем скоро все социальные требования были отброшены в сторону, всё рабочее движение сконцентрировалось только на одной теме — повышении заработной платы. «Это был самый насущный вопрос для всей России... — отмечал Чернов. — Для провинции он был еще важнее, чем для Петрограда; по оплате труда Петроград являлся оазисом в Сахаре первобытной эксплуатации»⁹⁴⁷. «Отдельные забастовки успеха не приносили; там, где рабочие получали прибавку к зарплате, промышленники с лихвой компенсировали ее повышением цены на продукцию, поэтому рост цен постоянно превышал рост жалованья. Положение усугублялось продолжавшимся падением курса рубля...»⁹⁴⁸

Проблема обозначилась еще летом 1915 года, когда на совещании Совета министров ген. Рузский заговорил об условиях труда на петроградских фабриках: «рабочие трудятся день и ночь и при этом страдают от высокой стоимости жизни; фабриканты не поднимают зарплату, в результате чего рабочие вынуждены работать сверхурочно, чтобы не голодать; этому вопросу нужно уделить самое серьезное внимание и принять срочные меры, иначе возможны забастовки и беспорядки; если это случится, то война будет безнадежно проиграна»⁹⁴⁹.

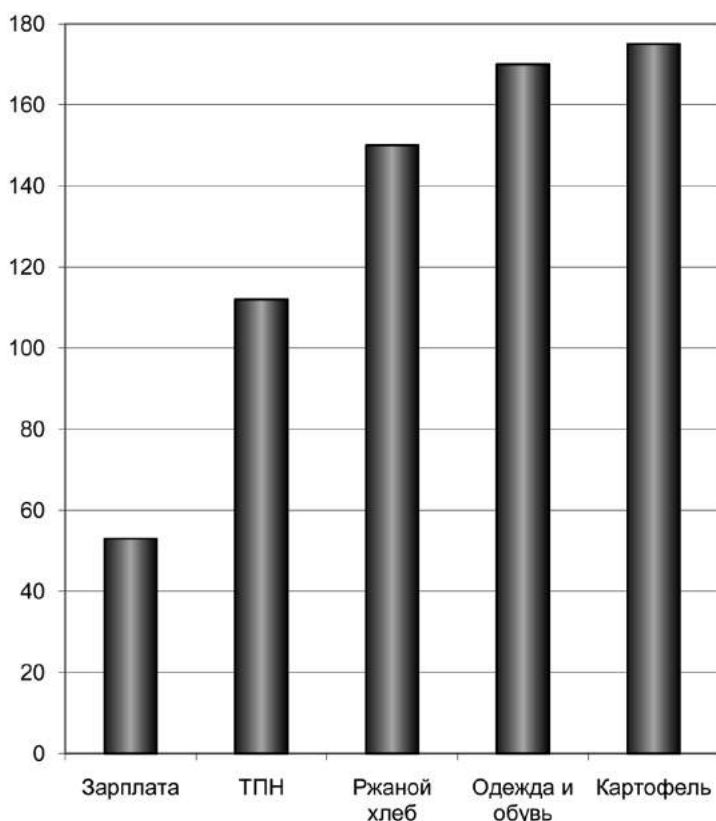
В октябре 1916 года шеф Петроградского жандармского департамента в своем отчете указывал: «Экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50 %, и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100–200 %, цены на все продукты возросли на 100–500 %»⁹⁵⁰.

«Требования более высокой заработной платы, — отвечали промышленники, — грозят поглотить весь промышленный капитал... они, — по словам Чернова, — пытались напугать Временное правительство предсказанием всеобщей убыточности и закрытия заводов... Не оставляя сомнений в том, что речь идет о локауте, Кутлер выложил карты на стол и сказал о том, что „рабочим нужно преподать урок“, который положит конец их стремлению получить „привилегии за счет общества и национальной экономики в целом“»⁹⁵¹. Общационального локаута не получилось, но на локальном уровне в ответ на забастовки рабочих промышленники все чаще отвечали локаутами.

Однако рост заработной платы действительно все больше отставал от роста цен, что ставило рабочих и их семьи на грань выживания. О настроениях, царивших в среде рабочих в то время, свидетельствовал один из крупнейших российских промышленников П. Рябушинский: «чрезвычайно важным, очень печальным, но заслуженным фактом входит вполне ясно определившаяся ненависть широких кругов населения к купцам и промышленникам. Причиной ее служит непомерная дороговизна, спекуляция и т. д.»⁹⁵².

*Высокие темпы роста цен поглощали и заработную плату рабочего, и прибыль капиталиста, они делали невозможным любое промышленное производство и вели к все большему раскручиванию маховика инфляции. «Мы попали в замкнутый круг, выйти из которого можно только с помощью энергичных мер правительства», — отмечал в те дни Чернов*⁹⁵³.

*Рост заработной платы и цен
с февраля по июль 1917 года в %⁹⁵⁴*

ТПН — товары первой необходимости

«Если мы хотим избежать дальнейшего падения пострадавшей от войны национальной экономики за счет забастовок и локаутов, — продолжал Чернов, — то должны ввести контроль над производством, ограничение прибыли и фиксацию заработной платы...»⁹⁵⁵ Однако на требования социалистов о подчинении промышленности и экономики во время войны интересам государства либеральное Временное правительство ответило, что *«принципиально „не приемлет“ го-*

сударственное регулирование промышленности как меру слишком социалистическую»⁹⁵⁶.

С разъяснением английской политики в этом вопросе 14 июня перед московским биржевым комитетом выступил британский министр труда А. Гендерсон: «Вы должны знать, что вся промышленность, вся работа по снабжению армии взята английским правительством под строгий контроль... Интересы государства должны быть на первом месте. Не думайте, что это социализм... Это есть временная необходимость, ибо государство ведет сейчас войну...»⁹⁵⁷ Введению «военного социализма» в России, — отвечал Милуков, — препятствуют Советы, чьи настроения ведут к усилению чисто социалистических тенденций, а также большевики, которые своим «рабочим контролем», по сути, уже вводят социализм⁹⁵⁸.

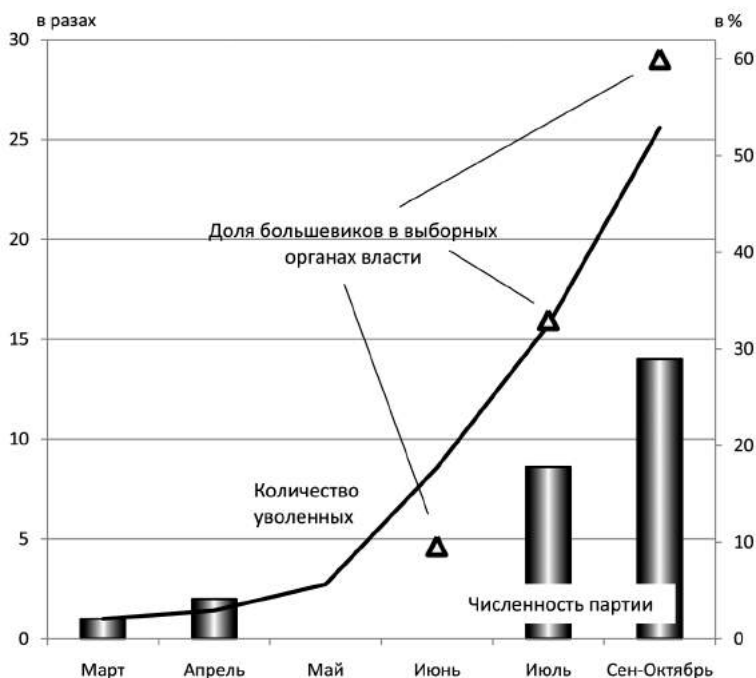
К середине 1917 года развал промышленности дошел до своей последней стадии — закрытия предприятий и массовых увольнений. Уже в 1915 году журнал «Вопросы страхования» подчеркивал, что «война усилила безработицу, число безработных достигло необычайных размеров». По подсчетам Л. Клейнборта, количество безработных достигло численности 573 тыс. человек⁹⁵⁹. Однако эти данные не представляли полной картины, по мнению специалистов, безработица приняла еще более угрожающие размеры⁹⁶⁰. Рабочие оказывались на улице без средств к существованию и надежд на будущее.

«Голодающая нередко деревня, потребляющая хлебные суррогаты, громящая продовольственные склады, и рост безработицы свидетельствуют о том бунтарском настроении, которое создалось в массах и которым должны были воспользоваться социальные прожектеры», — отмечал С. Мельгунов⁹⁶¹. Но что делать, если с голодом и растущей безработицей не могут справиться «социальные реалисты»?

Радикализация экономического положения неизбежно выдвигает на первый план радикальные партии, поскольку умеренные оказываются неспособны решить самые насущные проблемы, угрожающие существованию общества. Это объективный закон, диктуемый инстинктом коллективной борьбы за выживание. О степени радикализации экономической ситуации в 1917 году наглядно свидетельствовал рост

безработицы, который в полном соответствии с законами функционирования общества стимулировал рост влияния наиболее радикальных партий. Какая из них победит, правая или левая, при прочих равных условиях, определяется расстановкой общественных сил. В России в 1917 году подавляющее большинство этих сил было за большевиков:

Рост количества: уволенных рабочих⁹⁶² и численности партии большевиков⁹⁶³ (по отношению к марту), в раз; доля большевиков в центральных выборных органах власти в 1917 году, в %^a

а Доля большевиков: 3 июня I Всероссийский съезд Советов — 9,6 %; 26 июня — выборы в московские районные думы — 11 %; август — в Петроградскую думу — 34 %; сентябрь — в московские районные думы — 51 %; 25 октября — II Всероссийский съезд Советов — 60 %. (Мельгунов С. Как большевики... с. 190; Милуков П. Н. История... с. 539). Петроградский Совет 2 марта — 19 %, 25 сентября — 90 %.

К июню 1917 года было закрыто 20 % петроградских промышленных предприятий⁹⁶⁴. Мельгунов приводил данные статистики, отмечавшие «только в одном союзе металлистов северной столицы скачок числа безработных за первую неделю октября с 1832 до 5497»⁹⁶⁵. По данным министерства торговли и промышленности, с 1 марта по 1 августа по всей России было закрыто 568 предприятий, работы лишилось почти 105 тыс. человек⁹⁶⁶. Локауты нередко объявлялись на предприятиях, принадлежавших членам Временного правительства.

Большую известность получил случай с Ликинской мануфактурой (Орехово-Зуево), принадлежавшей государственному контролеру Временного правительства и одновременно председателю Московского военно-промышленного комитета Смирнову. Мануфактура, на 78 % работавшая на оборону, была закрыта владельцем, выбросив «на голод 4000 рабочих да солдаток 500, сюда нужно прибавить еще 3000 ни в чем не повинных детей». «Явление общее», с которым был бессилён бороться министр труда, для ликинских делегатов, — отмечал Мельгунов, — приобретало конкретные очертания, при которых лозунг «хлеба» становился доминирующим»⁹⁶⁷.

К Октябрю *деятельность Временного правительства*, отмечал историк П. Волобуев, *привела к тому, что «разруха расшатала самые основы капиталистического строя — современное материальное производство. Тем самым была подточена изнутри вся система русского капитализма, причем начала рушиться не только его высшая форма — государственно-монополистический капитализм, но и его основа — товарное производство»*⁹⁶⁸. В этих условиях, констатировали американские исследователи, *«борьба рабочих России вышла за рамки обычного конфликта, характерного для западных стран, и привела к отрицанию всей системы ценностей буржуазного общества»*⁹⁶⁹.

Всего через месяц после прихода к власти, 11 декабря 1917 года, в тяжелейших условиях военной и революционной разрухи большевики приняли решение о «страховании на

случай безработицы»⁹⁷⁰, которое не могли принять ни царское, ни Временное правительства.

Франция приняла подобный закон уже в первые дни войны: «Правительству пришлось наскоро создать организацию... по страхованию от безработицы. Оказание быстрой помощи диктовалось необходимостью сохранения социального мира. 20 августа 1914 года правительство создало национальный фонд для безработных...»⁹⁷¹ О. Бисмарк в этой связи замечал: «Сила революционеров не в идеях вождей, а в обещаниях удовлетворить хотя бы небольшую долю умеренных требований, своевременно не реализованных властью».

27 января 1918 года Совнарком принял декрет об учреждении бирж труда (в царской России их было всего пять, Временное правительство открыло еще 42). Большевиками к концу июня 1918 года их было создано 250 плюс 91 корреспондентский пункт. Для рабочих и служащих были введены карточки, защищавшие их от инфляции и спасавшие от голода. Но главное — большевики осуществили мобилизацию промышленности, сохранив ее тем самым от окончательного уничтожения.

Денег!!!

Нельзя забывать, что мы находились в состоянии войны, для которой, как известно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги.

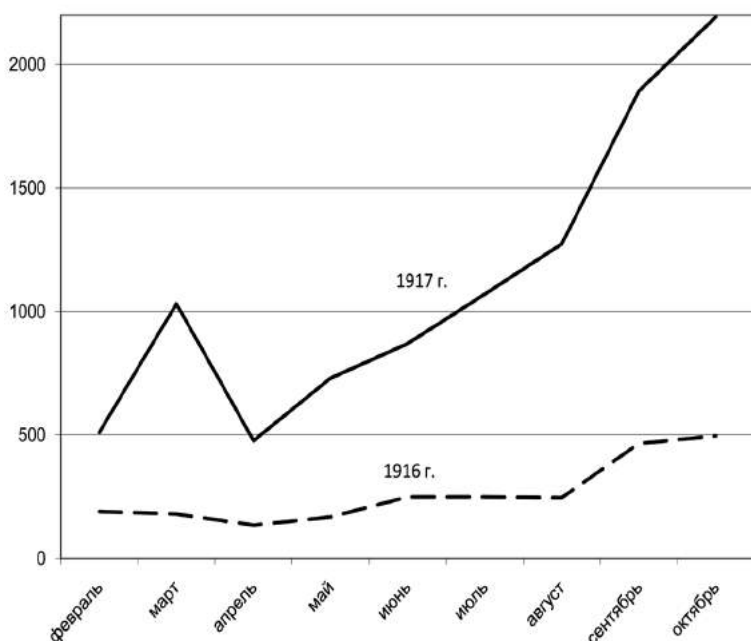
Ген. С. Добровольский⁹⁷²

После февральской революции, отмечал П. Волобуев, «буржуазия вела себя как победитель и требовала от правительства соответствующих „лавров“: необложения налогом военных прибылей, свободы эмиссии, неограниченного права приобретения недвижимости, облегчения порядка получения иностранной валюты»⁹⁷³. И Временное правительство последовательно снимало все «недемократические» ограничения с рынка. Так, оно отменило политику царского правительства, направленную на ограничение спекуляции,

что привело к резкому росту инфляции. Буржуазия выступила против попыток Временного правительства провести принудительный заем в своей среде, а сама, как и во время революции 1905 года, стала интенсивно выводить деньги за границу. «Бегство капиталов» служило для банков предметом валютных спекуляций и игры на понижение курса рубля.

«Темпы эмиссии за восемь месяцев работы Временного правительства оказались в четыре раза выше, чем при самодержавии»⁹⁷⁴. Покупательная способность рубля, составлявшая накануне Февральской революции на внутреннем рынке 27 коп., понизилась к октябрю до 6–7 коп.⁹⁷⁵ Количество бумажных денег по сравнению с началом войны увеличилось к 1 ноября 1917 года в 12 раз⁹⁷⁶. Денежная система России практически рассыпалась, и над страной нависла угроза финансового краха.

***Эмиссия кредитных билетов царски
и Временным правительствами (в млн руб.)⁹⁷⁷***

Деньги обесценивались, и страна переходила к натуральному товарообмену. Обещание Временного правительства облегчить бремя налогов «более справедливым распределением их»⁹⁷⁸ не выполнялось. Повышение уровня налогообложения капиталистов всячески оттягивалось, а введение в действие принятых 12 июня 1917 года под угрозой народного выступления трех знаменитых налоговых законов (о единовременном налоге на доходы, о повышении ставок обложения по подоходному налогу и о налоге на сверхприбыль) под мощным давлением буржуазных кругов было приостановлено⁹⁷⁹. После этого население практически перестало платить налоги вообще. В результате даже военные расходы правительства стали покрываться почти на 80 % за счет денежной эмиссии. Остальная часть военных расходов в основном покрывалась поступлениями от военных займов⁹⁸⁰.

«Четыре сменявшихся один за другим министра финансов не могли ничего сделать, чтобы вывести страну из финансового тупика, — отмечал Деникин. — Ибо для этого нужно было или пробуждение чувства государственности в народной массе, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный удар губительным, безгосударственным, эгоистичным стремлениям и той части буржуазии, которая строила свое благополучие на войне, разорении и крови народной, и той демократии, которая, по выражению Шингарева, „с такой суровостью, устами своих представителей в Государственной Думе, осуждала тот самый яд бумажных денег, который теперь полными чашами стала пить сама, — в момент, когда явилась почти хозяйном своей судьбы“»⁹⁸¹.

Редкое единодушие объединяло в оценке причин и последствий развала финансовой системы страны таких непримиримых противников, как Шингарев, Деникин и Ленин. Последний, выражая общее мнение, отмечал: «Все признают, что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение сильнее всего именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы. И именно к этой мере прибегает поддерживаемое эсерами и меньшевиками правительство Керенского»⁹⁸². Это утверждение можно принять за

происки коммунистической пропаганды. Но классик рыночной экономики Дж. Кейнс, по сути, говорил то же самое:

В 1939 году, когда Англия вступала во Вторую мировую войну, Дж. Кейнс писал: «Если военные расходы не будут полностью покрываться за счет сбора налогов (что невозможно практически), они частично могут быть покрыты за счет заимствований, которые являются формой отсрочки траты чьих-то денег. Этого не избежать в случае роста цен, который, по сути, означает передачу заработка потребителей в руки класса капиталистов... только капиталисты, а не общество в целом, станут основными владельцами выросшего государственного долга — то есть, по сути, владельцами права тратить деньги по окончании войны»⁹⁸³. Инфляция, в отличие от долга, позволяет, не дожидаясь конца войны, осуществить это перераспределение сразу и непосредственно.

«Рост заработной платы и объема бумажных денег привел к стремительной инфляции. Это было неизбежно в стране с примитивным казначейством и банковской системой, — отмечал английский историк Д. Киган. — Особенно разрушительно инфляция повлияла на сельскохозяйственное производство. Крупные землевладельцы продавали землю в обмен на производственные мощности, поскольку не могли позволить себе тройное увеличение заработной платы. В свою очередь, крестьяне, которые не желали или были не в состоянии платить высокую цену за промышленные товары, уходили с рынка зерна и возвращались к самообеспечению...»⁹⁸⁴

Деникин обращал внимание еще на одну специфическую причину, предопределившую кризис российской финансовой системы во время войны: «Главными недостатками нашего довоенного бюджета считаются базирование его на доходах от винной монополии (27 % доходов Госбюджета в 1912 году) и почти полное отсутствие прямого обложения... Война и запрещение во время ее продажи спиртных напитков вывели совершенно наш бюджет из равновесия»⁹⁸⁵.

Обыкновенные доходы покрывали в 1915 году только 24 %, в 1916 году — 22 %, а в 1917 году — 17 % расходов казны, дефицит покрывался за счет внутренних и внешних займов, а также за счет краткосрочных пятипроцентных обязательств казначейства, покупаемых Госбанком⁹⁸⁶. Эти обязательства, по сути, являлись инструментом эмиссионного финансирования экономики. С начала Мировой войны по 1 июля 1917 года поступило от выпуска займов внутренних — 11 млрд руб., внешних — 7,6 млрд, краткосрочных обязательств — 14,3 млрд и т. п., всего 35 млрд руб.⁹⁸⁷ К Октябрю сумма долга в текущих ценах выросла до 41,6 млрд, в том числе внешнего до 8,5 млрд⁹⁸⁸.

Отношение Временного правительства к государственным кредитам наглядно демонстрировали примеры из ежедневной практики русского агента во Франции А. Игнатьева: «Французский кредит открывал для наших новых правителей широкое поле деятельности. За те задачи, разрешение которых оказывалось не под силу генералам и министрам, взялась та широкая общественность, под которой... Временное правительство подразумевало не только земгусаров, но и таких поистине замечательных охотников до тощего русского кошелька, как братья Рябушинские и все иже с ними. Метод обращения... был выработан простой: скрывая фирму и поставщика, предписывать мне переводить из Банк де Франс на частные банки... круглые суммы под не существовавшие заказы... было даже трудно предвидеть, чем может окончиться эта финансовая вакханалия. Если в царское время государственная власть смотрела сквозь пальцы на мошеннические проделки дельцов типа пресловутого Митьки Рубинштейна, то теперь она в лице буржуазного Временного правительства попросту покорно исполняла приказы русских частных банков»⁹⁸⁹.

В России тем временем, как отмечал Вестник финансов, «тревожная неустойчивость внутреннего и внешнего политического положения обусловила сокрытие капиталов, некоторый перевод их за границу, помещение в движимости и недвижимости и сдержанности в подписке на военные займы»⁹⁹⁰. Из обращения исчезли 100 и 1000 рублевые купюры, сумма вкладов в банках упала почти на $\frac{3}{4}$ ⁹⁹¹. Бегство капиталов

за границу приняло массовый характер. 5 июня Министерство финансов было вынуждено запретить денежные переводы за границу без своего разрешения. В августе 1917 года Керенский, несмотря на получение крупного американского займа, был вынужден обнародовать программу изоляции от мировой экономики, включавшую прекращение конвертации рубля, запрет на вывоз иностранной валюты, отмену коммерческой и банковской тайны. Однако все эти меры проводились недостаточно решительно, и запреты легко обходились, в частности через Харбин и Финляндию... или за счет вывоза золота. Министерство финансов в октябре отмечало недостаточность обычных таможенных мер для борьбы с этим злом⁹⁹².

Английский посол летом 1917 года с тревогой докладывал в Лондон: «Я все еще надеюсь, что Россия выдержит, хотя препятствия на ее пути, как военного, так и промышленного и финансового характера, внушают сильнейшие опасения. Вопрос о том, откуда она возьмет денег для продолжения войны и для уплаты процентов по государственным долгам, меня очень заботит, и нам вместе с американцами придется вскоре столкнуться с тем обстоятельством, что мы должны будем в весьма значительной степени финансировать ее, если мы желаем, чтобы она выдержала зимнюю кампанию»⁹⁹³.

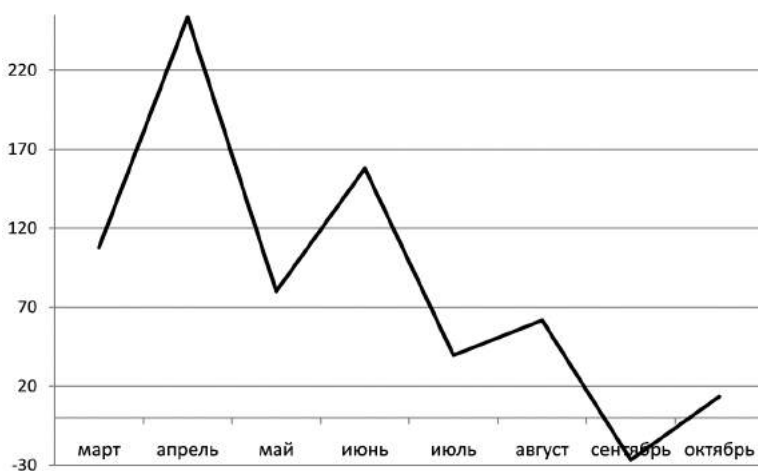
Союзники предоставили Временному правительству в 1917 году 2,7 млрд руб. кредитов. В частности, по акту конгресса САСШ от 24 апреля 1917 года — 450 млн долл. или примерно 3 млрд руб.⁹⁹⁴, что покрывало ~ 12 % всех расходов правительства⁹⁹⁵. Фактический отпуск американских кредитов шел с 6 июля по 20 ноября 1917 года, выбранная сумма кредита составила 188 млн. долл. Кроме этого, во-первых, эти кредиты были даны России лишь под закупку американских товаров, а во-вторых, к октябрю 1917 года из этих товаров в Россию еще **«не попало абсолютно ничего»**⁹⁹⁶.

В августе 1917 года Министерство иностранных дел сообщало: **«На покрытие ожидаемого к концу этого года перерасхода у казначейства пока средств не имеется»**. О какой сумме шла речь? «Принимая во внимание, что реализация различных займов и другие финансовые комбинации дали за три года войны 15 млрд руб., получение ныне этой же суммы

в остающиеся шесть месяцев является задачей исключительной трудности». Министерство требовало у своих зарубежных представителей усилить поиск иностранных кредитов «не для одного лишь покрытия наших расходов по заграничным заказам, но и для удовлетворения потребностей внутри страны»⁹⁹⁷.

Несмотря на все полученные займы, покрыть такой дефицит Временному правительству не удалось; оставалось одно — эмиссионное финансирование. За три выпуска краткосрочных обязательств Временное правительство заняло 8,2 млрд руб. — в текущих ценах больше, чем за все три предыдущих года войны⁹⁹⁸. В результате если сумма военных расходов за восемь месяцев 3–11.1917 по отношению к 3–11.1916 выросла в 1,4 раза, то эмиссия — в 4,3! Уже к сентябрю все военные расходы полностью покрывались за счет эмиссии, и это был конец — эффективность эмиссионного финансирования стала отрицательной. Больше денег на продолжение войны, затраты на которую составляли почти 80 % всех расходов правительства, не было.

Эффективность эмиссионного покрытия военных расходов в 1917 году, в %⁹⁹⁹

Это было не просто банкротство правительства, это было банкротство всей экономики, всего государства, всей системы рационального рыночного хозяйства. Прекращение притока реальных денег вырывало из-под него основу, на которой держится весь капитализм — капитал, в то же время галопирующая инфляция уничтожала все стимулы ведения рационального рыночного хозяйства, перекрывая уже не только прибыль, но и доходы предпринимателей.

Страна уже не катилась, а просто проваливалась в пропасть анархии и всеобщего распада. Что же могли предложить в этой ситуации для спасения страны ведущие политические силы России?

РУССКИЙ ПУТЬ

ОСОБЕННАЯ СТАТЬ

Я не устаю повторять, чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется все уничтожить и пересоздать заново... Или цивилизованный мир не позже чем через пять десятков лет опять покорится варварам, или в России совершится революция куда более страшная, чем та, последствия которой до сих пор ощущает европейский Запад...

А. де Кюстин, 1839 год¹⁰⁰⁰

Особенностью общественного строения России, обусловленной ее природно-климатическими условиями, являлась крайне малая доля и особый характер ее высших сословий. На эти особенности России в 1839 году обращал внимание А. де Кюстин: «Здесь очень легко обмануться видимостью цивилизации. Находясь при дворе, вы можете почитать себя попавшим в страну, развитую в культурном, экономическом и политическом отношении, но вспомнив о взаимоотношении различных сословий в этой стране, увидев, **до какой степени эти сословия немногочисленны**, наконец, присмотревшись к нравам и поступкам, **вы замечаете самое настоящее варварство, едва прикрытое возмутительной пышностью**»¹⁰⁰¹.

Несмотря на начавшееся с отмены крепостного права бурное развитие капитализма, доля высших сословий империи почти не увеличилась: дворяне вместе с чиновниками, по переписи 1897 года, составляли 1,5 % населения России, а купцы и почетные граждане — всего 0,5 %¹⁰⁰². В 1910 году, согласно налоговым данным, годовой доход свыше 1 тыс. рублей имел только 1 % экономически активного населения¹⁰⁰³. И это был, по сути, весь высший и средний класс России. **«У нас нет ни прочной влиятельной аристократии, как в Англии, ни многочисленной зажиточной буржуазии, столь упорно**

отстаивающей свои имущественные интересы во Франции и Германии, — отмечал в 1906 году Столыпин. — При таких данных в России открывается широкий простор проявлению социальных стремлений, не встречающих того отпора, который дает им прочно сложившийся строй на Западе»¹⁰⁰⁴.

Не случайно в ноябре 1917 года на выборах в Учредительное собрание по ведущему купеческому Московскому городскому округу торгово-промышленная группа получила всего 0,35 % голосов. Один из крупнейших промышленников России П. Рябушинский так изложил причины исторического поражения своего класса: «*Русская буржуазия, численно слабая*, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути...»¹⁰⁰⁵

Ввиду крайне ничтожной доли в России буржуазии западного типа, которая в Европе явилась основным двигателем Реформации, в России возник феномен западнической интеллигенции, которая взяла ее реформаторские функции на себя. Эта интеллигенция, как правило, изначально выходила из среднеобеспеченной привилегированной дворянско-помещичьей среды, получившей блестящее западное образование. Она восприняла европейские идеи всем пылом своей души.

Но эти западные идеи были бесконечно далеки от российской действительности, европейский взгляд на которую передавал в 1839 году А. де Кюстин: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение. Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики, и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности? Но дрожать не значит презирать: не презирают того, чего боятся. Созерцая Петербург и размышляя об ужасной жизни обитателей этого гранитного лагеря, можно усомниться в милосердии Божием, можно рыдать, проклинать, но нельзя соскучиться. Здесь есть непроницаемая тайна; но в то же время чудовищное величие... Эта колоссальная империя, явившаяся моим глазам на востоке Европы — той Европы, где общества так страдают от недостатка общепризнанного авторитета, производят впечатление чего-то, воскресшего из мертвых. Мне кажется,

что предо мною какой-то ветхозаветный народ, и с ужасом и любопытством, в одно и то же время, я стою у ног этого допотопного чудовища»¹⁰⁰⁶.

Столкновение с реалиями своего отечества ввергало передовых представителей образованных классов в отчаяние от их безысходности. Эти настроения ярко отражались в стихах выдающихся поэтов. А. Пушкин в 1823 г.:

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.*

Спустя пятнадцать лет М. Лермонтов напишет:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

В 1854 году А. Хомяков — о России:

*В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи притворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна¹⁰⁰⁷.*

В. Печерин, эмигрировавший в 1836 году из России, «в припадке байронизма» писал:

*Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!*

«Русская монархия — это узаконенное беззаконие, заставший террор», — писал из эмиграции Д. Мережковский¹⁰⁰⁸. Просвещенная интеллигенция, воспитанная на примере Запада, по словам Б. Чичерина (1855 год), не могла мириться с ужасающими любого мыслящего человека реалиями деспотии российского государства¹⁰⁰⁹.

Отмена крепостного права не только не ослабила этих настроений, а, наоборот, привела к их радикализации: «в шестидесятых годах с развитием журналистики и публицистики, — отмечал П. Струве, — „интеллигенция“ явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое. Замечательно, что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев не носят интеллигентского лика...»¹⁰¹⁰ «Идейной формой русской интеллигенции, — пояснял Струве, — в отличие от образованных классов, является ее... отчуждение от государства и враждебность к нему»¹⁰¹¹. Однако это отличие было во многом условным и выражалось не столько в форме, сколько в степени этого отчуждения. Например, даже такой видный представитель образованных классов, как А. Чехов, утверждал, что истинный интеллигент в любом случае должен «не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за *виноватых*»... «нужно обороняться от государственной политики»¹⁰¹².

До какой степени доходило это отчуждение в более политизированных кругах, приводил пример в 1904 году К. Крамарж, чешский либерал, отнюдь не питавший симпатий к самодержавию: «Не забуду страшного впечатления, произведенного на меня чтением того, как истерические революционные женщины или девушки целовали первых пленных японских офицеров, когда их привезли на Волгу. А война ведь началась без объявления, предательским ночным нападением, то есть так, как до сих пор цивилизованный мир не привык видеть начала войны! Но великое английское изречение „wrong or right, my country!“ („право или нет, но это мое отечество!“) давно сделалось непонятным большей части русской интеллигенции»¹⁰¹³. Д. Горчаков писал об этой особенности российской интеллигенции еще в 1807–1811 годах:

*Какой к отечеству их жар, к служенью рвеньё
И к праху праотцев в душе благоговеньё?
Я тщетно русского найти меж ними льщусь:
Всяк англичанин в них, иль немец, иль француз;
Презренье к своему, к чужому почитанье
Им иностранное внушило воспитанье*¹⁰¹⁴.

Покорность народа, безгласно терпящего рабские условия своего существования и деспотизм власти, вызывала у западной интеллигенции уже не отчаяние, а настоящую русофобию: «Можно было бы дать анализ современного явления, **приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых.** — отмечал Тютчев в 1867 году. — Раньше (во времена Николая I) они говорили нам... что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается (реформы 1860-х годов), нелюбовь к ней этих господ только усиливается... И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе (а это эпоха Наполеона III и Бисмарка! — В. К.), нисколько не уменьшили их пристрастия к ней...»¹⁰¹⁵

Причина данного явления заключалась в том, что реформа 1861 года не отменила крепостного права совсем, а лишь трансформировала его в новую форму. В форму, по словам В. Короленко, «диктатуры дворянства», которая «покоилась на огромной лжи, долго тяготевшей над Россией. Отчего у нас после крестьянской реформы богатство страны не растет, а идет на убыль и страна впадает во все растущие голодовки? Дворянская диктатура отвечала: от мужицкой лени и пьянства. Голодовки растут не от того, что у нас воцарился мертвящий застой, что наша главная сила, земледелие, скована дурными порядками, а исключительно от недостатка опеки над народом лентяев и пьяниц...

Что у нас пьянства было много, это была правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства как класса состояла не в пьянстве, а в труде, и притом в труде плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи... Эта вопиющая ложь пронизала всю нашу жизнь... Образованное общество пыталось с нею бороться... Но народные массы верили только царям и помогали подавлять всякое свободлюбивое движение»¹⁰¹⁶. Реакцией образованного общества на подобную «преданность» стало его отчуждение не только от государства, но и от народных масс.

«Решительно, презренность имени русского есть единственное объединяющее Россию понятие, с которого парикмахер и профессор, капельдинер и его барин начинают понимать друг друга; а не согласившись в котором — люди теряют общий язык, на коем они могли бы разуть друг друга... — отмечал В. Розанов, — *Русские в России — это какие-то израильтяне в Египте, от которых хотят и не умеют избавиться, „исхода“ которых ожидают,* — а пока он не совершился, на них возлагают все тяжести и уплачивают за труд ударами бича...»¹⁰¹⁷ И подобные настроения охватывали широкие круги общества, от консервативного дворянства до левой интеллигенции. Примером может являться Волгин из романа Н. Чернышевского «Пролог», который восклицал: «Жалкая нация! — Нация, снизу доверху, все сплошь рабы...» Псевдоним «Волгин» взял себе основатель социал-демократического движения в России Г. Плеханов.

Парадокс русской либеральной интеллигенции крылся в том, что, несмотря на европейское образование, она была бесконечно далека от тех сил, которые двигали развитием западноевропейской цивилизации. Она прекрасно знала западный опыт, но... только в теории. Она выросла на выкупных платежах, выбиваемых с крестьян, и понятия не имела о реальной жизни, воспринимая внешний блеск Запада за его сущность. «Русская интеллигенция, — отмечал в этой связи Н. Головин, — обладала свойствами тепличного растения. Это

приводило к отрыву интеллигенции от реальностей русской жизни, прежде всего к отрыву от русских народных масс»¹⁰¹⁸.

«Для вас преобразователь оставил народ крепостным, чтобы он, служа вам трудом своим, дал вам средство к европейскому просвещению примкнуть. Вы и просветились в два столетия, а народ от вас отдалился, а вы от него», — говорил Ф. Достоевский русской западнической интеллигенции¹⁰¹⁹. Известный экономист И. Озеров в начале XX века давал образное описание ситуации: «Мы уже успели отрастить себе головы европейские, а туловище у нас осталось прежнее — неуклюжее, неповоротливое, азиатское, и поэтому туловище не повинуетса голове, как бы последняя хотела, и голова от того страдает и ропщет на туловище...»¹⁰²⁰ «Русский народ, — дополнял картину М. Горький, — в силу условий своего исторического развития, — огромное дряблкое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты; русская интеллигенция — болезненно распухшая от обилия чужих мыслей голова, связанная с туловищем не крепким позвоночником единства желаний и целей, а какой-то еле различимой тоненькой нервной нитью»¹⁰²¹.

Насколько глубоким был этот отрыв интеллигенции от народа, говорило отчаянное восклицание Н. Бердяева: «Вы все, усвоившие себе верхушки западной мысли, но никогда не проникавшие в ее тайники, вы, русские интеллигенты, в которых непросветленная восточная стихия соединяется с поверхностным западным сознанием, вы не способны к акту самосознания, вы бессильны постигнуть тайну России»¹⁰²².

Современники событий с ужасом и недоумением наблюдали за появлением этой новой общественной силы, отмечая ее невиданные доселе родовые черты: С. Булгаков: «при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность духовного аристократизма, надменно

противопоставляющая себя „обывателям“. Кто жил в интеллигентских кругах, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежения к инакомыслящим... *Вследствие своего максимализма интеллигенция остается малодоступна к доводам исторического реализма и научного видения...*»¹⁰²³ «Наша интеллигенция, — вторил Н. Головин, — была склонна к доктринерству и легко впадала в крайности — в „интеллигентский максимализм“»¹⁰²⁴.

Л. Гумилев: «Нынешняя интеллигенция — это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия»; «Русская печать и общество, не стой у них поперек горла „правительство“, разорвали бы на клоки Россию и раздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за „рюмочку“ похвалы», — дополнял В. Розанов¹⁰²⁵. В 1871 году Н. Данилевский: «Без... народной основы так называемая интеллигенция не что иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне почерпнутое образование, не переваривших и не усвоивших его, а только перемалывающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлою этикеткою современных»¹⁰²⁶; Н. Головин: «Вследствие ее оторванности от народной толщи, нашей интеллигенции было действительно трудно понять истинные настроения народа. Различные выявления этих настроений она рассматривает через очки собственных устремлений»¹⁰²⁷.

Истоки этих черт интеллигенции М. Покровский находил в ее крайнем индивидуализме^а, отягощавшемся ее преимущественно гуманитарным, оторванным от реальной жизни, образованием. А. Герцен в этой связи замечал: «Мы глубоко распались с существующим... Мы блажим, не

а «Нет ничего индивидуалистичнее интеллигентской работы: ни в какой области *личность* не чувствует себя в такой степени хозяином всего „процесса производства“, с начала и до конца» (Покровский М... с. 204).

хотим знать действительности, мы постоянно раздражаем себя мечтами... Беда наша в расторжении жизни теоретической и практической...»¹⁰²⁸ В то же время сам лидер либеральной интеллигенции П. Милюков уже в эмиграции объяснял «идейную беспомощность и утопичность стремлений, «максимализм» русской интеллигенции» ее совершенно сознательным волевым актом отрешения от российской действительности: «Я защищал ее право не искать корней в нашем прошлом, где... заложены лишь корни нашей слабости и нашего бессилия»¹⁰²⁹.

И именно этой интеллигенцией, отмечал И. Ильин, «русская революция готовилась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы... Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией...»¹⁰³⁰ Радикализм русской интеллигенции во многом был вызван ее слабостью по отношению к радикализму полуфеодальной власти: в европейских странах власть была вынуждена считаться с интересами сильной национальной буржуазии, в России такого «естественного» противовеса власти практически не было, и именно его заменой стал максимализм интеллигенции.

Не имевшая той буржуазной основы Реформации, которая двигала развитием Запада, российская интеллигенция была вынуждена выработать свои особые методы борьбы. Их образно изобразил в «Бесах» Ф. Достоевский еще в 1872 году: «Вы призваны обновить дряхлое и застоявшееся от застоя дело; имейте всегда это пред глазами для бодрости. Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначившие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедим верхом. Этого вы не должны конфузиться. Надо перевоспитать поколение,

чтобы сделать достойным свободы». Каким образом? «... Народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд... Образование же его мы оснуем и начнем с чего сами начала, то есть на отрицании им всего его прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать свое прошлое. Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же и заставим его нюхнуть Европы, тотчас же начнем обольщать его Европой... Для доброй цели мы многочисленнейшими и всякими средствами подействуем, прежде всего, на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ — наш. Он застыдится своего прежнего и проклянет его»¹⁰³¹.

Главным оружием борьбы интеллигенции с царизмом стало печатное слово. «Как в первую, так и во вторую революцию лейтмотивом всей периодической прессы была злоба и ненависть к правительству и всем органам власти вообще... Сплоченная общим чувством ненависти и злобы, эта общественность стала действовать сообща, — отмечал Раупах, — но деятельность ее во время обеих революций была только разрушительной. Обывательская масса эта не была оплодотворена никакой идеей, ей был чужд возвышающий душу энтузиазм, без которого общественное созидание и творчество немислимы»¹⁰³².

Со свершением буржуазной революции Деникин обвинит интеллигенцию во всех, связанных с революцией, бедствиях России: «Что народные массы, освобожденные от всяких сдерживающих влияний, опьяненные свободой, потеряли разум и принялись с жестоким садизмом разрушать свое собственное благополучие, — это еще понять можно. Что у власти не нашлось силы, воли, мужества, чтобы остановить внезапно прорвавшийся поток, — это тоже неудивительно. Но что делала соль земли, верхние слои народа, социалистическая, либеральная и консервативная интеллигенция; наконец, просто „излюбленные люди“, более или менее законно, более или менее полно, но все же представлявшие подлинный народ, — это выходит за пределы человеческого

понимания. Перечтите отчеты всех этих советов, демократических, государственных и прочих совещаний, комитетов, заседаний, предпарламентов, и **вас оглушит неудержимый словесный поток, льющий вместо огнегасительной горючую жидкость в расплавленную народную массу**. Поток слов умных, глупых или бредовых; высокопатриотических или предательских; искренних или провокаторских. Но только слов. В них отражены гипноз отвлеченных формул и такая страстная нетерпимость к программным, партийным, классовым отличиям, которые заставляют нас вспомнить страницы талмуда, средневековую инквизицию и споры протопопы Аввакума... Не только для истории, но и для медицины состояние умов, в особенности у верхнего слоя русского народа, в годы великой смуты представит высокоценный неисчерпаемый источник изучения»¹⁰³³.

Философ и экономист, меньшевик В. Базаров восклицал: «Словосочетание «несознательный интеллигент» звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину». Не случайно, по словам последнего дворцового коменданта В. Воейкова, «главную виновницу разгрома России можно считать нашу одураченную интеллигенцию, которая разрушала собственными руками без какой-либо внешней катастрофы захваченное ею наследие предков»¹⁰³⁴. «Различные стадии этой борьбы, — добавлял Н. Головин, — **ярко отражают на себе свойства нашей интеллигенции: непонимание реальностей жизни в тех случаях, когда она пытается творить, и максимализм — в тех случаях, когда она стремится разрушать**»¹⁰³⁵.

И. Солоневич в этой связи заявлял, что «русская интеллигенция есть самый страшный враг русского народа». М. Гершензон в «Вехах» восклицал: «Мы не люди, а калеки, сонмище больных, изолированных в родной стране, — вот что такое русская интеллигенция... Мы для него (народа) не грабители, как свой брат деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз; он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует нашей человеческой души и поэтому ненавидит нас страстно... Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться

мы его должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной»¹⁰³⁶.

Помимо либеральной интеллигенции в России были и либералы-практики, которые занимали ведущие позиции в государстве, их примером могут являться С. Витте и П. Столыпин. Витте был убежден: «Одна и может быть главная причина нашей революции — это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собственности и потребности в гражданственности, а в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку; так пар взрывает дурно устроенный котел — или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения. Чувство „я“ — чувство эгоизма в хорошем и дурном смысле — одно из чувств, наиболее сильных в человеке...»¹⁰³⁷

Идеи Витте развивал Столыпин, который в 1902 году утверждал, что индивидуализм будет основой будущего прогресса, а сохранение общины грозит, «в конце концов, крахом и полным разорением страны»¹⁰³⁸. Не случайно Ленин в этой связи отмечал: «Знаменитое аграрное законодательство Столыпина по 87-й статье насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии. *Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле*»¹⁰³⁹.

Отличие русского интеллигентского либерализма от либерализма государственного, практического П. Столыпин разъяснил в своем известном выступлении 10 мая 1907 года: «В деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. *Разрешить* этого вопроса нельзя, его надо *разрешать!* В западных государствах

на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия!». «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, — он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы». «Итак, на очереди главная задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для всех нас, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»¹⁰⁴⁰

Прогрессивные идеи П. Столыпина обладали лишь двумя, но фатальными недостатками: во-первых, огромная отсталость России в условиях обострения конкуренции с Западом уже не оставляла ей времени на то, чтобы *«разрешать вопрос»* естественным путем; а во-вторых, у России просто не было достаточного количества ресурсов, необходимых для совершения эволюционного перехода от аграрного к индустриальному строю, от феодализма к капитализму в рамках западной модели. Особенности России предопределяли возможные пути ее развития. Столыпин же переносил на всю страну свой опыт, сформировавшийся во время его становления в Западных губерниях, и плохо представлял себе условия остальной России... Зато их очень хорошо представлял А. Герцен, который еще в середине XIX века предупреждал: *«освобождение крестьян сопряжено с освобождением земли; что... в свою очередь является началом социальной революции, провозглашением сельского коммунизма»...*¹⁰⁴¹

В политическом плане буржуазная революция сверху, через реформы С. Витте и П. Столыпина, упиралась в тот же тупик, что и буржуазная революция снизу (через либеральную интеллигенцию), — отсутствие прочного национального буржуазного фундамента, на котором можно было бы воздвигнуть здание русского капитализма.

Основы русского общества находились в другом месте и они кардинально отличались от примера Запада. Именно на них указывал К. Маркс, отмечавший, что «Россия — единственная европейская страна, в которой „земледельческая община“ сохранилась в национальном масштабе до наших дней»¹⁰⁴². Живучесть русской общины объяснялась, тем, что она обеспечивала выживание русского крестьянина в крайне суровых климатических и географических условиях России. Становление крепостного права усилило роль общины, ставшей, вплоть до революции 1905 года, орудием жесткой феодальной эксплуатации крестьянства. Многовековое пребывание в общинной среде сформировало особый характер русского крестьянина.

Идеализированное, но вместе с тем, в своей основе, верное понимание его особенностей передавал В. Шубарт^а: «Русский переживает мир, исходя не из „я“, не из „ты“, а из „мы“... он ощущает во всех людях неделимое целое, люди же — органы их общего мира»¹⁰⁴³. Шубарт противопоставлял дух братства русских чувству индивидуализма и эгоизма европейцев. Особенности русского самосознания в 1902 году отразил в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» князь Кропоткин¹⁰⁴⁴. При этом, предупреждал Шубарт, «русское чувство братства не следует путать с понятием стадности. Русский человек — это не человек толпы, он высоко ценит свободу человеческой личности. Но его понятие о личности не совпадает с европейским, скроенным по образцам Рима и Ренессанса. Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, на Востоке — всечеловек...»¹⁰⁴⁵

а Идеализированное восприятие русского духа В. Шубартом связано прежде всего с тем, что свою книгу он писал накануне Второй мировой войны. В русской душе Шубарт искал спасение от радикализованного индивидуализма Запада, приведшего его к фашизму.

Общинный характер русского крестьянина вовсе не отрицал наличие у него естественных, врожденных индивидуалистических инстинктов. Но, подавленные общиной и деспотизмом власти, они искажались, получая гипертрофированное развитие на бытовом уровне и деградируя на общественном. В результате, парадоксальным образом, характерной чертой русских крестьян, прямо противоположной «чувству братства», становилась их неспособность к совместной плодотворной работе.

Например, тот же Энгельгардт в своих письмах «много раз указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах, на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание... соединяться в хозяйстве для лучшего дела»¹⁰⁴⁶. Крестьяне, трудясь вместе, будут вырабатывать меньше, чем работая порознь, отмечал он. Эта особенность проявлялась не только у крестьян, но и практически у всех классов и сословий России.

Например, один из крупнейших промышленников того времени С. Морозов обосновывал свое нежелание вступать в акционерные компании тем, что у нас семейный бизнес процветает, а общий непременно рушится. Видный экономист И. Озеров находил объяснение этому феномену в том, что «ведь промышленники и торговцы наряду с прочими группами населения никогда не обучались сообща мыслить и сообща подыскивать меры, пригодные для их благополучия. Им всегда вбивалось и вбито в голову, что за них помыслят и сделают, что надо, а их дело аршином работать. Теперь мы жалуемся, что у нас нет торгово-промышленного класса, а имеются „аршинники“, ничего дальше „аршина“ не видящие и признающие только один символ веры: каждый за себя, а бог за всех. Общее же дело — это не их дело, а дело начальства, которое решает только иметь свой аршин, по-своему им мерить, а все прочее делать по приказу...»¹⁰⁴⁷

Подобная ситуация была и в политике, на что указывали многие политические деятели, от Л. Корнилова и Н. Чайковского: «Политические партии уже доказали и в Совете Республики, и в Комитете спасения Родины и Революции, и в Учредительном собрании свою неспособность

объединиться в единоедушное и действенное целое»¹⁰⁴⁸, до французского посла М. Палеолога, который в январе 1916 года в отчаянии восклицал: «русские действительно не способны к организации»¹⁰⁴⁹, и британского — Дж. Бьюкенена: «Неспособность русских к дружной совместной работе даже тогда, когда на карте стоит судьба их родины, достигает степени почти национального дефекта»¹⁰⁵⁰.

В. Шубарт находил причину этого отличия русских от европейцев в том, что у последнего понятие общности «более грубое материальное, земное. Оно основано на сходных интересах людей... Русское общество — более духовного плана. Оно опирается на чувство братства... не имеющего реального образа и основы»¹⁰⁵¹. Причины этого парадокса, с одной стороны, лежали во все тех же жестких климатических и географических условиях, которые изначально ставили русского человека перед необходимостью взаимопомощи и одновременно ожесточенной борьбой за выживание. А с другой, — в сохранившихся в России до начала XX в. остатках абсолютизма и крепостного права, подавлявших развитие навыков самостоятельной совместной деятельности.

В политэкономической трактовке община представляла собой некий вид архаичного или сельского коммунизма, на что указывали многие ее исследователи от К. Маркса¹⁰⁵² до М. Вебера¹⁰⁵³. И именно с общиной Маркс связывал основные отличия будущего развития России по сравнению с Западом: **«историческая неизбежность» прохождения всех фаз капитализма «точно ограничена странами Западной Европы»**, где «частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном». «Дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность». Поэтому в России эволюция может пойти совсем другим путем, предупреждал Маркс: «Община является точкой опоры социаль-

ного возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹⁰⁵⁴.

И именно из общинного наследия проросли русские представления о социализме. Н. Бердяев в этой связи отмечал: «В русском сознании XIX века социальная тема занимала преобладающее место. Можно даже сказать, что русская мысль XIX века в значительной своей части была окрашена социалистически. Если не брать социализм в доктринальном смысле, то можно сказать, что социализм глубоко укоренен в русской природе. Это выражалось уже в том, что русский народ не знал римских понятий о собственности. О московской России говорили, что она не знала греха земельной собственности, единственным собственником являлся царь, не было свободы, но было больше справедливости... ***Все почти думали, что русский народ призван осуществить социальную правду, братство людей.*** Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма, что она сможет перейти к лучшему социальному строю, минуя капиталистический период в экономическом развитии. И все думали, что отсталость России есть ее преимущество. Русские умудрялись быть социалистами при крепостном праве и самодержавии^а. Русский народ самый коммунитарный в мире народ, таковы русский быт, русские нравы»¹⁰⁵⁵.

Не случайно В. Вернадский, став в июне 1917 года председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия Временного правительства, отстаивал как первый принцип аграрной политики идею социальной справедливости — «как она претворилась в

а Отнюдь не случайно, по признанию самого Маркса (в его письме Л. Кугельману от 12.10.1868), русские «всегда были моими доброжелателями», работы «Нищета философии» и «К критике политической экономии» «не нашли нигде большего сбыта, чем в России», и «первая иностранная нация, переведшая „Капитал“, — русская».

народное сознание или создана вековой народной идеологией»¹⁰⁵⁶. Н. Бердяев, в свою очередь, замечал, что «в России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической...»¹⁰⁵⁷

Появление рабочего пролетариата казалось должно было усилить развитие капиталистических тенденций. Однако в России этого не произошло, поскольку промышленный пролетариат в ней носил еще отпечатки крестьянской жизни. Как указывал М. Пришвин, «рабочие — посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу». Причина тому крылась в особенностях «освобождения» 1861 года, когда крестьян сделали «принудительными владельцами» небольших клочков земли, недостаточных для выживания, но привязывавших их к общине. Крестьянин сохранял за собой землю, даже после того, как уходил в город и становился рабочим. $\frac{3}{4}$ всех рабочих имели дополнительный доход с земли (более 85 % — обрабатывая ее сами или семьями и около 15 % — сдавая в аренду). «Привязанный к земле рабочий обходился... хозяину гораздо дешевле, нежели его пролетаризованный собрат за границей. Денежная заработная плата рабочего Московской губернии в восьмидесятых годах прошлого столетия была вчетверо ниже, чем в Англии, и вдесятеро ниже, чем в Соединенных Штатах»¹⁰⁵⁸.

Выделялись только Москва и Петербург, где подавляющее большинство рабочих земель не владели и имели самый высокий заработок. Но, как ни странно, отмечал М. Туган-Барановский: «*Первыми русскими социалистами были заводские мастеровые Петербурга — материально самый обеспеченный разряд русского пролетариата*»¹⁰⁵⁹. М. Покровский объяснял этот факт тем, что «всякая общественная группа вырабатывает философию общественного процесса, отвечающую объективным условиям существования этой группы. Рабочему классу как нельзя больше подходит ма-

териалистическое понимание истории, — **„экономический материализм“ каждый пролетарий чувствует непосредственно на своей коже»**¹⁰⁶⁰.

Этот экономический материализм с началом капитализма охватил все мыслящие круги общества, отмечал Ф. Достоевский в своей последней дневниковой записи в 1881 году: «теперь поветрие на экономизм — в этом нет сомнения. Теперь все экономисты»¹⁰⁶¹. И выводы, к которым приходили профессиональные экономисты, исходя из экономических особенностей России, практически полностью совпадали с философией, господствовавшей среди российских рабочих. Не случайно в начале XX века С. Булгаков замечал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже не навидели марксизм»¹⁰⁶². Наглядным примером тому был известный экономист западник И. Янжул, который, будучи «равнодушен к вопросам политики, придавая гораздо большее значение экономическому моменту», «склонялся к так называемому государственному социализму»¹⁰⁶³.

Что же тогда должно было произойти в случае разрушения полуфеодальных, но оформлявших русский народ государственных форм? Этот вопрос ставили перед собой многие современники той эпохи. Отвечая на него, О. фон Бисмарк замечал: «В случае неудачной для России войны, в результате внутренних политических неурядиц, характер бессилия этой страны будет совершенно иным, чем в любом другом европейском государстве»¹⁰⁶⁴. Вильгельм II еще до войны указывал: «заклучение мира после непрерывной череды военных неудач приведет к утрате престижа армии; царю придется уйти: при всей его привлекательности как личности и при всех его добрых намерениях это почти неизбежно; возможно, падет и монархия, и начнется переход к демократической форме правления, которая в условиях, когда всего пятая часть населения умеет читать, будет выглядеть совсем не так, как в Америке»¹⁰⁶⁵.

В феврале 1914 года, когда уже была очевидна надвигающаяся угроза войны с Германией, П. Дурново, убеждая

Николая II любой ценой предотвратить ее, буквально пророчествовал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдадут *социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения*, — сначала „черный передел“, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ... Армия, лишившаяся за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и *Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению*»¹⁰⁶⁶.

Один из крупнейших промышленников России А. Путилов уже в 1915 году указывал представителям Антанты на неизбежность революционного взрыва: «Поводом послужит военная неудача, голод или стачка в Петрограде, мятеж в Москве или дворцовый скандал. *Революция будет исключительно разрушительной, ввиду того что образованный класс в России являет собой незначительное меньшинство населения*. Он лишен организации и политического опыта, а главное, не сумел создать надежных связей с народом. Величайшим преступлением царизма, утверждала устами Путилова русская буржуазия, является то, что он не создал иного очага политической жизни, кроме бюрократии. *Режим настолько зависит от бюрократии, что в тот день, когда ослабнет власть чиновников, распадется русское государство*. Парадокс заключается в том, что сигнал к революции дадут буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая, что спасают Россию. *Но от буржуазной революции Россия тотчас же перейдет к революции рабочей, а немного позже — к революции крестьянской. Начнется ужасающая анархия длительностью в десятки лет*»¹⁰⁶⁷.

Тем не менее революция в России была неизбежна и необходима, поскольку в условиях все более ужесточавшейся международной конкурентной борьбы, сохранение полуфеодального строя обрекало ее на все нарастающее отставание и самоуничтожение. На тот самый хаос и анархию, о которых говорили Дурново и Путилов. И какой бы ни была эта революция, но невозможность опоры на буржуазию и феодально-помещичьи элиты неизбежно выводила на передний план борьбы прогрессивную русскую интеллигенцию, далеко разошедшуюся между собой в поисках путей реформирования России.

МОЗГ РЕВОЛЮЦИИ

Весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами, был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции...

С. Булгаков¹⁰⁶⁸

Кадеты

Кадеты — крупнейшая либеральная партия России, возникшая на волне первой русской революции в октябре 1905 года. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею социальной революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*. В январе 1906 года, к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы*¹⁰⁶⁹. «К весне 1906 года по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных — кадеты распростра-

няли бесплатные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекались по несколько тысяч человек»¹⁰⁷⁰. Главным лозунгом либеральной интеллигенции провозглашалась «борьба за политическое освобождение России на началах демократизма»¹⁰⁷¹. Цель партии осталась неизменной с времен предтечи кадетской партии — «Союза освобождения»: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться, прежде всего, уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима».

С момента появления парламента в России кадеты занимали ведущее место в политической жизни страны, являясь лидерами Думской оппозиции. С этого времени «конституционно-демократическая партия, — по словам М. Горького (в 1918 году), — была той духовной язвой страны, которая десять лет разъедала ее интеллигенцию своим иезуитским политиканством... „Оппозиция Его Величества“, она не брезговала ничем для того, чтобы пробраться к власти. Тогда этого не случилось — кадеты надеются, что это случится теперь»¹⁰⁷².

После февральской революции кадеты вместе с октябристами стали правящей партией первого Временного правительства¹⁰⁷³. Однако их лидеры — П. Милюков и А. Гучков — всего через два месяца после прихода к власти, столкнувшись с первыми трудностями, сами вышли из правительства. Через два месяца, после ухода из правительства лидеров партии, в ответ на очередной кризис 2 (15) июля из него ушли министры-кадеты.

Конечно, виной всему были Советы, которые не дали кадетам реализовать их идеи ... Однако оказалось, что их-то как раз и нет, кадетам нечего было предложить не только для будущего развития, но и для решения самых насущных проблем. Кадеты не могли выполнить даже своей собственной программы, поскольку ее реализация неизбежно вступала в непримиримое противоречие с их же принципами. Например, аграрная программа кадетов была настолько левой, что ее реализация, по словам как П. Столыпина, так

и М. Вебера, неизбежно вела к радикальному усилению... социалистических тенденций в деревне...¹⁰⁷⁴

В национальном вопросе кадеты выступали за свободу культурно-национального самоопределения, ибо «у личности нет более ценных и дорогих прав, чем права национальные»¹⁰⁷⁵. И национальности после свержения монархии не замедлили воспользоваться этим правом. Чем ответила на это партия кадетов? В ответ на провозглашение автономии Украины ее представители вышли из правительства. Позже «выдающиеся государствоведы» кадетов попытаются сдержать формализацию растущего украинского национализма юридической казуистикой в виде «инструкции» от 4 августа. Ответом на нее станет резолюция Украинской Рады: «Обратиться ко всей нации Украины... с призывом... к организованной борьбе за свои интересы»¹⁰⁷⁶.

Но главным вопросом тех дней была война. Либералы обвиняли царское правительство в предательстве и измене. *«Мы все критиковали власть... — вспоминал В. Шульгин, — Но совершенно неясно было, что мы будем отвечать, если нас спросят: „Ну хорошо, la critique est aisée — довольно критики, теперь пожалуйста сами! Итак, что надо делать?“* Мы имели „великую хартию блока“, в которой значилось, что необходимо произвести некоторые реформы, но все это совершенно не затрагивало центрального вопроса: „Что надо сделать, чтобы лучше вести войну?“»¹⁰⁷⁷. На этот вопрос попытался ответить лидер октябристов А. Гучков, ставший военным министром, который через два месяца сам... вышел из правительства.

Кадеты и октябристы не могли созидать не потому, что у них не было силы, а потому, что у них не было никаких созидательных идей. «Я неоднократно с самого основания блока добивался ясной практической программы... — вспоминал В. Шульгин, — но они (кадеты и октябристы) отделялись от меня разными способами, а когда я бывал слишком настойчив, отвечали, что *практическая программа состоит в том, чтобы добиться „власти, облеченной народным доверием“*. Ибо эти люди будут толковыми и знающими и поведут дело. Дать же какой-нибудь рецепт для практического управления невозможно; „залог

хорошего управления — достойные министры” — это и на Западе так делается. Тогда я стал добиваться, кто эти достойные министры... были ли мы готовы? Знали ли мы, хотя бы между собой, кто? Ни малейшим образом»¹⁰⁷⁸.

И в этом парадоксе не было ничего удивительного, еще в конце октября 1916 года в своем донесении начальник московского охранного отделения полк. Мартынов отмечал: «все речи участников совещания (будущих февралистов)... лишний раз подчеркнули глубокое лицемерие к.-д. Идя „штурмом“ на правительство, бросая по его адресу страстные обвинения, к.-д. *в интимных своих беседах признают, что наблюдающаяся сейчас разруха — явление чисто стихийного порядка, полное урегулирование которого не под силу ни правительству, ни общественным организациям*»¹⁰⁷⁹. Сам П. Милюков, присутствовавший на том совещании, признавал, что оно «*явило картину полнейшей растерянности и беспомощности представителей общественности в деле борьбы с экономической разрухой*. Обвиняя правительство „в отсутствии определенного плана“, участники совещания у Коновалова ярко продемонстрировали, что у них нет ровно никакого плана, никакой подготовки для решения этого сложного вопроса»¹⁰⁸⁰.

Кадеты сами отказались от власти, оказавшись неспособны справиться с растущим хаосом. Да они входили и во второе, и в третье коалиционное Временное правительство, но это была уже только видимость партии. Уже в августе 1917 года лидер российских либерал-демократов П. Милюков в письме членам ЦК своей партии обреченно заявлял, что «спасение России в возвращении к монархии... народ не способен воспринять свободу»¹⁰⁸¹. К осени кадетская партия, которая в лучшие свои годы насчитывала 100 тыс. членов, как реальная политическая сила практически перестала существовать. «Куда-то, вдаль от нас, отодвигались и наши партийные группы в провинции. Их общее настроение, и прежде более левое, не поспевало эволюционировать за нами...» — вспоминал Милюков¹⁰⁸². Уже к сентябрю «либеральная интеллигенция утратила всякое влияние на народные массы, — отмечал Го-

ловин. — Последние относились к ней прямо враждебно»¹⁰⁸³. В стране к этому времени, по словам Милюкова, «создалось «парадоксальное положение»: буржуазная республика защищалась «одними социалистами умеренных течений», утратив в то же время «последнюю поддержку буржуазии», которая окончательно отказалась от буржуазной демократии и реформистских идей»¹⁰⁸⁴.

Эсеры

Если либеральные партии опирались в основном на средние имущие классы, то социалистические — на образованные низшие и неимущие слои общества. Основным представителем этих слоев было студенчество. «Молодое поколение» — русское революционное студенчество 1861 года, происходившее в основном из бедных классов, имело остросоциальную направленность. Именно в их среде «впервые со времен Пестеля произнесено, а напечатано вообще впервые на Руси слово *республика*. Впервые зазвучали требования социальной революции...»¹⁰⁸⁵

Создание социалистических партий началось с образования в 1901–1902 годах из ряда подпольных групп, остатков разгромленной в 1881 году «Народной воли», партии социалистов-революционеров (эсеров). Они считали себя наследниками революционных народников и тяготели к философии боевого действия. Выдающийся народник Н. Михайловский обосновывал право террора тем, что «Дюринг, обосновавший теорию справедливости на чувстве мести, здорового возмездия, гораздо больше подходит к современной русской действительности, чем Маркс, который изучает явления только объективно и не обладает достаточно боевым темпераментом, чтобы понимать условия русской политической борьбы»¹⁰⁸⁶.

М. Покровский объяснял террористическую тактику революционеров ограниченностью их материальных ресурсов, что позволяло осуществлять только самые дешевые способы борьбы — террористические: «Слабость сил революционеров вела к террору»¹⁰⁸⁷. Революционный радикализм эсеров достался им в наследство от народовольцев, лидер которых

Желябов утверждал, что *«история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать»*. Иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело»¹⁰⁸⁸. Террор был жестом отчаяния, ответом на радикализм властей и, как следствие, на полную невозможность изменить мир другим путем.

Эсеровский террор находил полное понимание и поддержку в либеральной среде. Она всегда и везде вставала на их защиту. Историк А. Бушков приводит множество примеров тому. Так, например, «14 мая 1906 года в Севастополе была брошена бомба в коменданта города генерала Неплюева. Генерал уцелел, но погибли восемь случайных прохожих, несколько десятков человек ранены. Но депутаты Государственной думы публично именуют суд над схваченными на месте преступления бомбистами „кровопролитием“»¹⁰⁸⁹. Во время революции 1905–1907 годов и перед ней эсеры совершили 263 крупных террористических акта, в результате которых погибли 2 министра, 33 губернатора, 7 генералов и т. д.¹⁰⁹⁰ В то время партия насчитывала 63 тыс. членов (всех социал-демократов было тогда около 150 тыс.).

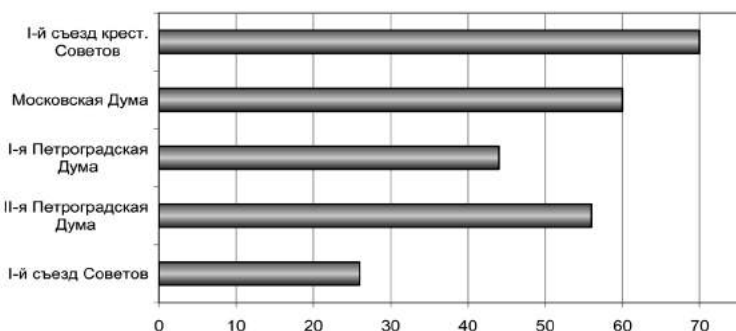
Программа эсеров являлась развитием программы народо-довольцев и совмещала в себе черты веяний с Запада с поиском особого исторического пути России. «Эсеры утверждали, что буржуазная революция, которая выразится лишь в смене правительства, но не затронет социальную структуру и отношения собственности, открыв путь гегемонии капитализма во всех сферах экономической жизни, в России невозможна. Российская буржуазия не способна возглавить революцию такого типа, ибо, судя по прошлому опыту, она склонна к союзу с реакционными силами...»¹⁰⁹¹ Поэтому необходимо было найти другую силу, способную повести за собой буржуазную революцию, и эсеры нашли ее в самой массовой партии России — мелкобуржуазном крестьянстве.

Численность эсеровской партии к середине 1917 года была сравнима с численностью всех остальных политических партий России, вместе взятых (700 тыс. членов). Однако

партия, получившая большинство в Совете, с самого начала демонстрировала откровенное нежелание брать на себя ответственность власти. Эсеры добровольно уступили место правящей партии меньшевикам и кадетам. Причину этого лидер партии В. Чернов объяснял тем, что «сама сила партии была источником ее слабости. В ряды эсеров неудержимо стремилась пестрая и многоликая улица. Это напоминало бегство овечьего стада. Ничтожная горстка старых эсеров тщетно пыталась справиться с сырой, неоформленной массой, которая заполнила партию». Я «чувствовал себя в полном одиночестве»¹⁰⁹².

В сентябре 1917 года Чернов резко обвинил своих соратников во «властебоязни», в «уступках кадетам», в привычке «топтаться вокруг власти». На возражения, что взятие власти до Учредительного собрания является узурпацией, он отвечал: «Что же касается вопроса об „узурпаторстве“, то кто же может оспаривать очевидный факт, что сейчас массы тянутся именно к социалистическим лозунгам и партиям, а следовательно, пришел их исторический черед...» Чернов сетовал, что власть не была захвачена эсерами ранее. «Надо было, — упрекал он свою партию, — не упускать, когда все шло прямо к нам в руки, а „не удержался за гриву — за хвост и подавно не удержишься“»¹⁰⁹³.

*Доля эсеров в выборных органах власти*¹⁰⁹⁴

Эсеры так и не смогли справиться со своей болезнью «властебоязни». Хронический характер «болезни» объяснялся тем, что партия социал-революционеров, как и кадетов, была

до конца революционной партией, нацеленной только на разрушение... Свое положение эсеры сохраняли лишь благодаря опоре на крестьян, которые шли за эсеровским лозунгом «Земля — крестьянам!», толкавшим страну в дофеодальное прошлое. Октябрьская революция окончательно добила эсеровскую партию. «„Глубокие бреши раскололи нашу партию на части. Нет единства действий, нет единства непосредственных целей“, — признавало опубликованное 14 ноября уведомление ЦК партии с.-р. о созыве съезда»¹⁰⁹⁵.

После начала гражданской войны эсеры смогут создать несколько своих правительств, но их итог везде будет один и тот же. Член правительства Колчака Г. Гинс находил причины этого в том, что «эсеры — способные заговорщики. Они незаменимы в подполье. Их стихия — подготовка переворота... Но никакой способности к организационной работе, никакой цельности плана, нежизнеспособность программы... При всем при этом эсеры отличаются исключительной способностью к словоизвержениям и, *самое главное, такой же отчужденностью от народа, какой отличается бюрократия и генералитет.* Эсеры, как кроты, взрывают почву, готовя ее для революционной вспашки, но снять и пожинать им не суждено...»¹⁰⁹⁶ «Как подпольные деятели эсеры незаменимы; как администраторы и работники они, за малыми исключениями, никуда не годны...» — заключал Гинс¹⁰⁹⁷.

Меньшевики

Помимо эсеров в период экономического кризиса конца XIX века появилась еще одна социалистическая партия, которая декларировала свой не революционный, а демократический характер. М. Пришвин сравнивал их следующим образом: «Эсеры малосознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на

практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманым убийством...»¹⁰⁹⁸

Мировоззрение социал-демократических партий, в отличие от эсеров, строилось на материалистической базе. К его основателям в России можно отнести Н. Чернышевского и А. Герцена. Они делали ставку не на личный террор, а на пропаганду, подталкивающую социальное развитие общества по мере его экономического прогресса. Герцен развивал идею единства среды и личности, исторических обстоятельств и человеческой воли. Он выступал критиком как буржуазного индивидуализма, так и уравнилельной утопии и стремится избежать крайностей: «Нельзя... звать массы к такому социальному перевороту, потому что насилием и террором можно расчистить место, но создать ничего нельзя. Чтобы создавать, нужны „идеи строящие“, нужна сила, нужно народное сознание, которого также нет, ибо народ пока еще внутренне консервативен. *„Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри“... Пока их нет, нужна пропаганда*»¹⁰⁹⁹.

Другим примером могут являться «Исторические письма» Миртова (Лаврова), которые стали «своего рода Евангелием молодежи семидесятых годов». В них Лавров утверждал, «что решение политического вопроса в ту или другую сторону (всегда) обуславливалось экономическими силами; что эти экономические силы создавали каждый раз удобные для себя политические формы, затем искали себе теоретическую идеализацию в соответствующих религиозных верованиях и философских мирозерцаниях, эстетическую идеализацию — в соответствующих художественных формах, нравственную идеализацию — в прославлении героев, защищавших их начала»¹¹⁰⁰.

Такой материалистический фатализм, казалось, ставил непреодолимую преграду на пути социальных исканий русской интеллигенции. Но Лавров нашел свой выход — он развил учение о «критически мыслящей личности» как основном факторе прогресса: «Как ни мал прогресс

человечества, но и то, что есть, лежит исключительно в критически мыслящих личностях: без них он безусловно невозможен»... Интеллигенция составляет ничтожное меньшинство народа — это не беда: «Большинство может развиваться лишь действием на него более развитого меньшинства... „Проповедь“ для „меньшинства“ не только историческая необходимость, это — его нравственный долг»¹¹⁰¹. Современники в один голос утверждали, что ничем так сильно не действовали «Исторические письма» на молодежь, как этим учением о долге интеллигенции перед народом¹¹⁰².

К февральской революции численность меньшевиков, второй по количеству членов социалистической партии, достигала 200 тыс. человек. Они вместе с эсерами составляли абсолютное большинство в Совете. Но это **«большинство организованной демократии»**, — отмечал один из меньшевистских лидеров Ю. Мартов, — [так и] **не нашло в себе решимости взять власть в свои руки»**¹¹⁰³. Роковым моментом для меньшевиков стала идея их коалиции с буржуазией. Видный меньшевик А. Иоффе еще в мае 1917 года, по сути, пророчествовал: «Как бы громки ни были революционные фразы, но до тех пор, пока меньшевизм остается правительственной партией буржуазного правительства, до тех пор меньшевизм не только обречен на бездействие, но и совершает над собою своеобразное политическое „харакири“, ибо губит самую внутреннюю сущность социал-демократии»¹¹⁰⁴.

Коалиция с буржуазией в дни корниловского мятежа окончательно дискредитировала меньшевиков, хотя они принимали активное участие в организации отпора Корнилову. Партия меньшевиков стала распадаться. **«Наша партия сейчас переживает катастрофическое состояние. Она стерта почти совершенно с политической арены»**, — говорил один из лидеров меньшевиков А. Потресов в августе на съезде своей партии¹¹⁰⁵. В конце сентября газета «Новая жизнь» сообщала: «Кто знаком с положением дел петроградской, крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около

10 тысяч членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания происходят при ничтожном количестве, 20–25 человек, членские взносы не поступают. Тираж „Рабочей газеты“ катастрофически падает»¹¹⁰⁶.

После ухода меньшевиков со II Всероссийского съезда Советов меньшевистская партия как политическая сила исчезла: «Мы ушли неизвестно куда и зачем, — вспоминал видный меньшевик Н. Суханов, — разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожиженцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...»¹¹⁰⁷

Таков был весь спектр основных политических партий России, от западных либерально-буржуазных (кадеты и октябристы) до западно-социалистических (меньшевики) и народно-социалистических (эсеры). Все они желали лучшего для своего народа, но оказались слишком далеки от него. «За неполное приспособление русских политических партий к условиям и требованиям русской действительности, — уже в эмиграции признавал П. Милюков, — Россия поплатилась неудачей двух своих революций и бесплодной растратой национальных ценностей, особенно дорогих в небогатой такой ценности стране»¹¹⁰⁸. Все они заявляли свои претензии на власть, но ни одна из них не смогла не только справиться с ее бременем, но и предложить хоть какие-то идеи для того, чтобы направить высвобожденные революцией силы в созидательное русло. Бессилие власти грозило распространением анархии и уничтожением всей русской цивилизации.

Корнилов

Последней преградой на пути растущего хаоса, на защиту цивилизации и порядка, встали корниловские генералы, которые все свои надежды возлагали только на военную силу. Их идеи наглядно передавал видный представитель правой генеральской среды ген. Н. Головин: «Разбушевавшаяся стихия может быть остановлена только силой; эта сила и создается контрреволюционным движением»¹¹⁰⁹. Однако за генералами не пошла даже собственная армия. **«Организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы, — отмечал в этой связи Н. Бердяев, — нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное мирозерцание, нужны скрепляющие символы»**¹¹¹⁰.

Кадровые военные откровенно не понимали происходящих событий, отмечал В. Чернов: «Мышление настоящего офицера в корне противоположно „гражданскому“. Для него вся страна — это лишь „тыл“ армии, придаток, который обслуживает ее нужды. А как же быть с Великой революцией? Что ж, если она того заслужит, найдется место и для нее: на подножке вагона с провиантом и боеприпасами, идущего в сторону фронта. Поэтому армейское командование считало, что после смены фасада власти „инцидент исчерпан“. Но был ли он исчерпан для страны? Для трудящихся масс? Для них все было наоборот: революцию совершали не для того, чтобы она служила войне; наоборот, война должна была служить революции. Но это могло произойти только в одном случае: если бы революция не ограничилась сменой фасада»¹¹¹¹.

Первую попытку «смены фасада» сделал начштаба Верховного главнокомандующего ген. М. Алексеев, настаивавший на отречении Николая II, при этом, как и весь высший командный состав, выступавший за сохранение династического принципа. Ген. М. Бонч-Бруевич по этому поводу замечал: «Легковерные люди, мы полагали, что до-

статочно заменить последнего царя кем-либо из его многочисленных родственников, хотя бы тем же вл. князем Михаилом Александровичем... — и династия обретет былую силу»¹¹¹².

Вторая попытка генералов остановить революцию носила спонтанно-бонапартистский характер. Но и она закончилась не просто провалом, а привела к прямо противоположным результатам. А. Деникин уже в эмиграции оправдывал Л. Корнилова тем, что он «суровый, честный воин, увлекаемый глубоким патриотизмом, неискушенный в политике и плохо разбирающийся в людях, с отчаянием в душе и с горячим желанием жертвенного подвига, загипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщим томительным, нервным ожиданием чьего-то пришествия, — [он] искренне уверовал в провиденциальность своего назначения»¹¹¹³. Корнилову, дополнял Н. Головин, «были присущи недостатки, свойственные русскому даже образованному офицеру. Авторитарический режим не развивал широкого понимания общественной жизни вообще, а тем более в офицерской среде. Он воспитывал преувеличенную веру в то, что всякое проявление социальной жизни всецело может быть направлено в желательном направлении одним только приказом сверху, поддержанным силой. То, что в современных условиях социальной жизни приходится считаться со стремлениями самих масс, не укладывалось в рамки вышеуказанного упрощенного мировоззрения»¹¹¹⁴.

Характеризуя самого Деникина, Н. Головин указывал, что тот «действова[л] всегда в воображаемой им обстановке и счита[л], что учет реальности жизни является изменой своим идеалам»¹¹¹⁵. Деникин оказался наиболее активным сторонником июльского наступления, относительно которого Головин замечал: «Первый раз офицерство вовлеклось в июльское наступление, «представлявшее собою стратегическую авантюру». Во время корниловского выступления офицерство было вовлечено во вторую авантюру, это была политическая авантюра. «Первая авантюра озлобила солдат против офицеров. Вторая сделала их врагами. В этом отношении ген. Корнилов вместе с Керенским играли в руку своего общего врага — большевиков, окончательно расчлняя русскую армию на две

враждебные части, которые впоследствии будут называться одна Белой, а другая Красной армией»¹¹¹⁶.

Очевидно, не случайно, что именно Алексеев, Корнилов и Деникин возглавят третью попытку остановить революцию — они станут создателями и руководителями Белой — Добровольческой армии, положив тем самым начало гражданской войне. Но результат их деятельности окажется еще трагичней, чем в первых двух: в период гражданской войны они «несомненно руководствовались уроками неудач 1917 года. И тем не менее их тактика, выведенная из этих уроков, — по словам П. Милюкова, — кончилась в свою очередь катастрофой конца 1920 года»¹¹¹⁷.

Большевики

Как это ни покажется странным, но все социалистические партии, без исключения, в то время выступали с чисто буржуазными программами. Не случайно в 1917 году С. Булгаков критиковал социализм за «буржуазность»: «Он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм наизусть»¹¹¹⁸. В 1917 году П. Милюков отмечал: «Теперь, как и в 1905 году, *общее мнение левых было, что в России переворот должен начаться с буржуазной революции*. Социалисты принципиально не хотели брать власти с самого начала, оставляя это для следующей „стадии“»¹¹¹⁹.

И в этом не было ничего удивительного, поскольку социалисты следовали строго в русле своего учения, основоположник которого К. Маркс утверждал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹¹²⁰. Если общество попало на след естественного закона своего развития, продолжал Маркс, то оно не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Оно может лишь сократить и смягчить муки родов.

И российские социал-демократы, отмечал лидер эсеров В. Чернов, «еще не разделившиеся на большевиков и меньшевиков, исходили из ортодоксального марксизма. Они считали, что историческая эволюция России будет проходить так же, как в странах Западной Европы, путем развития капитализма... Поэтому цель приближавшейся русской революции... заключалась всего-навсего в создании условий для ускоренного развития капитализма, в ликвидации докапиталистических пережитков, рабского принудительного труда и политического абсолютизма, тормозившего инициативу и активность народа. После падения самодержавия к власти должна была прийти буржуазия». Пролетариат на этот период «должен был вооружиться терпением и сначала помочь буржуазии», а «в обмен на поддержку получить от буржуазной революции полную свободу для собственных организаций, как политических, так и тред-юнионистских, право участвовать в решении вопросов государственной важности...»¹¹²¹

Раскол социал-демократов произошел на II съезде в 1903 году. Причина заключалась в отходе большевиков от традиционных, западнических представлений социал-демократии. Свои взгляды В. Ленин изложил в 1905 году в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», где указал на то, что особенности России не позволят осуществить в ней буржуазную революцию западного типа, и в связи с этим обосновал единственно возможный для России вариант **пролетарской буржуазной революции**. Основные доводы Ленина в изложении Чернова сводились к следующему:

«Первым подводным камнем, на который напоролась Россия, оказался аграрный вопрос. Социал-демократы считали... что сельские помещики превратятся в современных крупных землевладельцев, создателей высокопродуктивных „фабрик зерна“. После этого в деревне произойдет размежевание: меньшинство крестьян станет мелкими собственниками, а большинство — безземельными пролетариями, аграрной ветвью промышленного рабочего класса. Но по мере развития событий контуры приближавшейся аграрной революции становились более отчетливыми. Все трудовое крестьянство стремилось получить в собственность землю тех, кто не обрабатывал ее собственными руками, в то время как находив-

шийся в зачаточном состоянии сельскохозяйственный пролетариат стремился вернуться в прежнее мелкобуржуазное состояние за счет получения своей части поделенных помещичьих земель»¹¹²².

Причина этого явления, по мнению видного экономиста-аграрника начала XX века П. Маслова, заключалась в том, что «новые (капиталистические) формы должны прежде всего разрядить сельскохозяйственное население, а это разряжение *при медленном развитии индустрии* выражается в голодовках. Но мелкое хозяйство предохраняет от абсолютной голодовки и дает возможность хотя бы несытого существования...»¹¹²³

«Вторым подводным камнем стало политическое поведение буржуазии. Чем дальше страна находилась от Западной Европы, тем трусливее был ее средний класс. Он боялся самодержавия, но еще сильнее боялся рабочего движения, которому нисколько не доверял»¹¹²⁴. Причина этого, по мнению Чернова, крылась в том, что «в России сильнее всего развивались именно разрушительные, хищнические аспекты капитализма, а созидательные, наоборот, тормозились. Это сопровождалось катастрофическим ростом „охлоса“, огромной массы бродяг, лишенных корней...»¹¹²⁵

«Раскол между большевиками и меньшевиками произошел из-за решительной попытки первых учесть две особенности российской реальности, не предусмотренные марксистской доктриной. До войны большевизм придерживался классической социал-демократической догмы о том, что русская революция... будет всего лишь буржуазно-демократическ[ой]... Но российская буржуазия была антидемократичной... **Следовательно, буржуазную революцию нужно было совершить против самой буржуазии**, и сделать это должен был пролетариат. Поскольку буржуазия оказалась ненадежным союзником, заменить ее в этом качестве должно было крестьянство. **„Буржуазная революция силами рабочих и крестьян при нейтрализации ненадежной буржуазии — таков главный тезис большевистской тактики“**, — заявлял Ленин. **В крайнем случае была возможна совместная диктатура**

рабочих и крестьян, но целью такой диктатуры являлась бы не социалистическая революция, а лишь максимально полное осуществление целей буржуазно-демократической революции»¹¹²⁶.

«Меньшевики отказались поддержать этот тезис Ленина, сочтя его политической авантюрой. С их точки зрения, социалистическая партия, пришедшая к власти в стране, не готовой к социализму, была обречена на провал. Наличие всей полноты власти и в то же время ограничение ее проведением либерально-буржуазных реформ вопиюще противоречило принципам социализма; как бы ни объяснялось это противоречие исторически, массы, не искушенные в ученых доктринах, такого объяснения не поняли бы. Социал-демократы либо разочаровали бы эти массы и оказались в изоляции, не порадовав никого и огорчив всех, либо под нажимом масс зашли бы дальше, чем позволял беспристрастный анализ исторических возможностей, и начали фантастический социальный эксперимент, заранее обреченный на неудачу. Это означало бы политическое банкротство и предательство собственной программы. Большевики, — отмечал Чернов, — прекрасно понимали силу этого аргумента, который сами часто повторяли во времена верности „классическому“ марксизму»¹¹²⁷.

И большевики мыслили свою революцию именно как буржуазно-демократическую. Этот путь развития был избран как стратегический на III съезде в Лондоне (первом чисто большевистском), где вместе с полной победой «демократической рабоче-крестьянской диктатуры», установленной в результате успешного вооруженного восстания, которое «низвергнет самодержавие с его дворянством и чиновничеством», *целью революции выдвигалось установление буржуазно-демократической республики с объединенным социал-демократическим Временным правительством во главе*¹¹²⁸.

Более конкретные формы идеи, изложенные в «Двух тактиках...», приобрели в работе «Апрельские тезисы», написанной В. Лениным, который (за исключением нескольких дней в 1905 году) 17 лет не был в России, в апреле 1917 года

по дороге из эмиграции в Петроград. «Апрельские тезисы» учитывали текущую ситуацию мировой войны и свершившейся буржуазной революции и требовали захвата власти пролетариатом, окончания империалистической войны, национализации всех земель, немедленного слияния «всех банков страны в один общенациональный банк и введения контроля над ним со стороны С. Р. Д», «Пока — не *введение социализма*, а только переход к контролю со стороны Совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов...»¹¹²⁹

Лидер меньшевиков Г. Плеханов обозвал тезисы В. И. Ленина «бредом», представляющим собой «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле»¹¹³⁰. На другой день после опубликования тезисов, 8 апреля, на заседании Петроградского комитета большевиков Ленин оказался в полной изоляции. Его речь, по словам В. Чернова, «вызвала всеобщую оторопь», старый большевик Гольденберг заявил: «„Новое слово Ленина является переложением старой истории примитивного анархизма. Ленина — социал-демократа, Ленина — марксиста, вождя нашей боевой социал-демократии больше нет!“». Другой большевик, представитель левой фракции „Вперед“ Богданов... вышел из себя и крикнул, что речь Ленина — это бред сумасшедшего»¹¹³¹. Их поддержал редактор «Известий» Стеклов (Нахамкес). Н. Суханов назвал эту программу «разудалой левизной, бесшабашным радикализмом, примитивной демагогией, не сдерживаемой ни наукой, ни здравым смыслом»¹¹³². Отпор был такой, что Ленин покинул зал, даже не используя свое право на ответ¹¹³³. Против тезисов было подано 13 голосов, за — 2, воздержался — 1.

Однако состоявшаяся 18 (24–29) апреля Петроградская городская и VII Всероссийская конференция большевиков приняли резолюции, в основе которых лежали положения «Апрельских тезисов». В мае в России появляется меньшевик Троцкий, который, несмотря на свои разногласия с Лениным, сразу встает на его сторону. И не он один: с февраля по октябрь 1917 года большевистская партия, в то время, когда все остальные партии стремительно распадались, наоборот, увеличила количество своих членов в 15 раз, достигнув к на-

чалу социалистической революции численности в 350 тыс. человек!

Н. Бердяев в этой связи еще в 1907 году в книге «Духовный кризис интеллигенции» «довольно точно предсказал, что когда в России настанет час настоящей революции, то победят большевики»¹¹³⁴. Причина этого, по словам Н. Бердяева, заключалась в том, что у большевиков «революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма. Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности... Марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики»¹¹³⁵.

Причина успеха большевиков крылась не столько в верном определении основных движущих сил русской революции — до Ленина к подобным выводам приходили и Столыпин, и Витте, и Дурново, и многие другие, — сколько в том, что большевики были единственной политической силой, которая решилась последовать за ними на практике. Они пошли за стихийным, разрушительным движением масс, что позволило им встать во главе этой стихии и повести ее за собой.

Как это происходило на практике? Ответ давали впечатления многочисленных современников событий. В. Войтинский: речи Ленина звучали «с каким-то презрением к здравому смыслу слушателей, уверенностью, что их можно убедить в чем угодно, лишь бы попасть в тон их тайных желаний»¹¹³⁶. П. Милюков: «На сложные рассуждения меньшевиков большевики по-прежнему отвечали демагогическими призывами к примитивным инстинктам масс»¹¹³⁷. Кадетская печать: «Секрет успеха большевиков — в демагогии... большевики проявили в этом отношении отчаянную смелость и полнейшее бесстыдство»¹¹³⁸; «Большевики отбросили, как сентиментальную глупость, всякие попытки руководить темной массой и вести ее к лучшему социально-политическому строю, а весело, с присвистом и гиканьем стали в первых рядах, чтобы идти туда, куда подтолкнет напор этой массы...»¹¹³⁹

Большевики настолько срослись со стихией, что их противники уже не могли отличить одних от других, и почти каждое стихийное выступление начинали считать большевист-

ским. И здесь дело было не только в том, что последние стали воплощением стихии, но и в том, что это было выгодно и удобно, поскольку снимало с правящих партий всю ответственность за развал страны и перекладывало ее на большевиков.

Успеху большевиков способствовало то, отмечал Деникин, что ни Советы, ни Временное правительство «не отражали в надлежащей мере настроения народной массы, от имени которой говорили и которая, изображая первоначально зрительный зал, рукоплескала лицедеям, затрагивавшим ее наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки инертный ранее народ, в частности армия, обратились „в стихию расплавленных революцией масс...“» Эти массы, «как только революция втянула их в свое движение, знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях и плевали на то, осуществимы ли и общественно полезны или нет их требования»¹¹⁴⁰. «В этом заключался весь трагизм положения правительства Керенского и Совета, — продолжал Деникин. — Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и к родине, и к революции, и к Интернационалу и не собиралась ни за одну из этих ценностей проливать свою кровь и жертвовать своей жизнью. Толпа шла за реальными обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинктам»¹¹⁴¹.

Большевистская пропаганда потворствовала стихии, но не она создала и подняла ее, и перед этой стихией оказались бессильны все политические и даже военные силы страны. Они ничего не могли предложить, кроме «благих пожеланий», «пустословия и иссушающей мозг словесной одури»¹¹⁴² или оголенного насилия, окончательно разрушавших страну. Большевики шли за стихией, но **в этом стихийном поведении масс**, приходил к выводу уже в эмиграции П. Милюков, **«инертных, невежественных, забытых, сказалась коллективная народная мудрость»**¹¹⁴³. **Мудрость, которую можно было выразить словами: так больше жить нельзя.**

Кто то должен был указать этой массе выход в новое будущее, организовать бушующую стихию и повести ее за

собой. Единственной партией, способной на это, оказались большевики. Говорят, что «большевицкая диктатура есть режим насилия меньшинства над большинством. Это неверно... — отмечал в этой связи один из меньшевицких лидеров А. Мартынов. — Именно потому, что большевики глубоко опускали свой якорь в народную стихию, они нащупали в глубине ее такую гранитную опору для своей власти, какую совершенно бессильна была найти дряблая интеллигентская демократия в эпоху Керенского. *Если бы судить о России по этой эпохе, то можно было бы прийти в отчаяние, можно было бы подумать, что вся Россия есть сплошная Обломовка и что рыхлость и безволие есть национальная черта русского народа.* Заслуга большевиков заключалась, между прочим, в том, что они рассеяли это ложное представление о России: они показали, что в ней есть такие социальные пласты, которые более похожи на твердый, хотя и неотесанный гранит, чем на мягкое тесто...»¹¹⁴⁴

При этом у возглавивших разрушительную стихию большевиков вдруг совершенно отчетливо проявилось доминирование созидательных мотивов. Эту данность наглядно продемонстрировало их отношение к взятой им власти.

Что досталось большевикам в результате революции? «Их бедой была победа — за ней открылась пустота», — отвечал Н. Коржавин¹¹⁴⁵. Прежние власти исчерпали все имевшиеся ресурсы: в стране не было ни денег, ни хлеба, на фронте невоюющая армия, в тылу голодающая деревня и умирающая промышленность с обвально растущей безработицей, и это во время мировой войны! А большевики не имели даже никаких внятных идей, кроме обрывков своих марксистских программ, основанных на опыте Парижской коммуны: «полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего» и ««экспроприацией экспроприаторов», то есть переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность»¹¹⁴⁶.

Мало того, они совсем не имели опыта управления государствам, отмечал последний военный министр Временного правительства А. Верховский 3 ноября 1917 года:

«Сегодня говорил с несколькими делегатами, прибывшими только что из переизбранного армейского комитета. Все большевики. Говоря о происшедшем, я указал им на главную опасность, по моему мнению, от захвата власти большевиками — это переход управления в руки людей, совершенно незнакомых с делом. От незнания могут быть сделаны ошибки непоправимые. Не зная меня, не зная, с кем говорят, они ответили фразой, отражающей, как мне кажется, настроение широких масс: **„Нас восемь месяцев водили за нос знающие, но так ничего и не сделали. Теперь попробуем сами своими рабочими руками свое дело сделать; плохо ли, хорошо, а как-нибудь выйдет“**. В этом сказалась вся темнота народная, с одной стороны, неумение понять происходящее, всю объективную невозможность что-либо сделать в обстановке разрухи, оставленной нам в наследство, а с другой — **весь ужас потери веры народом в кого бы то ни было, если люди решаются взяться за дело, в котором, они сами чувствуют, ничего не понимают**»¹¹⁴⁷.

В этих условиях, «после захвата власти большевиками, — отмечают Е. Гайдар и В. Мау, — марксистская доктрина претерпевает разительные превращения. Большевики как жесткие прагматики, не желающие повторить трагическую судьбу якобинцев, идут на любые политические шаги, чтобы удержать политическую власть. Позиции меняются быстро, подчас на противоположные»¹¹⁴⁸. Большевики удивительно быстро адаптировали свою идеологию к изменившейся к политической и экономической ситуации.

В. Ленин объяснял высокую способность своей партии к эволюции особенностью марксистского учения: «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать на счет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется... Не вдаваясь в утопии, Маркс от опыта массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как

господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным „завоеванием демократии“»¹¹⁴⁹.

При этом Маркс, отмечал Ленин, совершенно четко указывал: **«Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...»**¹¹⁵⁰ «Неужели не ясно, — пояснял свою мысль Ленин, — что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще и в преддверии социализма не находимся»¹¹⁵¹. «Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану... — дополнял один из классиков социализма К. Каутский, — У нас нет готовых утопий, которые можно воплотить всенародным решением»¹¹⁵².

Принципы новой большевистской политики Ленин изложил 11 марта 1918 года в работе «Главная задача наших дней»: «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму»... «Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем, прежде всего, конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем последнее слово современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной *юнкерско-буржуазному империализму*. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского — тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, то есть пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм»¹¹⁵³. «Социализм, — пояснял свою мысль В. Ленин еще в сентябре 1917 года, — есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: **социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа** и постольку **переставшая** быть капиталистической монополией»¹¹⁵⁴.

Политика ленинского «военного коммунизма» неоднократно критиковалась другими социалистами именно за ее несоответствие идеологии. Левые коммунисты уже в 1918 году резко отрицательно восприняли ленинскую концепцию государственного капитализма, протестовали против механического применения опыта кайзеровской Германии или дореволюционной России, утверждая, что это является отказом от типа управляющего с низов «государства-коммуны»¹¹⁵⁵. При этом часть близких к большевикам социалистов — В. Базаров, А. Богданов и другие — заявляли о полной противоположности идеологии «военного коммунизма» задачам построения планомерного социалистического общества¹¹⁵⁶.

Но Ленин был непреклонен: «Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма — с другой стороны. Если в Германии революция еще медлит „разродиться“, наша задача — *учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью*, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов...»¹¹⁵⁷

Социализм Ленина образца 1918 года базировался на опыте «военного социализма» немцев, являвшегося лишь формой мобилизационной политики Германии во время мировой войны. Но большевики воспринимали ее как инструмент построения социализма, что можно отнести на счет только их полной неопытности в деле управления государством. *Ленинская модель 1918 года была не чем иным, как вариантом жесткой мобилизационной политики, адаптированной к текущим условиям, в которых находилась Россия.*

Историк и мыслитель Л. Карсавин уже из эмиграции в этой связи замечал: «Тысячи наивных коммунистов...

искренне верили в то, что, закрывая рынки и „уничтожая капитал“, они вводят социализм... Но разве нет непрерывной связи этой политики с экономическими мерами последних царских министров, с программой того же Риттиха? Возможно ли было в стране с бегущей по всем дорогам армией, с разрушающимся транспортом... спасти города от абсолютного голода иначе как реквизируя и распределяя, грабя банки, магазины, рынки, прекращая свободную торговлю? Даже этими героическими средствами достигалось спасение от голодной смерти только части городского населения и вместе с ним правительственного аппарата — другая часть вымирала. И можно ли было заставить работать необходимый для всей этой политики аппарат — матросов, красноармейцев, юнцов-революционеров — иначе как с помощью понятных и давно знакомых им по социалистической пропаганде лозунгов?.. **Коммунистическая идеология оказалась полезной этикеткой для жестокой необходимости...** И немудрено, что, плывя по течению, большевики воображали, будто вводят коммунизм»¹¹⁵⁸.

Мобилизационный характер большевистской программы подчеркивало и изменение ее целей, которые оказались совершенно неожиданными для традиционных марксистов. В. Ленин сформулировал их в той же программной статье «Главная задача наших дней», где не раз упоминая о «международной социалистической революции» как о высшей цели; вместе с тем, отмечает В. Кожин, он, по сути дела, вступая в противоречие с этой постановкой вопроса, так определял «главную задачу»: «Добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь... стала в полном смысле слова могучей и обильной... У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил... чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»¹¹⁵⁹.

«Интернациональный марксизм все больше превращается в русский ленинизм», — отмечал в этой связи Г. Уэллс¹¹⁶⁰. В. Ленин обосновывал свой отход от идеи мировой революции тем, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»¹¹⁶¹. «Из этого тезиса, — по словам Е. Гайдара и В. Мау, — он делал

вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих, но и даже в одной отдельно взятой стране, тем самым дополняя проблему догоняющего развития социальным аспектом»¹¹⁶².

Но идеи мало было просто продекларировать, их нужно было воплотить. И здесь у большевиков проявилась еще одна черта, коренным образом отличавшая их, по словам видного эсера Б. Соколова, от представителей всех остальных политических партий России: «Вопрос, который я себе не раз ставил, — это откуда, из каких недр родился русский коммунист. Ведь это в большинстве выходцы из серой пассивной массы, безразлично настроенной и, однако, сколь они активны и упорны. Ибо этих качеств от русских коммунистов отнять нельзя. Удивительнейшим биологическим отбором были они выдвинуты на арену русской жизни, *возобновив давно ушедшие времена русского раскола, столь же отмеченного своей активностью и своим фанатизмом*»¹¹⁶³. Американский представитель Робинс, в свою очередь, отмечал: «Троцкий и Ленин... Любопытное тевтонское влияние. Ничего похожего на всех прежних лидеров»¹¹⁶⁴.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ СОЦИАЛИЗМА

До революции звать к массам было бесполезно. Никакого патриотизма у них не осталось. Бедность и рабство, перешедшие всякие пределы, убили в них любовь к отечеству. В этой стране просто нечего было защищать. Даже жупел вражеского завоевания никого не пугал. Терять нечего. Хуже все равно не будет. Теперь задача революции заключалась в том, чтобы вдохнуть новое содержание в голую форму объявленной свободы и внутри этой формы создать ценности, которые народ стал бы защищать, не жалея собственной крови.

*В. Чернов*¹¹⁶⁵

Радикальная смена экономических принципов хозяйствования требует не только изменения политических форм

их организации, но и принятия нового, соответствующего морально-нравственного обоснования, рамки которого задавала религия. При этом, как замечал А. Берс, «религия народа... есть только зеркало его физической и духовной жизни, с изменением которой обязательно должна меняться и сама религия»¹¹⁶⁶. Переход от феодализма к капитализму в Западной Европе был тому наглядным примером.

В своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма», посвященной данному переходу, М. Вебер приходил к выводу, что капитализму для его утверждения и распространения требовалось прежде всего получить соответствующее общественное признание. Оно было необходимо, поскольку, утверждал М. Вебер, *критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа*. Решение этой задачи взял на себя кальвинизм, который во время протестантской реформации, в XVI веке, предложил систему моральных взглядов, соответствовавшую нуждам торгового капитализма. В их основе лежала все та же католическая идея о спасении избранных¹¹⁶⁷, отличие протестантизма состояло в том, что он даровал это спасение не после смерти в чистилище, а при жизни и на земле. Для внедрения этих идей, по словам М. Вебера, «действовала вся мощь *ветхозаветного Бога*, который награждал своих избранных за их благочестие еще в *этой жизни*»¹¹⁶⁸.

Детерминизм неизбежно ставил любого верующего перед сакральным вопросом о его собственной избранности и способах удостовериться в ней. «Повсюду, где господствовало учение о предопределении, — отмечал Вебер, — обязательно вставал вопрос о существовании верных признаков, указывающих на принадлежность к кругу „electi“»¹¹⁶⁹. Для решения этой проблемы протестантизм выработал идею, что «Бог, создавая мир, и в социальном устройстве желал объективной целесообразности, как одного из путей приумножения славы своей». Отсюда проистекает, что «„the good of the money“ следует ставить выше „личного“ или „частного“ блага отдельных людей»¹¹⁷⁰. Благодаря взаимосвязи труда и спасения постепенно устанавливалась параллель между немногими богатыми и немногими избранными, при которой *богатство само*

по себе становилось критерием избранности, независимо от способа распоряжения этим богатством. Аскетизм сходил на нет. «Полная интенсивной религиозной жизни эпоха XVII века... завещала... безупречную чистую совесть... сопутствующую наживе»¹¹⁷¹.

«Во всех странах одинаково — в Голландии, в Америке, в Шотландии и в самой Женеве — социальная теория кальвинизма прошла тот же процесс развития. **Она началась как опора авторитарной регламентации. И она стала главным двигателем почти утилитарного индивидуализма.** Если социальные реформаторы XVI века могли славить Кальвина за жестокость устанавливаемого им экономического режима, то в период реставрации в Англии их наследники либо порицали его как отца вседозволенности в экономической жизни, либо превозносили кальвинистские общины за дух предпринимательства и свободу от древних предрассудков в области экономической нравственности»¹¹⁷².

Протестантская реформация в Европе осуществлялась вполне революционными мерами. Например, в Англии тех, кто сопротивлялся смене католицизма на англиканский протестантизм, просто сжигали на кострах как еретиков, во времена Генриха VIII, десятками тысяч. Множество храмов и аббатств были разграблены и разрушены, а их камни использованы для строительства дворцов новой знати. Церковные и монастырские земли, ценное имущество были конфискованы в пользу короля или розданы его фаворитам. Но это были только первые шаги, за религиозной начнется почти столетняя светская реформация, которая прольет еще больше крови.

Протестантизм был нужен капитализму для религиозного оправдания наживы, которого не давало Евангелие. Но скоро, по мере развития капитализма, пеленки протестантизма стали ему тесны. «Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения, — объяснял М. Вебер, — и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще ощутимо) такую

же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. „Мировоззрение“ теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Однако все это — явления той эпохи, когда капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору»¹¹⁷³.

Уже в 1812 году, отмечал немецкий философ В. Шубарт, «когда Лаплас послал свою „Небесную механику“ Наполеону... он сопровождал ее гордым замечанием, что его система делает излишней гипотезу о Боге. Это то, к чему, в конечном счете, неудержимо стремилось европейское развитие с XVI века: сделать Бога ненужным. Уже Декарт охотно обошелся бы без Него, что справедливо подчеркивал Паскаль. Самому стать богом — вот тайное стремление западного человека, то есть повторить творческий жест Бога, заново перестроить мир на принципах человеческого разума и избегнув при этом ошибок, допущенных Божественным Творцом. „Если бы боги существовали, как бы я вынес то, что я — не бог? Значит, богов нет“. В этих словах Ницше выболтал тайну Европы»¹¹⁷⁴.

«Современность так спокойна в своем атеизме, что в спорах о Боге уже нет необходимости», — констатировал немецкий философ Ф. Маутнер накануне Первой мировой войны¹¹⁷⁵. «Что касается современного капитализма, — подтверждал в 1925 году Дж. Кейнс, — то он совершенно нерелигиозен. Он не имеет внутреннего единства, как и сильного общественного духа; чаще всего — хотя и не всегда — это просто масса людей, имеющих собственность и алчущих ее. *Подобная система, чтобы выжить, должна развиваться не умеренно, а по нарастающей*»¹¹⁷⁶.

Движение по нарастающей связано с захватом новых рынков, снижением издержек и ростом социального неравенства, не случайно уже с середины XIX века основатели политэкономии начинают говорить о «расе рабочих», а премьер-министр Англии Б. Дизраэли — о «расе богатых» и «расе бедных». И тут капитализму для сохранения его устойчивости потребовалось новое светское моральное обоснование. Именно об-

щественная потребность в соответствующей моральной базе подтолкнула кальвинизм в условиях просвещенного XIX века к эволюционированию и поиску новых путей развития.

Например, Г. Спенсер распространил на общество дарвинистскую теорию «естественного отбора», биологически обосновывая социальное неравенство, трудности существования и гибель нижних слоев населения. Он считал, как и Дж. Ст. Милль, что преобразование капитализма возможно лишь в результате компромисса между различными социальными группами в отдаленном будущем. Идеи Спенсера, как и других родоначальников позитивизма, оказали значительное влияние на современников. Дальнейшая эволюция этих идей привела к появлению прагматизма, понятие которого ввел американец Ч. Пирс. Он связал его с предложенным И. Кантом понятием «прагматическая вера». Критерием ее правильности является практический успех. Радикальный подход Пирса к определению своего термина привел к тому, что под давлением критики он был вынужден в 1905 году отказаться от него.

Новый путь нашелся в конце XVIII века, в период буржуазной революции во Франции, когда Д. де Траси и Э. де Кондильяк ввели понятие идеологии как обобщающей первоосновы морали, политики и права. Идея идеологии созревала начиная еще с эпохи Просвещения в трудах мыслителей Западной Европы и Америки, которые сформулировали основные постулаты *либеральной идеологии, ставшей прямой, секулярной наследницей протестантизма*. Немецкий философ середины XX века П. Тиллих не случайно называл идеологии квазирелигиями¹¹⁷⁷.

За век до этого де Токвиль отмечал: «Французская революция является политической революцией, употребившей приемы и, в известном отношении, принявшему вид революции религиозной... Она проникает на далекие расстояния, она распространяется посредством проповеди и горячей пропаганды, она воспламеняет страсти, каких до

того времени никогда не могли вызвать самые сильные политические революции... Она сама стала чем-то вроде новой религии, не имевшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но тем не менее наводнившей землю своими солдатами, своими апостолами и мучениками»¹¹⁷⁸.

Представление о трансформации понятия морали в либеральной идеологии дают работы И. Канта, в которых немецкий философ пытался обосновать смысл жизни, построив его на рационалистическом морализме. Он утвердил религиозную мораль, недоказуемую теоретически, постулатом «практического разума», необходимой предпосылкой нравственности. При этом Кант лишил мораль характера учения и возвел ее в законодательный ранг, подчинив мораль долгу, делая его категорическим императивом. Г. Гегель назвал моралью субъективное понятие права. Мораль и право по Гегелю образуют нравственность. Ф. Ницше вообще уничтожил понятие морали: «Мораль — полезная ошибка... ложь осознанная, как необходимость». «Мораль — это зверинец; предпосылка ее та, что железные прутья могут быть полезнее, чем свобода...» «Возражение против Дарвинизма. Средство слабых, необходимые для того, чтобы удержать власть...»¹¹⁷⁹ Авторы современного варианта библии либеральной экономики К. Макконнелл и С. Брю констатируют полное исчезновение морали: ***«рыночная система — это бесстрастный механизм. Она не имеет совести, не приспособливается к моральным нормам...»***¹¹⁸⁰

Мораль либерализм заменил римским правом, которое неожиданно воскресло в начале XVI века, вместе с первым пробуждением капитализма. «Ни один из больших народов западной Европы в их сегодняшнем обличье не представим вне римского влияния», — отмечал В. Шубарт. — «Римский дух оказал наибольшее влияние на постготическую эпоху в Европе через *римское право*. Наряду с Реформацией и Ренессансом рецепция римского права была третьим большим культурным процессом, в котором заметен поворот в мироощущении Запада»¹¹⁸¹. «Римское право вытеснило товарищеские права готики не потому, что оно юридически превосходило их, а

потому, что это было право материально сильного, это было властное право»¹¹⁸².

Один из апостолов либерализма Ф. Хайек разъяснял эту мысль, указывая, что само понятие римского права ведет к социальному неравенству: «формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства... основанны[ми] на идее справедливого распределения, [они] однозначно вед[ут] к разрушению правозаконности... Никто не будет отрицать, что правозаконность ведет к экономическому неравенству...»¹¹⁸³

Усиление государства на фоне ослабления морали к тридцатым годам XX века, по словам В. Шубарта, привела к тому, что «в новой Европе все больше утверждалась римская идея о государстве принуждения, покоящемся не на всеобщем чувстве солидарности, а на страхе перед наказанием, не на свободе, а на насилии...» «От Канта через Гегеля ведет прямая дорога к тотальному государству современности, которое есть не что иное, как тотальность нормирования, коллективная попытка искоренить изначальный страх»¹¹⁸⁴. Крупнейший историк Запада А. Тойнби указывал в этой связи на замещении христианства культом Левиафана (так назвал буржуазное государство Гоббс): «В западном мире, в конце концов, последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту»¹¹⁸⁵.

В поисках выхода из тупика, в который зашла европейская цивилизация, В. Шубарт в 1939 году обращал свои взгляды на Россию: «Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее, поскольку во всей совокупности жизненно важных вопросов придерживается установки, противоположной той, которую занимают европейские народы»¹¹⁸⁶. Еще раньше, в 1925 году, Дж. Кейнс отмечал: «Россия никогда не будет представлять для нас серьезного интереса, если она не станет моральной силой»¹¹⁸⁷.

Православие

Именно религиозные распри погубят русскую империю; вы завидуете силе нашей веры оттого, что судите о нас понаслышке!!!¹¹⁸⁸

Церковь в России имела совершенно особое значение, она являлась одним из столпов власти, о чем говорила формула «самодержавие, православие, народность». Именно вековая связь между церковью и государством, справедливо отмечал П. Столыпин, «дала жизнь нашему государству и принесла ему неоценимые услуги»¹¹⁸⁹. Какое впечатление производила русская церковь на иностранцев впервые столкнувшихся с нею?

Р. Чанселлор, в середине XVI века: «Они соблюдают законы греческой церкви с таким рвением, подобного которому и не слыхивали. В их церквях нет идолов, только нарисованные иконы, чтобы не нарушать десять заповедей, но к своим нарисованным идолам они относятся с таким поклонением, подобного которому никогда не знали в Англии»¹¹⁹⁰.

Дж. Флетчер, в конце XVI века: «Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться... за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему цари, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, повторяют ему чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его»¹¹⁹¹.

Религиозная реформация в России началась почти одновременно с европейской, но... происходила в прямо противоположном направлении. Реформы проводились в 1650–1660 годах под руководством патриарха Никона, которому во

время польско-литовских походов на утверждение поступали важнейшие государственные дела, его имя ставилось на месте царского: «Святейший патриарх указал, и бояре приговорили»¹¹⁹². Власть была заинтересована в реформе церкви, поскольку, как и во времена введения христианства на Руси, в середине XVII века с присоединением Малороссии (находившейся в церковной юрисдикции Константинопольского престола¹¹⁹³) потребность в консолидирующей силе церкви вспыхнула вновь. В качестве инструмента сближения русской и украинской церковью была использована унификация русской и греческой церковей.

Но была и еще одна более значимая причина для церковных реформ — в эти годы происходило окончательное формирование абсолютизма и крепостного права, утвержденных в 1649 году принятием Соборного уложения. Но уже в 1650 году вспыхнул бунт, в подавлении которого «проклятиями и увещаниями» принял активное участие будущий патриарх Никон. Именно в этот год царь Алексей Михайлович обратил на него свое внимание. Причина заключалась в том, что введенное указами крепостное право противоречило существовавшим тогда традиционным моральным нормам. Для своей легитимизации в глазах крестьян оно требовало соответствующего нравственного освящения. ***Именно эту задачу — морально-го оправдания крепостного права — решала никоновская реформа.***

На первый взгляд, она затрагивала лишь обрядовую сторону вопроса. Но именно обряд в те времена всеобщей безграмотности и глухого невежества имел ключевое значение, поскольку наполнялся неким сокровенным смыслом. Это особенно наглядно проявилось в замене двоеперстия троеперстием. Смысл двоеперстия толковался как «я и Бог», троеперстие исключало человека и толковалось как триединство Бога^а. Исключение человека из веры полностью подчиняло его

а Бог отец, бог сын, бог дух святой.

воле Бога, превращая в послушного крепостного^а. А. де Кюстин спустя два века в этой связи напишет: «Нация, которой управляют по-христиански, возмутилась бы против такой общественной дисциплины, уничтожающей всякую личную свободу. Но здесь все влияние священника сводится к тому, чтобы добиваться и от простого народа, и от знати крестного знамения и преклонения колен»¹¹⁹⁴. Реформирование церкви осуществлялось жестокими репрессивными мерами и гонениями против старообрядцев.

Права сохранившихся старообрядцев до первой русской революции 1905 года были резко ограничены^б. Но не случайно именно старообрядчество, сохранявшее индивидуализм верующего, вытесненное из официальной жизни, имело возможность постепенно эволюционировать в русское общинное религиозное течение, отдававшее духом протестантизма — «купеческую веру» по С. Морозову. Из старообрядчества вышли многие известные русские промышленники: «Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Рахмановы, Солдатенковы, Носовы, Рогожины, Бугровы и не-

---

а В европейской церкви в то же самое время шли прямо противоположные процессы. Во-первых, церковь стимулировала уничтожение крепостного права, «в большинстве отпускных грамот мы встречаем: *pro redemptione animae* — ради искупления души» (Чаадаев П. Я... с. 58.). Во-вторых, протестантская «реформация» церкви способствовала развитию индивидуализма и самоутверждению человека как личности. Человек зависел только от себя, а не от Бога.

б Старообрядцы в начале XX века составляли до 10 % населения России. До 1883 года дети староверов считались незаконнорожденными... В 1905 году старообрядцам дали те же права, что католикам и лютеранам.

с В. Кожинов связывает все возрастающую склонность в работе с капиталом старообрядцев с тем, что она «стала „богоугодным“ делом», с вытеснением их из мирской жизни. (Кожинов В. В. О русском... с. 282–283). «Купеческая вера» — «русский протестантизм» отличался от западного тем, что промышленник работал не во славу бога, а в интересах развития своей общины, общества. Далеко не случайно, например, С. Морозов говорил о себе как об управляющем, организаторе производства, а не как о собственнике.

мало иных фамилий, представлявших цвет „Москвы купеческой“»¹¹⁹⁵.

Свои впечатления об официальной православной церкви в 1839 году передавал А. де Кюстин: «Я увидел в России христианскую церковь, которая не подвергается ничьим нападкам, которую все, по крайней мере внешне, чтят; все способствует этой церкви в отправлении ее духовной власти, и однако же она не имеет никакой силы в сердцах людей, порождая одно лишь ханжество да суеверие. Церковь эта мертва, и вместе с тем русской церкви недостает того же, чего недостает этой стране повсеместно, — свободы, без которой меркнет свет и отлетает дух жизни». *«Я не устаю повторять: революция в России будет тем ужаснее, что она свершится во имя религии»*¹¹⁹⁶.

До начала XX века православная церковь оставалась одним из наиболее консервативных институтов самодержавия, в условиях роста самосознания и развития капитализма проповедуя покорность и смирение времен крепостного права. Не случайно не только «по отношению к освободительному (антикрепостническому) движению, — отмечал в этой связи С. Булгаков, — но и к науке и искусству, ко всей области человеческого творчества у многих представителей теперешней церкви установилось принципиальное недоверие, смешанное с недоброжелательством»¹¹⁹⁷. Разрыв между церковью и обществом стремительно нарастал, и к началу пропитанного духом капитализма индустриального XX века православная русская церковь, живущая представлениями эпохи феодализма, фактически утратила свою главенствующую духовную роль. О деградации церкви говорили все ведущие мыслители того времени от либералов до консерваторов.

Крайне правый славянофил С. Шарапов: «Прекрасно оборудованная церковь стала одной из отраслей государства и потеряла всякую связь с душою народа, стала для него внешней силой. Народ привязан к ней только обрядностью, в огромной части обязательной. Звонят колокола, идут чинные службы, но дух церковности отлетел, но живого Христа церковь постепенно забывает. Верующие ходят слушать певчих,

говеть, даже молиться, но жизнь стала языческой, в жизни церковь потеряла всякое значение. Отсюда глубокая народная тоска, сознание пустоты, лжи и обмана и поразительная легкость всяких соблазнов и совращений»¹¹⁹⁸.

Даже такой славянофил, как И. Аксаков, прорицал: «Наша церковь кажется каким-то невообразимым бюро или канцелярией, в которой обязанность заниматься паствой Христовой увязывается со всеми традициями немецкого бюрократизма и одновременно со всей официальной, свойственной ему, ложью... Опору в обосновании православия ищут скорее в своде законов царского государства, нежели в Святом Духе. **Церковь**, которая есть не что иное, как часть государства, часть империи этого мира, изменяет своей миссии и разделит судьбу всех империй этого мира. Она **сама себя обрекает на бессилие и смерть**»¹¹⁹⁹.

Премьер-министр С. Витте: **«У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения — в службы не Богу, а земным богам**, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими. Япония нас победила потому, что она верит в своего бога несравненно более, чем мы в нашего. Это не афоризм или же настолько же афоризм, насколько верно то, „что Германия победила Францию в 1870 году своей школой...“»¹²⁰⁰

Лидер кадетов П. Милюков: «Факты окостенения веры и злоупотреблений церковного управления были настолько очевидны для всех, что в более умеренной форме эти взгляды проникали и в среду самих служителей церкви, а через них и в консервативные круги общества...»¹²⁰¹

Пришедший на смену К. Победоносцеву в 1905 году А. Оболенский предложил было провести реформы, направленные на демократизацию и расширение самоуправления церкви, вывод ее из-под монархической власти. Однако Николай II при поддержке Столыпина отказал, поскольку свобода церкви подрывала основы монархии и самого полufeодального государства. Столыпин предложил эволюционный путь

реформирования, начав с принятия законов о веротерпимости, свободы совести, постепенного отделения церкви от государства^а. Свою позицию Столыпин определил следующим образом: «Вступая в область верования, в область совести, правительство, скажу даже — государство, должно действовать крайне бережно, крайне осторожно»¹²⁰².

Однако, как отмечал Н. Бердяев, «официальная церковь заняла консервативную позицию в отношении к государству и социальной жизни и была рабски подчинена старому режиму... Церковной реформы и обновления церковной жизни творческими идеями XIX века и начала XX века не произошло. Официальная церковь жила в замкнутом мире, сила инерции была в ней огромна»¹²⁰³.

Пожалуй, наиболее точно состояние церкви передал крайне правый, панславист ген. Р. Фадеев в 1889 году: «Православная церковь требует духовенства по призванию, а не по ремеслу; *Россия не выйдет из нынешней духовной апатии без изменения существующего в церкви порядка...* Задача нынешнего поколения заключается в том, чтобы *создать орудие русской общественной жизни, посредством которого вопросы могли бы быть сдвинуты со временем*; орудие, без которого русское правительство, несмотря на свое несравненное и исключительно нравственное могущество, не может... пользоваться этим могуществом для блага России. *Сила без рычага остается отвлеченностью*»¹²⁰⁴.

Итог деятельности православной церкви в начале XX века подводил вл. князь Александр Михайлович: «*Официальное христианство*, обнаружившее свою несостоятельность в 1914 году, *прилагает все усилия к тому, чтобы превратить нас в „рабов Божьих“, приводя нас таким образом к фатализму*, который несет страшную ответственность за трагиче-

---

а Начало религиозным реформам дала первая русская революция и указы Николая II от 12.12.1904, 17.04.1905, 17.10.1905. Эти законы были во многом более прогрессивными и демократичными, чем аналогичные законодательства Швейцарии, Пруссии и Австрии (см. подробнее: Столыпин П. А. Речь о вероисповедальных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенная в Государственной Думе 22 мая 1909 года (Рыбас С... с. 344)).

ский конец России и ее династии»¹²⁰⁵. «Воинствующее безбожие коммунистической революции, — отмечал в этой связи Н. Бердяев, — объясняется не только состоянием сознания коммунистов, очень суженного и зависящего от разного рода *ressentiments*, но и историческими грехами православия, которое не выполняло своей миссии преобразования жизни, поддерживая строй, основанный на неправде и гнете. Христиане должны сознать свою вину, а не только обвинять противников христианства и посылать их в ад»¹²⁰⁶.

Большевизм

Для русской левой интеллигенции революция всегда была и религией, и философией, революционная идея была целостной. Этого не понимали более умеренные направления.

*Н. Бердяев*¹²⁰⁷

П. Чаадаев в 1831 году после возвращения из заграничного путешествия передавал ощущение предчувствия просвещенной нигилистической Европой появления в скором времени учения, «которое только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей... Всякое иное учение... не желает водворения царства Божьего на земле»¹²⁰⁸.

И это учение появилось, пятнадцать лет спустя, в виде марксистской идеологии — сочетавшей в себе как теологические, схоластические, так и материалистические, научные начала новой социально-экономической системы. Датский богослов С. Кьеркегор еще в первой половине XIX века предсказывал: «Коммунизм будет выдавать себя за движение политическое, но окажется, в конце концов, движением религиозным»¹²⁰⁹. Спустя сто лет А. Кестлер придет к тем же выводам, рассматривая марксизм как религию и сравнивая его с като-

лицизмом, а М. Ротбард указывал на марксизм как на «светскую религию»¹²¹⁰.

Но по-настоящему марксизм стал религией только в России, отмечал В. Шубарт: «Большевизм — это борьба *против* религии и, следовательно, борьба *за* религию. Он не опровергает, а как раз подтверждает то, что Россия призвана к всемирной христианской миссии. Православная церковь в ее дореволюционном виде была для этого уже непригодна... Ей не хватало действенной заботы о спасении душ...»¹²¹¹

В. Шубарт указывал на отличие самого русского духа от европейского: «русский... упорно пребывает в душевном состоянии верующего даже тогда, когда приобретает нерелигиозные убеждения. Его стремление к обожествлению столь сильно, что он расточает его на идолов, как только отказывается от Бога. Западная культура приходит к атеизму через обмирщение святого, а восточная — через освящение мирского»¹²¹². «Русский атеизм — это возмущение, а не равнодушие, восстание против Бога, а не отпадение от Него, обвинение и проклятье, а не увольнение слуги, переставшего быть необходимым. Русский атеист совершает религиозное действие, но в ложном направлении... Безбожие для русского — не душевный пробел, а позитивное убеждение. Он не перестает веровать, но верует в нечто новое. Он верует в безбожность и отстаивает эту веру с такой нетерпимостью и с такой фанатичной энергией, которые свойственны только религиям»¹²¹³.

«Европеец — атеист из эгоизма и очерствелости сердца. — утверждал В. Шубарт. — В своем „точечном“ чувстве он признает только себя. В своей самонадеянности он не терпит рядом с собой никаких богов. Русский становится атеистом из противоположных побуждений: из сострадания к твари земной. В своем вселенском чувстве он простирает взор далеко за пределы своего „я“. Он больше не может совместить избыток страданий, которые видит вокруг себя, с благостью Бога. Он уже не может справиться с проблемой нищеты... Европейцу такие настроения (*мессианство и богоборчество*) чужды.

Поэтому он обычно неверно судит о русском безбожии. Он его воспринимает или за нравственное вырождение, или за гротеск, над которым можно посмеяться... Европа не слышит скрытую трагическую ноту, которая сотрясает русский атеизм»¹²¹⁴. «Недостаток религиозности, даже в религиозных системах — отличительный признак современной Европы. Религиозность, даже в материалистических системах — отличительный признак Советской России. У русских религиозно все — даже атеизм»¹²¹⁵.

В этом плане интересно сравнение основного постулата реформационных движений в Европе с коммунистической идеологией в России: М. Вебер приводит символ веры мормонов, который завершается словами: «ленивый или нерадивый не может быть христианином и спастись. Его удел — гибель, и он будет выброшен из улья». Таким образом, верующий поставлен здесь перед выбором между трудом и гибелью¹²¹⁶. Бакстер добавлял: «Богатство... позволяет вам отказаться от низкой работы в том случае, если вы можете быть более полезными на другом поприще, однако от работы как таковой вы освобождаетесь не более, чем последний бедняк... Хотя их (*богачей*) не подстрекает к этому крайняя нужда, они в такой же степени, как другие, должны повиноваться воле Божьей... Бог всем велел трудиться»¹²¹⁷. В этих изречениях потустороннее, посмертное воздаяние за труд уступает место простой констатации необходимости и обязательности труда, то есть, по сути, коммунистическому лозунгу «кто не работает, тот не ест».

Фундаментальное отличие развития русской религиозной мысли от европейской заключалось в том, что европейская в своих основах опиралась на католицизм, постулировавший спасение избранных; в русском православии, в отличие от католицизма, нет понятия о чистилище, где происходит отбор избранных. Главной идеей православия, отличающей его от католицизма, является спасение всех. Фундаментальный

принцип Спасения избранных сохранился в протестантизме, а всеобщего Спасения — в большевистской идеологии.

Однако капитализм, помимо православия, столкнулся в России с еще одной проблемой: невозможно идеологию, дитя просвещенного XIX века, распространить в полуграмотной и веками забитой стране. Н. Бердяев в этой связи замечал: «В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным»¹²¹⁸.

Большевистская атеистическая идеология, следуя за уровнем развития масс, по сути, трансформировалась в новую религию. Ф. Мельников еще в начале двадцатых годов одним из первых заметил, что официальный атеизм большевиков — «не что иное, как попытка создать новую государственную религию»¹²¹⁹. П. Прибылев, народник, вспоминал: «Мы воспринимали социализм тогда не как науку, а как нечто от веры, от религии»¹²²⁰. Действительно, большевистские постулаты несли религиозный дух: они свершали свою революцию «для обеспечения **благосостояния и всестороннего развития всех членов общества**, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою»¹²²¹. Дж. Кейнс в начале 1920-х годов в этой связи отмечал: «Русский коммунизм представляет собой первый, хотя и очень запутанный, вариант великой религии»¹²²².

«Коммунизм, каким вы его себе представляете, есть, в сущности, новая религия, — отмечал Н. Бердяев, — религия коллектива со свойственной всякой религии фанатизмом и ложью»¹²²³; «В коммунизме есть своя правда и своя ложь. Правда — социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоление классов; ложь же — в духовных основах, которые приводят к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания...»¹²²⁴ Тем не менее, утверждал Бердяев, «коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию.

Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи»¹²²⁵.

С. Булгаков¹²²⁶, Н. Бердяев¹²²⁷, С. Шаталин¹²²⁸ и др. сравнивали большевизм с хилиазмом — ересью ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле. Но на этот раз это была не ересь, а выход на новый виток развития: точно так же, как на Западе протестантизм наследовал католицизм, в России большевизм наследовал православие. Коммунизм, отмечал в этой связи Н. Бердяев, «сам хочет быть религией, идущей на смену христианству; он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь, он не относится какой-либо социальной области»¹²²⁹. На эту целостность указывал и Дж. Кейнс, который после посещения России в 1925 году отмечал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса»¹²³⁰. Но эта целостность большевизма была свойственна и раннему протестантизму.

Эту особенность большевизма в разных формах отмечали многие выдающиеся современники событий. М. Пришвин: «Социализм устремляется весь в экономику, он хочет создать внешние (экономические) условия для христианских идей... Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального, изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога»¹²³¹. «Христианство не исполняло своего долга»¹²³² по обновлению жизни, вторил Бердяев, и ему на смену пришел «русский коммунизм», который «есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. Коммунизм в Западной Европе был бы совершенно другим явлением»¹²³³.

Большевизм стал русским вариантом протестантской Реформации, одетой по моде XX века в идеологические одежды. Он стал тем орудием, тем рычагом, о котором писал Р. Фадеев, вырвавшим русское общество из вековой апатии и двинувшим его по пути прогресса. **«Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл»**¹²³⁴, — отмечал в этой связи Н. Бердяев, весьма точно выделяя ключевые черты «русской Реформации»: **«Ленин хотел победить русскую лень... Произошла метаморфоза: американизация русских людей...»**¹²³⁵ М. Горький: «не зная, к каким результатам приведет нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически **большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбуждив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы.** Она не погибнет теперь, ибо народ ожил, и в нем зреют новые силы...»¹²³⁶ В. Шубарт: **«нельзя не заметить, что большевизм сильно культивирует в русских деловитость.** С чисто русским размахом он даже перебирает с этим, как ранее с чисто человеческим»¹²³⁷. Н. Бердяев: **«Появилось новое поколение молодежи, которое оказалось способно с энтузиазмом отдаться осуществлению пятилетнего плана, которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение»**¹²³⁸.

На смену феодальной религии большевики приводили религию индустриального общества. Не случайно смена эпох ассоциировалась у И. Бунина с грузовиком: «Грузовик — таким страшным символом остался он для нас, сколько этого грузовика в наших самых тяжких и ужасных воспоминаниях! С самого первого дня своего связалась революция с этим ревушим и смердящим животным... Вся грубость современной культуры воплощена в грузовике»¹²³⁹.

Реформация в России не могла пойти по западному пути, как рассчитывали российские либералы, поскольку духовные нормы православия были прямо противоположны католическим. Но либералы шли еще дальше: кроме массового экспорта в Россию совершенно чуждых ей культурных норм, они

стремились еще и перепрыгнуть через ступень развития (внутреннего созревания), которой на Западе был протестантизм, и перенести огромную полуграмотную русскую крестьянскую страну, которая жила еще дофеодальными представлениями, сразу в развитый либерализм начала XX века. Это было больше чем утопией...

Реформация имеет шанс на успех, только если она выходит из реальных особенностей, обуславливающих выживание и развитие данного народа. Для России западный путь был невозможен, поскольку она не обладала совокупностью тех условий и сил, которые определяли и двигали развитие Запада. Но и оставаться в феодальном прошлом в условиях все более быстро развивающегося Запада Россия не могла, это обрекало ее на отставание и гибель.

Путем естественного отбора, за девять месяцев, чередой смен составов Временного правительства, Россия нащупала свой путь Реформации, который оказался большевистским. «Буржуазная демократия и буржуазный капитализм по западному образцу... — отмечал в этой связи английский историк Э. Карр, — не могли укорениться на российской почве, так что ленинская политика была единственно приемлемой с точки зрения текущей политики в России»¹²⁴⁰.

Движущей идеей русской Реформации стала коммунистическая идеология, которая в России выполняла ту же роль, что и протестантская религия во времена Реформации в Европе. Несмотря на свой воинственный атеизм, большевики, сами того не подозревая, свершали религиозную революцию, «символика революции условна, ее не нужно понимать слишком буквально...»¹²⁴¹ *Проводниками нового духа в Европе были Лютер и Кальвин, в России им стал Ленин, который довел европейскую Реформацию до логического конца.* «То, что на Западе началось с Лютера, — отмечал в этой связи В. Шубарт, — на Востоке должно было закончиться Лениным»¹²⁴².

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников; сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима... Революция есть тяжелая болезнь, мучительная операция больного, и она свидетельствует о недостатке положительных творческих сил, о неисполненном долге. Я сочувствовал «падению священного русского царства»... [но] я видел в этом падении неотвратимый процесс развоплощения изолгавшейся символики исторической плоти.

*Н. Бердяев*¹²⁴³

«За семь месяцев революции власть, основанная на коалиции с цензовыми элементами, обнаружила свое банкротство и полное бессилие вырвать Россию из объятий губительной войны и справиться с подтачивающей революцию разрухой во всех областях народной жизни...» — отмечал в предпарламенте за полмесяца до Октябрьской революции один из лидеров меньшевиков Ю. Мартов. Политика правительства, продолжал он, «неизбежно вела к усилению дезорганизации в тылу и на фронте, к росту анархии и распада»¹²⁴⁴.

Но сильное общество не может существовать при анархии, инстинкт коллективного самосохранения неизбежно толкает его на поиски новой точки опоры, вызывая к жизни те политические силы, которые призваны разрушить старый прогнивший фундамент и построить на его месте новый. Разложение власти делает революционеров заложниками стихии, которая, даже против их воли, выносит их на поверхность.

Понимание этого объективного закона революции в той или иной мере оставили многие современники эпохи. П. Джордж: «Революция не начинается с атаки на государство некой новой мощной силы. Она начинается просто с внезапного понимания почти всеми пассивными и активными гражданами, что государства больше не существует»¹²⁴⁵. Н. Бердяев: «Революции я считаю неизбежными, они фатальны при отсутствии или слабости творческих духовных сил, способных радикально реформировать и преобразовать общество»¹²⁴⁶.

П. Сорокин: «Падение режима — обычно результат не столько усилий революционеров, сколько бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима». Н. Бердяев: «Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла... В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения... В обществе была болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию... Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет, и потому прорвалась тьма снизу. Так всегда бывает. Это — закон жизни»¹²⁴⁷. В. Шульгин: «Конечно, В. Н. не был виноват. Как не был виноват весь класс, до сих пор поставлявший властителей, что он их больше не поставляет... Был класс, да съездился...»¹²⁴⁸

С. Паркинсон на русском примере сформулировал естественный, объективный закон революции: *«Любую революцию порождает само правительство, оно создает вакуум, куда бунтари засасываются, можно сказать, против своей воли... Империи рушатся потому, что гниют изнутри, а правители, на чьем счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, чего они не удосужились сделать»*¹²⁴⁹.

Элиты российского общества стали банкротами своей собственной эгоистичной и разрушительной политики. «Если бы наша общественность не прогнила до основания, — наследовал ее уход Р. Раупах, — она не рухнула бы. Рожденная с дурной наследственностью крепостного права, не знавшая других стремлений, как урвать возможно больше жизнен-

ных благ, за ту беспринципность, при которой единственным смыслом жизни является личное благополучие, все же государственное и общественное расценивалось, по справедливым наблюдениям нашего сатирика, только с точки зрения вкусного и жирного пирога, она должна была сойти с исторической сцены, так же как в свое время сошло с нее французское феодальное дворянство, жившее тем же принципом „après nous le déluge“» («после нас хоть потоп»)¹²⁵⁰.

Абсолютная власть сохраняла свою устойчивость до тех пор, пока не исчерпала всех ресурсов общества, и когда они закончились, она просто рухнула, погружая страну в ужас хаоса и анархии. *«В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое, — отмечал Н. Бердяев. — Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным отношениям»*¹²⁵¹. Большевики, по сути, осуществляли процедуру того самого «созидательно-го разрушения», которое, по словам Й. Шумпетера, является двигателем человеческого развития. «Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм», — признавал в этой связи П. Струве¹²⁵².

Итог подводил один из выдающихся руководителей и идеологов «черносотенства» Б. Никольский, который в декабре 1917 года писал: «Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану; сотрудником их я не был и не буду», но «я не иду и не пойду против них», поскольку большевики — «неудержимые и верные исполнители исторической неизбежности... и правят Россией... Божьим гневом и попущением... Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того не хочет и не думает». Спустя год, в октябре 1918 года, Никольский отмечал, что большевики «в активной политике... с нескудеющей энергией занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая вопреки своей

воле и мысли новый фундамент для того, что сами разрушают...» Вместе с тем, продолжал Никольский, «разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, еще не умрет... *Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудия исторической неизбежности...*»¹²⁵³.

* * *

Прочтение настоящей книги вызовет у пытливого читателя массу вопросов, и это неудивительно, поскольку она дает представление лишь о внешнем выражении естественных сил и законов, двигавших развитием общества в конкретный период русской истории. Поиск ответов на эти вопросы неизбежно возвращает читателя к книге автора «Капитал Российской империи 2», посвященной системному и естественнонаучному пониманию особенностей развития России. Без этой книги история революции в России будет выглядеть только отдельным и непонятным эпизодом, вырванным из контекста русской действительности.

Но для понимания Русской революции даже этого будет недостаточно, ведь история, описанная в настоящей книге, была лишь ее началом: она стала одним из итогов Первой мировой войны и продолжалась еще почти пять долгих лет в виде гражданской войны и интервенции. Все эти события являются ее неразрывной частью, и именно им посвящены следующие книги автора из серии «К столетию Русской революции».

ССЫЛКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

АРР — Архив русской революции

Александр Иванович Гучков ... — Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Александр М... — Александр Михайлович. Воспоминания великого князя. — М.: Захаров, 2004. — 524 с. <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=6>

Айрапетов О... — *Айрапетов О.* Бесшабашная бестолочь // Родина, 2004, № 1.

Айронсайд Э... — *Айронсайд Э.* Архангельск. 1918–1919. (Голдин В. И...)

Барт П... — *Барт Поль.* Основные вопросы исторической науки. Научное обозрение № 10, 1902 г. 62–88 с. <http://science-review.ru/?section=content&op=show&id=498>

Белый Север, т. 2... — Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Т II. Сост. В. И. Голдин. — Архангельск, Правда Севера, 1993. — 496 с.

Беспалов Ю. Г... — *Беспалов Ю. Г.* Революционеры Романовы и консерватор Ульянов. / Ю. Г. Беспалов, Н. Ю. Беспалова, К. В. Носов. — М.: АСТ, 2004. — 415 с.

Бердяев Н. А... — *Бердяев Н. А.* Самопознание. — М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999.

Бердяев Н. А. Истоки... — *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: 1990.

Бисмарк О. Мемуары... — *Бисмарк О.* Воспоминания, мемуары в 2 т. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002.

Бородин А. П... — *Бородин А. П.* Реформы во имя России. — М.: Вече, 2004. — 384 с.

Булгаков С. Н. Два града... — *Булгаков С. Н.* Два града: исследование о природе общественных идеалов. — М.: А, 2008. — 784 с.

Бунин И... — *Бунин И.* Окаянные дни. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с.

Буржуазия накануне Февральской революции... — Буржуазия накануне Февральской революции / Подгот. к печати Б. Б. Граве; Центрархив. — М.; Л., 1927. — XVIII, [2], 204 с. — (1917 год в документах и материалах) <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3656#page/160/mode/inspect/zoom/4>

Буровский А. М... — *Буровский А. М.* Крах империи: Курс неизвестной истории. — М.: АСТ, Красноярск: КИ «Издательские проекты», 2004. — 462 с.

Бушков А... — *Бушков А.* Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени. — СПб.: «Нева», 2004. — 640 с.

Бьюкенен Дж... — *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 400 с.

Валянский С., Калюжный Д... — *Валянский С., Калюжный Д.* Понять Россию умом. — М.: Эксмо, 2002. — 544 с.

Валянский С... — *Валянский С.* Русские горки: Конец Российского государства/ Валянский С., Калюжный Д. — М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2004. — 556 с.

Вебер М... — *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. Избранные произведения, М., 1990.

Вильгельм II — *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди, 1878–1918. М.-Л.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1923.

Витте С. Ю... — *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары: т. 1. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. — 800 с.

Всемирная история — Всемирная история: Эпоха английской революции / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — 560 с.

Воейков В. Н... — *Воейков В. Н.* С царем и без царя. — М.: ТЕРРА, 1995. — 480 с.

Войтинский В. С... — *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. — 320 с.

Волков С. В... — *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. — М.: Центрполиграф, 2002. — 509 с.

Волобуев П. В... — *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. — М., 1962.

Гайдар Е., Мау В... — *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Вопросы экономики. — М.: Институт экономики РАН. № 5, май; № 6, июнь 2004.

Геллер М., Некрич А... — *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Утопия у власти. — М.: МИК, 2000 — 856 с.

Голдин В. И... — *Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере (1918–1919) глазами ее участников.* Составитель В. И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1997.

Головин Н. Н. Военные усилия России... — *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. — М.; Кучково поле, 2001. 440 с.

Головин Н. Н. Российская контрреволюция... — *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. в 2 т. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 560 с.

Горький М. — *Горький М.* Несвоевременные мысли. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с.

Горянин А... — *Горянин А.* Мифы о России. Pentagaphic, Ltd. — М.: 2002. — 336 с.

Грегори П... — *Грегори П.* Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста. Экономическая история России. Ежегодник. 2000. — М.: РОССПЭН, 2001. — 712 с.

Демин В. А... — *Демин В. А.* Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. — М., 1996.

Деникин А. И... т. 1. — *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии — Мн.: Харвест, 2002.

Деникин А. И... т. 2. — *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова — Мн.: Харвест, 2002.

Деникин А. И... т. 3. — *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920 — Мн.: Харвест, 2002, с.

Деникин А. И. Поход на Москву... — *Деникин А. И.* Поход на Москву; В сб.: Гражданская война в России: Разгром Деникина, — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica. 2003. — 640 с.

Достоевский Ф. М... — *Достоевский Ф. М.* Бесы. Антология русской критики. Составление, комментарии Л. И. Сараскиной. — М.: Согласие. 1996. — 752с.

Достоевский Ф. М... — *Достоевский Ф. М. Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т.* — М.: Захаров, 2005.

Дэвис Д., Трани Ю... — *Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 479 с.

Зайончковский А. М... — *Зайончковский А. М. Первая Мировая война* — СПб.: Полигон, 2000. — 880 с.

История... — *История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. (репринтное воспроизведение) (Одобрено ЦК ВКП(б) в 1938 г. — ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1945 г.)* — М.: Писатель 1997 г. — 351 с.

Кара-Мурза С... — *С. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы.* М.: Алгоритм, 2002.

Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма... — *Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма в России: крах буржуазной революции как исторический урок. Наш Современник.*

Кара-Мурза А., Поляков Л... — *Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии.* — СПб.: РХГИб 1999. — 440 с.

Касимов А. С... — *Касимов А. С. Продовольственный кризис в земледельческих губерниях центральной России накануне февральской революции. Известия ПГПУ, Гуманитарные науки.* № 4 (8) 2007, с. 91–93.

Каутский К... — *Каутский К. Как возникла мировая война.* — М.: Красная новь, 1924.

Каширин В... — *Каширин В. «Русский Мольтке» смотрит на Восток // Родина, 2004, № 1.*

Квакин А. В... — *Квакин А. В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути.* — М. Центрполиграф, 2006. — 692 с.

Керенский А... — *Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму / пер. с англ. Т. Логачевой.* — М.: Центрполиграф, 2006 — 319 с.

Керсновский А. А... — *Керсновский А. А. История русской армии, в. 4 т.* — М.: Голос, 1999.

Киган Д... — *Киган Д. Первая мировая война/ Пер. с англ. Т. Горошковой, А. Николаева.* М.: «АСТ», 2002. — 576 с.

Кисин С. Деникин... — *Кисин С. Деникин. Единая и неделимая.* — Ростов н/Д: Феникс, 2012. — 413 с.

Китанина Т. М... — *Китанина Т. М.* Война, хлеб, революция (продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917). — Л., 1985.

Клаузевиц К... — *Клаузевиц К.* О войне. — М.: Логос, Наука. — 448 с.

Кобылий В... — *Кобылий В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. — СПб, 1998.

Кожин В. В... — *Кожин В. В.* Россия. Век XX (1901–1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.

Кожин В. В. О русском... — *Кожин В. В.* О русском национальном сознании. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. — 416 с.

Кондратьев Н. Д... — *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. (Первое издание 1922). — М.: Наука. 1991. <http://istmat.info/node/25328>

Кюстин А... — *Кюстин А.* Россия в 1839 году. В 2 т. — М.: им. Сабашниковых. 1996. — 528 с.

Лемке М. К... — *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке, в 2 т.: 1914–1915, 1916 — Мн.: Харвест, 2003.

Ленин В. Государство и Революция... — *Ленин В.* Государство и Революция. Учение марксизма о Государстве и задачи пролетариата в Революции. сентябрь 1917 г.

Лиддел Г. Б... — *Лиддел Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства. — М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica. 2003. — 651 с.

Линдси Б... — *Линдси Б.* Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Линдси Бринк. Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 416 с.

Ллойд Джордж Д... — *Ллойд Джордж Д.* Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. — Мн.: Харвест, 2003 — 208 с.

Людендорф Э. — *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. — 800 с.

Макдоно Дж... — *Макдоно Дж.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый./ пер А. Филитова. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. — 746 с.

Макконнелл... — *Макконнелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л.* Экономикс. В 2 т. — М.: Республика, 1995. — 400 с.

Мануйлов А. А. Поземельный вопрос в России. — М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1905. — 108 с., с. 21. <http://books.e-heritage.ru/book/10079834>

Манчестер У... — *Манчестер У.* Стальная империя Крупнов. — М.: Центрполиграф, 2003. — 702 с.

Мау В. А., Стародубровская И. В... — *Мау В. А., Стародубровская И. В.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2001.

Мельгунов С. Как большевики... — *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 640 с.

Мельгунов С. «Золотой немецкий ключ»... — *С. Мельгунов.* «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. (В книге: *Мельгунов С.* Как большевики захватили власть. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 640 с.)

Милюков П. Н... — *Милюков П. Н.* Воспоминания. — М.: Вагриус, 2001.

Милюков П. Н. История... — *Милюков П. Н.* История второй русской революции. — Мн. Харвест, 2002. — 752 с.

Мультатули П. В... *Мультатули П. В.* Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. — СПб, «САТИСЪ», 2000 г.

Мурхед А... — *Мурхед А.* Борьба за Дарданеллы. — М.: Центрполиграф, 2004. — 383 с.

Население... — *Население России в XX веке.* В 3 т. — М.: РОССПЭН, 2000. — 463 с.

Ницше Ф... — *Ницше Ф.* Философия в трагическую эпоху. — М.: REFL-book, 1994. — 416 с.

Озеров И. Х... — *Озеров И. Х.* Экономическая Россия и ее финансовая политика. — М.: Издание Д. С. Горшкова. 1905. — 271 с. <http://padaread.com/?book=35962>

Петров Ю. А... — *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. — М. Русская книга. 1997. — 197 с.

Пикетти Т... — *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.

Покровский М... — *Покровский М.* Русская история в 3 т. — СПб.: Полигон. 2002. — 367 с.

Пуанкаре Р... — *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1914–1915. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 784 с.

Рыбас С. Ю... — *Рыбас С. Ю.* Столыпин. — М.: Молодая гвардия. 2003. — 421 с.

Рыбас С., Тараканова Л... — *Рыбас С., Тараканова Л.* Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М.: Недра, 1991.

Савченко М... — *Савченко М.* Английская торговля Ивана Янжула. 5–6. 2003. Родина.

Сазонов С. Д... — *Сазонов С. Д.* Воспоминания. — Мн.: Харвест, 2002. — 368 с.

Салтыков-Щедрин М. Е... — *Салтыков-Щедрин М. Е.* За рубежом. 1881. — М.: Худож. лит., 1973. — 288 с.

Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. — М.: Центрполиграф, 2007. — 304 с.

Скальковский К... — Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых / Сост. К. Скальковский, 1904 г. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2001. — 304 с.

Соколов Б. Ф... — *Соколов Б. Ф.* Падение Северной Области. (Белый Север, т. 2...)

Судьбы... — Судьбы реформ и реформаторов в России. — М.: РАГС, 1999. — 374 с.

Сухомлинов В. А... — *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Мн.: Харвест, 2005. — 624 с.

Сычев Н. В... — *Сычев Н. В.* Политическая экономия. Курс лекций. — М.: ИКФ «ЭКМОС», 2002.

Татищев С... — *Татищев С.* Император Александр Второй., в 2 т. — М.: Алгоритм, 1996.

Тимошина Т. М... — *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. — М.: Филинь, Юстицинформ, 1998. — 432 с.

Трухановский В. Г... — *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. — М.: Международные отношения. 1982. — 464 с.

Тэтчер М... — *Тэтчер М.* Искусство управления государством. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 504 с.

Тыркова-Вильямс А. В... — *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. — М.: 1998.

Тютюкин С. В... — *Тютюкин С. В.* Июльский политический кризис 1906 года в России. М.: Наука, 1991. — 232 с.

Устрялов Н... — *Устрялов Н.* Национал-большевизм. — М.: Эксмо, 2003. — 656 с.

Уткин А. И. Черчилль... — *Уткин А. И.* Черчилль: победитель двух войн. — Смоленск: Русич. 1999 — 656 с.

Уэллс Г. Дж... — *Уэллс Г. Дж.* Краткая всемирная история. — СПб.: Амвора, 2005. — 350 с.

Уэллс Г... — *Уэллс Г. Дж.* Россия во мгле / пер. И. Веккер, В. Постоев. Сс. Т.15. — М.: Правда, 1964.

Фадеев Р. А... — *Фадеев Р. А.* Русское общество в настоящем и будущем.. Собр. соч. СПб. Изд. Комарова. 1889. т. 3.; Русский исторический журнал — М.: РГГУ т. III, 2000. № 1–4. — 708 с.

Федоров Б. Г... — *Федоров Б. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию», в 2 т. Т. 1. — СПб.: Лимбус Пресс, 2002. — 624 с.

Харенберг Б... — Хроника человечества. Сост. Бодо Харенберг. М.: Большая энциклопедия, 1996. — 1200 с.

Хауз... — Архив полковника Хауза. В 2 т. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 602 с.; — 744 с.

Хрестоматия... — Хрестоматия по истории России. — М.: Проспект, 2000. — 592 с.

Чаадаев П. Я... — *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 224 с.

Чернов В... — *Чернов В.* Великая русская революция. 1905–1920. — М.: Центрполиграф, 2007. — 430 с.

Черчилль У... — *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 768 с.

ЧКК... — Черная книга коммунизма. — М.: Три века истории. 1999. — 768 с.

Шарапов С. Ф... — *Шарапов С. Ф.* Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок — Новая книга, 1998. 112 с.

Шелохаев В. В... — *Шелохаев В. В.* Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов. ПОЛИС, 1993, № 4.

Шестаков А. В... — *Шестаков А. В.* Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 года. Л.: Прибой. 1927. http://нэб.рф/catalog/000202_000006_736825|F97781ED-D10F-4394-A126-3108E4270594/viewer/

Шубарт В... — *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 480 с.

Шульгин В. В... — *Шульгин В. В.* Дни. 1920. Записки/ Сост. Д. А. Жуков, — М.: Современник, 1989. — 559 с.

Шляпников А. Г... — *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. В 3 т. Т. 1. (Первое издание 1920–1922). — М.: Политиздат, 1992. — 383 с.

Язьков Е. Ф... — *Язьков Е. Ф.* История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945). — М.: МГУ; ИНФРА-МБ, 2001.

ССЫЛКИ

- ¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 15.
- ² Милюков П. Н. История... с. 3.
- ³ Критика Г. Белова на книгу К. Лампрехта «История германского народа». 1898 г. (*Барт П...* с. 61.).
- ⁴ Критика Г. Белова на книгу К. Лампрехта «История германского народа». 1898 г. (*Барт П...* с. 84.).
- ⁵ *Барт П...* с. 65, 64.
- ⁶ *Барт П...* с. 71, 74.
- ⁷ *Барт П...* с. 72.
- ⁸ Чичерин Б. Н. Воспоминания (1904 г.). — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 336 с., с. 333–334.
- ⁹ Милюков П. Н... с. 274–276
- ¹⁰ Воейков В. Н... с. 83.
- ¹¹ Витте С. Ю... т. 1, с. 667.
- ¹² Рябушинский В. Купечество московское. с. 185 (*Петров Ю. А...* с. 75.).
- ¹³ Милюков П. Н... с. 244
- ¹⁴ Милюков П. Н... с. 268
- ¹⁵ Витте С. Ю... т. 1, с. 753.
- ¹⁶ Александр М... с. 191–192.
- ¹⁷ Витте С. Ю... т. 1, с. 762.
- ¹⁸ Милюков П. Н... с. 257–258
- ¹⁹ Витте С. Ю... т. 2, с. 4, 5.
- ²⁰ Витте С. Ю... т. 1, с. 443–444.
- ²¹ Витте С. Ю... т. 1, с. 715–718.
- ²² Витте С. Ю... т. 1, с. 475.
- ²³ Милюков П. Н... с. 229–230, 250, 251.
- ²⁴ К 27 апреля 1906 года в первую Думу избрали 121 земледельца, 21 волостного старшину и волостного писаря, 10 ремесленников, 17 фабричных рабочих, 14 торговцев, 5 фабрикантов и управляющих имениями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 16 священников, 14 чиновников, 39 адвокатов, 16 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приват-доцентов, 3 преподавателей гимназий, 14 сельских учителей, 11 журналистов и 9 лиц неизвестных занятий. (*Демин В. А...* с. 37–38).
- ²⁵ Кара-Мурза С... с. 106–107.

- ²⁶ Милюков П. Н... с. 290–291.
- ²⁷ А. Гучков 8 июля 1906 года (*Тютюкин С. В...* с. 39).
- ²⁸ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991, с. 302, 300. (*Кожин В. В...* с. 36.)
- ²⁹ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. 31.10.1905 — 24.04.1906. — М.: 1997, с. 220 (*Бородин А. П...* с. 257, прим.).
- ³⁰ *Витте С. Ю...* т. 3, с. 222–223. См. также: С требованием не давать России займов кадеты обращались непосредственно к правительству и президенту Франции. (Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. — М.: 1983 с. 184. См. также: *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. с. 140–141. Шелохаев В. В.)
- Витте С. Ю...* т. 3, с. 222–223.
- ³¹ П. Столыпин, 8 июля 1906 г. (*Раух Г.* Роспуск 1-й государственной Думы. Отрывки из воспоминания // Возрождение. 1930. 19 сентября (*Бородин А. П...* с. 39)).
- ³² *Витте С. Ю...* т. 2, с. 477, 478.
- ³³ Милюков П. Н... с. 333.
- ³⁴ *Витте С. Ю...* т. 2, с. 107.
- ³⁵ *Витте С. Ю...* т. 1, с. 677–678.
- ³⁶ *Витте С. Ю...* т. 2. с. 217.
- ³⁷ *Покровский М...* т. 3, с. 337.
- ³⁸ Милюков П. Н... с. 338.
- ³⁹ *Витте С. Ю...* т. 1, с. 400.
- ⁴⁰ *Александр М...* с. 226.
- ⁴¹ Дневник А. А. Половцова. Запись 8.06.1906 // Красный архив. 1923. № 4, с. 115 (*Бородин А. П...* с. 256, прим.).
- ⁴² *Лопухин В. Б.* Люди и политика // Вопросы истории. 1966. № 10, с. 110–111 (*Бородин А. П...* с. 260, прим.).
- ⁴³ П. А. Столыпин — А. Ф. Кони, 17 июля (*Кони А. Ф.* Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. т. 2, М., 1966, с. 362 (*Бородин А. П...* с. 44)).
- ⁴⁴ Николай II — Марии Федоровне, 21.07.1906. Красный архив. 1927. т. 3, с. 192–193 (*Бородин А. П...* с. 45).
- ⁴⁵ *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума (Воспоминания современника), Париж, б. г., с. 49 (*Бородин А. П...* с. 46).
- ⁴⁶ Из воспоминаний А. И. Гучкова // Новый журнал. Кн. 161. Нью-Йорк, 1985, с. 163–164 (*Бородин А. П...* с. 46).

⁴⁷ Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. т. 2, М., 1966, с. 362, 364, 369. См. также: П. А. Гейден — Ю. Н. Милютину, 22.08.1906 // РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 1369, л. 5–6 (Бородин А. П... с. 44–45).

⁴⁸ Николай II — П. А. Столыпину, июль 1906 г. (Красный архив, 1924, т. 5, с. 102.)

⁴⁹ Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. т. 2, М., 1966, с. 370 (Бородин А. П... с. 46).

⁵⁰ Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. т. 2, М., 1966, с. 367 (Бородин А. П... с. 46–47).

⁵¹ Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997, № 4, с. 121 (Бородин А. П... с. 47).

⁵² Лопухин В. Б. Люди и политика. // Вопросы истории, 1966, № 11, с. 124 (Бородин А. П... с. 249–250, прим.).

⁵³ Тыркова-Вильямс А. В... с. 460, 509.

⁵⁴ Тыркова-Вильямс А. В... с. 385, 460, 509.

⁵⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 550 (Бородин А. П... с. 276–277, прим.).

⁵⁶ Милюков П. Н... с. 348.

⁵⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. — М.: 1997, с. 160, 163 (Бородин А. П... с. 257, прим.).

⁵⁸ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). — Пг.: 1916, с. 49–50 (Бородин А. П... с. 257–258, прим.).

⁵⁹ П. Б. Мансуров — Ф. Д. Самарину, 7.07.1906 // РО РГБ. Ф. 265.193.12. Л. 148 (Бородин А. П... с. 258, прим.).

⁶⁰ Кожин В. В... с. 36.

⁶¹ К. П. Победоносцев — С. Д. Шереметьеву, 28.09.1906 // Источник, 1996, № 6, с. 24 (Бородин А. П... с. 125).

⁶² Милюков П. Н... с. 313.

⁶³ П. А. Столыпин — Николаю II, 18.05.1907 // РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 948, л. 252–252 об. (Бородин А. П... с. 85).

⁶⁴ Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума (Воспоминания современника), Париж, б. г., с. 225 (Бородин А. П... с. 129).

⁶⁵ Падение царского режима. Т. VII. — Л.: 1927, с. 101–102 (Бородин А. П... с. 87).

⁶⁶ Шубинский Н. П. Памяти П. А. Столыпина. Речь от 5.09.1913 в ЦК «Союза 17 октября» в Москве // Правда Столыпина. — Саратов: 1999, с. 96 (Бородин А. П... с. 72).

⁶⁷ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000, с. 600 (Бородин А. П... с. 87).

- ⁶⁸ Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 1. — Париж, 1933, с. 259 (Бородин А. П... с. 87).
- ⁶⁹ Бородин А. П... с. 129.
- ⁷⁰ Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума. — Париж, б. г., с. 225 (Бородин А. П... с. 88).
- ⁷¹ Милюков П. Н... с. 354.
- ⁷² Витте С. Ю... т. 2, с. 134, 579.
- ⁷³ Милюков П. Н... с. 462–463.
- ⁷⁴ Воейков В. Н... с. 36–37.
- ⁷⁵ Милюков П. Н... с. 462–463.
- ⁷⁶ Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...
- ⁷⁷ Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997, № 4, с. 128 (Бородин А. П... с. 89).
- ⁷⁸ А. А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 8.11.1908 // РО РГБ, ф. 265.190.32, л. 112 об. — 113 об. (Бородин А. П... с. 87–88).
- ⁷⁹ Милюков П. Н... с. 461.
- ⁸⁰ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. — СПб.: 1999, с. 96 (Бородин А. П... с. 129).
- ⁸¹ Муратов Н. П. Воспоминания // РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 26, л. 436 (Бородин А. П... с. 129–130).
- ⁸² Г. Щечков — П. Б. Мансурову, 24.09.1908 // ГА РФ, ф. 990, оп. 2, д. 575, л. 4 об. (Бородин А. П... с. 130).
- ⁸³ Шарапов С. Ф. Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок — Новая книга, 1998. 112 с., с. 36
- ⁸⁴ См.: Бородин А. П... с. 125–128.
- ⁸⁵ Падение царского режима. Т. V, с. 418 (Бородин А. П... с. 87).
- ⁸⁶ Речь от 14(27).03.1911 (Бородин А. П... с. 291, прим.).
- ⁸⁷ Крыжановский С. Е. Воспоминания. — Берлин, б. г., с. 213 (Бородин А. П... с. 163).
- ⁸⁸ Тыркова-Вильямс А... с. 458, 459.
- ⁸⁹ П. А. Столыпин в мае 1911 г. П. П. Стремоухову. Из воспоминаний сенатора П. П. Стремоухова // АРР. Т. XVI. — Берлин, 1925. С. 39–40 (Бородин А. П... с. 293, прим.).
- ⁹⁰ С. Шереметев 23.03.1911 — императрице Марии Федоровне, Дневник С. Д. Шереметева // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 56 об, 58–59, 66.; См. о том же: А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 12.04.1911 // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5102. л. 204 об.; См. также: Дневник кн. В. М. Голицына. 15(28).05.1911 // ГО РГБ. Ф. 75. Д. 30. Л. 331–332 (Бородин А. П... с. 207).

⁹¹ Труды V съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. — СПб.: 1909, с. 148 (*Бородин А. П...* с. 135).

⁹² Красный архив. 1936. № 1 (74). С. 186, 187 (*Бородин А. П...* с. 208).

⁹³ *Витте С. Ю...* т. 2, с. 414, 415.

⁹⁴ *Родзянко М. В.* Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Февральская революция. — М., Л.: 1926. С. 3 (*Бородин А. П...* с. 299, прим.).

⁹⁵ Состав Государственных Дум разнится по источникам по партийной принадлежности и по сессиям Думы. См., например, БСЭ, 1-е изд., т. 18, М., 1930, с. 295–296, 301, или *Федоров Б. Г...* т. 1, с. 409. В данном случае приведены сокращенные данные непосредственного участника событий П. Милюкова (*Милюков П. Н...* с. 277).

⁹⁶ *Милюков П. Н...* с. 461.

⁹⁷ Монархия перед крушением, 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова. — М., Л.: Госиздат, 1927., с. 91–92. (*Мультатули П. В...*)

⁹⁸ *Милюков П. Н...* с. 488–489.

⁹⁹ *Яковлев Н. Н...* с. 336.

¹⁰⁰ Ф. 523 ЦК Партии Кадетов Опись 1. Д. 30. Л. 8 (*Шаццлло К. Ф...* с. 321.).

¹⁰¹ *Витте С. Ю...* т. 2, с. 65, 66.

¹⁰² *Милюков П. Н...* с. 486–487.

¹⁰³ *Милюков П. Н...* с. 497

¹⁰⁴ *Яковлев Н. Н...* с. 150.

¹⁰⁵ *Чернов В...* с. 67

¹⁰⁶ *Шульгин В. В...* с. 113–114.

¹⁰⁷ Записка А. Н. Наумова. Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. Сборник Финансового Агентства США с. 99–100 (*Головин Н. Н.* Военные усилия России... с. 248, 253).

¹⁰⁸ *Сухомлинов В. А...* с. 317–318.

¹⁰⁹ *Кобылий В...* с. 122.

¹¹⁰ *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989, с. 89.

¹¹¹ *Милюков П. Н...* с. 506–507.

¹¹² *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. — Берлин: 1924, с. 112 (*Уткин А. И...* с. 141).

¹¹³ Русская летопись. 1928, № 7.

¹¹⁴ Адмирал Григорович. ЦГАВМФ. ф. 701, оп. 1, Д. 5, с. 107 (Мультиатули П. В...).

¹¹⁵ Кобылий В... с. 126.

¹¹⁶ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания... с. 255.

¹¹⁷ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Товарищество Объединенных Издателей, 1939, т. 2, с. 154.

¹¹⁸ Адмирал Бубнов: «Когда стало очевидным, что верховное управление страной неспособно справиться со своей задачей и его деятельность может привести к поражению, великий князь... отказался от чрезмерной осторожности и начал выступать с решительными требованиями различных мероприятий...» (Бубнов А. Д. В Царской Ставке. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. с. 12.). Великий князь Николай Михайлович: «Относительно популярности Николаши» (Николая Николаевича) — это явление «меня тревожит, особенно при том возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции...» (Великий князь Николай Михайлович — Николаю II, 28.04.1916 (Воейков В. Н... с. 389, прил.)). А. Вырубова: «Государь рассказывал, что великий князь Николай Николаевич постоянно без ведома государя вызывал министров в Ставку, давая те или иные приказания, что создавало двоевластие в России» (Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. — М.: Советский писатель, 1991, с. 157).

¹¹⁹ Воейков В. Н... с. 111.

¹²⁰ Бубнов А. Д. В Царской Ставке. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. с. 166

¹²¹ Noskoff A. A. (general). Nicolas II Inconnu, p. 9–17.

¹²² РГВИА. Ф. 405, оп. 2, д. 5.

¹²³ Кобылий В... с. 130.; Генерал Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960, с. 177–179.

¹²⁴ АРР. — М.: Терра, 1993, т. 18, с. 2. (Мультиатули П. В...)

¹²⁵ Русская Летопись, 1928. кн. 7.

¹²⁶ Министр А. Наумов отмечал, что «у генерала Поливанова установилась тесная дружба с А. Гучковым...» (Кобылий В... с. 160).

¹²⁷ АРР. т. 18, с. 69. Мультиатули П. В...

¹²⁸ Сухомлинов В. А... с. 343–344.

¹²⁹ Кобылий В... с. 143.

¹³⁰ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989, с. 90.; См. также: Яхонтов А. Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16.07 — 2.09.1915) «АРР», XVII, 1926 с. 55–60.

¹³¹ Бьюкенен Дж... с. 168

¹³² Николай II в секретной переписке, с. 212. (*Мультатули П. В...*)

¹³³ Великий князь Николай Михайлович — Николаю II, 26.07.1916. (*Воейков В. Н...* с. 399, прил.)

¹³⁴ Шульгин В. В... с. 125–126.

¹³⁵ Letters of the Tsar to the Tsaritsa. Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N. Y., 1986, p. 315 (*Уткин А. И...* с. 178.).

¹³⁶ АРР. Т. 10, с. 213–214.

¹³⁷ Бьюкенен Дж... с. 168

¹³⁸ Деникин А. И... т. 1, с. 38–39.

¹³⁹ Воейков В. Н... с. 143.

¹⁴⁰ В. Шульгин: «Этот „дед“ не только не принес порядка России, а унес последний престиж власти... Штюмер — жалкий, ничтожный человек, а Россия вела мировую войну. Дело в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас — „святоточный дед“ премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна в бешенстве. И кому охота, кому это нужно было доводить людей до исступления?! Что это, нарочно, что ли, делалось?!». Американский посол в России Фрэнсис характеризовал председателя Совета министров следующим образом: «Кажется, этот человек не питает уважения ни к одному выдающемуся русскому из тех, с кем я встречался. Решительно, его назначение — победа реакции». И добавлял, что Б. Штюмер — реакционер, оппортунист без всяких убеждений и интеллекта. Удаление Штюмера произвело бы умиротворяющий эффект, восстановило бы доверие... Фрэнсис предупреждал: «Если император будет настаивать на сохранении Штюмера и на время прервет работу Думы или распустит ее, может последовать революция» (*Дэвис Д. Э., Трани Ю. П...* с. 62, 64.). Французский посол Палеолог сообщал в Париж: «Штюмеру 67 лет. Как личность он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха...» (*Палеолог М. Царская Россия накануне революции.* — М., 1923, с. 36 (*Уткин А. И...* с. 217)). Бывший премьер В. Коковцев назвал его «бесталанным и пустым человеком» (*Lincoln B. L. Passage Through Armageddon. The*

Russians in War and Revolution 1914–1918. N. Y., 1986, p. 211 (Уткин А. И... с. 217)).

¹⁴¹ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 19 (Уткин А. И... с. 217).

¹⁴² Раунах Р. Р... с. 164.

¹⁴³ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. — СПб: Лики России, 1996, с. 234.

¹⁴⁴ Шульгин В. В... с. 165–166.

¹⁴⁵ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания... с. 265.

¹⁴⁶ Уткин А. И. Черчилль... с. 155.

¹⁴⁷ Воейков В. Н... с. 211.

¹⁴⁸ Пуанкаре Р... с. 414.

¹⁴⁹ Пуанкаре Р... с. 453.

¹⁵⁰ Ллойд Джордж Д... с. 110–111.

¹⁵¹ Черчилль У... с. 115, прим.

¹⁵² Clemenceau G. Discours de guerre. Paris.: Presses Universitaires de France, 1968, p. 130–132 (цит. по: Уткин А. И. Унижение России... с. 31).

¹⁵³ Робиен Л. 28.04.1918... (Голдин В. И... с. 168.)

¹⁵⁴ Кошелев. Записки, с. 81–82 (Покровский М... т. 3, с. 102).

¹⁵⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 49, с. 14.

¹⁵⁶ Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. — М.: Книга и бизнес, 1998, с. 582 (Мультатули П. В...).

¹⁵⁷ Предисловие к книге «Russia and its crisis», New York. 1905. Цит. по: Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. — Белград: Издание Общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939, гл. 9 // http://www.uhlib.ru/istorija/carstvovanie_imperatora_nikolaja_ii/p2.php

¹⁵⁸ Гессен И. В. В двух веках. АРР. т. XXII. — Берлин: 1937, с. 336–337.

¹⁵⁹ Данилов Ю. Н. Россия на пути к крушению., с. 45 (Мультатули П. В...).

¹⁶⁰ Палеолог М... 15 сентября 1915 г., с. 364.

¹⁶¹ Яковлев Н. Н... с. 206. с. 312.

¹⁶² Милюков П. Н. Как пришла революция, 1921 (Яковлев Н. Н... с. 266).

¹⁶³ Милюков П. Н. Воспоминания. — М.: Издательство Политической литературы, 1991, с. 404.

¹⁶⁴ *Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923.* N. Y., 1984, p. 130 (*Уткин А. И.*... с. 304).

¹⁶⁵ *Милюков П. Н. Воспоминания.* — М.: Издательство Политической литературы, 1991, с. 450.

¹⁶⁶ *Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор / РАН ИНИОН* — М., 2003. — 152 с., с. 59.

¹⁶⁷ *Яковлев Н. Н.*... с. 167.

¹⁶⁸ *Сухомлинов В. А.*... с. 336.

¹⁶⁹ Цит по: *Милюков П.*... с. 495.

¹⁷⁰ *Сухомлинов В. А.*... с. 318.

¹⁷¹ Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о городском съезде 7 сентября 1915 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 50; См. также: Красный архив. 1928. Т. 1 (28). С. 211–212).

¹⁷² *Яковлев Н. Н.*... с. 167.

¹⁷³ *Яковлев Н. Н.*... с. 260–261.

¹⁷⁴ *Воейков В. Н.*... с. 124–125.

¹⁷⁵ *Сухомлинов В. А.*... с. 343–344.

¹⁷⁶ *Яковлев Н. Н.*... с. 167.

¹⁷⁷ *Воейков В. Н.*... с. 113–114.

¹⁷⁸ *Воейков В. Н.*... с. 144.

¹⁷⁹ Великий князь Александр Михайлович — Николаю II, 1.01.1917 (*Воейков В. Н.*... с. 441–442, прил.).

¹⁸⁰ Великий князь Александр Михайлович. Мемуары великого князя. — М.: Захаров-Аст, 1999, с. 259–260.

¹⁸¹ *Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года.* Стокгольм-Берлин, 1921, с. 1.

¹⁸² *Lloyd George. War memories. Vol. 3, p. 469 (Чернов В.*... с. 20).

¹⁸³ *Маклаков В. А. «Трагическое положение».* Русские Ведомости 27.9.1915. *Горянин А. Мифы о России и дух нации.* — М.: Pentagrapic, Ltd. 2001. — 336 с., с. 122–123.).

¹⁸⁴ *Мамонтов В. И. На государственной службе. Воспоминания.* — Таллин: 1926, с. 233.

¹⁸⁵ *Бьюкенен Дж.*... с. 183

¹⁸⁶ Бьюкенен — министерству иностранных дел. 18.08.1916 (*Бьюкенен Дж.*... с. 193).

¹⁸⁷ Великий князь Георгий Михайлович — Николаю II, 11.11.1916 (*Воейков В. Н.*... с. 445, прил.).

¹⁸⁸ Письмо Великого князя Георгия Михайловича — Николаю II от 11.11.1916 (*Александр М...* с. 180.).

¹⁸⁹ Великий князь Николай Михайлович — Николаю II, 1.11.1916 (Русское слово // № 54, от 9.03.1917 (*Воейков В. Н...* с. 468, комм.)).

¹⁹⁰ Письмо Великого князя Михаила Михайловича — Николаю II от 15.11.1916 (*Александр М...* с. 180).

¹⁹¹ Великий князь Александр Михайлович — Николаю II, 25.01.1917 (*Александр М...* с. 179–180).

¹⁹² Манифест великого князя Павла Александровича, 1.03.1917. См. «Красный архив», т. IV, с. 216 (*Воейков В. Н...* с. 465, комм.).

¹⁹³ *Милюков П. Н...* с. 495.

¹⁹⁴ *Деникин А. И...* т. 1, с. 46.

¹⁹⁵ *Сухомлинов В. А...* с. 318–319.

¹⁹⁶ *Воейков В. Н...* с. 142.

¹⁹⁷ Русские ведомости, 5.01.1917 (*Яковлев Н. Н...* с. 318).

¹⁹⁸ *Милюков П. Н...* с. 534–535, 551.

¹⁹⁹ *Деникин А. И...* т. 1, с. 349.

²⁰⁰ *Богомолов А.* Красная Звезда. 31.03.2005.

²⁰¹ *Яковлев Н. Н...* с. 259–260.

²⁰² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания... с. 256.

²⁰³ *Яковлев Н. Н...* с. 223–224.

²⁰⁴ *Лемке М. К...* 1916, с. 297.

²⁰⁵ *Лемке М. К.* Дневник. Ноябрь 1915 г. (*Яковлев Н. Н...* с. 223).

²⁰⁶ *Чернов В...* с. 74–75.

²⁰⁷ АРР. Т. 10, с. 212 (*Мультатули П. В...*).

²⁰⁸ Гучков — Алексееву, 28.08.1916.

²⁰⁹ *Александр М...* с. 185.

²¹⁰ *Яковлев Н. Н...* с. 267–269.

²¹¹ *Яковлев Н. Н...* с. 268–269.

²¹² *Деникин А. И...* т. 1, с. 15.

²¹³ *Милюков П. Н.* История... с. 30.

²¹⁴ *Палеолог М.* Воспоминания посла, М., 1992, с. 132–133 (*Уткин А. И...* с. 268–269).

²¹⁵ *Игнатьев...* с. 422–423.

²¹⁶ *Шульгин В. В...* с. 156.

²¹⁷ *Игнатьев...* с. 445–446.

²¹⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=10>

- ²¹⁹ Деникин А. И... т. 1, с. 331.
- ²²⁰ ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, ед. хр. 38, л. 13 об. (Айрапетов О... с. 56).
- ²²¹ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников, 20 сентября 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 139).
- ²²² Троцкий Л. Д. История русской революции // К истории русской революции. — М.: 1990, с. 373 (Хрестоматия... с. 387). Впервые была издана в Берлине в 1931–1933 гг.
- ²²³ Керенский А. Русская революция... с. 11.
- ²²⁴ Милюков П. Н... с. 553.
- ²²⁵ Милюков П. Н. История... с. 37.
- ²²⁶ Бердяев Н. А... с. 241.
- ²²⁷ Деникин А. И... т. 1, с. 453.
- ²²⁸ Керенский А. Русская революция... с. 94.
- ²²⁹ Милюков П. Н. История... с. 37.
- ²³⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... с.10 // <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=10>
- ²³¹ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 130).
- ²³² Кондратьев Н. Д... гл. 2.4.
- ²³³ Построено на основании данных: Кондратьев Н. Д... табл. 36. (Рынок хлебов... Лист 3)
- ²³⁴ Кондратьев Н. Д... гл. 2.1, табл. 19.
- ²³⁵ Кондратьев Н. Д... гл. 2.8.
- ²³⁶ Кондратьев Н. Д... гл. 2.11.
- ²³⁷ По данным Совета съезда фабрикантов земледельческих машин, производство земледельческих машин в 1914 г. составило 90 % нормального выпуска, в 1915 г. — 50 %; 1916 — 20 % (Измайловская Е. И. Русское сельскохозяйственное машиностроение, М., 1920, с. 47 (Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. — М.: Госполитиздат, 1957, с. 118)).
- ²³⁸ Стоимость плуга в 1913 г. — 5 руб., в 1916 г. — 20 руб.; молотилки в 1913 г. — 200 руб., в 1916 г. — 900 руб. (Шестаков А. В... с. 36).

²³⁹ Цены на ржаную муку в центральных земледельческих губерниях к июлю 1916 г. по сравнению с июлем 1914 г. выросли на 83 %, на пшеничную — на 80 %. (*Шестаков А. В...* с. 62).

²⁴⁰ *Шестаков А. В...* с. 37.

²⁴¹ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 606, Л. 119, 156 (*Касимов А. С...* с. 91–93).

²⁴² *Кондратьев Н. Д...* гл. 2. Приложение 3.

²⁴³ *Шестаков А. В...* 57.

²⁴⁴ *Шляпников А. Г...* с. 8–9.

²⁴⁵ *Шляпников А. Г...* с. 9.

²⁴⁶ *Шляпников А. Г...* с. 9.

²⁴⁷ *Шляпников А. Г...* с. 9.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 606, Л. 119, 156 (*Касимов А. С...* с. 91–93).

²⁴⁹ ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1461, Л. 308 (*Касимов А. С...* с. 91–93).

²⁵⁰ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 566, Л. 207 (*Касимов А. С...* с. 91–93).

²⁵¹ *Касимов А. С...* с. 91–93.

²⁵² Справка главного полевого интенданта для верховного главнокомандующего от 16 декабря 1916 года (6/XII 1916 г., № 7278. (В.-уч. Арх.; дело № 703.) *Гончаров В.* 1917. Разложение армии — М. — Л.: ГИЗ, 1925).

²⁵³ *Шестаков А. В...* с. 56.

²⁵⁴ Выводы автора из статданных: *Шмелев К. Ф.* Доклад от 10.02.1922... с. 25. (Дензнаки и товарные цены... Лист 2)

²⁵⁵ Построено на основании данных: *Кондратьев Н. Д...* табл. 36. (Рынок хлебов... Лист 3) Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства за период с 27 февраля по 25 октября 1917 г. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ч. 2 — М. — Л., 1957. С. 382–387. ЦГАОР, ф. 2281, оп. 1, д. 30, л. 24–27. Гектогр. *Декабрь 1918 г* // <http://istmat.info/node/43537>; Данные по эмиссии: Министерства Финансов. (*Волобуев П. В...* с. 356.) Эмиссия за октябрь 1917 г. дана в сравнительной оценке автора — В. Г., на основании расчетов за 23 дня Октября П. Волобуева. (*Доходы и Расходы госбюджета в 1917 г...* Лист б)

²⁵⁶ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 133).

²⁵⁷ *Лейберов И. П., Рудаченко С. Д.* Революция и хлеб. — М.: Мысль, 1990. 222 с.

²⁵⁸ Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 137).

²⁵⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=6>

²⁶⁰ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 128–129).

²⁶¹ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников, 20 сентября 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 139).

²⁶² Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 147).

²⁶³ Записка петроградского охранного отделения о настроениях буржуазии после разгона декабрьских съездов. 5.01.1917 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 165).

²⁶⁴ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 147).

²⁶⁵ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 147).

²⁶⁶ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 135).

²⁶⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=6>

²⁶⁸ Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 137).

²⁶⁹ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 146).

²⁷⁰ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о со-

вещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 141).

²⁷¹ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 141).

²⁷² Александр Иванович Гучков рассказывает... с. 14 // <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=6>

²⁷³ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 141).

²⁷⁴ Рябушинский В. Купечество московское. с. 185 (Петров Ю. А... с. 65).

²⁷⁵ Записка департамента полиции об общественных настроениях в связи с отсрочкой созыва Государственной Думы. 01.1917 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 174).

²⁷⁶ Кожин В. В... с. 37.

²⁷⁷ Чернов В... с. 73.

²⁷⁸ Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Т. 4, с. 22 (Чернов В... с. 73–74); См. также: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). — Париж: Родина, 1931., с. 6.

²⁷⁹ Керенский А. Русская революция... с. 99–100.

²⁸⁰ Керенский А. Русская революция... с. 99.

²⁸¹ Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. — М.: 1996., с. 610.

²⁸² Милюков П. Н. История... с. 35.

²⁸³ Knox A. With the Russian Army 1914–1917. Vol. II, Lnd., 1921, p. 211 (Уткин А. И... с. 303)

²⁸⁴ Бьюкенен Дж... с. 222–223.

²⁸⁵ Воззвание Центрального военно-промышленного комитета, 24 января 1917 г. (Чернов В... с. 68–70).

²⁸⁶ Чернов В... с. 69–70.

²⁸⁷ Чернов В... с. 71.

²⁸⁸ Андреев Н. Революция 1917 года: хроника событий, I. М., 1923, с. 18, 23, 25 (цит. по: 71).

²⁸⁹ Милюков П. Н... с. 554.

²⁹⁰ Сборник полицейских документов. Центрархив. С. 186 (Чернов В... с. 72).

- ²⁹¹ Шульгин В. В... с. 122–123.
- ²⁹² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 6.
- ²⁹³ Из выступления В. Шульгина в Государственной Думе 3 ноября 1916 г. (Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (*Шульгин В. В...* с. 32–33)).
- ²⁹⁴ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (*Шульгин В. В...* с. 32–33.)
- ²⁹⁵ Керенский А. Русская революция... с. 94.
- ²⁹⁶ Чернов В... с. 71.
- ²⁹⁷ Записка петроградского охранного отделения о Государственной Думе 01.1917 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 161).
- ²⁹⁸ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. — М.: АСТ, МН.: Харвест, 2001. — 400 с., с. 213.
- ²⁹⁹ Доклад охранного отделения от 5.02.1917 (*Милюков П. Н...* с. 556).
- ³⁰⁰ 23 февраля 1917 г. Заседание двадцать третье. Продолжение прений. Стенограмма заседаний Государственной Думы // <http://ibyu.narod.ru/f5.html>
- ³⁰¹ Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г. Хроника. Ч. 1. М., 1989, с. 4 (Кириянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. — С. 3–18.).
- ³⁰² ГАРФ, ф. 111, оп. 5, 1917 г., д. 664, л. 42 об. (Кириянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. — С. 3–18; см. также: Раупах Р. Р... с. 196).
- ³⁰³ Чернов В... с. 100.
- ³⁰⁴ Шульгин В. В... с. 546, комм. Ю. В. Мухачева.
- ³⁰⁵ Палеолог М. Дневник посла. — М.: Захаров, 2003. — 830 с. — с. 727 (6 марта 1917 г.).
- ³⁰⁶ Выступление министра земледелия А. А. Риттиха 23 февраля 1917 г. Заседание двадцать третье. Продолжение прений. Стенограмма заседаний Государственной Думы // <http://ibyu.narod.ru/f5.html>
- ³⁰⁷ Шляпников. Семнадцатый год. ГИЗ. 1925. Книга 1. с. 119 (Геллер М., Некрич А... с. 21).
- ³⁰⁸ Милюков П. Н... с. 556; 25 февраля Хабалов докладывал ген. Иванову, что в городе было «560 000 пудов запаса муки» (Троц-

кий Л. Д. История Русской Революции. Том Первый. Февральская Революция).

³⁰⁹ Воейков В. Н... с. 161.

³¹⁰ Кара-Мурза С... с. 108.

³¹¹ Яковлев Н. Н... с. 296–297.

³¹² Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 147).

³¹³ Милюков П. Н... с. 556, 557.

³¹⁴ Архив генерала Рузского (Чернов В... с. 80); История отечества в документах. 1917–1993 гг. Часть 1. 1917–1920 гг. С. 12 (Хрестоматия... с. 386).

³¹⁵ Из письма Алексеева — Юденичу 28 февраля 1917 г. (Полностью см.: Шишов А. В... с. 273); См. также: История отечества в документах. 1917–1993 гг. Часть 1. С. 12 (Хрестоматия... с. 386).

³¹⁶ АРР т. III. С. 261 (Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 344).

³¹⁷ Милюков П. Н... с. 553.

³¹⁸ Милюков П. Н... с. 36.

³¹⁹ Чернов В... с. 77.

³²⁰ Чернов В... с. 77–78.

³²¹ Чернов В... с. 78.

³²² Милюков П. Н... с. 560.

³²³ Чернов В... с. 79.

³²⁴ Чернов В... с. 79.

³²⁵ Деникин А. И. (I)... с. 40–41.

³²⁶ Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 59 (Геллер М., Некрич А... с. 20).

³²⁷ Милюков П. Н... с. 563.

³²⁸ «Русская Летопись», книга 7. Париж, 1925, с. 208 (Мультипули П. В...).

³²⁹ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. — М.: Книга, 1991, с. 130.

³³⁰ Великий князь Александр Михайлович. Мемуары великого князя. — М.: Захаров-АСТ, 1999., с. 186.

³³¹ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999, с. 227.

³³² Милюков П. Н... с. 568–570.

³³³ Богомолов А. Красная Звезда. 31.03.2005.

- ³³⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1, ч. 1, с. 37–39 (Чернов В... с. 74).
- ³³⁵ См. Шишов А. В... с. 270–273, 274.
- ³³⁶ См. Шишов А. В... с. 275.
- ³³⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 34.
- ³³⁸ Чернов В... с. 82.
- ³³⁹ Чернов В... с. 82.
- ³⁴⁰ Александр М... с. 273.
- ³⁴¹ Керенский А. Русская революция... с. 239.
- ³⁴² Палеолог М... 14 марта 1917 г., с. 740; см. также: Александр Иванович Гучков рассказывает... с. 9 // <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=9>
- ³⁴³ Новое время, 5/18 марта 1917 г., № 14719. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 23).
- ³⁴⁴ Статьи «Страна и революция», газета «Речь» от 18 (5) марта 1917 г. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 24).
- ³⁴⁵ Чернов В... с. 84.
- ³⁴⁶ Чернов В... с. 91.
- ³⁴⁷ Чернов В... с. 97.
- ³⁴⁸ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 27.
- ³⁴⁹ Шульгин В. В... с. 272.
- ³⁵⁰ Шульгин В. В... с. 274.
- ³⁵¹ Чернов В... с. 90.
- ³⁵² Родзянко. Государственная Дума и февральская революция. // Архив русской революции. Т. 6, с. 61–62 (Чернов В... с. 92).
- ³⁵³ Шульгин В. В... с. 155.
- ³⁵⁴ Чернов В... с. 84–85.
- ³⁵⁵ Троцкий Л. Д. История русской революции. т. 1. Февральская революция. Предисловие к русскому изданию.
- ³⁵⁶ Деникин А. И... т. 1, с. 129.
- ³⁵⁷ Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 82, 403.
- ³⁵⁸ Верховский А. И. На трудном перевале. — М.: 1959, с. 207.
- ³⁵⁹ Деникин А. И... т. 1, с. 67.
- ³⁶⁰ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. — М.: 1981, с.18.
- ³⁶¹ Керенский А. Русская революция... с. 155. См. также: Чернов В... с. 301.
- ³⁶² Цит. по: Керенский А. Русская революция... с. 156.
- ³⁶³ Керенский А. Русская революция... с. 31–32.

- 364 Заседание правительства, главнокомандующих и ЦИК Совета 4 мая 1917 г. (*Деникин А. И...* т. 1, с. 68–70).
- 365 Заседание правительства, главнокомандующих и ЦИК Совета 4 мая 1917 г. (*Деникин А. И...* т. 1, с. 68–70).
- 366 *Anet C. La révolution russe* (*Деникин А. И...* т. 1, с. 70)
- 367 *Керенский А. Русская революция...* с. 51.
- 368 *Чернов В...* с. 302.
- 369 *Деникин А. И...* т. 1, с. 71.
- 370 «Вопросы истории», 1990, № 7, с. 107, 108 (*Кожин В. В...* с. 166).
- 371 Из выступления военного министра А. Гучкова на съезде делегатов фронта 12 мая (22 апреля) 1917 г. (*Головин Н. Н. Российская контрреволюция...* т. 1, с. 83).
- 372 *Деникин А. И...* т. 1, с. 351.
- 373 *Керенский А. Русская революция...* с. 170.
- 374 *Деникин А. И...* т. 1, с. 207–208.
- 375 *Деникин А. И...* т. 1, с. 65–67.
- 376 *Деникин А. И...* т. 1, с. 209.
- 377 *Деникин А. И...* т. 1, с. 215, 216.
- 378 *Деникин А. И...* т. 1, с. 218.
- 379 *Деникин А. И...* т. 1, с. 223–225.
- 380 *Деникин А. И...* т. 1, с. 223–225.
- 381 *Деникин А. И...* т. 1, с. 232–233.
- 382 *Деникин А. И...* т. 1, с. 234–235.
- 383 *Деникин А. И...* т. 1, с. 237.
- 384 *Деникин А. И...* т. 1, с. 243.
- 385 *Деникин А. И...* т. 1, с. 94–95.
- 386 Цит. по: *Милюков П. Н. История...* с. 95.
- 387 Письмо А. И. Гучкова генералу Алексееву в Ставку (*Милюков П. Н...* с. 615).
- 388 *Деникин А. И...* т. 1, с. 244, 251, 255.
- 389 *Колчак А. В. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб, 2001, С. 377–378, 380, 382.\ (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала... с. 15–16).*
- 390 *Деникин А. И...* т. 1, с. 258.
- 391 *Деникин А. И...* т. 1, с. 312.
- 392 *Керенский А. Русская революция...* с. 278.
- 393 *Деникин А. И...* т. 1, с. 263.
- 394 *Деникин А. И...* т. 1, с. 65–67.

- ³⁹⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 170.
- ³⁹⁶ Горький М. 19 мая 1918 г. (Бунин И., Горький М... с. 345, 342).
- ³⁹⁷ Сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 133, 134).
- ³⁹⁸ Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 137).
- ³⁹⁹ Семенов Г... с. 50.
- ⁴⁰⁰ Керенский А. Русская революция... с. 31–32. См. также: Шульгин, непосредственно наблюдавший события февраля 1917 г., отмечал: «Почти все части без офицеров...» (Шульгин В. В... с. 197).
- ⁴⁰¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 42.
- ⁴⁰² Керенский А. Русская революция... с. 151.
- ⁴⁰³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 32–33.
- ⁴⁰⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 34.
- ⁴⁰⁵ Деникин А. Очерки русской смуты, т. 1, вып. 1, с. 60 (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 37).
- ⁴⁰⁶ Отчет соединенного заседания Временного правительства и Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 17 (4) мая 1917 г. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 87).
- ⁴⁰⁷ Деникин А. И... т. 1, с. 231.
- ⁴⁰⁸ Деникин А. И... т. 1, с. 128.
- ⁴⁰⁹ Деникин А. И... т. 2.
- ⁴¹⁰ Краснов П. Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. Нью-Йорк: Джорданвилль, 1986, с. 14.
- ⁴¹¹ Врангель П. Н. Воспоминания. М.: Терра, 1992. т. 1, с. 26.
- ⁴¹² Бьюкенен Дж... с. 289.
- ⁴¹³ Бердяев Н. Философия неравенства. — Берлин. Обелиск. 1923, с. 18–19.
- ⁴¹⁴ Шульгин В. В... с. 76.
- ⁴¹⁵ Витте С. Ю... т. 2, с. 192.
- ⁴¹⁶ «Россия в мировой войне 1914–1918 гг.». ЦСУ СССР.
- ⁴¹⁷ Количество уценных дезертиров с начала войны до Февральской революции 1917 г. составляет примерно 195 130 чел. Количество незарегистрированных дезертиров с февраля по ноябрь 1917 г. составило около 1518 тыс. человек. (Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 186.)
- ⁴¹⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 404, схема № 8.

- 419 Керенский А. Русская революция... с. 164.
- 420 Набоков В. Д. Временное правительство. С. 74.
- 421 Людендорф Э... с. 303, 425
- 422 Россия в мировой войне 1914–1918 гг. в цифрах. М., 1925, с. 31 (Волков С. В... с. 9).
- 423 Волков С. В... с. 11.
- 424 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. М., 1991. С. 30.
- 425 Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. — Белград: 1933, с. 4 (Айрапетов О... с. 54).
- 426 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 71, 76.
- 427 Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 107.
- 428 Сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 133).
- 429 Приказ по Северо-Западному фронту от 15 сентября 1915 г. (Лемке М. К... 1916, с. 27.)
- 430 Лемке М. К... 1916, с. 166.
- 431 Лемке М. К... 1916, с. 616.
- 432 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 75.
- 433 Волков С. В. Русский офицерский корпус. Глава II Путь в офицеры. Получение первого офицерского чина // <http://swolkov.org/rok/index.htm>
- 434 Керенский А. Русская революция... с. 141.
- 435 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 38.
- 436 Игнатъев А... с. 431.
- 437 Горький М. 19 мая 1918 г. (Бунин И. Горький М... с. 342).
- 438 Игнатъев А... с. 432.
- 439 Игнатъев А... с. 435.
- 440 Игнатъев А... с. 432.
- 441 Игнатъев А... с. 436.
- 442 Игнатъев А... с. 440.
- 443 Вебер М... с. 589.
- 444 Керенский А. Русская революция... с. 158.
- 445 Цит. по: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 107.
- 446 Керенский А. Русская революция... с. 108.
- 447 Керенский А. Русская революция... с. 155. См. также: Чернов В... с. 301.
- 448 Керенский А. Русская революция... с. 171–172.

- 449 Керенский А. Русская революция... с. 181–182.
- 450 См. подробнее: Милюков П. Н. История... с. 105–109.
- 451 Керенский А. Русская революция... с. 177.
- 452 Керенский А. Русская революция... с. 228.
- 453 Керенский А. Русская революция... с. 278.
- 454 Керенский А. Русская революция... с. 229.
- 455 Чернов В... с. 287.
- 456 Керенский А. Русская революция... с. 193.
- 457 Керенский А. Русская революция... с. 194.
- 458 Деникин А. И... т. 1, с. 368–369.
- 459 Деникин А. И... т. 1, с. 178.
- 460 Керенский А. Русская революция... с. 198.
- 461 Чернов В... с. 283.
- 462 Телеграмма командующих фронтами Брусилова, Баланина, Щербачева, Каледина, Балуева военному министру России о состоянии армии. Весьма срочно, весьма секретно. 18.03.1917 (Разложение армии в 1917 году. 1917 год в документах и материалах: М.; Л., 1925. С. 30) (Шаццлло В. К... с. 223).
- 463 Чернов В... с. 283.
- 464 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 100.
- 465 Милюков П. Н. История второй русской революции. — София: 1921, т. 1, с. 42 (Уткин А. И... с. 302)
- 466 Милюков П. Н... с. 593.
- 467 Совещание в Ставке 18.03.1917. Секретно (Разложение армии в 1917 году. 1917 год в документах и материалах: М.; Л., 1925. С. 11) (Шаццлло В. К... с. 222).
- 468 Отчет соединенного заседания Временного правительства и Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 17 (4) мая 1917 г. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 86, 89, 93, 99).
- 469 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... с. 104.
- 470 Чернов В... с. 284.
- 471 Чернов В... с. 284.
- 472 Чернов В... с. 286.
- 473 Деникин А. И... т. 1, с. 205.
- 474 Семенов Г... с. 63.
- 475 Деникин А. И... т. 1, с. 226.
- 476 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 106–107.
- 477 Головин Н. Н. Российская контрреволюция... с. 102.

- ⁴⁷⁸ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. 1, вып. 1, с. 175–178 (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 101).
- ⁴⁷⁹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... с. 103.
- ⁴⁸⁰ Людендорф Э... с. 301
- ⁴⁸¹ Зайончковский А. М... с. 865–871.
- ⁴⁸² Чернов В... с. 286.
- ⁴⁸³ Деникин А. И... т. 1, с. 378.
- ⁴⁸⁴ Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 367.
- ⁴⁸⁵ Чернов В... с. 286.
- ⁴⁸⁶ Чернов В... с. 286.
- ⁴⁸⁷ Чернов В... с. 286.
- ⁴⁸⁸ Чернов В... с. 287.
- ⁴⁸⁹ Революционное движение в русской армии, с. 213. (Волков С. В... с. 24.)
- ⁴⁹⁰ Киган Д... с. 432.
- ⁴⁹¹ Деникин А. И... т. 1, с. 394.
- ⁴⁹² Мультатули П. В...
- ⁴⁹³ Керенский А. Русская революция... с. 267–268; См. также: Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 368.
- ⁴⁹⁴ Перед лицом неминуемой гибели // Известия Советов, 13 июля 1917 г. (Керенский А. Ф. Прелюдия... с. 27).
- ⁴⁹⁵ Керенский А. Русская революция... с. 226–227.
- ⁴⁹⁶ Бьюкенен — Бальфуру 16 июля 1917 г. о беседе с Терещенко (Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив, т. 5. (24), с. 152–154 (Чернов В... с. 333)).
- ⁴⁹⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 111, 113.
- ⁴⁹⁸ Керенский А. Ф. Прелюдия... с. 32
- ⁴⁹⁹ Керенский А. Ф. Прелюдия... с. 38
- ⁵⁰⁰ Керенский А. Ф... с. 71.
- ⁵⁰¹ Савинков Б. В. К делу Корнилова. Париж, 1919, с. 5 (Чернов В... с. 309–310).
- ⁵⁰² Против назначения Корнилова категорически выступил ген. Алексеев, вплоть до угрозы своей отставки, мотивируя это недостатками личных качеств Корнилова. Против назначения Корнилова выступил также ген. Брусилов (Керенский А. Из воспоминаний // Современные записки. Т. 39, с. 232. (Чернов В... с. 307)).
- ⁵⁰³ Керенский А. Из воспоминаний // Современные записки. Т. 39, с. 232–234. (Чернов В... с. 314).
- ⁵⁰⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 106–107.

- ⁵⁰⁵ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. 1, вып. 1, с. 27. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 115, 152).
- ⁵⁰⁶ Керенский А. Русская революция... с. 229.
- ⁵⁰⁷ См., например: заявление Л. Корнилова В. Львову 24 и 25 августа (см. подробнее: Милюков П. Н. История... с. 379–380).
- ⁵⁰⁸ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 155.
- ⁵⁰⁹ Савинков. К делу Корнилова (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 155).
- ⁵¹⁰ Деникина А. И. Очерки Русской смуты, т. II, с. 21–22 (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 155).
- ⁵¹¹ Милюков П. Н. История... с. 354–355; см. также: Чернов В... с. 320–321.
- ⁵¹² Милюков П. Н. История... с. 360.
- ⁵¹³ Чернов В... с. 320.
- ⁵¹⁴ Милюков П. Н. История... с. 437–438; Винберг Ф. В. В плену о «обезьян» (записки контрреволюционера). Ч. 1. Киев, 1918. Книга представляет дневник, который полковник Винберг вел в тюрьме у большевиков с декабря 1917 г. по март 1918 г. (Цит. по: Милюков П. Н. История... с. 360).
- ⁵¹⁵ Керенский А. Ф... с. 80.
- ⁵¹⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 172.
- ⁵¹⁷ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 9, л. 9 (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 185).
- ⁵¹⁸ Керенский А. Ф... с. 17–18.
- ⁵¹⁹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 188.
- ⁵²⁰ Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. I. 1927 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 88).
- ⁵²¹ Деникин А. И... т. 2, с. 132–135.
- ⁵²² Зайончковский А. М... с. 680.
- ⁵²³ Деникин А. И... т. 2, с. 145.
- ⁵²⁴ Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 112 (Уткин А. И... с. 354).
- ⁵²⁵ Из выступления Корнилова на Московском государственном совещании 14 августа (цит. по: Милюков П. Н. История... с. 330).
- ⁵²⁶ Головин Н. Н. Военные усилия России... с. 258–259.
- ⁵²⁷ Журнал соединенного заседания Комиссии (Совета Российской Республики) по обороне и по иностранным делам «ноября (20 октября) 1917 г. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 251–257).
- ⁵²⁸ Керенский А. Русская революция... с. 320.

⁵²⁹ Экономическая мобилизационная нагрузка рассчитывается как отношение количества мобилизованных к Национальному капиталу (богатству). Соотношение между Национальным капиталом и доходом для Англии, Франции, США, Германии по *Пикетти Т...* с. 153, 170. Для России рассчитан по: Народное богатство России на 1.01.1914 (*Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России (статистическое исследование). М., 1960) и Народный доход в 1913 г. по расчетам С. Г. Струмилина и М. Фалкуса (Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг. Под ред. Струмилина С. Г. М., 1927; Falkus V.M.E. Russia's National Income, 1913: A Revaluation // *Economica*, N. S., Vol. XXXV, № 137 (February, 1968). P. 52–73) (Россия в 1913...). Исходные данные: «Monitoring The World Economy 1820–1992» OECD 1995 (Из долларов 1990 г. переведено в доллары 1913 г. по <http://www.usinflationcalculator.com/>); *Урланис Б. Ц.* История военных потерь. — СПб, М.: Полигон АСТ. 1998, с. 391,392; и *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. — СПб.: Полигон, 2000. — 880 с., с. 836. (Мобилизационная нагрузка... Лист 2)

⁵³⁰ *Деникин А. И...* т.2, с. 150–151.

⁵³¹ *Деникин А. И...* т.2, с. 146.

⁵³² *Деникин А. И...* т. 1, с. 394.

⁵³³ *Уткин А. И.* Черчилль... с. 172.

⁵³⁴ *Н. А. Бердяев.* Кто виноват? // *Н. А. Бердяев.* Собрание сочинений. — Париж: YMCA-PRESS, 1990. Т. 4, с. 92; п.п.: Русская свобода. 1917, № 18.

⁵³⁵ *М. Волошин.* Россия распятая. Лекция (1920) // Выход из транса. М., 1995, с. 164–165 (*Кара-Мурза А., Поляков Л...* с. 222).

⁵³⁶ Звенья. Исторический альманах. Вып.2. — М., СПб: 1992, с. 271–272, 354. (*Кожин В. В...* с. 161–162.)

⁵³⁷ *Ленин В. И.* Государство и революция, Пг., 1918, с. 31.

⁵³⁸ *Деникин А. И...* т. 2, с. 145.

⁵³⁹ *Шульгин В. В...* с. 169–170.

⁵⁴⁰ *Деникин А. И...* т. 1, с. 38–39.

⁵⁴¹ *Керенский А.* Русская революция... с. 108.

⁵⁴² *Шульгин В. В...* с. 194.

⁵⁴³ *Деникин А. И...* т. 1, с. 43.

⁵⁴⁴ *Милюков П. Н...* с. 568.

⁵⁴⁵ *Милюков П. Н...* с. 573.

⁵⁴⁶ *Керенский А.* Русская революция... с. 35.

⁵⁴⁷ *Деникин А. И...* т. 1, с. 453–455.

- ⁵⁴⁸ Шульгин В. В... с. 180.
- ⁵⁴⁹ Яковлев Н. Н... с. 265.
- ⁵⁵⁰ Яковлев Н. Н... с. 318–319.
- ⁵⁵¹ Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993 // <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=8>
- ⁵⁵² Бьюкенен Дж... с. 271
- ⁵⁵³ Бьюкенен — лорду Мильнеру, 10.04.1917 (*Бьюкенен Дж...* с. 276).
- ⁵⁵⁴ Палеолог М... 17 марта 1917 г., с. 752–753.
- ⁵⁵⁵ Палеолог М... 23 марта 1917 г., с. 766–767.
- ⁵⁵⁶ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914
- ⁵⁵⁷ Палеолог М... 24 марта 1917 г., с. 771.
- ⁵⁵⁸ Шульгин В. В. Дни (*Шульгин В. В...* с. 203)
- ⁵⁵⁹ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 109 (*Уткин А. И...* с. 309)
- ⁵⁶⁰ Теребихин М. Ф., Шварев И. А. Рассказы о прожитом. — Воронеж: Издат. им. Е. А. Болховитинова. 2003. 152 с., с. 19.
- ⁵⁶¹ Воейков В. Н... с. 195.
- ⁵⁶² Милюков П. Н... с. 282–285.
- ⁵⁶³ Шульгин В. В. Размышления. Две старые тетради // Сб.: Неизвестная Россия XX век / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. — М.: Историческое наследие, 1992; (*Рыбас С. Ю...* с. 214.)
- ⁵⁶⁴ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1990, с. 31.
- ⁵⁶⁵ Хоскинг Дж. Россия и русские в 2 кн., — М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. — 492 с., с. 65.
- ⁵⁶⁶ Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. Июль 1917 г. Т. 34, с. 217.
- ⁵⁶⁷ Чернов В... с. 117–118.
- ⁵⁶⁸ Деникин А. И... т. 1, с. 114–115.
- ⁵⁶⁹ Керенский А. Русская революция... с. 108.
- ⁵⁷⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993 // <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=10>; см. также: Basile K. La Société soviétique contemporaine. Paris, 1977. с. 146 (*Геллер М., Некрич А...* с. 14–15).
- ⁵⁷¹ Бердяев Н. А... с. 474.
- ⁵⁷² Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 328.

- ⁵⁷³ Шляпников. Семнадцатый год. ГИЗ. 1925. Книга 1. с. 40 (Геллер М., Некрич А... с. 19).
- ⁵⁷⁴ Блок А. Последние дни императорской власти. — Петербург: 1921. с. 45–46 (Геллер М., Некрич А... с. 19).
- ⁵⁷⁵ Милюков П. Н... с. 547.
- ⁵⁷⁶ Милюков П. Н... с. 282–285, 618–619.
- ⁵⁷⁷ Войтинский В. С... с. 53, 54.
- ⁵⁷⁸ Чернов В... с. 104.
- ⁵⁷⁹ Чернов В... с. 106.
- ⁵⁸⁰ Чернов В... с. 106–107.
- ⁵⁸¹ Чернов В... с. 107.
- ⁵⁸² Бьюкенен Дж... с. 236
- ⁵⁸³ Милюков П. Н... с. 282–285.
- ⁵⁸⁴ Чернов В... с. 115.
- ⁵⁸⁵ Деникин А. И... т. 1, с. 114.
- ⁵⁸⁶ Милюков П. Н... с. 618–619.
- ⁵⁸⁷ Чернов В... с. 116.
- ⁵⁸⁸ Чернов В... с. 120.
- ⁵⁸⁹ Чернов В... с. 118.
- ⁵⁹⁰ Чернов В... с. 119.
- ⁵⁹¹ Милюков П. Н... с. 282–285.
- ⁵⁹² Резолюция Первого съезда 4.04.1917 (Деникин А. И... т. 1, с. 118, 223).
- ⁵⁹³ Шульгин В. В... с. 226.
- ⁵⁹⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... 16 ноября 1932 г. // <http://coollib.net/b/223590/read>
- ⁵⁹⁵ Деникин А. И... т. 2, с. 122.
- ⁵⁹⁶ Liddel Hart. The Real War. Lnd., 1930, p. 304 (Уткин А. И... с. 326)
- ⁵⁹⁷ Слова кн. Г. Львова (Бьюкенен Дж... с. 288). В. Чернов: «Отношения между правительством и Советом определились полностью. С одной стороны была официальная власть, не имевшая реальной силы, с другой — реальная сила без официальной власти; безвластное правительство и „безправительственная“ власть существовали одновременно» (Чернов В... с. 195).
- ⁵⁹⁸ См. подробнее: Деникин А. И... т. 1, с. 79.
- ⁵⁹⁹ Деникин А. И... т. 1, с. 129–130.
- ⁶⁰⁰ Милюков П. Н... с. 612–613.
- ⁶⁰¹ Керенский А. Русская революция... с. 133–134. См. также: Милюков П. Н. История... с. 91.

- ⁶⁰² *Палеолог М...* с. 21 апреля 1917 г., с. 798.
- ⁶⁰³ *Миллюков П. Н. История...* с. 97.
- ⁶⁰⁴ *Миллюков П. Н...* с. 612.
- ⁶⁰⁵ *Миллюков П. Н...* с. 617.
- ⁶⁰⁶ *Шидловский С. И. Воспоминания. Т. 2, с. 129 (Чернов В... с. 199).*
- ⁶⁰⁷ П. Миллюков: «Я по-прежнему продолжал возражать против самого принципа коалиции и на этом принципиальном вопросе — а не только на вопросе о дальнейшем ведении внешней политики — обосновал свой уход» (*Миллюков П. Н...* с. 617).
- ⁶⁰⁸ *Чернов В...* с. 397.
- ⁶⁰⁹ *Войтинский В. С...* с. 129.
- ⁶¹⁰ Известия 29.05.1917.
- ⁶¹¹ *Войтинский В. С...* с. 138, 139.
- ⁶¹² *Войтинский В. С...* с. 116.
- ⁶¹³ *Миллюков П. Н. История...* с. 173.
- ⁶¹⁴ *Миллюков П. Н...* с. 624.
- ⁶¹⁵ *Деникин А. И...* т. 1, с. 129–130.
- ⁶¹⁶ *Деникин А. И...* т. 1, с. 116–117.
- ⁶¹⁷ *Миллюков П. Н...* с. 626–628.
- ⁶¹⁸ *Войтинский В. С...* с. 152.
- ⁶¹⁹ *Миллюков П. Н...* с. 626–628.
- ⁶²⁰ Выступление В. Ленина 4(17).06 на Всероссийском съезде Советов «Об отношении к Временному правительству» опубликовано в «Правде» 15(28) и 16(29).06.1917.
- ⁶²¹ Выступление Зиновьева, в годовщину событий 3–5 июля, в 1918 г. на заседании петроградского Совета (*Миллюков П. Н. История...* с. 203).
- ⁶²² *Чернов В...* с. 397–398.
- ⁶²³ Доклад Сталина на 6 съезде (*Чернов В...* с. 398).
- ⁶²⁴ Доклад Н. Подвойского на 2-й Общегородской конференции петроградских большевиков, 16 июля 1917 г. (*Чернов В...* с. 398–399).
- ⁶²⁵ *Чернов В...* с. 401.
- ⁶²⁶ *Чернов В...* с. 404.
- ⁶²⁷ Правда 1917. № 39. 23 апреля.
- ⁶²⁸ *Ленин В. Удержат ли большевики государственную власть. Октябрь 1917 г. (См. подробнее: Миллюков П. Н. История...* с. 629, 634).
- ⁶²⁹ *Миллюков П. Н. История...* с. 209.

- 630 *Милюков П. Н...* с. 628–629.
- 631 *Войтинский В. С...* с. 169.
- 632 См. подробнее: *Милюков П. Н...* с. 629–630.
- 633 *Мельгунов С.* «Золотой немецкий ключ»... с. 601.
- 634 *Мельгунов С.* «Золотой немецкий ключ»... с. 603, 605.
- 635 *Мельгунов С.* «Золотой немецкий ключ»... с. 607.
- 636 *Мельгунов С.* «Золотой немецкий ключ»... с. 603–604.
- 637 *Керенский А.* Русская революция... с. 221.
- 638 *Мельгунов С.* «Золотой немецкий ключ»... с. 597. См. также:
Керенский А. Русская революция... с. 221–223.
- 639 *Керенский А.* Русская революция... с. 221.
- 640 *Керенский А.* Русская революция... с. 235.
- 641 *Милюков П. Н...* с. 631–632.
- 642 *Деникин А. И...* т. 1, с. 275–276.
- 643 *Мельгунов С.* «Золотой немецкий ключ»... с. 609.
- 644 *Деникин А. И...* т. 1, с. 275–276.
- 645 *Чернов В...* с. 402.
- 646 *Дан.* К истории последних дней Временного правительства. Летопись революции. 1923. № 1 (*Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть... с. 135, 136, 139).
- 647 *Керенский А.* Русская революция... с. 305.
- 648 *Милюков П. Н...* с. 633.
- 649 *Керенский А.* Русская революция... с. 218.
- 650 «Рабочая газета», 1917, 29 июля.
- 651 *Милюков П. Н...* с. 299–300.
- 652 Плеханов Г.В. Год на Родине. Т. 1. — Париж: 1921. С. 27–28.
- 653 *Чернов В...* с. 316.
- 654 *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 116.
- 655 *Керенский А.* Русская революция... с. 230, 305.
- 656 Прокламация ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, 11 июля 1917 г. (*Керенский А. Ф.* Прелюдия... с. 26–27)
- 657 *Керенский А.* Русская революция... с. 233. См. также подробнее: *Милюков П. Н.* История... с.230–237.
- 658 *Керенский А.* Русская революция... с. 233.
- 659 *Чернов В...* с. 338.
- 660 *Деникин А. И...* т. 1, с. 420.
- 661 *Милюков П. Н.* История... с. 309–310.
- 662 *Милюков П. Н.* История... с. 310.
- 663 Из выступления Каледина на Московском государственном совещании (цит. по: *Милюков П. Н.* История... с. 332).

- ⁶⁶⁴ Милюков П. Н. История..., с. 339.
- ⁶⁶⁵ Чернов В... с. 317.
- ⁶⁶⁶ Керенский А. Ф... с. 277.
- ⁶⁶⁷ Керенский А. Русская революция... с. 237, 282.
- ⁶⁶⁸ Керенский А. Ф... с. 277.
- ⁶⁶⁹ Керенский А. Ф... с. 111–112.
- ⁶⁷⁰ Керенский А. Ф... с. 143–144, 198.
- ⁶⁷¹ Чернов В... с. 320.
- ⁶⁷² Керенский А. Русская революция... с. 260.
- ⁶⁷³ Чернов В... с. 342.
- ⁶⁷⁴ Керенский А. Ф... с. 145.
- ⁶⁷⁵ Чернов В... с. 350.
- ⁶⁷⁶ Чернов В... с. 342–344.
- ⁶⁷⁷ Керенский А. Ф... с. 16.
- ⁶⁷⁸ Керенский А. Ф... с. 97.
- ⁶⁷⁹ Алексеев — Милюкову 12 сентября 1917 г. (опубликовано 12 декабря 1917 г. в газете Известия № 249). Керенский А. Ф... с. 235, 278.
- ⁶⁸⁰ Керенский А. Ф... с. 233.
- ⁶⁸¹ Чернов В... с. 325–326. См. также: Алексеев назвал лишь несколько фамилий крупнейших финансистов того времени Вышеградского и Путилова... (Алексеев — Милюкову 12 сентября 1917 г. (опубликовано 12 декабря 1917 г. в газете Известия № 249). Керенский А. Ф... с. 278)
- ⁶⁸² Деникин... т. 2, с. 27 (Чернов В... с. 325).
- ⁶⁸³ Чернов В... с. 322.
- ⁶⁸⁴ Керенский А. Ф... с. 77.
- ⁶⁸⁵ Бьюкенен Дж... с. 343.
- ⁶⁸⁶ Дневник Дж. Бьюкенена, запись 3.09.1917. (Бьюкенен Дж... с. 327–328)
- ⁶⁸⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция ... т. 1, с. 155.
- ⁶⁸⁸ Деникин А. Очерки Русской смуты, т. II (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 170); см. также: Чернов В... с. 327.
- ⁶⁸⁹ Керенский А. Русская революция... с. 230, См. также: Чернов В... с. 328.
- ⁶⁹⁰ См., например: Милюков П. Н. История... с. 372–373.
- ⁶⁹¹ Чернов В... с. 330.
- ⁶⁹² Решение Конференцией общественных деятелей 6–10 августа 1917 г. (Керенский А. Ф. Прелюдия... с. 106).

⁶⁹³ Князь Трубецкой — Терещенко, телеграмма № 262, 28 августа 1917 г. (*Керенский А. Ф. Прелюдия...* с. 193); См. также: Телеграмма дипломатического представителя при Ставке кн. Гр. Н. Трубецкого — министру иностранных дел Терещенко. *Милюков П.* Россия на переломе, т. 1 (*Головин Н. Н. Российская контрреволюция ...* т. 1, с. 129).

⁶⁹⁴ Чернов В... с. 289.

⁶⁹⁵ Чернов В... с. 347.

⁶⁹⁶ Чернов В... с. 347.

⁶⁹⁷ Чернов В... с. 351.

⁶⁹⁸ Чернов В... с. 352.

⁶⁹⁹ Чернов В... с. 353.

⁷⁰⁰ Чернов В... с. 354.

⁷⁰¹ Чернов В... с. 356

⁷⁰² Керенский А. Ф... с. 17.

⁷⁰³ Керенский А. Ф... с. 195–196.

⁷⁰⁴ Деникин А. И... т. 1, с. 442–443.

⁷⁰⁵ Войтинский В. С... с. 236, 237.

⁷⁰⁶ Керенский А. Ф... с. 276.

⁷⁰⁷ Мельгунов С. Как большевики... с. 48.

⁷⁰⁸ Мельгунов С. Как большевики... с. 49.

⁷⁰⁹ Керенский А. Ф... с. 113, 277, 199.

⁷¹⁰ Керенский А. Русская революция... с. 288–289.

⁷¹¹ Деникин А. И... т. 1, с. 442–443.

⁷¹² 1 сентября в Петроградском Совете большинством 279 голосов против 115 и при 51 воздержавшемся была принята резолюция большевиков. См. также: резолюция Совета от 9 и 12 сентября (см. подробнее: *Милюков П. Н. История...* с. 482, 492, 498).

⁷¹³ Деникин А. И... т. 2, с. 123.

⁷¹⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 222.

⁷¹⁵ Деникин А. И... т.2, с. 123.

⁷¹⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 228.

⁷¹⁷ Чернов В... с. 364.

⁷¹⁸ Чернов В... с. 365.

⁷¹⁹ Валянский С... с. 124.

⁷²⁰ Деникин А. И... т.2, с. 125.

⁷²¹ Чернов В... с. 381.

⁷²² Бьюкенен Дж... с. 341

⁷²³ Русские Ведомости. 20 сентября 1917 г. (*Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть...* с. 87–88; См. полностью: *Головин*

Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 227, Первоисточник, очевидно, Милюков П. Н. История... с. 564–565).

⁷²⁴ Милюков П. Н. История... с. 565.

⁷²⁵ Милюков П. Н. История... с. 566.

⁷²⁶ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 95, примечание автора.

⁷²⁷ Войтинский В. С... с. 243.

⁷²⁸ Ленин В. И. ПСС, 1977, т. 34, с. 272–283. (Хрестоматия... с. 401–402.)

⁷²⁹ Бьюкенен Дж... с. 348–349

⁷³⁰ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 134–135.

⁷³¹ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 135, примечание автора.

⁷³² Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 224.

⁷³³ Войтинский В. С... с. 247.

⁷³⁴ С. Ан-ский. После переворота 25 октября 1917 г. «Архив Русск. Революции», т. VIII. — Берлин, 1923.

⁷³⁵ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 75.

⁷³⁶ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. N. Y., 1984, p. 168. (Уткин А. И. Унижение России... с. 84.)

⁷³⁷ Троцкий. Угроза Петрограду и борьба за мир. «Рабочий и Солдат» № 1, 30(17).10.1917.

⁷³⁸ Шульгин В. В... с. 226.

⁷³⁹ Милюков П. Н... с. 394.

⁷⁴⁰ Милюков П. Н... с. 9, пред. Н. Г. Думовой.

⁷⁴¹ Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М... с. 51–56).

⁷⁴² Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М... с. 97).

⁷⁴³ Мельгунов С. Как большевики... с. 70.

⁷⁴⁴ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 64–66.

⁷⁴⁵ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 67.

⁷⁴⁶ Ленин В. И. письмо 12–14.09.1917. Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть». ПСС, 1977, т. 34, с. 239–241. (Хрестоматия... с. 400–401.)

⁷⁴⁷ Дан. К истории последних дней Временного правительства. Летопись Революции, 1923, № 1 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 93–94).

- ⁷⁴⁸ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 94.
- ⁷⁴⁹ Беседа от 24 октября 1917 г. *Francis D. Russia from the American Embassy*. N. Y., 1921, p. 178. (Геллер М., Некрич А... с. 34).
- ⁷⁵⁰ Бьюкенен Дж... с. 348.
- ⁷⁵¹ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 95, примечание автора.
- ⁷⁵² Войтинский В. С... с. 253, 254, 256.
- ⁷⁵³ Мельгунов С. Как большевики... с. 212–213.
- ⁷⁵⁴ Мельгунов С. Как большевики... с. 328.
- ⁷⁵⁵ Мельгунов С. Как большевики... с. 213.
- ⁷⁵⁶ Волков С. В... с. 37, 38.
- ⁷⁵⁷ Волков С. В... с. 37, 38.
- ⁷⁵⁸ Прюссинг фон О. Защита Зимнего дворца. ВБ. № 20; Гайлеш де К. Защита Зимнего дворца. НРС. 4.11.1971 г. (Волков С. В... с. 39.).
- ⁷⁵⁹ Мельгунов С. Как большевики... с. 181, 188.
- ⁷⁶⁰ Керенский А. Русская революция... с. 335.
- ⁷⁶¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 282.
- ⁷⁶² Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 92.
- ⁷⁶³ Дан. К истории последних дней Временного правительства. Летопись Революции, 1923, № 1 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 93–94).
- ⁷⁶⁴ История второй Русской революции. Т. 1, вып. III, с. 219. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 282).
- ⁷⁶⁵ Цит. по: Милюков П. Н. История... с. 738.
- ⁷⁶⁶ Семенов Г... с. 69.
- ⁷⁶⁷ Малянтович. В зимнем дворце 25–26 октября 1917 г. Былое, 1918, № 12 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 182).
- ⁷⁶⁸ Мельгунов С. Как большевики... с. 149.
- ⁷⁶⁹ Мельгунов С. Как большевики... с. 180.
- ⁷⁷⁰ Троцкий Л. Д. Уроки Октября // К истории русской революции. — М.: 1990. С. 269, 273–278 (Хрестоматия... с. 406–407).
- ⁷⁷¹ Глобачев К. «Правда о русской революции» // «Вопросы истории», 2002, № 10, с. 57.
- ⁷⁷² Мельгунов С. Как большевики... с. 167.
- ⁷⁷³ Полковников — Духонину, 25 октября 1917 г. (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 170).
- ⁷⁷⁴ Мельгунов С. Как большевики... с. 203.
- ⁷⁷⁵ Мельгунов С. Как большевики... с. 203.
- ⁷⁷⁶ Мельгунов С. Как большевики... с. 211.

⁷⁷⁷ А. Ф. Керенский (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 47, эпиграф).

⁷⁷⁸ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 72

⁷⁷⁹ Г. П. Федотов. И есть и будет (Размышления о русской революции). Париж, 1932, с. 83 (Кара-Мурза А., Поляков Л... с. 224).

⁷⁸⁰ Деникин А. И... т. 2, с. 127–128.

⁷⁸¹ Деникин А. И... т. 2, с. 127–128.

⁷⁸² Раупах Р. Р... с. 290.

⁷⁸³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 267.

⁷⁸⁴ Деникин А. И... т. 2, с. 127–128.

⁷⁸⁵ ЧКК... с. 70–73.

⁷⁸⁶ Деникин А. И... т. 2, с. 152.

⁷⁸⁷ Миллюков П. Н. История... с. 103.

⁷⁸⁸ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 141).

⁷⁸⁹ Миллюков П. Н. История... с. 51–52.

⁷⁹⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 230.

⁷⁹¹ Kindleberger C. P. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crises. New York: Basic Books, 1989 [181] (Аникин А. История финансовых потрясений. — М.: Олимп-Бизнес. 2000. — 384 с. 179).

⁷⁹² Горький М. 22 января 1918 г. (Бунин И. Горький М... с. 282).

⁷⁹³ Деникин А. И... т. 1, с. 454–455.

⁷⁹⁴ Миллюков П. Н. История... с. 100.

⁷⁹⁵ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 352

⁷⁹⁶ Керенский А. Русская революция... с. 368.

⁷⁹⁷ Карр Эдвард. История Советской России. — М.: 1990, кн. 12, с. 104. (Кожин В. В... с. 236.)

⁷⁹⁸ Ленин В. И. Тезисы об Учредительном Собрании, 12 декабря 1917 г.

⁷⁹⁹ Керенский А. Русская революция... с. 369.

⁸⁰⁰ Станкевич. Воспоминания 1917–1919. 1920 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 359).

⁸⁰¹ Сведения о выборах 1917 года основаны на подсчетах эсеровского депутата Учредительного собрания И. В. Святыцкого. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). — М.: 1968, с. 62 и 416–425. (Кожин В. В... с. 230).

⁸⁰² По числу принявших участие в выборах избирателей в разных источниках есть расхождения, но они не выходят за рамки 36–

50 млн избирателей. Расхождения в количестве избранных депутатов незначительны. (См., например: *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976, с. 338–339. Или *Литвин А. Л.*... с. 21.)

⁸⁰³ Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень, 11.1920, с. 2. (*Петров Ю. А.*... с. 117).

⁸⁰⁴ См. подробнее: *Голишков Д.*... с. 152–168.

⁸⁰⁵ Такие как товарищ министра просвещения одна из кадетских лидеров граф. Панина, бывший министр финансов кадет Н. Кутлер.

⁸⁰⁶ ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, л. 353, л. 150–151 (*Голишков Д.*... с. 155–161).

⁸⁰⁷ *Милюков П. Н.*... предисл. Н. Г. Думовой, с. 8.

⁸⁰⁸ *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть... с. 85–86

⁸⁰⁹ Показания ген. М. Алексеева Войсковому Правительству Донской области 18 января 1918 г. — напечатано: *Донская волна* № 13, 24 марта 1919 (*Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 465).

⁸¹⁰ *Кисин С. Деникин.*... с. 152.

⁸¹¹ Декреты Советской власти. Т.1., с. 154, 155. (*Голишков Д. Л.*... с. 186).

⁸¹² Декреты Советской власти. Т.1., с. 162. (*Голишков Д. Л.*... с. 7).

⁸¹³ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 449.

⁸¹⁴ ЧКК... с. 80.

⁸¹⁵ *L. Shapiro.* Les Bolchéviks et l'opposition. Origines de l'absolutisme communiste, 1917–1922, Paris, Les Iles d'or, 1957, p. 84–86; *V. Brovkin*, op. cit., p.46–47, 59–63 (ЧКК... с. 87).

⁸¹⁶ Регистрация Всероссийского союза городов, для Петрограда (*Деникин А. И.*... т. 1, с. 49).

⁸¹⁷ *Деникин А. И.*... т. 1, с. 110.

⁸¹⁸ *Соколов Б. Ф.* «Защита Всероссийского Учредительного Собрания». — Берлин. 1924. Октябрьская революция. Мемуары. — М., Л.: 1926, с. 382 (*Кожин В. В.*... с. 240).

⁸¹⁹ *Деникин А. И.*... т. 1, с. 454–455.

⁸²⁰ См. подробнее: *Голишков Д.*... с. 175–179.

⁸²¹ *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть... с. 361.

⁸²² *Шидловский С. И.* Воспоминания. Т. 2, с. 122–123 (*Чернов В.*... с. 244).

- ⁸²³ Устрялов Н... с. 540.
- ⁸²⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 320.
- ⁸²⁵ Гинс Г... с. 179.
- ⁸²⁶ Колчак заявление в интервью 28 ноября 1918 г. (Гинс Г. К... с. 276).
- ⁸²⁷ Деникин А. И... т. 1, с. 454–455.
- ⁸²⁸ Кара-Мурза С... с. 158–159.
- ⁸²⁹ Деникин А. И... т. 1, с. 454.
- ⁸³⁰ Деникин А. И... т. 1, с. 454–455.
- ⁸³¹ Войтинский В. С... с. 237.
- ⁸³² Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 266.
- ⁸³³ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 344. (Кожин В. В... с. 237–238.)
- ⁸³⁴ Деникин А. И... т. 3, с. 35.
- ⁸³⁵ Заметки о заседании Высшего Военного Совета 12.01.1919, WP, LC (Дэвис Д. Э., Трани Ю. П... с. 309).
- ⁸³⁶ Кожин В. В... с. 240.
- ⁸³⁷ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. 1, часть 1, с. 179. (Голуб П. А... с. 324).
- ⁸³⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924, т. 3, с. 98 (Литвин А... с. 150).
- ⁸³⁹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала... с. 226.
- ⁸⁴⁰ Отечественные Ведомости, Самара, 12 ноября 1918 г. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала... с. 226).
- ⁸⁴¹ Утгоф В. Л. Уфимское государственное совещание. // Былое, 1921, № 16, с. 36 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала... с. 226–227).
- ⁸⁴² Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. — Новониколаевск: 1926. с. 54–55 (Литвин А... с. 208).
- ⁸⁴³ Мартынов А. Великая историческая проверка.
- ⁸⁴⁴ Ллойд Джордж Д... с. 112.
- ⁸⁴⁵ Колчак А. В. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб, 2001, С. 377–378, 380, 382 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала... с. 15–16).
- ⁸⁴⁶ Раубах Р. Р... с. 291.
- ⁸⁴⁷ Томас Хью. Гражданская война в Испании, 1931–1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2003. — 573 с. — С. 11.
- ⁸⁴⁸ Семенов Ю. Н. Социальная философия А. Тойнби. — М.: 1980, с. 185 (Кожин В. В... с. 230).

- ⁸⁴⁹ Грамши А. Революция против «Капитала», 01.1918 (*Кара-Мурза С...* с. 144).
- ⁸⁵⁰ Бердяев Н. А. Истоки... с. 109.
- ⁸⁵¹ Судьбы... с. 229.
- ⁸⁵² Ипатьев В. Н. «Жизнь одного химика» в 2 т. — Нью-Йорк, 1945. т. 1, с. 35–36 (*Кара-Мурза С...* с. 144).
- ⁸⁵³ Витте С. Ю... т. 2, с. 251.
- ⁸⁵⁴ Столыпин П. А. Речи 1906–1911. — Нью-Йорк: 1990, с. 149–150.
- ⁸⁵⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 321.
- ⁸⁵⁶ Менделеев Д. И. К познанию России. — СПб.: Изд. А. С. Суворина. 1907.
- ⁸⁵⁷ Мануйлов А. А... с. 72.
- ⁸⁵⁸ *Maslov Sergej. Agrarní Revoluce v Rusku. Praha, 1928, p. 15, 41* (*Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 322*).
- ⁸⁵⁹ Труды совещания 20–22 мая 1915 г. с участием представителей науки, земских и общественных учреждений. Пг., 1915. С. 422–425. Под главнейшими хлебами имеются в виду пшеница, рожь, овес, кукуруза, горох и бобы (РАН Россия 1913... разд. 5.3. Полеводство, таб. 6).
- ⁸⁶⁰ *Maslov Sergej. Agrarní Revoluce v Rusku. Praha, 1928, p. 15, 41* (*Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 322*).
- ⁸⁶¹ Построено на основании данных: *Клепиков С. А. Атлас диаграмм и картограмм по Аграрному вопросу. Под. ред. А. В. Чаянова. — М.: Универсальная библиотека, 1917, с. 7; и Maslov Sergej. Agrarní Revoluce v Rusku. Praha, 1928, p. 15, 41* (*Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 322*).
- ⁸⁶² Скальковский К... с.122.
- ⁸⁶³ Семнюта Ц. Из воспоминаний об А. И. Желябове // Былое, 04.1906 (*Покровский М...* с. 220–221).
- ⁸⁶⁴ Мануйлов А. А... с. 76.
- ⁸⁶⁵ Мануйлов А. А... с. 72.
- ⁸⁶⁶ О вкладе интеллигенции в политическое пробуждение крестьян см. подробнее: *Чернов В...* с. 139–140.
- ⁸⁶⁷ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары: т. 1. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001. — 800 с. [15], т. 2. [252].
- ⁸⁶⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары: т. 2. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001. — 800 с. [254, 255].
- ⁸⁶⁹ «Воспоминания», II, с. 114–116.

⁸⁷⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары: т. 2. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001. — 800 с. [252–253].

⁸⁷¹ *Качаровский К. Р.* Русская община. СПб., 1906. Цит. по: *Латов Ю. В.* Экономика вне закона (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

⁸⁷² *Каблиц И. И.* Основы народничества. — СПб, 1872–1873. Экономика русской цивилизации. Сост. О. А. Платонов — М.: Родник, 1995 [210, 211].

⁸⁷³ *Чернов В...* с. 138.

⁸⁷⁴ *Чернов В...* с. 139.

⁸⁷⁵ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 399.

⁸⁷⁶ *Вихляев П. А.* Право на землю. М., 1906. С. 33–34. Цит. по: *Латов Ю. В.* Экономика вне закона (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

⁸⁷⁷ Цит. по: *Бердяев Н. А.* Самопознание. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999, С. 140–141

⁸⁷⁸ *Салтыков А. А.* Голодная смерть под фирмой дополнительного надела (К критике аграрного вопроса). СПб., 1906. С. 200. Цит. по: *Латов Ю. В.* Экономика вне закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

⁸⁷⁹ *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 267–268. Цит. по *Латов Ю. В.* Экономика вне закона (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

⁸⁸⁰ *Вико Джамбаттиста.* Основания новой науки об общей природе наций. 1725. — М. — Киев. REFL-book, — ИСА. 1994. — 656 с., с. 67, 69. Примечательно, что цитирующая книга Вико Джамбаттиста была издана на русском языке всего один раз в... 1940 г. Переиздана в 1994 г.

⁸⁸¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. — М., 1957. С. 419.

⁸⁸² *Чернов В...* с. 178.

⁸⁸³ *Пешехонов А. В.* О предотвращении анархии в сфере земельных отношений // Дело народа. 1917. 23 марта (*Чернов В...* с. 178–179).

- ⁸⁸⁴ Каценельбаум Ц. С. Финансовая система земельной реформы // Русские ведомости. 1917. № 123, 130 (Чернов В... с. 239).
- ⁸⁸⁵ Чернов В... с. 239-240.
- ⁸⁸⁶ Каценельбаум Ц. С. Финансовая система земельной реформы // Русские ведомости. 1917. № 123, 130 (Чернов В... с. 240).
- ⁸⁸⁷ Чернов В... с. 240.
- ⁸⁸⁸ 1917 год в деревне. М.: Госиздат, б. г., с. 193–194 (Чернов В... с. 240).
- ⁸⁸⁹ Минц И. И. История Великого Октября. Т.2. — М., 1979. с. 134.
- ⁸⁹⁰ Чернов В... с. 179.
- ⁸⁹¹ Чернов В... с. 179.
- ⁸⁹² 22 кадет, 2 эсеров и 1 трудовика (Чернов В... с. 179).
- ⁸⁹³ Чернов В... с. 222.
- ⁸⁹⁴ Чернов В... с. 222–223.
- ⁸⁹⁵ Деникин А. И... т. 1, с. 146–147. См. подробнее: Чернов В... с. 222–223.
- ⁸⁹⁶ Чернов В... с. 246–247.
- ⁸⁹⁷ Чернов В... с. 225–226.
- ⁸⁹⁸ Наш голос (газета Самарской организации РСДРП), 2 июня 1917 г. (Чернов В... с. 181).
- ⁸⁹⁹ Н. Верт. ЧКК... с. 72–73.
- ⁹⁰⁰ Пришвин М.М. Дневники 1914–1917 гг. Книга первая. — М.: Московский рабочий, 1991. — 432 с., с. 309, 15 июня.
- ⁹⁰¹ Чернов В... с. 244.
- ⁹⁰² Чернов В... с. 238–239.
- ⁹⁰³ Верт Н. ЧКК... с. 72–73.
- ⁹⁰⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия. — М: 1957, с. 419.
- ⁹⁰⁵ Чернов В... с. 231–232.
- ⁹⁰⁶ Чернов В... с. 237.
- ⁹⁰⁷ Чернов В... с. 237.
- ⁹⁰⁸ Чернов В... с. 248.
- ⁹⁰⁹ 1917 год в деревне. М.: Госиздат, б. г., с. 174 (Чернов В... с. 249).
- ⁹¹⁰ 1917 год в деревне. М.: Госиздат, б. г., с. 174 (Чернов В... с. 249).
- ⁹¹¹ Чернов В... с. 225–226.
- ⁹¹² Безгин В...
- ⁹¹³ Кара-Мурза С... с. 129.

- ⁹¹⁴ Чернов В... с. 242.
- ⁹¹⁵ Земля и воля, 5 октября 1917 г. (Чернов В... с. 242).
- ⁹¹⁶ Земля и воля, 14 апреля 1917 г. (Чернов В... с. 242–243).
- ⁹¹⁷ Деникин А. И... т. 1, с. 325, примечание.
- ⁹¹⁸ Чернов В... с. 322–323.
- ⁹¹⁹ Чернов В... с. 323, примечание автора.
- ⁹²⁰ «Дело народа» 18 сентября (Цит. по: Милюков П. Н. История... с. 565).
- ⁹²¹ Отчет VII Всероссийскому съезду (Деникин А. И... т. 1, с. 147, примечание).
- ⁹²² Лутохин Л. Земельный вопрос в деятельности Временного правительства // Записки Института изучения России. Т. 2, с. 361 (Чернов В... с. 237).
- ⁹²³ Чернов В... с. 239.
- ⁹²⁴ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. — М.: 1979 с. 734.
- ⁹²⁵ Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Общественно-политический кризис. — М.: 1961 с. 487.
- ⁹²⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 320.
- ⁹²⁷ Часть статьи была опубликована в газете «Рабочий путь» 20.10, другая предназначалась только «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов» (так в тексте. — Сост.), так как в ней рассматривалась тактика подготовки восстания доказывалась необходимость его организации до созыва съезда Советов. Ленин В. И. ПСС. — М., 1977, Т. 34, с. 272–283. (Хрестоматия... с. 401–402.)
- ⁹²⁸ Мартынов. Главный земельный комитет. Красный Архив, XIV; Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 204).
- ⁹²⁹ Аграрное движение в 1917 г. / Воля России, 1925, кн. VI (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 204).
- ⁹³⁰ Ленин В. И. Собр. соч. Т. XIV, кн. II, 1924 (Сводки Главного управления по делам милиции (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 210).
- ⁹³¹ Деникин А. И... т. 1, с. 149.
- ⁹³² Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 206).
- ⁹³³ Построено на базе данных: март — июль — Газета «Рабочий» 7 сентября (25 августа) 1917. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг., т. 1. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 560 с., с. 112). Август — по Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–

1918 гг., т. 1. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 560 с., с. 113; Август — Сентябрь — Данные Управления по делам милиции (Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 206)). (Крестьянские восстания 1917... Лист 1)

⁹³⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг., т. 1. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 560 с., с. 113.

⁹³⁵ Шестаков А. В... с. 142–143. (Крестьянские выступления Шестаков 1917... Лист 1)

⁹³⁶ Гражданская война 1918–1921 гг. Т.1. — М.: Военный вестник. 1928, с. 14. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 226).

⁹³⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 321.

⁹³⁸ Деникин А. И... т. 1, с. 159–161.

⁹³⁹ Н. Верт. ЧКК... с. 77.

⁹⁴⁰ Александр Гурьев. Пожелание на Новый год. Огонек № 1. 1910 (Огонек № 1–2, 19 января 2015, с. 53)

⁹⁴¹ Судьбы... с. 229.

⁹⁴² Керенский А. Русская революция... с. 117–118.

⁹⁴³ Чернов В... с. 135.

⁹⁴⁴ Керенский А. Русская революция... с. 118.

⁹⁴⁵ См. подробнее: Чернов В... с. 130–133.

⁹⁴⁶ Чернов В... с. 135.

⁹⁴⁷ Чернов В... с. 209.

⁹⁴⁸ Чернов В... с. 210.

⁹⁴⁹ Выступление ген. Рузского 10 августа 1915 г. Архив русской революции. Т. 18, с. 66 (Чернов В... с. 209–210).

⁹⁵⁰ Буржуазия накануне Февральской революции... с. 131 // <http://elibrary.ru/nodes/3656#page/155/mode/inspect/zoom/4>

⁹⁵¹ Чернов В... с. 205.

⁹⁵² Петров Ю. А... с. 99.

⁹⁵³ Чернов В... с. 210.

⁹⁵⁴ Данные Московской биржи труда (Чернов В... с. 210). (Рост цен 1917... Лист 1)

⁹⁵⁵ Чернов В... с. 376–377.

⁹⁵⁶ Новая Жизнь 1917. 25 апр. (Судьбы... с. 229).

⁹⁵⁷ Милюков П. Н. История... с. 165.

⁹⁵⁸ См.: Милюков П. Н. История... с. 96, 167; См. также: Чернов В... с. 204.

⁹⁵⁹ Клейнборт Л. М. История безработицы в России 1857–1919 гг. — М., 1925. с. 113. (Население... т. 1, с. 247.)

- ⁹⁶⁰ Население... т. 1, с. 247.
- ⁹⁶¹ Мельгунов С. Как большевики... с. 62.
- ⁹⁶² Отсутствие данных не позволяет прямо оценить рост безработицы, однако косвенно о нем можно судить по накопительному росту количества уволенных рабочих с первого месяца революции. Уволенных только вследствие закрытия предприятий. Составлено на основании данных: Деникин А. И... т. 1, с. 160. Самойлова К. Н. Современная безработица и борьба с нею. — Пг. 1918. с. 8; Исаев А. Н. Безработица в СССР и борьба с нею (1917–1924 гг.). — М.: 1924. (Население... т. 1., с. 247). (UnimploementRus1917... Лист 1)
- ⁹⁶³ Составлено на основании данных: Авторханов А. Техноло-гия власти. — М.: Слово, 1991. — 638 с. с. 331; Кара-Мурза С... с. 139; История... с. 180, 188.
- ⁹⁶⁴ Деникин А. И... т. 1, с. 160.
- ⁹⁶⁵ Мельгунов С. Как большевики... с. 62.
- ⁹⁶⁶ Самойлова К. Н. Современная безработица и борьба с нею. — Пг. 1918 (Население... т. 1., с. 247).
- ⁹⁶⁷ Мельгунов С. Как большевики... с. 62.
- ⁹⁶⁸ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного прави-тельства, с. 356.
- ⁹⁶⁹ Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 31, 149. (Судьбы... с. 220–226.)
- ⁹⁷⁰ СУ РСФСР. 1917. Отд. 1. № 8. Ст. 111. Население... т. 1, с. 247.
- ⁹⁷¹ Пуанкаре Р... с. 736, прим.
- ⁹⁷² Добровольский С. Ц... с. 126.
- ⁹⁷³ Волобуев П. В... (Судьбы... с. 229).
- ⁹⁷⁴ Волобуев П. В... с. 356. См. также цифры: Выступление ми-нистра финансов Временного правительства Н. Некрасова на Мо-сковском государственном совещании 14 августа. (Милюков П. Н. История... с. 325)
- ⁹⁷⁵ Волобуев П. В... с. 360.
- ⁹⁷⁶ Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции 1914–1921 гг. (Волобуев П. В... с. 361.)
- ⁹⁷⁷ Данные Министерства Финансов. (Волобуев П. В... с. 356.) Эмиссия за октябрь 1917 г. дана в сравнительной оценке автора — В. Г., на основании расчетов за 23 дня Октября П. Волобуева. См. также: Статистический сборник за 1913–1917 гг. (Выпуск второй). Труды Центрального Статистического Управления том VII, выпуск второй, Москва, 1922 // http://istmat.info/files/uploads/10505/stat_sbornik_1913-17_finansi.pdf

- ⁹⁷⁸ Вестник Временного правительства. 11.03.1917 (Судьбы... с. 229).
- ⁹⁷⁹ Судьбы...
- ⁹⁸⁰ Прокопович С. Н. Указ. соч. с. 121 (Волобуев П. В... с. 358).
- ⁹⁸¹ Деникин А. И. (I)... с. 170.
- ⁹⁸² Ленин В. И. Соч. т. 25. стр. 328.
- ⁹⁸³ Keynes, J. M... P. 376.
- ⁹⁸⁴ Киган Д... с. 425–426.
- ⁹⁸⁵ Деникин А. И. (I)... с. 167.
- ⁹⁸⁶ До войны основанием для выпуска кредитных билетов служил золотой запас Госбанка. См. подробнее: Сидоров А. Л... с. 140–150; Волобуев П. В... с. 356.
- ⁹⁸⁷ Телеграмма Министерства иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Вашингтоне о финансовом положении России и финансовой политике правительства. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. — М. — Л., 1957. С. 376–378. АВПР, ф. Канцелярии, д. 99, лл. 631–655. Копия // <http://istmat.info/node/43533>
- ⁹⁸⁸ Погребинский А. Н... с. 236, 263.
- ⁹⁸⁹ Игнатьев... с. 474–475.
- ⁹⁹⁰ Мукосеев. Вестник финансов, 1917, № 38, стр. 332.
- ⁹⁹¹ Прокопович С. Н... стр. 113.
- ⁹⁹² Вестник Временного правительства 17.10.1917.
- ⁹⁹³ Дневник Дж. Бьюкенена, 15.08.1917 (Бьюкенен Дж... с. 321).
- ⁹⁹⁴ Расчитано по курсу лета 1917 г. на базе: Статистический сборник за 1913–1917 гг. (Выпуск второй) Труды Центрального Статистического Управления том VII, выпуск 2, Москва, 1922, с. 96 // http://istmat.info/files/uploads/10505/stat_sbornik_1913-17_finansi.pdf
- ⁹⁹⁵ Рассчитано на базе: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)/ Издание ЦСУ. Москва. 1925, с. 5 // http://istmat.info/files/uploads/33047/rossiya_v_mirovoy_voynе_1914-1918.pdf
- ⁹⁹⁶ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому 14.03.1934 (Советско-американские отношения 1934–1939... с. 58).
- ⁹⁹⁷ Телеграмма Министерства иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Вашингтоне о финансовом положении России и финансовой политике правительства. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ч. 2 — М. — Л., 1957. С. 376–378. АВПР, ф. Канцелярии, д. 99, лл. 631–655. Копия // <http://istmat.info/node/43533>

- ⁹⁹⁸ Экономическое положение России... ч. 2 стр. 384. док. 541.
- ⁹⁹⁹ Расчитано на основании данных: Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства за период с 27 февраля по 25 октября 1917 г. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ч. 2 — М. — Л., 1957. С. 382–387 ЦГАОР, ф. 2281, оп. 1, д. 30, лл. 24–27. Гектогр. *Декабрь 1918 г.* // <http://istmat.info/node/43537>; Данные по эмиссии: Министерства Финансов (*Волобуев П. В.*... с. 356). Эмиссия за октябрь 1917 г. дана в сравнительной оценке автора — В. Г., на основании расчетов за 23 дня Октября П. Волобуева. (*Доходы и Расходы госбюджета в 1917 г.*... Лист 2, 4)
- ¹⁰⁰⁰ *А. де Кюстин*... т. 1, с. 131, 132, 136, 157, 185, 283.
- ¹⁰⁰¹ *А. де Кюстин*... с. 154.
- ¹⁰⁰² Рубакин Н. А... § 8. Сословия в России. Их численность и распределение по лицу земли русской // <http://istmat.info/node/24425>
- ¹⁰⁰³ См. подробнее: *Галин В.* Капитал Российской империи. Практика политической экономии... Гл. Индустриализация, первая попытка.
- ¹⁰⁰⁴ *Валянский С.*... с. 55.
- ¹⁰⁰⁵ Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. 11.1920, с. 2. (*Петров Ю. А.*... с. 117.)
- ¹⁰⁰⁶ *Marquis de Custine.* La Russie en 1839. — Paris, 1846 (*Покровский М.*... с.49)
- ¹⁰⁰⁷ *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 336 с., с. 171.
- ¹⁰⁰⁸ *Мережковский Д. С.* Пророк русской революции. (*Достоевский Ф.*... с. 487).
- ¹⁰⁰⁹ По словам Б. Чичерина 1855 г. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. — М.: АСТ, Мн.: Харвест — 2001. — 336 с., с. 181.
- ¹⁰¹⁰ *Струве П.* «Вехи», 1909.
- ¹⁰¹¹ Вехи 1909 (*Бердяев Н. А., Булгаков С. Н., Гершензон М. О.* и др. Вехи. — М.: Новости, 1990. — 216 с.).
- ¹⁰¹² *Кожин В. В.* О русском... с. 268
- ¹⁰¹³ *Крамарж К. П.* Русский кризис. — Прага, Париж: 1926, с. 193 (*Айрапетов О.*... с. 55).
- ¹⁰¹⁴ *Горчаков Д. П.* Послание князю С. Н. Долгорукову 1807–1811.
- ¹⁰¹⁵ Цит. по: *Кожин В. В.* О русском... с. 10-11

¹⁰¹⁶ *Короленко В.* Письма к Луначарскому (письмо третье). В сборн.: Есть у отечества пророки. — Петрозаводск: Карелия. 1989 г. — 199 с., с. 42–43.

¹⁰¹⁷ «Кто истинный виновник этого?» — журнал «Русское обозрение» за 1896 год. (Цит. по журналу «Русь», Ростов Великий, 1991, № 1).

¹⁰¹⁸ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 269–270.

¹⁰¹⁹ *Достоевский Ф. М.*... т.3, с. 533.

¹⁰²⁰ *Озеров И.*... с. 143.

¹⁰²¹ *Горький М.* 3 марта 1918 г. (*Бунин И.* Горький М... с. 296).

¹⁰²² *Бердяев Н.* Философия неравенства. — Берлин. Обелиск. 1923, с. 16.

¹⁰²³ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции — М.: 1909/1990.

¹⁰²⁴ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 40.

¹⁰²⁵ *Розанов В.* Сочинения. — Л.: Васильевский остров, 1990. — 576 с.

¹⁰²⁶ *Данилевский Н.* Россия и Европа. М.: ЭКСМО. Алгоритм, 2003.

¹⁰²⁷ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 70.

¹⁰²⁸ *Герцен* (*Бунин И.* Окаянные дни (*Бунин И.* Горький М... с. 127)).

¹⁰²⁹ *Милюков П. Н.* История... с. 11.

¹⁰³⁰ *И. А. Ильин.* Русская революция была катастрофой (1949) // *И. А. Ильин.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России (Статьи 1948— 1954 гг.). М., 1992. Т. 1, с. 108 (*Кара-Мурза А., Поляков Л.*... с. 102).

¹⁰³¹ *Достоевский Ф. М.*... т. 3, с. 463–464.

¹⁰³² *Раупах Р. Р.*... с. 39

¹⁰³³ *Деникин А. И.*... т. 2, с. 129–132.

¹⁰³⁴ *Воейков В. Н.*... с. 270.

¹⁰³⁵ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 62.

¹⁰³⁶ Вехи 1909 (*Бердяев Н. А., Булгаков С. Н., Гершензон М. О.* и др. Вехи. — М.: Новости, 1990. — 216 с.).

¹⁰³⁷ *Vitte С. Ю.*... т. 1.

¹⁰³⁸ Первая записка Николаю II С. Витте о крестьянском беспорядке — 1898 г. После крестьянских восстаний 1902 г. во главе с Витте было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности (*Vitte С.* Записки по крестьянскому вопросу). В Особом совещании ключевую роль играл сподвижник Витте А. Рит-

тих, позже сотрудник П. Столыпина, а еще позже министр земледелия. Двоюродный брат отца Д. А. Столыпин возглавлял комиссию Императорского московского общества сельского хозяйства по исследованию вопроса об устройстве крестьянских хуторов на владельческих землях 1874–1889 гг.

¹⁰³⁹ Ленин В. «Столыпин и революция». 18.10.1911. «Социал-демократ» (Федоров Б. Г... с. 465).

¹⁰⁴⁰ Новое время, 3.10.1909 (Шульгин В. В... с. 24).

¹⁰⁴¹ Герцен. Русский народ и социализм, письмо к Мишле, 1851 (Покровский М... с. 171–172).

¹⁰⁴² Маркс К. Письмо В. Засулич. 1881.

¹⁰⁴³ Keyserling. «Reisetagebuch eines Philosophen». Darmstadt, 1919 (Шубарт В... с. 159).

¹⁰⁴⁴ Кропоткин П. А. «Взаимная помощь как фактор эволюции». Первое издание Лондон 1902. — СПб. 1907.

¹⁰⁴⁵ Шубарт В... с. 177.

¹⁰⁴⁶ Энгельсгард. Письма из деревни, с. 320.(Покровский М... т. 3, с. 200).

¹⁰⁴⁷ Озеров И... с. 116.

¹⁰⁴⁸ Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы Гражданской войны. — Париж, 1929, с. 47, 48 (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 427). Л. Корнилов: «Печальный опыт революции показал полную несостоятельность власти, созданной представителями различных нынешних политических партий, слишком связанных в своих действиях мертвой буквой программы» (Политическая программа ген. Корнилова (Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 500)).

¹⁰⁴⁹ Палеолог М... 25 января 1916 г., с. 430.

¹⁰⁵⁰ Бьюкенен Дж... с. 365.

¹⁰⁵¹ Шубарт В... с. 295–296.

¹⁰⁵² Маркс К. Письмо В. Засулич. 1881.

¹⁰⁵³ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии... с. 276.

¹⁰⁵⁴ Маркс К. Письмо В. Засулич. 1881.

¹⁰⁵⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999, С. 102

¹⁰⁵⁶ Вернадский В. И. Из размышлений по аграрному вопросу в России. — «Вопросы истории естествознания и техники». 1989, № 1. С. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы. М.: Алгоритм, 2002. С. 98–99.

¹⁰⁵⁷ Бердяев Н. А... с. 242–243.

¹⁰⁵⁸ Дементьев Е. М. Фабрика, 2-е изд., с. 164–183 (*Покровский М...* с. 303–304).

¹⁰⁵⁹ Туган-Барановский. Русская фабрика, с. 449 (*Покровский М...* с. 304)

¹⁰⁶⁰ *Покровский М...* т. 3, с. 202.

¹⁰⁶¹ Достоевский Ф. Дневник писателя. 1881 год. Январь.

¹⁰⁶² Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...

¹⁰⁶³ Воспоминания Янжула И. И. о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 1. — СПб: 1910, с. 128 (*Савченко...*).

¹⁰⁶⁴ Бисмарк О... т. 2, с. 514.

¹⁰⁶⁵ Макдоно Д... с. 431

¹⁰⁶⁶ Аврех А. Я. Распад третьей юнкерской системы. — М.: 1985, с. 15, 16. (*Кожин В. В...* с. 29.)

¹⁰⁶⁷ Палеолог М. Царская Россия во время 1-й мир. войны, пер. с франц., М., 1991... 2 июня 1915 г., с. 172–173; См. также: *Уткин А. И...* с. 164.

¹⁰⁶⁸ Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1901. — М.: Молодая гвардия, 1991.

¹⁰⁶⁹ Шелохаев В. В...

¹⁰⁷⁰ Кара-Мурза С... с. 93.

¹⁰⁷¹ Милюков П. Н... с. 243.

¹⁰⁷² Горький М. 7 апреля 1918 г. (*Бунин И. Горький М...* с. 317).

¹⁰⁷³ П. Милюков говорил, что он, председатель Совета министров кн. Г. Львова, был исполнителем его политики (*Милюков П. Н...* с. 564–565).

¹⁰⁷⁴ См: Речь П. Столыпина об устройстве быта крестьян и о праве собственности. Госдума, 10.05.1907 (*Рыбас С. Ю...* с. 291).

¹⁰⁷⁵ Славинский М. А. Русская интеллигенция и национальный вопрос. Интеллигенция в России. (Анти-Вехи... с. 208.) Кадеты, не имевшие своей национальной программы, использовали для прояснения своих взглядов на нее работу М. Славинского, включив ее в свой сборник «Интеллигенция в России».

¹⁰⁷⁶ См. подробнее: *Милюков П. Н. История...* с. 286–290.

¹⁰⁷⁷ Шульгин В. В... с. 169–170.

¹⁰⁷⁸ Шульгин В. В... с. 169–170.

¹⁰⁷⁹ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 143).

- ¹⁰⁸⁰ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916 (Буржуазия накануне Февральской революции... с. 143).
- ¹⁰⁸¹ Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 31, 149 (Судьбы... с. 220–226).
- ¹⁰⁸² *Милюков П. Н.*... с. 385.
- ¹⁰⁸³ *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... т. 1, с. 280.
- ¹⁰⁸⁴ Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 31, 149. (Судьбы... с. 220–226).
- ¹⁰⁸⁵ *Покровский М.*... т. 3, с. 201.
- ¹⁰⁸⁶ В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг. Н. С. Русанов — искатель истины в социализме. — «Отечественная история», 1995, № 6. (*Кара-Мурза С.*... 139–140.)
- ¹⁰⁸⁷ *Покровский М.*... т. 3, с. 217.
- ¹⁰⁸⁸ Семнюта Ц. Из воспоминаний об А. И. Желябове // Былое, 04.1906 (*Покровский М.*... с. 220–221).
- ¹⁰⁸⁹ *Бушков А.*... с. 91.
- ¹⁰⁹⁰ *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997.
- ¹⁰⁹¹ *Чернов В.*... с. 111–112.
- ¹⁰⁹² *Чернов В.*... с. 370.
- ¹⁰⁹³ Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — М.: 1993, с. 349 (*Кожин В. В.*... с. 239).
- ¹⁰⁹⁴ *Чернов В.*... с. 369.
- ¹⁰⁹⁵ *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть... с. 359.
- ¹⁰⁹⁶ *Гинс Г. К.*... с. 664.
- ¹⁰⁹⁷ *Гинс Г. К.*... с. 54.
- ¹⁰⁹⁸ *Пришвин М.* Дневник, март 1917 (*Кара-Мурза С.*... с. 217).
- ¹⁰⁹⁹ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003.
- ¹¹⁰⁰ *Миртов (Лавров).* Исторические письма, 3-е изд., с. 345 (*Покровский М.*... с. 202).
- ¹¹⁰¹ *Миртов (Лавров).* Исторические письма, 3-е изд., с. 43 (*Покровский М.*... с. 203–204).
- ¹¹⁰² *Покровский М.*... с. 204.
- ¹¹⁰³ *Мартов Ю.* Известия, 11 октября 1917 г.
- ¹¹⁰⁴ *Кара-Мурза С.*... с. 142.
- ¹¹⁰⁵ *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть... с. 359.
- ¹¹⁰⁶ «Новая жизнь» 29 сентября 1917 г. (*Милюков П. Н.* История... с. 539)

- ¹¹⁰⁷ Суханов Н. Н. Записки о революции. — М: 1992. Т. 3. Кн. 7. С. 343 (Хрестоматия... с. 410).
- ¹¹⁰⁸ Милюков П. Н. История... с. 12.
- ¹¹⁰⁹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция ... т. 1, с. 13.
- ¹¹¹⁰ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 99; п.п.: Лондон, 1937, на англ. яз. (Кара-Мурза А., Поляков Л... с. 67).
- ¹¹¹¹ Чернов В... с. 303–304.
- ¹¹¹² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. — М: Военное издательство МО СССР, 1957, с. 107.
- ¹¹¹³ Деникин А. Очерки русской смуты, т. 1, вып. 2, с. 195. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция ... т. 1, с. 154).
- ¹¹¹⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция... т. 1, с. 206.
- ¹¹¹⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция ... т. 1, с. 482.
- ¹¹¹⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция ... т. 1, с. 171–172.
- ¹¹¹⁷ Милюков П. Н. История... с. 5.
- ¹¹¹⁸ Булгаков С. Н. «Христианство и социализм», 1917. (Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...)
- ¹¹¹⁹ Милюков П. Н... с. 547.
- ¹¹²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 13, с. 7.
- ¹¹²¹ Чернов В... с. 108–109.
- ¹¹²² Чернов В... с. 390.
- ¹¹²³ Маслов П. Тенденции развития сельского хозяйства. Научное обозрение № 2, 1901 г., с. 100 // <http://science-review.ru/?section=content&op=show&id=116>
- ¹¹²⁴ Чернов В... с. 109–110.
- ¹¹²⁵ Чернов В... с. 390.
- ¹¹²⁶ Чернов В... с. 110–111.
- ¹¹²⁷ Чернов В... с. 110–111.
- ¹¹²⁸ Преображенский Е. Перспективы Новой экономической политики.
- ¹¹²⁹ Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции — ПСС, Т. 31. С. 113–118.
- ¹¹³⁰ Плеханов Г. В. «Единство», 1917. № 5.
- ¹¹³¹ Чернов В... с. 393–394.
- ¹¹³² Суханов Н. Записки о революции: в 7 томах. — Берлин, 1920. т. 3. с. 57. (Геллер М., Некрич А...)
- ¹¹³³ Кара-Мурза С... с. 135.
- ¹¹³⁴ Бердяев Н. А... с. 382.

¹¹³⁵ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Глава V. Классический марксизм и марксизм русский.

¹¹³⁶ Войтинский В. С... с. 65.

¹¹³⁷ Милуков П. Н... с. 299–300.

¹¹³⁸ Северное эхо. 1917. 22 декабря.

¹¹³⁹ Вестник Партии Народной Свободы. 1917. № 29/30. С. 2.

¹¹⁴⁰ Деникин А. И... т. 1, с. 123.

¹¹⁴¹ Деникин А. И... т. 1, с. 128.

¹¹⁴² Раупах Р. Р... с. 290.

¹¹⁴³ Милуков П. Н. История второй русской революции... с. 6.

¹¹⁴⁴ Мартынов А. Великая историческая проверка. «Красная Новь», 1923, № 4. (Г. И. Ильишук и В. И. Миллер в кн.: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. Москва, 1993.)

¹¹⁴⁵ Коржавин Н. Наивность. 1963.

¹¹⁴⁶ Ленин В. Государство и Революция. Сентябрь 1917 г.

¹¹⁴⁷ Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Военно-исторический журнал. 1993, № 9. С. 65–69 (Шацилло В. К... с. 457–458)

¹¹⁴⁸ Гайдар Е., Мау В... № 6, с. 37.

¹¹⁴⁹ Ленин В. Государство и Революция...

¹¹⁵⁰ Маркс. «Критика Готской программы» (Ленин В. Государство и Революция... август-сентябрь 1917 г.).

¹¹⁵¹ Ленин В. И. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», сентябрь 1917 г.

¹¹⁵² Тот Каутский, который во всей своей предшествующей политической и научной деятельности утверждал как раз обратное. (Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. СПб.: «Экономист», 1922 г. Новый мир. № 8. 1990.)

¹¹⁵³ Ленин В. И. «Главная задача наших дней. О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», содержит две статьи от 11.03 и 5.05.1918.

¹¹⁵⁴ Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. 10–14.09.1917. ПСС т. 34, с. 151–199.

¹¹⁵⁵ «Коммунист», 1918, № 1, с. 18

¹¹⁵⁶ Мау В. А., Стародубровская И. В... с. 139.

¹¹⁵⁷ Ленин В. И. «Главная задача наших дней. О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», содержит две статьи от 11.03 и 5.05.1918.

- ¹¹⁵⁸ Карсавин Л. П. Философия истории. — Берлин: 1923.; СПб: 1993, с. 307, 308, 309 (Кожин В. В... с. 160–161).
- ¹¹⁵⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 79, 80, 82 (Кожин В. В... с. 242).
- ¹¹⁶⁰ Уэллс Г. Россия во мгле. Собр. соч., т. 5. — М.: Правда, 1964.
- ¹¹⁶¹ Ленин В. ПСС, т. 26, с. 354.
- ¹¹⁶² Гайдар Е., Мау В... № 6, с. 37.
- ¹¹⁶³ Соколов Б. Ф... с. 377
- ¹¹⁶⁴ Робинс. Дневник, 14.11.1917, 15.11.1917, Robins Papers, box 42, WSHS; R. H. Bruce Lockhart, British Agent, NY, 1933, p. 222 (Дэвис Д. Э., Трани Ю. П... с. 140–141)
- ¹¹⁶⁵ Чернов В... с. 304.
- ¹¹⁶⁶ Берс А. А. Религиозные запреты на пищу. Научное обозрение № 3 1901 г., с. 20 // <http://science-review.ru/?section=content&op=show&id=128>
- ¹¹⁶⁷ Катехизис Католической церкви. &1029–1030
- ¹¹⁶⁸ Вебер М... с. 191.
- ¹¹⁶⁹ Вебер М... с. 148.
- ¹¹⁷⁰ Вебер М... с. 215, прим. 31.
- ¹¹⁷¹ Вебер М... с. 202.
- ¹¹⁷² R. H. Tawney. Religion and the Rise of Capitalism, New York: Harcourt, Brace & Co., 1926, pp. 188–189. Бродель приписывает те же взгляды Зомбарту. Braudel. Wheels of Commerce, p. 568 (Розенберг Н., Бирдцелл, мл. Как запад стал богатым. Пер. Б. Пинскер. Новосибирск.: Экор. 1995. — 352 с.).
- ¹¹⁷³ Вебер М... с. 91.
- ¹¹⁷⁴ Шубарт В. Европа... с. 189
- ¹¹⁷⁵ Шубарт В. Европа... с. 191
- ¹¹⁷⁶ Кейнс Дж. М. Беглый взгляд на Россию. 1925 г. / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с., с. 923.
- ¹¹⁷⁷ Tillich P. Christianity and the Encounter of the World Religions. — New York, London, 1963. Цит. по: Забияко. «Теологические трактовки квазирелигий».
- ¹¹⁷⁸ Кара-Мурза С... с. 146.
- ¹¹⁷⁹ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М.: REFL-book, 1994. — 352 с., с. 178, 179.
- ¹¹⁸⁰ Макконелл К., Брю С. Экономикс... т.2, с. 279.
- ¹¹⁸¹ Шубарт В. Европа... с. 68, 71.
- ¹¹⁸² Шубарт В. Европа... с. 71–72.
- ¹¹⁸³ Хайек Ф. Дорога к рабству.

- ¹¹⁸⁴ *Шубарт В.* Европа... с. 180, 119.
- ¹¹⁸⁵ *Кара-Мурза С...* с. 268.
- ¹¹⁸⁶ *Шубарт В.* Европа... с. 43–44
- ¹¹⁸⁷ *Кейнс Дж. М.* Беглый взгляд на Россию. 1925 г. / *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с., с. 926.
- ¹¹⁸⁸ Цит. по: *Кюстин А...* т. 2 с. 141.
- ¹¹⁸⁹ *Столыпин П. А.* Речь о вероисповедальных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенная в государственной Думе 22.05.1909 (*Рыбас С...* с. 339).
- ¹¹⁹⁰ Записки Чанселлора. Открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай 1553. — Архангельск. Правда Севера. 1998, 126 с.
- ¹¹⁹¹ *Флетчер Дж.* О государстве Русском. 1589. Накануне смуты. История отечества. — М.: Молодая гвардия. 1990, 623 с., с. 571.
- ¹¹⁹² *Никон / А. Заозерский.* Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003.
- ¹¹⁹³ *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912, Т. 2, стр. 9
- ¹¹⁹⁴ *Кюстин А...* т. 1, с. 287.
- ¹¹⁹⁵ *Рындзюнский П. Г.* Старообрядческая организация в условиях промышленного капитализма. Вопросы истории, религии и атеизма. Вып. 1. М., 1950.
- ¹¹⁹⁶ *Кюстин А...* т. 1, с. 383, 15.
- ¹¹⁹⁷ *Булгаков С. Н.* Два града... с. 741.
- ¹¹⁹⁸ *Шарапов С. Ф.* Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок — Новая книга, 1998. 112 с., с. 42.
- ¹¹⁹⁹ *Аксаков И. С.* Собр. соч., тт. 4 и 6 (*Шубарт В.* Европа... с. 195–196).
- ¹²⁰⁰ *Витте С. Ю...* т. 1, с. 522.
- ¹²⁰¹ *Милюков П. Н...* с. 398.
- ¹²⁰² *Столыпин П. А.* Речь о вероисповедальных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенная в государственной Думе 22.05.1909 (*Рыбас С...* с. 337).
- ¹²⁰³ *Бердяев Н. А...* с. 241.
- ¹²⁰⁴ *Фадеев Р. А...* с.161–162.
- ¹²⁰⁵ *Александр М...* с. 318.
- ¹²⁰⁶ *Бердяев Н. А...* с. 241.
- ¹²⁰⁷ *Бердяев Н. А...* с. 242–243.
- ¹²⁰⁸ *Чаадаев П. Я...* с. 25.

¹²⁰⁹ Степун Ф. А. Бесы и большевистская революция. (Кьеркегор С. Литературное сообщение 1846 г.) *Достоевский Ф.М.*... с. 683.

¹²¹⁰ Кестлер А. Автобиография. Фрагменты книги. Иностранная литература, 2002, № 7, с. 210–211. *Rothbard M.* Classical Economics. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. Vol. II. Cheltenham-Northampton MA, Edward Elgar, 1995, p. 319–321 (*Гайдар Е., Май В.*... № 5).

¹²¹¹ Шубарт В. Европа... с. 216

¹²¹² Шубарт В. Европа... с. 188.

¹²¹³ Шубарт В. Европа... с. 197–198

¹²¹⁴ Шубарт В. Европа... с. 199.

¹²¹⁵ Шубарт В. Европа... с. 200.

¹²¹⁶ Вебер М... с. 254, примечание 219.

¹²¹⁷ *Baxter.* Christian Directory, I, p. 108, 376 (*Вебер М.*... с. 254, прим. 222).

¹²¹⁸ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 99; п.п.: Лондон, 1937, на англ. яз. (*Кара-Мурза А., Поляков Л.*... с. 67).

¹²¹⁹ Мельников Ф. Е. «Марксизм и Атеизм» 1935, с. 216.

¹²²⁰ Деятели СССР и рев. движения в России. М., 1989, с.191.

¹²²¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. — М.: 1959, с. 418–424. (Хрестоматия... с. 345–347.)

¹²²² Кейнс Дж. М. Беглый взгляд на Россию. 1925 г. / Кейнс Дж... с. 924, 925.

¹²²³ Н. Бердяев на допросе у Дзержинского накануне высылки за границу. 1922. См. также: *Бердяев Н. А.*... с. 478.

¹²²⁴ *Бердяев Н. А.*... с. 243–244.

¹²²⁵ *Бердяев Н. А.*... с. 243–244.

¹²²⁶ Булгаков С. Н. Два града... (гл. 5. Социализм как секуляризованный хилиазм), с. 26.

¹²²⁷ *Бердяев Н. А.* Философия свободы, 1911.

¹²²⁸ *Кара-Мурза С.*... с. 264.

¹²²⁹ *Бердяев Н. А.* Истоки... с. 129.

¹²³⁰ Кейнс Дж. М. Беглый взгляд на Россию. 1925 г. / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с., с. 914.

¹²³¹ Пришвин М. Дневник. 6 декабря 1918 г., 8 января 1919 г.

¹²³² *Бердяев Н. А.*... с. 241.

¹²³³ *Бердяев Н.* «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937); «Русская Идея» (1946) (*Шубарт В.*...).

- ¹²³⁴ Бердяев Н. А... с. 243–244.
- ¹²³⁵ Бердяев Н. А. Истоки... с. 116.
- ¹²³⁶ М. Горький. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 26 мая 1918. № 100, с. 174–175. (Горький М. 26 мая 1918 г. (Бунин И. Горький М... с. 355)).
- ¹²³⁷ Шубарт В... с. 176.
- ¹²³⁸ Бердяев Н. А. Истоки... с. 119.
- ¹²³⁹ Бунин И. Великий дурман. (Бунин И. Окаянные дни... с. 87).
- ¹²⁴⁰ Карр Э. История Советской России: Большевицкая революция 1917–1923. Т. 1–2. — М.: 1990. с. 97. (Судьбы... с. 226–232.)
- ¹²⁴¹ Бердяев Н. А... с. 242–243.
- ¹²⁴² Шубарт В. Европа... с. 84
- ¹²⁴³ Бердяев Н. А... с. 473–474.
- ¹²⁴⁴ Мартнов Ю. Известия, 11 октября 1917 г.
- ¹²⁴⁵ Pettee George S. The Process of Revolution. — New York: Harper, 1938. P. 100. (Мау В. А., Стародубровская И. В... с. 381.)
- ¹²⁴⁶ Бердяев Н. А... с. 357.
- ¹²⁴⁷ Бердяев Н. Философия неравенства. — Берлин. Обелиск. 1923, с. 9.
- ¹²⁴⁸ Шульгин В. В. Дни... с. 112.
- ¹²⁴⁹ Паркинсон С. Законы Паркинсона. Закон вакуума.
- ¹²⁵⁰ Раупах Р. Р... с. 294–295.
- ¹²⁵¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 114–115; п.п.: Лондон, 1937, на англ. яз. Русский коммунизм и революция, ч. 3.
- ¹²⁵² Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 102 (Судьбы... с. 220–226). См. также: П. Б. Струве. Размышления о русской революции (1919) / Избранные произведения. М., 1999, с. 286.
- ¹²⁵³ Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. — М., СПб, 1992, с. 271–272, 354 (Кожин В. В... с. 161–162).

Научно-популярное издание

Василий Галин

**1917 ГОД.
ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИИ**

*Редактор Иванова С.Е.
Художник Протопопов Б.Б.*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 11.03.16. Подписано в печать 13.04.16.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 11,5 Тираж 600 экз. Заказ № 1516.